

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ В РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ*

Последние десятилетия XX и начало XXI века ознаменовались глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знания, в самой методологии социальных и гуманитарных наук. В этом общем интеллектуальном контексте произошла радикальная перестройка современной исторической науки. Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый «культурный поворот», в котором получили свое отражение как небывало возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в истории, так и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии. Сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций — одна из центральных проблем современной исторической науки¹.

Насущные проблемы современного человечества требуют решительного отказа от доминирующих моделей, которые по существу все еще выстраивают исторические процессы и события отдаленного и недавнего прошлого в европоцентристской перспективе, и обращения к мировой истории как истории действительно *всеобщей*, что обязательно предполагает развитие и разработку новых методик компаративного анализа, способных не только выявить общее и особенное, но и дать целостное представление об истории человечества в ее целостности и взаимосвязанности.

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках исследовательского проекта № 06-01-00453а «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад».

¹ Новый поворот привел и к интенсивной разработке различных аспектов проблемы «мест памяти» и «исторической мифологии», которой посвящены уже не десятки, а сотни исследований.

Эта задача невероятно трудна. Размышляя о ней в середине 1990-х годов и видя, что «подлинные трудности» состоят не в постмодернистском вызове как таковом, а «скрываются в необходимости преодолеть изначальный заряд европоцентризма в истории», выдающийся французский историк Морис Эмар не испытывал большого оптимизма: «Сможем ли мы выйти за рамки нашей культуры, чтобы воспринять, понять и, насколько это возможно, освоить мировоззрения других народов, которые вовлечены в колоссальную работу по написанию своей собственной истории, будучи не в состоянии довольствоваться тем местом, которое было им уготовано в нашей истории? Мало кто из нас готов сделать усилие и приобрести необходимые знания, чтобы встретиться лицом к лицу этот вызов... Вопрос стоит о создании совершенно нового мира во множественном числе, мира, в котором историк, используя отпущенные ему средства, сделает возможным диалог людей с разнообразными культурами — как в прошлом, так и в настоящем»².

В этой связи специалист в области истории мысли не может не обратить внимание на смысловую трансформацию и национальные воплощения европейской идеи универсальной истории, которая прошла большой путь на протяжении нескольких столетий истории Нового времени. Как же изменялось содержание понятия всеобщей истории в отечественной интеллектуальной традиции? С самого введения этого термина (в начале XIX в.) он имел несколько значений. Главные сдвиги происходили в их соотношении, и динамика этих изменений совпадает с ключевыми фазами в долгом процессе российской модернизации: в первой половине XIX в., в конце XIX – начале XX в., в конце 1990-х гг. – начале XXI столетия. Заслуживает внимания то, что в эти исторические моменты идея всеобщей истории оказывалась значимой не только для профессиональных историков, но и для более широкого круга российских интеллектуалов, принимавших участие в острых публичных идейно-политических дискуссиях о перспективах национальной истории.

В российской общественно-политической мысли рубежа XVIII–XIX вв. тесные культурные и интеллектуальные связи между Россией и Западной Европой воспринимались как естественные. Но модернизация и европеизация российских элит в этот период произвела негативную реакцию и вызвала враждебность как к самой модернизации, так и к западной культуре, которая воплотилась в первые десятилетия XIX века в официальной идеологии и позднее в славянофильском ин-

² Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Вып. 1 (119). М., 1995. С. 22.

теллектуальном движении. После декабрьских событий 1825 года и в 1830-е гг. в государственной культурной политике сформировалась идея национальной самобытности и «официальной народности». Принципы «православия, самодержавия и народности» широко пропагандировались в учебниках, лекциях, популярных брошюрах. В этой атмосфере философское осмысление исторического пути России с такими главными темами, как культурные и интеллектуальные связи России и «Запада» и оценка западноевропейского социально-политического строя, заняло центральное место в трудах и лекциях ведущих общественных и государственных деятелей, ученых, сохранявших свою приверженность культу знания и разума, идеям европейского Просвещения, и в жарких публичных дебатах.

Влияние славянофильской идеологии было очень сильным в интеллектуальных кругах, среди так называемой «старой профессуры». Ситуация начала быстро меняться в 1840-е годы, когда новое поколение ученых заняло ведущие позиции в университетах, а их публичные лекции по всеобщей истории стали собирать большие аудитории. Понятие всеобщей истории было центральным для так называемой западнической идеологии. В то время многие российские ученые, студенты университетов и более широкая образованная публика проявляла огромный интерес к истории западноевропейских стран, которые уже испытали процесс модернизации и формирования современных общественных и политических институтов, процесс, который — как они считали — является универсальным для всех народов, и в который Россия в тот момент должна была вступить. Большинство западников были сторонниками конституционной монархии. Они связывали социальные реформы с заимствованием западноевропейских достижений. Веря в «уроки истории», они пытались отобрать наиболее ценные явления западного исторического опыта и применить их к российскому настоящему и будущему. Но философские и исторические концепции большинства оригинальных мыслителей данной ориентации не укладывались в «прокрустово ложе» этих довольно схематически обозначенных общих черт западнической идеологии.

И в первую очередь это относится к Т. Н. Грановскому (1813–1855), который был настоящим лидером западнического интеллектуального движения и главным пропагандистом идеи всеобщей истории в 1840-е и до середины 1850-х гг. Формирование его идеи всеобщей истории, несомненно, восходит к годам его учебы (1836–1839) в Европе, прежде всего в Германии, где он посещал, в частности, лекции Ле-

опольда фон Ранке. Там он всерьез заинтересовался гегелевской философией и позднее в течение всей своей жизни критически переосмысливал ключевые идеи гегелевской философии истории с ее видением конечной цели развития в субъективной свободе человека как индивида и как универсального существа.

Именно в то время сформировались исторические взгляды Грановского и его понимание всеобщей истории. И это последнее не совпадало с гегелевским понятием «Всеобщей Истории» как первым типом «Рефлексивной Истории», которая стремится обозреть всю историю какого-либо народа и склонна к абстрактным обобщениям. Идеал всеобщей истории Грановского имел более широкую перспективу, намного более обширное исследовательское пространство и очевидные соответствия с гегелевским идеалом «Философской истории» и «Философского Историка», с его задачей и способностью постичь поступательное движение в направлении к конечной свободе и достичь истинного понимания Всеобщего, которое может быть осуществлено только через осознание того, что история является рациональным процессом, управляемым универсальными, рациональными законами.

Вернувшись в Россию в 1839 г. Грановский начал читать лекции на кафедре всеобщей истории Московского университета, а незадолго до своей безвременной кончины ему было поручено Министерством просвещения написать учебник по всеобщей истории. К сожалению, у него хватило времени только на две первые главы, в которых он дал яркие характеристики народов и эпох всеобщей истории и очертил главное направление исторического развития. Главным предметом собственных исследований Т. Н. Грановского была история Западной Европы в средние века, однако его ученая эрудиция далеко превосходила эти границы и охватывала древнюю и новую историю Западной Европы, как и историю России, знание которой давало основу для его сравнительных очерков, позволяя искать ключ к загадочным явлениям российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории³. Он верил в то, что его эпоха открывает новую перспективу для русского народа, прежде отстраненного от общего развития европейских народов.

Идея всеобщей истории Грановского была поистине всеобъемлющей историей человечества. Его понимание истории было абсолютно лишено националистических предрассудков. Он подчеркивал, что история любого народа (включая не-европейские) заслуживает

³ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 239.

изучения⁴. Он также утверждал, что в непрерывной преемственности всеобщей истории происходит постоянная смена ее «лидеров», т. е. тех народов, которым их предшествующие достижения дали возможность ввести новый принцип в общую историческую жизнь. В способности постичь этот новый принцип он видел необходимое условие «удержания» так называемых «старых, стареющих народов» в историческом процессе.

Во вводной лекции по истории историографии Грановский дал пространное изложение своего понимания различия между частной (локальной или национальной) и универсальной или всеобщей историей. Заметив, что концепция всеобщей истории не могла бы сложиться в отсутствие какого-либо представления о человеческой цивилизации, он обнаружил ее корни в христианстве, но связал ее реализацию с современной философией истории. Он, в частности, указывал: «Только с введением христианства могла возникнуть всеобщая история... В наше время всякому историку понятна цель науки, всякий сознает ее идеал, но нет еще произведения, где бы эта идея осуществилась, и долго еще пройдет, пока цель, высказанная Диодором Сицилийским, — *всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека* (курсив мой. — Л. Р.) — осуществится...»⁵. Далее Грановский говорит о том, что «всемирную историю не должно смешивать с всеобщей историей. Первая, т. е. всемирная, история требует количества фактов; чем больше фактов, чем больше народов входят в ее состав, тем цель ее лучше достигнута; вторая, т. е. всеобщая, обращает главное внимание на качество фактов, и потому она не без разбора их принимает... Направление эмпирическое, выразившееся под формой всемирной истории, *ложно в том отношении, что оно совершенно оставляет в стороне человека; оно довольствуется одними фактами и забывает развитие рода человеческого, что должно составлять сущность истории* (курсив мой. — Л. Р.)». Грановский, утверждал, что «всеобщая история должна иметь предметом развитие духа рода человеческого»; «во всеобщую историю можно внести те факты, в которых выразилось сознание, которые характеризуют духовную жизнь, духовное движение народа»⁶.

⁴ Развивая эту идею, он писал: «Тот не историк, кто неспособен перенести в прошедшее живого чувства любви к ближнему и узнать брата в отдаленном от нас веками иноплеменнике» (Соч. 4-е изд. М., 1900. С. 29).

⁵ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. С. 300-302.

⁶ Там же. С. 307-309, 313-314, прим. е – е.

Традиции всеобщей истории в России были продолжены самым спороспособным учеником Грановского В. И. Герье и учениками последнего — выдающимися учеными так называемой русской исторической школы пореформенного периода (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов и др.).

В. И. Герье вырос на традициях немецкой философии истории, основной сферой его интересов была история идей, и он предвзял свои лекционные курсы по всем периодам всемирной истории специальным экскурсом в философию истории, опираясь на понимание истории как универсального процесса. История для Герье была исключительно всемирной историей, в смысле истории всего человечества, движимой развитием идей. Герье считал, что Грановский сделал всеобщую историю путеводной нитью, которая связывает русских с прошлым и указывает определенное направление в будущее. Он писал о том, что всеобщая история имеет для русских особое значение, по сравнению с представителями западных стран, которые не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, ибо всеобщая история оборачивается взаимодействием тех же самых наций. Для русского же всеобщая история — это история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на заверченный процесс.

Историки «русской школы» считали Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, а их исторические штудии стимулировались общественными дискуссиями вокруг перспектив российской модернизации. При этом они всегда признавали самобытность России и совершенно недвусмысленно выражали убеждение в необходимости учитывать национальные традиции и специфику внутреннего развития, культурно-историческое наследие⁷ — короче, все те характеристики, которые мы теперь назвали бы цивилизационными основаниями исторического процесса.

П. Г. Виноградов в публичной лекции, посвященной Грановскому, отмечал:

«Грановский был именно создан для всеобщей истории... Любопытно, что именно русский историк проявил необыкновенное дарование в этой области — любопытно и естественно. Не будет парадоксом сказать, что именно всеобщая история должна быть русской наукой»⁸.

⁷ Кареев Н. И. Из лекций по общей теории истории. Часть II. Историология. Теория исторического процесса. СПб., 1915. С. 266.

⁸ Русская мысль. 1893. № 4. С. 58.

Н. И. Кареев в своей известной речи на торжественном акте Петербургского университета (1896 г.) подчеркнул, возвращаясь к этой мысли не один раз:

«Он был первый на кафедре всеобщей истории, который отрешился от взгляда на этот предмет, как на механическое соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах коего совершается единый по своему существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития»⁹.

Одна из лучших практических разработок идеи всеобщей истории — серия учебников для школ, написанная Н. И. Кареевым по всем частям и периодам мировой истории. Главная черта этих текстов — интегральная презентация исторического процесса.

В советский период в условиях абсолютного доминирования марксистской интерпретации истории использование понятия «всеобщая (универсальная) история», не будучи проблематизировано, все более и более сводилось к техническому термину и часто просто означало «историю зарубежных стран» в противопоставлении отечественной истории. Это значение постоянно воспроизводилось в номенклатуре профессиональных специализаций историков, в заглавиях лекционных курсов, исследовательских публикаций и учебников, в названиях университетских кафедр и академических институтов. В 1968 г. в точном соответствии с этим значением термина Институт истории АН СССР был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории.

Сегодня представляется невозможным ни оставаться в прежнем «техническом» разделении, ни применять старое понятие всеобщей истории к современному видению мировой истории как совокупности различных частных, локальных и национальных процессов. Сторонники современных версий макроистории задаются вопросом: как следует писать «историю мира»? Некоторые из них описывают мировую историю как историю всех народов, альтернативную европоцентристским концепциям прошлого. Так или иначе, стараясь представить мировую историю не просто как сумму частных и локальных историй, но как нечто целостное, мы немедленно оказываемся в перспективе того или иного рода *всеобщей* (универсальной) истории.

⁹ Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. Изд. 2-е. СПб., 1899. С. 2.

К 240-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

И. Е. Рудковская (Томск)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИР ДРЕВНЕЙ РУСИ В ГЛАВНОМ ТРУДЕ Н. М. КАРАМЗИНА

К 240-летию со дня рождения Николая Михайловича Карамзина историографическая наука подходит, так и не определившись с той ролью, которую было суждено сыграть «Истории государства Российского» в отечественном научном и политическом пространстве. Уже 180 лет главный труд великого историка продолжает свой путь без своего творца. Не будучи абсолютным первопроходцем на поприще российской истории, Карамзин был по праву назван Колумбом отечественной истории. Труд «последнего летописца» формировал и историческое, и политическое мышление нескольких поколений, причем как своих сторонников, так и противников, вырвавшихся на его критику.

Политическое кредо Карамзина оказало несомненное влияние на правителей Российской империи из рода Романовых, авторитетом личности историографа освящавших и то неизменное, что сохраняли, и те перемены, на которые решались. Осталось множество свидетельств преломления идей Карамзина в философском, мемуарном, эпистолярном, поэтическом наследии XIX века. «История государства Российского» создала вокруг себя мощное полемическое поле, в значительной мере предопределившее и палитру научных дискуссий¹, и возможность институционализации исторического образования в России, и трансформацию политического мировоззрения российского общества. Сегодня, когда историки рассматривают междисциплинар-

¹ Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

ный синтез как магистральный путь развития исторического знания, когда признается значимость постмодернистского сближения истории и литературы, когда формулируется задача «расщепить» себя на «автора» и «повествователя»², историографический эксперимент Карамзина получает шанс быть понятым не только с точки зрения источниковедения, не только как памятник литературы, не только как подтверждение политических предпочтений автора.

Особенности историографической традиции эпохи Просвещения, специфика источников, само название обусловило приоритетность исследования Карамзиным именно политической сферы. Это позволяет сосредоточить внимание на представленном в труде Карамзина «универсуме в его политическом значении» — политическом мире, который, по словам отечественного политолога А. И. Щербинина, «задает четкие координаты исследования: пространство и время, границы и центр, язык и культура, структура и homo politicus и т. п.»³. Ставить такую задачу есть смысл лишь в том случае, если труд Карамзина рассматривается не в качестве исторических иллюстраций к политической программе, а именно как исследование.

В процессе изучения текста «Истории государства Российского» учитывалось, что не только исходные взгляды Карамзина, неоднократно анализировавшиеся отечественными исследователями⁴, определяли содержание его главного труда: излагая факты, историкограф фиксировал вызванные ими размышления, представляющие особенную ценность в связи с итоговым характером его «Истории». Такой взгляд требует проникновения за рамки

² Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. М., 2005. С. 160-163.

³ Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политический мир России. Томск, 1996. С. 3-5.

⁴ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1803) // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 312-348; Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина) // Там же. С. 456-483; Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Там же. С. 588-600; Лотман Ю. М. Политическое мышление Радищева и Карамзина и опыт Французской революции // Там же. С. 601-613; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785-1803). М., 1976.

идеологического уровня текста, сосредоточения внимания на его нарратологическом и дискурсном уровнях. В свою очередь, выявление порядка, темпа, повторяемости, «коммуникативной стратегии текста»⁵ предполагает особенное внимание к предшествовавшим появлению «Истории государства Российского» образцам исторического исследования. Историографическая компаративистика позволяет вписать «Историю государства Российского» в контекст европейского научного пространства, уйти от традиционного изоляционизма в исследовании отечественной историографической традиции, допускавшего влияние философско-исторической мысли, источниковедческих приемов, но не собственно историографических текстов как признанных образцов постановки и структурирования научных проблем.

В данной работе предполагается рассмотреть ряд значимых аспектов, позволяющих ближе подойти к пониманию политического мира, явленного читателю на страницах труда Карамзина, посвященных раннему периоду отечественной истории.

Проблема становления Карамзина-историка: факторы политической динамики и диалога с homo politicus

Процесс формирования уникальной личности автора «Истории государства Российского», названный в блестящей работе Ю. М. Лотмана «сотворением Карамзина», тщательно изучен и талантливо преподнесен читателям⁶. Сложнее обстоит дело с выявлением хронотопа и обстоятельств рождения Карамзина как историка. Н. Я. Эйдельман и Ю. М. Лотман в качестве места действия определяли Париж, соответственно четко фиксируя дату. «Карамзин-историк начинался в Париже 1790 года, в минуты роковые; и в «Письмах русского путешественника», когда об этих минутах пришлось писать», — писал Н. Я. Эйдельман⁷. У Ю. М. Лотмана читаем: «Именно здесь, в Париже, Карамзин услышал голос Клио, голос Истории»⁸. Исходной точкой во времени становился рубеж

⁵ Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. С. 162.

⁶ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

⁷ Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983. С. 42.

⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 168.

1780-х – 1790-х гг., пространственным ориентиром — революционная Франция. В контексте исследований Н. Я. Эйдельмана и Ю. М. Лотмана эти выводы были и органичны, и достаточны: «Письма русского путешественника» убедительно свидетельствовали об интересе Карамзина к истории, ясном понимании плюсов и минусов современной ему историографии, умалчивая лишь о готовности обратиться к ее изучению.

Анализ наиболее крупной части эпистолярного наследия Н. М. Карамзина — его писем к И. И. Дмитриеву⁹ — убеждает: программные строки в «Письмах русского путешественника» о том, как следует писать русскую историю¹⁰, были адресованы *другим* потенциальным историографам¹¹. Еще в сентябре 1797 г. посвятить месяца три чтению «Русской истории» и Голикова для написания «Похвального слова Петру Великому» представлялось Карамзину как едва ли возможное для него дело¹². Это — свидетельство, что называется, открытым текстом. Но есть и менее явные подтверждения. Три годами ранее, 2 сентября 1795 г., он напишет, что живет теперь без плана; 17 октября — что занимается теперь новым планом — созданием «Альманаха Муз»¹³. Об истории — ни слова, ее в планах нет. Не тот собеседник? Но ведь именно И. И. Дмитриеву будут 2 мая 1800 г. адресованы строки: «Я по уши влез в Русскую историю»¹⁴.

Определяющих факторов, удерживавших Карамзина на прежней, проторенной еще до путешествия, литературной стезе (помимо литературного таланта, успеха, понимания значимости литературного служения для смягчения нравов и т. д.), вероятно, было

⁹ Том переписки с Дмитриевым включает 358 писем, из них 113 относятся к периоду с 1787 по 1802 гг., т. е. от времени, непосредственно предшествовавшего заграничному путешествию, до кануна «погружения в историю». — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. Далее: Письма к Дмитриеву.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252-254.

¹¹ Рудковская И. Е. Проблемы информативности эпистолярного наследия Н. М. Карамзина // Документ в меняющемся мире: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2004. С. 122-125.

¹² Письма к Дмитриеву. С. 58-59

¹³ Там же. С. 58-59, 61.

¹⁴ Там же. С. 116.

два. Отдельные, казалось бы, не связанные между собой замечания, создают впечатление утраты Карамзиным по возвращении в Россию ощущения историчности происходящего. Н. М. Карамзин родился, когда Екатерина уже царствовала. У него, по ироническому замечанию от 3 января 1793 г., «уже и пределы лба расширяются»¹⁵, а она по-прежнему во главе государства, все так же не склонного жить по законам чистого разума. Карамзин, который в следующем веке высоким стилем охарактеризует столько битв, о перспективах участия своего друга И. И. Дмитриева в военных кампаниях конца 1780-х – середины 1790-х гг. пишет весьма насмешливо¹⁶. Со смертью Екатерины изменилось субъективное восприятие времени. Карамзин напишет Дмитриеву: «Увидим, какие будут перемены. Сейчас едем в собор. Еще вести...»¹⁷. Появилась надежда на историчность современности. Выдвижение на европейской сцене яркой фигуры Наполеона сделало слышимым биение пульса истории. Динамизм — столь редкий гость для отечественного политического мира — подспудно делал свое дело.

Другое обстоятельство заключалось в несформированности научного сообщества историков, в остром ощущении отсутствия своего читателя. В августе 1798 г. Карамзин подчеркнет в письме И. И. Дмитриеву: «Пантеон издаю не для Университета, а для Публики»¹⁸. Карамзин и в переписке, и в творчестве своем не может действовать вне диалога. Со смертью Павла постепенно вырисовывается фигура Августейшего собеседника, царственного читателя¹⁹. Выросла за десятилетие, прошедшее после путешествия, российская читающая аудитория. Да и «цензура как черный медведь»²⁰ уже не стоит на дороге, как в 1798 г., при Павле, когда о цензорах — почти в каждом письме²¹. Мир менялся. Личная драма —

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 9-10, 66.

¹⁷ Там же. С. 70-71.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Переписка Н. М. Карамзина с императором Александром I // Неизданные произведения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 23-36.

²⁰ Письма к Дмитриеву... С. 99.

²¹ См. письма от 27 июля, 18 августа, 12 октября 1898 г.

смерть жены — усилила потребность в кардинальной смене бытия. Карамзин приступает к созданию «Истории государства Российского» в полном соответствии с программой, очерченной еще в «Письмах русского путешественника». Но — в другом веке, в другую эпоху, для другого общества.

**Предтечи Карамзина-историка
историографические и философские**

Еще в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин лаконично очертил тот круг исторических сочинений, на которые, по его мнению, следует ориентироваться будущим создателям российской истории: «Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы!»²². Потребность в выходе за пределы лишь складывавшейся российской историографической традиции отчетливо ощущалась Карамзиным, а знание иностранных языков делало этот выход истине органичным. Анализ таких структурных элементов текста исследований историков англо-шотландской школы²³, как посвящения монархам, предисловия, обобщающие главы, портретные характеристики, позволяют говорить о критическом усвоении культурных образцов, предложенных европейскими предшественниками Карамзина, о творческой переработке их опыта²⁴. Помимо «Исторического Триумvirата Британии»²⁵, в состав наиболее значимых фигур научного сообщества, разделенного во времени и в пространстве, но объединенного в пределах исследовательской лаборатории Карамзина, должен быть включен А. Шлецер. Как и Карамзин, Шлецер был весьма высокого мнения о российской истории как процессе, разворачивавшемся не в пространстве «какой-

²² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252.

²³ См.: *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I–VIII. L., 1754–1778; *Юм Д.* Англия под властью Стюартов. Т. I. СПб., 2001; *Робертсон В.* История государственного императора Карла V. Т. I–II. СПб., 1775–1778; Т. I–IV. М., 1839; *Гиббон Э.* История упадка и разрушения римской империи. Т. I–VI. СПб., 1997.

²⁴ Рудковская И. Е. Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. № 281. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». Томск, Март 2004 г. С. 142–148.

²⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 369.

нибудь земли, а целой части света», влиявшем «на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую» («Раскройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с Русскою»)²⁶. Подобно Карамзину, подчеркивавшему, что «у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»²⁷, Шлецер критически оценивал ситуацию в области изучения российской истории. Русским летописям, полагал Шлецер, не доставало «ученого обработки, иностранцы не принимались за оное для того, что не могли, да и русские не старались об этом»²⁸. Исследовательские кредо Карамзина и Шлецера совпадали далеко не во всем: для Шлецера на первом месте стояла научность анализа, Карамзин же выделял то воздействие, которое может оказать исследование прошлого на историческое самосознание нации: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»²⁹. Здесь отчетливо проявилось влияние как предпочтений века Просвещения, так и довольно низкого статуса науки истории в обществе: русскому историку, в отличие от Шлецера, пока приходилось доказывать читателю значимость своего труда.

Из отечественных исследователей непосредственным предшественником Карамзина в статусе официального историографа, также создавшим масштабный обобщающий труд по истории России с теми же пространственно-временными характеристиками, был М. М. Щербатов. «История Российская от древнейших времен» создавалась параллельно с трехтомной «Историей государственования императора Карла V» В. Робертсона³⁰. Именно Щербатов первым из отечествен-

²⁶ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Ч. 1. СПб., 1809. С. XIII, XXXV, 2, 138.

²⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252.

²⁸ Шлецер А. Л. Нестор... С. рzi, roz.

²⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 13.

³⁰ Первые два тома труда Щербатова были напечатаны в 1770–1771 гг., «История» Робертсона — в 1769 г.

ных историков стал включать в текст пространные «Рассмотрения» по отдельным проблемам российской истории, вероятно, ориентируясь на «приложения» в «Истории» Д. Юма³¹, что будет практиковать и Карамзин, регулярно вводя в текст обобщающие главы. Карамзин учитывал все, сделанное Щербатовым, о чем свидетельствуют примечания к «Истории государства Российского». Его анализ источников, трактовку событий, выводы он значительно реже ставил под сомнение, нежели те, что содержались в работе В. Н. Татищева³², чьи знаменитые известия, как показал в недавнем исследовании А. Толочко, были, возможно, плодом «мистификаций, подлогов». Именно со временем Карамзина, «довольно иронично отзывавшегося об уникальных известиях», связывает А. Толочко охлаждение к труду Татищева, обладавшего, по его словам, «незаурядным и чрезвычайно редкостным достоинством: загадочностью»³³.

И Щербатову, и представителям англо-шотландской школы, был свойственен прагматический подход к функции исторического знания, отношение к которому среди позднейших исследователей было неоднозначно. Густав Шпет рассматривал прагматическую историю в связи с работой по истории Англии Д. Юма как феномен, предшествующий и философской, и научной истории. В то же время, характеризуя английскую историографию XVIII века, он писал, что *наука* (выделено мною. — *И. Р.*) история в ближайший за Локком период не продвигалась вперед, а ее оживление связывал с работами, созданными «под обратным влиянием французского Просвещения», приводя в качестве примера труды того же Юма, а также Робертсона и Гиббона³⁴. Своеобразная «пограничность» трактовки этого этапа в развитии исторических исследований, вероятно, задана пограничностью самой эпохи. Как отмечал Ф. Мей-

³¹ Hume D. The history of England... V. I. P. 169-198, 489-524 и др.

³² В дискуссии между И. Н. Болгиным и Щербатовым Карамзин, нередко критиковавший Щербатова за увлечение Синописом и польскими источниками в противовес достоверному Нестору (см. прим. 71, 295 к т. I), чаще становился на сторону Щербатова либо относился к его трактовке более лояльно (см. прим. 313, 398, 418, 480 к т. I), одновременно противопоставляя свое видение проблемы подходу Татищева.

³³ Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. С. 10, 330, 522.

³⁴ Шпет Г. История как проблема логики. М., 1916. С. 83, 76.

неке, «в просветительской историографии смешиваются черты умиротворенного и взбудораженного борьбой времени»³⁵. Карамзину пришлось пережить и время великих надежд, и великих разочарований. Говоря о Д. Юме, Ф. Мейнеке писал, что тот в конечном счете «ожидал от истории гораздо более сильного нравственного воздействия, чем от поэзии и философии»³⁶; эти слова соответствуют и позиции, жизненному выбору Карамзина.

Прагматизм Карамзина-исследователя близок к позиции И. Канта, полагавшего, что наука должна прежде всего помочь «подобающим образом занять указанное человеку место в мире»³⁷. Руководствуясь представлением о том, что хорошая история — это история, писанная с философским умом, автор «Истории государства Российского» имел, безусловно, свои философские приоритеты, хотя, по выражению Ю. М. Лотмана, не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев³⁸, полагая, вероятно, как и Кант, что главным в Просвещении является призыв к человеку иметь мужество пользоваться собственным умом³⁹. И все же наиболее значимым для Карамзина в мировоззренческом плане (как и в плане архитектоники собственной личности, стремящейся жить, «уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума»⁴⁰) был И. Кант. Спустя несколько лет после знакового визита в Кенигсберг, Карамзин, говоря об отроческом характере греческой философии, особо выделит именно Канта: «Читай вместе Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Канте — и потом скажи мне, что была греческая философия в сравнении с нашею?»⁴¹

Историческое исследование Карамзина и с точки зрения историографических образцов, и с точки зрения философских приоритетов, создавалось в соответствии с духом и буквой научных достижений XVIII столетия. Оно принадлежит классическому веку

³⁵ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. С. 169.

³⁶ Там же. С. 156.

³⁷ Кант И. Приложение к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» // Соч. в 6 тт. Т. 2. М., 1964. С. 206.

³⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 67.

³⁹ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. В 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 20.

⁴⁰ Карамзин Н. М. Мелодор к Филалету. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 149.

⁴¹ Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору // Там же. С. 157.

Просвещения в большей мере, нежели веку XIX. Быть может, в этой относительной запоздалости кроется причина неадекватности его оценок: крупные исторические произведения вбирают в себя многие годы, и пока труд будет представлен на суд читателям, положенные в его основу философские и иные достижения уже утратят прелесть новизны. Историка трудно предугадать, выдержит ли испытание временем избранный им теоретический фундамент. Интересом к наследию Канта («Назад, к Канту!») отмечены уже не единожды рубежи веков. В этом контексте для нашего рубежного времени вполне логичен интерес и к наследию Карамзина, чье видение истории формировалось под значительным влиянием идей столь почитаемого и ныне кенигсбергского философа⁴².

***Политический мир эпохи Карамзина:
проблема проекции на исходные структурные элементы
«Истории государства Российского»***

Структурно главный труд Н.М. Карамзина, как известно, начинается с посвящения «Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всея России». Этот небольшой по объему текст чрезвычайно значим для понимания специфики политического мышления и историографической практики его автора, поэтому прежде, чем переходить к проблемам трактовки Карамзиным древнерусского мира политики, попробуем выявить ту «связь времен», которая сквозит за этим текстом и текстами, генетически с ним связанными. Посвящение просвещенному государю как безусловному центру отечественного политического мира — обязательный атрибут исторического сочинения, принадлежащего перу официального историографа. Аналогичные карамзинскому текст есть в трудах М. М. Щербатова и В. Робертсона. Обращение Карамзина к Александру I датировано 8 декабря 1815 г. Он подписывается как «Вашего Императорского Величества верноподданный Николай Карамзин»⁴³, тогда как его российский предшественник — «всеняжайший раб князь Михайло Щербатов»⁴⁴. Читаем у Робертсона: «Вашего королевского Величества верноподданный Вильям Ро-

⁴² Рудковская И. Е. Идеи И. Канта в историческом творчестве Н. М. Карамзина // Историческая наука на рубеже веков. Т. I. Томск, 1999. С. 73-79.

⁴³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 12.

⁴⁴ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времён. Т. I. С. 2.

бертсон»⁴⁵. Расхождение со Щербатовым вполне объяснимо: язвительный князь, Рюрикович в 37-м колене, с его резко негативным отношением к придворным нравам, слова “раб” и “князь”, вероятно, намеренно поставил рядом, имитируя раболепие. Карамзин не был Рюриковичем, искренность его уважения к Александру не подлежит сомнению, поэтому шотландский образец оказался для него более приемлемым.

Терминологические, смысловые созвучия с формулировками того и другого автора отчетливо видны в тексте посвящения Карамзина:

Н. М. Карамзин: «...судя по вероятностям разума».

Ср. у М. М. Щербатова: «История разума человеческого уверяет...».

Н. М. Карамзин: «...ожидаем мира твердого... столь вождельного для Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей...».

Ср. у В. Робертсона: «подданные Ваши... будут признательны к своему Государю, который предпочел блага мира блеску военной славы...».

Н. М. Карамзин: «История народа принадлежит Царю».

Ср. у В. Робертсона: «Преимущество Истории состоит в научении Государей и народов».

Знаковая фраза Н. М. Карамзина, вызвавшая к жизни и политический задор Н. М. Муравьева («История принадлежит народам»)⁴⁶, и замысел «Истории русского народа» Н. А. Полевого⁴⁷, в контексте обращения В. Робертсона, думается, возвращается к исходному, XVIII столетию принадлежавшему звучанию, диссонировавшему с политическим лексиконом постнаполеоновской эпохи: история народа принадлежит царю, так как учит его властвовать для пользы народа. Проблема влияния историков на правителей была сформулирована И. Кантом еще в 1784 г.; он отмечал, что все же есть у историка возможность направить честолюбие глав государств и их подчиненных на единственное средство, способное ос-

⁴⁵ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. I. С. VIII.

⁴⁶ Муравьев Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX века). М., 1990. С. 170-173.

⁴⁷ Полевой Н. А. История русского народа. Т. I–III. М., 1997.

тавить о них славную память⁴⁸. Как писал Ф. Мейнеке, анализируя исследовательскую позицию английского предшественника Карамзина, Э. Гиббона, «абсолютная норма рекомендовала свободу, а практический опыт — благотворный абсолютизм, в котором добродетель властелина могла снискать и рукоплескания приверженцев абсолютной нормы»⁴⁹.

Историографы в своих обращениях демонстрировали либо готовность к диалогу и веру в его возможность (как В. Робертсон и Н. М. Карамзин), либо едва скрываемую оппозиционность (как М. М. Щербатов, что прекрасно поняла Екатерина). У просвещенного читателя текста посвящения Карамзина, вероятно, всплывали в памяти посвящения его предшественников. Срабатывал механизм, аналогичный тому, на который обращает внимание И. Н. Данилевский применительно к древнерусским текстам: «всякая цитата, в том числе и немаркированная, не только легко узнавалась, но и неизбежно отсылала его к «тексту-предшественнику», заставляя вспомнить прежний контекст»⁵⁰. Краткий «служебный» текст Карамзина и апелляциями к разуму, и выражением надежды на просвещенную власть вызывал у его современников ассоциации с веком минувшим. Архаичность образов времени, не знавшего еще реализованного в революционной Франции варианта воплощения просветительских идей, наложила отпечаток на восприятие читателями труда Карамзина, мешая увидеть то новое, что так непросто рождалось под его пером.

Текст предисловия к «Истории государства Российского», помещенный сразу после посвящения монарху, уже во втором абзаце содержал тезисы, созвучные с формулами, обращенными к государю: «Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей»⁵¹. Властители, согласно Карамзину, должны знать, «как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возмож-

⁴⁸ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Соч. Т. 6. С. 21-23.

⁴⁹ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. С. 181.

⁵⁰ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2005. С. 79.

⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 13.

ное на земле счастье». Речь, таким образом, как и в тексте посвящения, шла, прежде всего, об *обязанностях* государя.

**Проблемы соотношения
монархического, аристократического, демократического начал
в политической системе Киевской Руси**

Превалирование монархического элемента в политической системе России в эпоху Карамзина сказалось не только на вводной части его труда. Характеризуя центр воспроизведенного Карамзиным политического мира, нельзя не остановиться на изменениях во времени и в пространстве соотношения монархического, аристократического и демократического начал в политической системе древней Руси. Почти полтора века спустя после создания начальных томов «Истории государства Российского» эту проблему выделит Г. В. Вернадский в своем масштабном труде по отечественной истории, написанном уже в эмиграции, явившейся следствием тех потрясений, которыми, по Карамзину, чревато в России разрушение монархии. «Политическая жизнь русской федерации киевского периода строилась на свободе, — писал Вернадский. — Три элемента власти — монархический, аристократический и демократический — уравнивали друг друга, и народ имел голос в правительстве по всей стране»⁵². Анализ текста «Истории государства Российского», посвященного киевскому периоду (до 1169 г., обозначившего падение Киева в качестве легитимного центра русских земель), позволяет сделать ряд выводов, касающихся проблемы предопределенности и последствий разрастания монархического начала, границ влияния на принимаемые решения аристократического элемента, эволюции демократической составляющей в политической системе начальной Руси⁵³.

Окружавший славян политический мир Карамзин определяет как преимущественно монархический. При рассмотрении предысто-

⁵² Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 342.

⁵³ Рудковская И. Е. Н. М. Карамзин о соотношении монархического, аристократического и демократического элементов в политической системе Киевской Руси // Материалы международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». Томск, 2005. С. 51-56.

рии отечественной государственности (т. I, гл. I) им упомянуты свыше двух десятков властителей, чьи титулы позволяют говорить о монархическом характере их полномочий. Аристократический элемент при данных монархах не фиксируется: отмечены лишь 70 знатнейших бояр князя антов Бокса⁵⁴. Демократическое начало просматривается только в связи с фактом избрания вождя богемских славян Само в цари⁵⁵. Монархическое окружение славянского мира отмечалось и в следующих главах. Карамзин писал, что Дулебы, Поляне Днепровские, Лутичи и Тивирцы могли участвовать в войнах славян Дунайских, «столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской»⁵⁶.

Однако монархическая перспектива трансформации власти в славянском сообществе, полагал он, начинает вырисовываться только после того, как народное правление, в течение нескольких столетий характерное для славян, «обратилось в Аристократическое»⁵⁷. Славяне в этот период — своеобразная иллюстрация к тезису М. М. Щербатова, утверждавшего, что народ «нигде столь не несчастлив, как под аристократическим правлением»⁵⁸. Власть бояр — первая власть, родившаяся в отечестве «наших диких предков», власть прежде всего воинская⁵⁹. В гл. IV т. V, в рубрике «Начало самодержавия», историк отметит, что «происхождение наших Бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старше Княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в Славянских Республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю»⁶⁰. Именно бояре, по Карамзину, способствовали добровольному уничтожению нашего древнего правления. В то же время народное и аристократическое правления не всегда им отчетливо разводятся. Историк отмечал: «Бояре Славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили может быть сей народ легкомысленный,

⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 39.

⁵⁵ Там же. С. 44-45.

⁵⁶ Там же. С. 49.

⁵⁷ Там же. С. 72.

⁵⁸ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 1. Политические сочинения. С. 341.

⁵⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 73.

⁶⁰ Там же. Т. V. С. 204.

обольстили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастие, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия». Несколько ранее, однако, у Карамзина то правление, которое предшествовало норманнскому, обозначено как народное: «Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления»⁶¹.

Само призвание правителей для Карамзина — свидетельство относительно высокого уровня развития общества: «Народ, который жертвует вольностию порядку и гражданской безопасности, не имеет уже зверских обычаев»⁶². Воссоздавая события, связанные с призванием иноземной династии, историк рисует картину выбора, осуществленного народом, который устал от иных форм правления и предпочел наиболее распространенный в окружавшем его политическом пространстве монархический вариант. С момента призвания Рюрика резко меняется соотношение основных элементов системы управления. Иноземные правители, укореняясь в новой для них политической системе, дополнили прежний аристократический элемент (градских старцев) новым: «Сии Варяги... составляли отборную Дружину и Верховный Совет, с коим Государь делился властью». И договоры Олега, Игоря с Византией, и «Русская правда» несут в себе доказательства сотрудничества князя и бояр в реализации внешнеполитической программы, в законодательной деятельности, в текущем администрировании. Характеризуя момент основания монархии, Карамзин подчеркнет, что Рюрик, приняв в 864 г. единовластие, «отдал в управление знаменитым единоземцам своим» несколько городов, и потому «вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России, кажется, и Система *Феодальная, Поместная или Удельная* (выделено Карамзиным. — *И. Р.*), бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские». Новая варяжская элита, имея «титло Князей», владела городами, княжеские посадники и наместники обеспечивали управление в тех городах и волостях, которые непосредственно зависели от Великого князя.

⁶¹ Там же. Т. I. С. 93-94, 59.

⁶² Там же. С. 240.

Прежняя элита, градские старейшины «могли быть, — полагал Карамзин, — судиями в делах народных»⁶³.

Бояре фигурировали в «Истории» прежде всего как советники при князе: «Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание Греков... принял их совет...»; «Владимир собрал Бояр и старцев градских (выделено Карамзиным. — И. Р.) и требовал их совета»; «советовался с сими людьми... как о воинских, так и о гражданских делах»; «исполняя совет Бояр и старцев, он велел бросить жребий»; «любил советоваться с мудрыми Боярами о полезных уставах земских»⁶⁴ и т. д. Читателям была предоставлена информация об участии новой аристократии в распределении ценностей и по итогам успешных походов, и в качестве властителей отдельных территорий, и как участников сбора дани (полюдья), нацеленного на то, «чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народ и чиновников в зависимости от великих князей»⁶⁵. Бояре осуществляли те взаимодействия между отдельными элементами складывавшейся политической системы, которые, с точки зрения Д. Истона, и делают систему таковой, то есть тем феноменом, посредством которого «в обществе авторитетно распределяются ценности»⁶⁶. Выстроенный Карамзиным нарратив подвигнул читателя к выводам, созвучным с теми, к которым позднее пришел В. О. Ключевский, полагавший, что «изучение древнерусской боярской думы ставит исследователя прямо перед историей древнерусского общества»⁶⁷. Аналогичные подходы можно найти и в работах современных историков⁶⁸.

Известный вывод С. М. Соловьева о том, что бояре, следуя за князьями в их переходах из одной области в другую, «нигде не могли приобрести аристократического характера, с особым сословным

⁶³ Там же. С. 63, 95, 164-165.

⁶⁴ Там же. С. 114, 149-150, 157, 146, 161.

⁶⁵ Там же. Т. I. С. 117.

⁶⁶ *Голосов Г. В.* Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. С. 14.

⁶⁷ *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. М., 1909. С. 7.

⁶⁸ Анализируя летописный текст, посвященный событиям 945 г., И. Н. Данилевский отметил, что для князя Игоря мнение дружинников оказалось важнее «соображений справедливости и собственной безопасности». — *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 114.

интересом», а потому в отношениях между князьями «не могли играть важной роли»⁶⁹, характеризует ситуацию, сложившуюся позднее. Логика представленных Карамзиным событий рубежа XI — XII вв. подводила читателя к аналогичному выводу. О княжении Святополка Карамзин напишет, что при нём унизились достоинство великого князя. Ситуацию усугубит позиция такого влиятельного правителя, как Владимир Мономах, который, по Карамзину, «хотел быть первым, а не единственным Князем Российским»⁷⁰. По мере разрастания рода Рюриковичей и ослабления власти великого князя Киевского аристократический элемент в управлении отчасти подменяется княжеской когортой, т. е. становится все более элитарным; функция совещательная по важнейшим вопросам передается съездам князей, которые тщательно фиксируются Карамзиным⁷¹. В специальной рубрике «Княжеские съезды» Карамзин, правда, весьма скромно оценит их вклад в политическую стабилизацию Руси: «Мономах, еще не будучи Великим Князем, видя с горечью безначалие и неустройство в России, хотел уменьшить сие великое зло учреждением общих Княжеских Советов или Съездов, которые иногда воспаляли в сердцах любовь к отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вредного междоусобия»⁷². Здесь же им приведены и факты преступлений, совершенных «вследствие такого Съезда».

Одновременно с ослаблением монархического и аристократического элементов лавинообразно нарастает значимость демократического начала. Сразу же после известия о смерти Мстислава Великого одно за другим идут сообщения о мятежах в Новгороде, Пскове, Полоцке, Киеве, сопровождавшихся демократическим, весьма непостоянным определением княжеских кандидатур⁷³. «Новые перемены, — полагал Карамзин, — служили только поводом к новым беспорядкам и неудовольствиям»⁷⁴. Размышления Карамзина о взаимоотношениях между демократическим и монархическим

⁶⁹ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 242.

⁷⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 87, 97.

⁷¹ Там же. С. 70, 74, 81, 83.

⁷² Там же. Т. III. С. 464.

⁷³ Там же. Т. II. С. 109-114, 118-119, 124, 126-128, 137, 161, 163, 170, 172, 189.

⁷⁴ Там же. С. 110.

элементами политической системы в его «Истории» встречаем уже в т. I, в связи с вопросом об отношении народа к единовластию Рюрика и его преемников. «Сей народ, — писал историк, — в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного. Каждое семейство было... независимою республикою... сходились вместе советоваться о благе народном... избирали вождей... весьма ограничивали власть их». Мог ли народ, «не зная иного в течение многих столетий», в несколько месяцев единодушно увериться «в пользу Самодержавия?»; «благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? наслаждался ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности?»⁷⁵ С точки зрения Карамзина, ответить на первый из поставленных им вопросов можно, лишь признав процесс установления монархической власти более длительным, нежели это представлено в летописном предании⁷⁶, а другие навсегда останутся без ответа.

В период сильной великокняжеской власти отмеченные историком факты поддержания вечевых традиций немногочисленны: вече 997 г. в Белгороде, вече 1069 г. в Киеве, вече 1098 г. во Владимире. Как правило, решался вопрос об отражении врагов внешних, либо, в период междоусобиц, внутренних. «Самый народ Славянский, хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности... сходился на общий совет», — отмечал исследователь⁷⁷. Говоря в примечаниях о событиях 1095 г., он усиливает эту мысль: «Но смелый народ часто делал по своему в древней России, не слушаясь Князей». Традицию народных собраний на Руси Карамзин сопоставлял с аналогичным феноменом у англосаксов со ссылкой на труд по истории Англии Д. Юма⁷⁸. Приводившийся Карамзиным материал позволял воспринимать политическую культуру Киевской Руси как культуру диалогичную, предполагавшую возможность негативного ответа народа правителю, как это записано под 1101 г.: «Нет! объявляем торжественно, что сего не будет». Правомерно ли этот вариант ответа, озвученного новгородскими послами, рассматривать как повсеместную мо-

⁷⁵ Там же. Т. I. С. 71, 59-60, 95,

⁷⁶ Там же. С. 158.

⁷⁷ Там же. Т. I. С. 158; Т. II. С. 49, 79; Т. I. С. 163-164.

⁷⁸ Там же. Т. II. С. 257; Т. I. С. 301.

дель политического поведения? Речи граждан на вече во Владимире в 1098 г. не менее показательны: «Мы рады умереть за самого Князя, ... а слуги его не стоят кровопролития. Он должен исполнить нашу волю»⁷⁹. Фактический материал, ярко подававшийся Карамзиным, позволял видеть в демократическом элементе политической системы Киевской Руси значимый противовес политическим притязаниям князей и боярства.

Выводы современных исследователей в целом совпадают с той картиной взаимоотношений между монархическим, аристократическим и демократическим началами в политической системе Руси, которая вставала перед просвещенным читателем по выходе труда Карамзина. И. Я. Фроянов, например, отмечал в работе «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории», что, кроме «совета старейшин (и это особенно важно для понимания сути княжеской власти), князь должен был считаться с народным собранием-вечем, значение которого для X в. новейшими исследователями явно недооценивается». Здесь же он подчеркивал, что «социально-политическая мобильность рядового населения Руси X в. была выше, чем принято думать; ни одно сколько-нибудь значительное общественное дело не решалось без участия народа»⁸⁰.

Нарушение равновесия между элементами политической системы, полагал Карамзин, произошло по инициативе монархического элемента, призванного быть гарантом стабильности. Главным несчастьем России в течение целого века, по Карамзину, была «непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха»⁸¹. Междоусобица княжеская словно воспроизводит на новом витке боярское междоусобие середины IX века, оплаченное народной свободой. Именно ослабление княжеской власти окончательно расшатает к началу XIII века устои ранней отечественной государственности, когда «Россия, по кончине Всеволода Георгиевича, осиротела без Главы, и сыновья его совсем не думали быть Монархами»⁸². Последовавшее за тем время историк назовет эпохой заблуждений, которая завершится рождением самодержавия

⁷⁹ Там же. Т. II. С. 83, 79.

⁸⁰ Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 511.

⁸¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 114.

⁸² Там же. Т. III. С. 463.

как величайшего благодеяния судьбы для России, неприятного, правда, «для тогдашних граждан и Бояр»⁸³.

**Проблема становления личности правителя
в «Истории государства Российского»**

Проблема закрепления авторитарной традиции, последовательного вытеснения «древней русской демократической традиции»⁸⁴ из политического пространства Руси решалась Карамзиным прежде всего с учетом личного вклада отдельных представителей правящей династии. Подобно другим прагматическим «Историям», создававшимся в век Просвещения, труд Карамзина есть история в лицах. Почти столетие спустя, в 1909 г., в работе «Княжое право в древней Руси» А. Е. Пресняков выступит за признание «за русскими князьями древнейшей исторической поры более активной, более творческой роли, чем та, какая обычно им приписывается в нашей историографии»⁸⁵. Нарастание авторитарных тенденций стало возможным не в последнюю очередь в силу тех изменений, которые совершались в индивидуальных сознаниях представителей рода Рюриковичей, чей статус в обществе делал их личные выборы знаковыми для окружающих. Именно они выступали в отечественном политическом мире подлинными *homo politici*, определявшими судьбы подвластного населения, закреплявшими затем традиционными модели взаимоотношений между властью и гражданским обществом. Информация об этом была зафиксирована в русских летописях и вошла затем в ткань исторических исследований, в свою очередь питавших политическое сознание и современников, и потомков предложенным в них видением происходивших некогда процессов. Именно поэтому так важно проследить взаимосвязь между оформлением отечественной авторитарной традиции и спецификой становления личностей правителей в первые века российской государственности. Особенное внимание здесь предполагается уделить переломному, предмонгольскому периоду, так как именно начало удельной эпохи отмече-

⁸³ Там же. Т. V. С. 205.

⁸⁴ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 342.

⁸⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 181.

но появлением знаковой в интересующем нас контексте фигуры Андрея Боголюбского.

При реконструкции этого периода становлению личности правителей историк уделил значительно меньше внимания, чем при воссоздании истории Московской Руси, что объясняется прежде всего источниковой базой, информированностью Карамзина. Можно отнести с доверием к строкам из предисловия к т. I: «Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми... Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомто Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею»⁸⁶. Сама структура текста «Истории» свидетельствует о значимости для историка не только отдельных Героев, но и черт их характера, вносящих коррективы в процесс социализации не одного поколения. Это обусловило появление значимых для исследователя, как и для историков англо-шотландской школы, пунктов в Оглавлении: «Великодушные Мономаха», «Гордость Олегова», «Храбрость и добродушие Мстислава» и т. д.⁸⁷. Еще в 1789 г., беседуя с Кантом, Карамзин «не без скачка, обратил разговор на природу и нравственность человека»⁸⁸. В «Письмах русского путешественника», говоря о возможности сократить, подобно Юму, то, что не важно, Карамзин выделит в качестве знакового, не подлежащего сокращению, содержания «свойства народа Русского, характер древних наших Героев, отменных людей...»⁸⁹. Основной вариант анализа личностных траекторий у Карамзина традиционен: жизненные итоги подводились под датой смерти. В этом отношении Карамзин воспроизводил стереотипы, характерные и для отечественной летописной традиции, и для историков XVIII столетия: Д. Юм, например, настойчиво повторял словосочетание «Death and Character» в оглавлениях томов «Истории Англии»⁹⁰. Сопоставление всех текстов, итоговых и иных (т. е. вынесенных за пределы посмертных характеристик),

⁸⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 20.

⁸⁷ Там же. Т. II–III. С. 822–828.

⁸⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 20.

⁸⁹ Там же. С. 253.

⁹⁰ Hume D. The History of England. В оглавлениях труда Д. Юма оно встречается не менее 15 раз.

дает представление об основных вариантах становления политических лидеров той эпохи, воспроизведенных Карамзиным.

1. Вариант, базирующийся на традиционном воспитании. Становление личности основывается на позитивно воспринимаемых примерах отцов.

Данный вариант — серьезное преимущество линии Мономаха, его потомков. Н. М. Карамзин многократно подчеркивает подобие того или иного князя его отцу: «Мужественный сын Всеволодов»; «Ярополк, добродушный, подобно отцу своему»; «Новый Государь явил добродетели отца своего на престоле России»; «Мстислав, подобно отцу своему, готовый всегда на дела великие»⁹¹. Здесь, бесспорно, особенно значимы «обычай достохвальные», исподволь осваивавшиеся молодым поколением, как, например, пиры в Киеве, питавшие «любовь к Отечеству и Венценосцам»⁹², являвшиеся одновременно и экономическим, и социальным ресурсом власти киевских правителей. Однако этот вариант мог давать и сбои, осложняясь властолюбием старших в роде (отца, дяди и т. д.), что особенно убедительно продемонстрировал Карамзин на примере княжения Константина Всеволодовича в Новгороде: достойное начало правления, поддержка со стороны новгородцев не обеспечили Константину длительного правления в связи с решением самовластного отца. Становление правителя и ранее сдерживалось искусственно (Игорь при Олеге, Святослав при Ольге), однако в случае с Константином это привело к ярко выраженному стремлению выстраивать свое правление путем отказа от родительской модели⁹³. В целом все же данный вариант вполне обеспечивал воспроизводство достаточно пассионарной, по терминологии Л. Н. Гумилева⁹⁴, политической элиты, соответствовавшей задачам начального этапа становления государственности.

2. Вариант, основанный на негативном восприятии своего статуса в роду Рюриковичей. Становление личности проходило

⁹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 61, 62, 104; Т. III. С. 447.

⁹² Там же. Т. III. С. 405.

⁹³ Там же. С. 428, 444, 448.

⁹⁴ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. В 2-х кн. М., 1997; Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1997.

либо по индивидуальной траектории, либо в группе, оппозиционно настроенной к другим, более успешным линиям рода.

В рамках данного варианта события в индивидуальной жизни или события в группе воспринимались как более важные, нежели общерусские события. Именно они определяли здесь политическую социализацию той или иной княжеской ветви (князя черниговские, полоцкие) или отдельного князя. Именно это, прежде всего, обусловило негативное развитие личности, многочисленные преступления князя Владимира, внебрачного сына Святослава. Позднее, для упрочения легитимности своей власти, он сочтет возможным опереться на христианскую традицию, заложенную в роду Рюриковичей популярной в народе княгиней Ольгой. Принятие христианства приведет к радикальной смене приоритетов и поведенческих стереотипов при дворе Владимира. В творчестве Карамзина появится зеркальная по отношению к концепции «двух Иванов» (тт. VIII–IX «Истории государства Российского») концепция «двух Владимиров»: нравственное возвышение Владимира зеркально по отношению к нравственному падению Ивана IV и многократно усиливается в контексте этого сопоставления. Обе концепции, заложенные уже в летописной традиции, вызваны к жизни не только Карамзиным–историком, но и Карамзиным–драматургом, признанным авторитетом в области изящной словесности. Не менее ярко обрисованы Карамзиным и представители «боковых» ветвей династии Рюриковичей, чье становление свершалось через воспитание в ненависти. «Ольговичи, — отмечал Карамзин, — имели союзников в Князях Полоцких: те и другие считали себя угнетенными и старейшими Мономаховых наследников». Он подчеркивает «честолюбие беспокойных племянников», выделяет «гибельное обыкновение дружить с иноплеменными хищниками». Под 1198 г. Карамзин запишет: «В Чернигове умер Ярослав, верный последователь братней коварной системы», системы «кознодействия»⁹⁵.

Хотя приведенные характеристики касаются разных линий рода, очевидно, их поведенческие стереотипы воспринимались Карамзиным именно как вполне сложившаяся система. В данном ва-

⁹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. III. С. 408; Т. II. С. 53; Т. III. С. 387, 410.

рианте почти в равной степени были значимы и принадлежность к роду Рюриковичей, и принадлежность к определенной его группе, обеспечивавшей воспроизводство характерной своим коварством «элиты лис», в отличие от главной линии родословного древа отечественных правителей.

3. Вариант, базирующийся на воспитании в двойной традиции (отечественной — зарубежной), обеспечивавшей большее разнообразие индивидуальных траекторий, предопределенных как пребыванием в ином политическом пространстве, так и обстоятельствами вхождения во власть отечественную.

Характеризуя Всеволода, Карамзин отметит, что, воспитанный в Греции, он «мог научиться там хитрости, а не человеколюбию»⁹⁶. Очевидно, что здесь речь идет о распространенном среди русских князей после Владимира варианте воспитания при византийском дворе в достаточно благоприятной, с точки зрения статуса, ситуации, среди родственников, в православной традиции, с перспективой на достойную будущность на Руси. Идет усвоение той модели политического поведения, которая воспринимается как позитивный опыт, что не противоречит основным контурам первого варианта становления личности правителя, однако добавляет византийские витиеватости к простодушию киевских традиций. Иначе выстраивалась траектория у галицких правителей в пограничной с католическими странами области. Карамзин подчеркнет, что, «воспитанный при Дворе Казимира Справедливого», Роман отличался «тиранством удивительным», расправами над лучшими боярами Галицкими, которых «зарывал живых в землю». Облик Романа у Карамзина раздваивается: «Жестокий для Галичан, он был любим, по крайней мере отлично уважаем в наследственном Уделе Владимирском, где народ славил в нем ум мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову в усмирении варваров»⁹⁷. Удвоению традиции воспитания соответствует удвоение его образа, что, вероятно, отражает столкновение двух разных систем ценностей, уже вполне определившихся в западной и восточной Руси к рубежу XII–XIII вв.

⁹⁶ Там же. С. 429.

⁹⁷ Там же. С. 414, 413, 416.

Совершенно другие следствия дала двойная система воспитания — отчасти в Венгрии, отчасти в Галиче — в случае с Даниилом Романовичем. Сын человека, ненавистного народу, он пережил множество предательств, так как «Венгры, Ляхи, Князья соседственные и гордые Бояре надеялись пользоваться его малолетством»⁹⁸. Информирова читателя о судьбе Даниила, Карамзин позволяет себе рассуждения на тему педагогическую: «Говорят, что бедствие есть учитель; оно имеет сию выгоду только для умов основательных; другие, испытав несчастье, хотят руководствоваться в делах новыми правилами и впадают в новые заблуждения». Вероятно, именно к этим редким основательным умам отнес Даниила историк: не будучи всегда счастливым, «Даниил превосходными достоинствами сердца и неумолимыми подвигами затмевал других современных Князей Российских»⁹⁹.

Масштаб личности Даниила, как и Андрея Боголюбского — знаковой фигуры в процессе становления авторитарной традиции на Руси, — не вполне вписывается в рамки выделенных вариантов. События 1150 г., когда «Георгий, дядя Вячеслав, Бояре, витязи, с радостными слезами славили храбрость» тогда еще юного князя Андрея, думается, позволяют вспомнить о первом, наиболее гармоничном варианте. Признанный историком «конечно одним из мудрейших Князей Российских в рассуждении Политики», явно стремившимся к спасительному единовластию, Боголюбский, по Карамзину, был ослеплен пристрастием к северо-восточному краю¹⁰⁰. Выдвижение северо-восточной альтернативы устремлениям его отца, его предков на юг, к Киеву, позволяет видеть в нем личность, вышедшую за грань предначертанной предшественниками траектории, рискнувшую провозгласить новые цели и ценности в условиях значительного ослабления монархического элемента в политической системе Руси и заплатившую за это ранней смертью.

Представляется интересным соотнести охарактеризованные здесь варианты с классическими моделями социальной адаптации, выделенными Р. Мертоном. Вероятно, можно говорить о преобладании конформистской модели в первом варианте, дополняемой

⁹⁸ Там же. С. 428.

⁹⁹ Там же. Т. III. С. 505.

¹⁰⁰ Там же. Т. III. С. 370-371

отдельными проявлениями инновационной; мятеж, двойственное, превратное восприятие общепризнанных целей и средств их достижения характерно для второго варианта; в третьем же варианте прослеживается, наряду с инновационностью, нарастание ритуализма, стремления соблюдать «правила игры» при достаточно скептическом отношении к принятым ценностям. Соответственно, Андрей Боголюбский в своем развитии представляется личностью, рискнувшей провозгласить и новые цели, и новые способы их достижения, и потому не сумевшей адаптироваться к тому социуму, которым довелось править.

Подводя итоги, нельзя не отметить чрезвычайно любопытного и, безусловно, неожиданного обстоятельства: самой информативной частью анализированного здесь текста стала глава, посвященная правлению князя Всеволода. Вероятно, именно в его рубежное время обозначились наиболее отчетливо последствия постепенного складывания выделенных здесь традиций, стало заметным усиление двух последних. Карамзину удалось в масштабном, избыточном фактами полотно донести до читателя кризисную ситуацию в сфере воспроизводства политических традиций. Личностный фактор трагедии конца 1230-х гг., открывшей дорогу монгольской экспансии, по Карамзину, закладывался именно тогда, на рубеже XII–XIII столетий.

***Проблемы взаимоотношений государства и церкви
в ранний период отечественной истории
в трактовке Н. М. Карамзина***

Подводя итоги самого мрачного, монгольского периода в истории российской государственности, Карамзин замечал: «История подтверждает истину, предлагаемую всеми Политиками-Философами, и только для одних легких умов сомнительную, что Вера есть особенная сила государственная»¹⁰¹. Однако анализ предложенного им варианта трактовки взаимоотношений православной церкви и государства может строиться, думается, двояко: либо с позиций признания за церковью статуса значимого элемента государства, либо — с точки зрения закрепления за ней роли важнейшего института гражданского общества.

¹⁰¹ Там же. Т. V. С. 209.

Не ставя под сомнение утверждение И. Н. Данилевского, что церковь в Древнерусском государстве была «государственной по сути», имела колоссальную власть, издавала законы, которым подчинялись все¹⁰², нельзя не отметить и факт развития многовекового диалога между властью и церковью как достаточно равнозначными партнерами, когда церковь реально брала на себя функции защиты граждан в их противостоянии с властью. Предстоит выяснить, в какой мере, по Карамзину, принятие христианства по инициативе политического лидера предопределило не только смену приоритетов княжеской власти, поведенческих стереотипов правителей и их подданных, но и уровень самостоятельности церкви, объем принятых ею на себя функций, степень «огосударствления» данного института. Важным представляется и изучение подхода историка к проблеме влияния православия на процесс самоидентификации россиян в период политической раздробленности, осложненной зависимостью от монгольской государственности и экспансией с Запада.

Предложенный Н. М. Карамзиным вариант реконструкции истории изменений ценностных и поведенческих ориентиров князя как главы государства Российского в ходе принятия и утверждения православия предполагается осветить на основе сопоставления с решением аналогичных проблем в исследовании Э. Гиббона, с которым труд Карамзина генетически связан не только историографически, но и сюжетно. В центре внимания Карамзина — история государства, связавшего свою судьбу с православием, воспринятым из Византии, а Э. Гиббон, уделивший преимущественное внимание именно Восточной Римской империи, подробно рассматривал процесс христианизации Рима. Предлагаемый здесь анализ изменений приоритетов княжеской власти в контексте православных ценностей основывается на выделении в качестве значимых элементов текста глав, посвященных предыстории крещения, собственно крещению и его последствиям для властвовавших персон в «Истории государства Российского» и «Истории упадка и разрушения Римской империи».

Э. Гиббон дал более объемный анализ причин, побудивших главу государства обратиться к христианству. Это отчасти можно

¹⁰² Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков... С. 170.

объяснить тем, что английский историк писал об изменениях в государственном организме, уже имевшем тысячелетнюю историю, тогда как Карамзин рассматривал нововведения в государстве, едва перевалившем за сотню лет. Э. Гиббону представлялось важным дать характеристику мотивов обращения Константина в христианство, «вытекавших или из его благочестия, или из его политики, или из его убеждений, или из его угрызений совести». Благоразумный правитель, по Гиббону, должен был с удовольствием взирать на успехи религии, распространившей в народе такую чистую, благоверную и всеобщую систему нравственности в условиях угрожающего упадка римских нравов. Не могло не казаться «самой выдающейся и самой полезной из всех евангельских добродетелей» и пассивное повиновение власти. Мирские расчеты вполне могли увлечь Константина, так как христианство было благоприятно «и для его славы, и для его возвышения»¹⁰³. Говоря о причинах принятия христианства кн. Ольгой, Карамзин отдает предпочтение особенностям психологии преклонного возраста¹⁰⁴. Подлинные мотивы крещения кн. Владимира, по Карамзину, известны Богу, а не людям, тем не менее им обозначена дилемма, аналогичная предложенному Э. Гиббону перечню альтернатив: «Истинное ли уверение в святые христианства, или... одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с Государствами Византийскими решило его креститься?»¹⁰⁵.

Деление на периоды в правлении принявших христианство властителей прослеживается в характеристиках и императора Константина, и кн. Ольги, и князя Владимира. Э. Гиббон счел тщетной попыткой сочетать несходные (позитивные и негативные) черты своего героя, так как это «должно создать скорее чудовищный, нежели человеческий образ, если мы не выставим его в надлежащем свете посредством тщательного разъединения различных периодов царствования Константина»¹⁰⁶. Карамзину первый — языческий — период правления кн. Ольги виделся временем, отмеченным «мстью неумолимой» и делами государственного правления, второй же

¹⁰³ Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи. Т. II. С. 111-112, 235, 236, 244-245.

¹⁰⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 123-124.

¹⁰⁵ Там же. С. 160-161.

¹⁰⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи. Т. II. С. 169.

характеризовался им как эпоха славы ее в нашей церковной истории¹⁰⁷. Разграничивая две эпохи правления кн. Владимира, Карамзин, подобно Гиббону, акцентирует внимание на этических критериях: «Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самих злодеев и врагов отечества»¹⁰⁸.

Но в ситуациях крещения двух героев, признанных равноапостольными, были и серьезные различия. Гиббоном был выдвинут тезис, который Карамзин не мог не учитывать: «Пример и репутация Константина, по-видимому, поддерживали обыкновение отлагать крещение и внушали царствовавшим после него тиранам убеждение, что невинная кровь, которую они будут проливать в течение продолжительного царствования, будет мгновенно смыта с них водами возрождения»¹⁰⁹. Владимир, в отличие от Константина, принял свое главное решение не у смертной черты. Карамзин обстоятельно обрисовал несвойственную ранее Владимиру модель поведения, которая определяла собой новый этап его правления. Диалог с «мудрыми епископами и старцами», корректировавший политику князя в отношении преступников и внешних врагов, строительство церквей, помощь бедным, пиры для сподвижников значительно расширили диапазон деятельности княжеской власти, способствовали ее легитимации, придав, по Карамзину, образу кн. Владимира черты сходства с Карлом Великим¹¹⁰. Явленное в процессе крещения чудо исцеления, по Карамзину, обеспечило быстрое обращение в христианство боярства. Изумленный народ, отметит историк, не смел защитить своих мнимых богов. Карамзин, в отличие от Э. Гиббона¹¹¹, не станет делать акцент на всесильности

¹⁰⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 122-123.

¹⁰⁸ Там же. С. 161.

¹⁰⁹ Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи. Т. II. С. 248.

¹¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 161-162.

¹¹¹ «Непреодолимое могущество римских императоров, — писал Э. Гиббон, — обнаружилось в важной и опасной перемене национальной религии. Страх, который внушали их военные силы, заглушил слабый и никем не поддержанный ропот язычников» (История упадка и разрушения Римской империи. Т. II. С. 250).

князя. Молодая династия, бесспорно, не обладала еще таким объемом властных ресурсов, которые были бы сопоставимы с римским аналогом. «Владимир, — подчеркнет Карамзин, — не хотел казаться, принуждать совести;... он старался просветить Россиян»¹¹². Многие элементы новой модели политического поведения, выстроенной кн. Владимиром после крещения, стали обязательными составляющими княжеского служения, что ярче всего проявилось в деятельности Ярослава Мудрого¹¹³.

Сравнительный анализ двух текстов позволяет сделать вывод об учете Карамзиным отдельных тезисов Э. Гиббона, однако в целом в трактовке Н. М. Карамзина превалирует летописная традиция воссоздания образов кн. Ольги и кн. Владимира, что объясняется слишком разительными различиями как в информативности использовавшихся историками источников, так и в уровне сложности тех общественных отношений, на фоне которых происходила христианизация властителей в Константинополе и Киеве. Характерно, что напрашивавшегося, казалось бы, сопоставления кн. Владимира с Константином Великим Карамзин в своей «Истории» не сделал. Подводя в пятом томе итоги удельного периода, Карамзин сочтет необходимым сопоставить роль христианской церкви и духовенства в истории государств Запада и России. На Западе, по Карамзину, «Духовная власть присвоила себе мирскую» потому, что «имела дело с народами полудикими — Готфами, Лонгобардами, Франками», тогда как «Греческая Церковь воссияла в Державе благоустроенной»¹¹⁴. «К счастью, — подчеркнет здесь историк, — Святой Владимир предпочел Константинополь Риму».

Начиная со второго тома (первый хронологически завершался правлением князя Владимира), церковная проблематика становится значимой сюжетной линией карамзинской «Истории», не заслоняя, однако, историю светскую. Оглавления томов «Истории» Карамзина свидетельствуют о стабильном внимании историка к правосла-

¹¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 152-154.

¹¹³ Смерть уберегла Владимира от возможного повторения судьбы Константина, виновного в смерти сына-соперника Криспа. Выступив против отца, Ярослав, тем не менее, следовал созданной им традиции, выстраивал диалог и с церковью, и с подвластным населением.

¹¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского Т. V. С. 210.

вию, к православной церкви; из структурных элементов текста следует выделить сквозную рубрику «Дела церковные»¹¹⁵ и особенно сюжеты о высших православных иерархах¹¹⁶. Карамзин бережно, по годам воспроизводил сюжеты, зафиксированные летописцами, а они, как отмечал исследователь по поводу итогов правления Владимира Мономаха, «рассказывая подробно воинские и церковные дела, едва упоминают о государственных или гражданских»¹¹⁷. Таким образом, сама специфика летописных источников способствовала привлечению внимания к православию, церкви, монастырям и т. д. Максимум действующих лиц «Истории» Н. М. Карамзина из числа священнослужителей приходится на удельный период, что обусловлено прежде всего множественностью центров политических, церковных, летописных. В т. II Карамзиным упомянуты не менее 110 представителей духовенства, в т. III — около 100, в т. IV — уже 140, а в т. V — не менее 210.

Взаимосвязанность, взаимообусловленность светской жизни и жизни церковной тщательно фиксировалась Карамзиным¹¹⁸. Рюриковичи активно вмешивались в дела церковные, православные священники — в дела политические. В контексте событий Карамзиным, по сути, был донесен перечень многообразных функций православного духовенства. Прежде всего, митрополит, епископы и пустынники обеспечивали легитимацию власти князя, отдельных его деяний своим благословением¹¹⁹. Легитимность династии в целом упрочивалась традицией, освященной почитаемыми церковью образами князей-мучеников. Труд Карамзина зафиксировал совер-

¹¹⁵ Там же. Т. II, гл. XIV, XVI; Т. III, гл. VI; Т. IV, гл. XI; Т. V, гл. I–III.

¹¹⁶ Там же. Т. II, гл. II, IV–VII, XII, XV, XVI; Т. III, гл. I, IV; Т. IV, гл. V, VI, VII, IX–XI; Т. V, гл. I.

¹¹⁷ Там же. Т. II. С. 101.

¹¹⁸ Собор Св. Софии украсил Киев в честь победы над печенегами. Решение Ярослава о том, чтобы «поставить Митрополитом Илариона Россиянина» — решение чисто политическое. Там же. С. 20, 25–26.

¹¹⁹ Там же. Т. II. С. 126; Т. III. С. 467; Т. IV. С. 18, 108, 135, 159; Т. V. С. 210; Т. II. С. 56; Рудковская И. Е. Н. М. Карамзин об истоках и масштабах влияния идеологии православного царства на отечественную традиционную культуру // Святоотеческие традиции в русской литературе. Сб. материалов научно-практической конференции. Ч. II. Русская литература как культурный феномен. Омск, 2005. С. 37.

шенно особенное влияние образов Бориса и Глеба и на представителей княжеской династии, и на восприятие ее народом¹²⁰. Дважды выделяя рубрики, посвященные перенесению мощей Бориса и Глеба, Карамзин обращал внимание читателей на двойное, церковное и государственное, значение события¹²¹. Роль культа Бориса и Глеба можно отчасти сопоставить с отмеченной Т. Н. Грановским исключительной ролью Людовика Святого в истории монархии во Франции, скрепившего «своею личностью союз церкви и королевства»¹²². Символизируя единение мирян и церкви, культ князей-мучеников вносил свою лепту в постепенное складывание ситуации, когда россиянам становилось сложно представить себя вне пространства, очерченного православием. Духовенство стремилось влиять и на стиль жизни политических лидеров того времени. Карамзин, неоднократно отмечая и набожность князей, и стремление преступать «святые уставы нравственности», довольствуясь лишь «наружностью благочестия», писал, что митрополиты в своих сочинениях «учили Государей стыдиться злодеяний, внушаемых дикими, необузданными страстями»¹²³. Православная вера, далеко не всегда предотвращавшая преступления княжеские, ориентировала князей на восприятие неудач как небесной кары за содеянное. Именно так трактовал Карамзин реакцию князя Андрея Боголюбского на поражение суздальцев в битве с новгородцами в 1170 г. и при осаде Вышгорода в 1173 г.: «Андрей не изъявил ни горести, ни досады, и снес уничтожение с кротостию Христианина», приписывая оное «гневу Божию на Суздальцев за опустошение святых церквей Киевских в 1169 году»¹²⁴. Церковью создавались, альтернативные траектории жизненного пути для представителей княжеской династии. Текст Карамзина свидетельствует, что пострижение князей в монахи

¹²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 52, 92, 51, 62, 264, 98, 124, 403, 147.

¹²¹ Там же. С. 155, 367.

¹²² «Преступления Филиппа Красивого, — полагал историк, — ошибки дома Валуа не могли смыть характер, приданный Людвигом королевской власти» (Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 10).

¹²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 64, 102-103; Т. III. С. 478; Т. II. С. 25, 63, 87, 98, 87-88.

¹²⁴ Там же. Т. III. С. 367.

отнюдь не было исключением¹²⁵, а принятие монашеского сана накануне смерти, вопреки мнению Владимира Мономаха, учившего, что не пост, не уединение, не монашество спасет его сыновей, но благодеяния¹²⁶, стало устойчивой традицией. Приняли перед смертью постриг Александр Невский, Димитрий Святославич, Даниил Александрович, Симеон Гордый, Иоанн Иоаннович. Остался верен завету предка Дмитрий Донской, полагая, «что несколько дней или часов Монашества перед кончиною не спасут души, и что Государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье»¹²⁷.

Династические проблемы разраставшегося рода Рюриковичей прибавили к заботам священнослужителей миссию вызволения князей из «внутреннего» плена. Формула «Митрополит и Духовенство испросили ему свободу», обозначенная под 1101 г., символизирует эту составляющую церковной деятельности. Духовенство и вдохновляло на битвы, и непосредственно включалось в мирные переговоры. В «Истории» Карамзина митрополит Николай, говоривший «именем народа», выступивший активно против княжеских междоусобиц, — ходатай за народ перед властью, напоминающий ей о позабытом долге¹²⁸. Наиболее ярко значимость духовенства для общества той эпохи в контексте непрерывных войн, внутренних конфликтов представлена и вполне рационально объяснена в эпизоде, посвященном знаменитой битве между новгородцами и суздальцами в 1170 г. Воспроизведя летописные сведения о роли иконы Богоматери, вынесенной архиепископом Иоанном, сопровождаемым всем клиросом, в исходе сражения, Карамзин подведет итог: «Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием Духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть, вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу»¹²⁹.

Священнослужители активно вели переговоры с князьями и по делам обыденным. Выведен посредником между новгородцами и

¹²⁵ Там же. Т. II. С. 46, 89, 128-132; Т. IV. С. 70.

¹²⁶ Там же. Т. II. С. 99.

¹²⁷ Там же. Т. IV. С. 54, 67, 94, 163, 173; Т. V. С. 62.

¹²⁸ Там же. Т. II. С. 82.

¹²⁹ Там же. Т. III. С. 361.

княжеской властью и архиепископ Иоанн, ездивший «на совет» во Владимир, к Андрею Боголюбскому, который «сам решил их важнейшие дела»¹³⁰. Можно, видимо, говорить о тождественности роли православного духовенства роли так называемых «привратников» (согласно подходу Д. Истона), аккумулировавших выдвигавшиеся наиболее насущные требования и доносивших их до власть имущих.

Церковная обитель в перенасыщенное столкновениями время была надежным убежищем. Карамзин весьма реалистично отделил мирское от духовного при объяснении причин, обусловивших быстрый рост монастырского населения: «Кроме тогдашней набожности, соединенной с высоким понятием о достоинстве Монашеской жизни, одни мирские преимущества влекли людей толпами из сел и городов в тихие безопасные Обители, ...где гражданин укрывался от насилия и бедности, не сеял и пожинал»¹³¹. Православная обрядность становилась значимым элементом повседневности, психологически укрепляя в эпоху бедствий¹³².

Княжеская формула «Я Христианин и люблю Русскую землю»¹³³ коррелируется в тексте «Истории» с ценностными ориентирами сообщества в целом. Именно осознание монголами «власти Духовенства над совестью людей, вообще усердных к Вере» обусловило их стремление «задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россиян противоборствовать игу Татарскому», освободив от «общей дани только церковников и Монахов»¹³⁴. В памяти граждан запечатлелось, по Карамзину, не то, что Георгий Всеволодович «в безрассудной надменности допустил Татар до столицы», а то, что он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил Монахов»¹³⁵. Под 1262 годом историк поместил сведения о двух знаковых в данном контексте событиях: об умер-

¹³⁰ Там же. Т. II. С. 82, 139-140, 77, 88-89; Т. III. С. 363.

¹³¹ Там же. Т. IV. С. 130, 128; Т. V. С. 209.

¹³² «Россияне, — писал Карамзин в рубрике «Счастливая война с половцами», — готовились к битве молитвою и благочестивыми обетами; одни давали клятву, в случае победы, наградить убогих; другие украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою верою, они шли с бодростию и веселием». Там же. Т. II. С. 84.

¹³³ Там же. С. 139.

¹³⁴ Там же. Т. IV. С. 46-47.

¹³⁵ Там же. С. 8.

швлении в Ярославле «какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего Монаха, который, приняв Веру Магометанскую, ... ругался над святынею Христианства», и о прощении «Монгольского чиновника» в Устюге, силою взявшего в наложницы дочь горожанина, из страха перед расправой объявившего о желании креститься и заслужившего всеобщую любовь¹³⁶. Дилемма «свой — чужой» решалась, как видим, в соответствии с признаком религиозной принадлежности; другие личностные характеристики воспринимались как менее значимые.

Ужасы междоусобий, монгольского нашествия или чумы лишь укрепляли россиян в их вере, так как, по словам Карамзина, «Вера торжествует в бедствиях, и смягчает оные»¹³⁷. И выстраиваемый историком событийный ряд, и нечастые оценочные суждения подводили читателя к мысли, что именно усвоенные отечественным православным духовенством модели поведения в критические для паствы минуты создавали у современников позитивный образ данного слоя и как посредника между земным и небесным мирами, и как активного сподвижника княжеской власти в ее столь разросшейся функции защитника отдельных земель и православного мира в целом. Представление о спасительности православия предопределило на излете эпохи уделов неприятие решений Флорентийского собора, обозначившего формирование нового варианта самосознания в Московии, закрепленного в приведенных Карамзиным строках летописца: «Уже не осталось теперь ни единого Царства православного, кроме Русского»¹³⁸. Сопоставление структуры и содержания двух обобщающих глав, подводивших итоги разных этапов удельного периода («Состояние России с XI до XIII века» и «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III»), позволяет выделить монгольскую эпоху в качестве того хронологического рубежа, с которого для Карамзина понятия «россиянин» и «православный» становятся тождественными¹³⁹. Подводя черту под этим периодом отечественной истории, Карамзин вычленил ту основу,

¹³⁶ Там же. С. 53.

¹³⁷ Там же. С. 13.

¹³⁸ Там же. Т. V. С. 198-199. Флорентийскому Собору Карамзин посвятил одну из самых обширных рубрик в своей «Истории» — почти 12 страниц.

¹³⁹ Там же. С. 203, 208-209.

которая помимо претензий московской династии, вопреки всем местным амбициям цементировала единство русских земель: «в уничижении имени Русского мы возвышали себя именем Христиан, и любили отечество как страну Православия»¹⁴⁰.

**Проблемы мира и войны
в «Истории государства Российского»**

Те подходы, которые появились в последние десятилетия в исследованиях мира, выделившихся в особую, интегративную по своему характеру академическую дисциплину¹⁴¹, позволяют взглянуть на текст «Истории государства Российского» и с точки зрения выявления авторской трактовки проблем войны и мира. Особая значимость военной функции отечественной государственности обусловила чрезвычайную насыщенность и летописных текстов, и «Истории» Карамзина столкновениями, битвами разного масштаба. Расставлявшиеся Карамзиным акценты, предложенные им варианты подачи событийной канвы подспудно влияли на стереотипы восприятия проблем войны и мира целых поколений читателей, а потому заслуживают специального анализа.

Своеобразный итог размышлениям о войне и мире эпохи Просвещения был подведен в 1795 г. в знаменитом трактате И. Канта «К вечному миру». Именно Кант жестко поставит вопрос о несовместимости «с правами человечества в нашем собственном лице» найма людей «для того, чтобы они убивали или были убиты», поскольку это «означает пользоваться ими как простыми машинами»¹⁴². Именно права человека — основание, залог неизбежности восхождения человечества к всеобщему миру. Эта точка зрения, по существу, предвосхищала ту трактовку понятия «мир», которая в исследованиях мира стала преобладать лишь на излете XX века¹⁴³. Историографические предшественники Карамзина также отдали дань проблемам войны и мира. Их работы свидетельствуют о нарастании стремления развенчать войну, лишить ее романтического

¹⁴⁰ Там же. С. 203.

¹⁴¹ Matsuo M. Peace and Conflict Studies. A Theoretical Introduction. Hiroshima, 2005.

¹⁴² Кант И. К вечному миру // Сочинения в 6 тт. Т. 6. С. 261, 264, 279.

¹⁴³ Matsuo M. Peace and Conflict Studies... С. 35-38.

ореола. Наиболее отчетливо выразил негативное отношение к войнам Э. Гиббон при описании взятия Константинополя крестоносцами: «Но в плачевном итоге войн прибыль никогда не бывает равномерна с утратой, а радость никогда не бывает равномерна со скорбью»¹⁴⁴. В его характеристиках войн немало сарказма: касаясь завоевания Британии римлянами, Гиббон замечал, что войну «начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый распутный, а окончил самый трусливый»¹⁴⁵.

В какой мере миротворческая инициатива И. Канта и подходы историков второй половины XVIII века созвучны идеям, отразившимся в текстах Карамзина? Родившийся, сформировавшийся как личность в екатерининскую эпоху, когда войны следовали одна за другой, а военная карьера представлялась наиболее соответствующей статусу дворянина, Карамзин оставил военную службу, едва начав, в 17 лет. В «Письмах русского путешественника» он напишет, что «даже бледные тени мрачных веков, веков варварства и героизма, ужасают робкое просвещение наших дней». Война — страшная альтернатива тому миру, который создается просвещением: «Миротворчивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился против войны всем своим красноречием, описывая ужасы ея». Фактором, объединяющим людей века Просвещения, представлялась Карамзину наука: «Я всегда готов плакать от сердечного удовольствия, видя, как Науки соединяют людей, живущих на севере и юге». Созвучен эпохе и философским размышлениям просветителей произнесенный им в Англии афористичный тост: «вечный мир и цветущая торговля!»¹⁴⁶. В начале 1790-х гг. миротворческая позиция Карамзина получила поэтическое воплощение в «Песне мира»¹⁴⁷.

Позволяла ли такая позиция воссоздавать историю страны, непрестанно воевавшей? Уже в «Письмах русского путешественника» содержался тезис, открывавший дорогу компромиссу: «Война бедственна, но храбрость есть великое свойство души»¹⁴⁸. Войны

¹⁴⁴ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. VI. М., 1885. С. 607.

¹⁴⁵ Там же. Т. I. С. 53.

¹⁴⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 21, 24, 259, 338.

¹⁴⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. I. СПб., 1848. С. 29-32.

¹⁴⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 272.

являлись значимым элементом структуры «Истории государства Российского». Упоминания о набегах, нападениях, нашествиях, войнах, походах, завоеваниях и т. д. в оглавлении первого тома встречаются 15 раз; междоусобия, братоубийство, месть, убиения, бунты на фоне единственного употребления термина “мир” (гл. V) и троекратного — термина “договор” (гл. V, VI, VII) дополняли картину перенасыщенности ранней истории Руси кровавыми драмами, которая не могла не броситься в глаза читателям «Истории» Карамзина. По оглавлениям двенадцати томов «Истории» Карамзина выявлена следующая картина:

Термины	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Мир	1	3	3	4	2	4	2	-	1
Перемирие	-	-	-	-	-	1	3	6	5
Война	2	13	9	3	7	4	3	3	7
Битва	-	7	5	-	2	2	-	-	1
Набеги	1	3	3	1	2	-	4	3	-
Междоусобие	2	9	4	3	4	-	-	-	-
Мятеж	-	2	3	2	-	-	-	2	-

При анализе полученных данных следует учитывать и множественность терминов, использовавшихся Карамзиным для обозначения столкновений той эпохи (что определялось их видовым разнообразием, задачей донесения языка источников, а также стремлением избегать повторов, высочайшей литературной планкой, установленной автором), и отсутствие синонимов термина “мир”¹⁴⁹, и смысловые особенности термина “перемирие” в контексте кантовского понимания необходимости вечного, не подлежащего пересмотру мира. Другими словами, пространство войны представлено в таблице лишь частично, тогда как сфера мира — почти полностью, что особенно подчеркивает значимость для текста «Истории государства Российского» событий военных. Пик увлечений войнами, судя по таблице, приходится на второй и третий тома, что позволяет именно эту часть труда Карамзина использовать в качестве главного источника при рассмотрении поставленной проблемы.

Для Карамзина была очевидной значимость внешних войн для молодой государственности. Внешние успешные завоевательные войны придавали ей более высокий международный статус. В гл. II

¹⁴⁹ Приводимый далее в качестве синонима термин «тишина» не фигурировал в оглавлении.

т. II читаем: «Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и Великих его преемников». Далее, в гл. VII: «Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и на Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оного». Кроме того, повышение международного статуса обеспечивало большую защищенность подданных (термины “могущество” и “благоденствие” не случайно использовались Карамзиным в качестве парных понятий: «Древняя Россия погрела с Ярославом свое могущество и благоденствие»¹⁵⁰). В периоды, отмеченные неспособностью Руси вести победоносные внешние войны, прежде всего в монгольский период, именно смягчение для населения тяжких последствий поражений, создание более безопасного жизненного пространства определяло привлекательность отдельных территорий (сфера пусть относительного мира сужалась до пределов отдельного княжества или даже пространства православного монастыря). Внешнее окружение определяло неизбежность оборонительных войн. Под 1061 годом, предваряя информацию о нападении половцев, Карамзин запишет: «Мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием»¹⁵¹. Политические лидеры российского средневековья, без сомнения, в той или иной степени соизмерялись историком с главным актером на политической сцене Европы его времени — Наполеоном, за политической эволюцией которого Карамзин столь пристально следил на страницах «Вестника Европы», видя в нем лютого тигра, явившегося в просвещенный век¹⁵². Отнюдь не склонный нивелировать различия в позиции разных представителей рода Рюриковичей, Карамзин акцентировал внимание на миролюбии некоторых из них, в то же время признавая неизбежность их участия в войнах. Говоря о Владимире Мономахе, Карамзин подчеркивал, что он «щадил кровь людей»¹⁵³. Целью политики Мономаха, как и его внука Ростислава¹⁵⁴, представлен мир, «тишина». Афористично выразил историк свое видение правления Всеволода: он «любил мир, и видел беспрестан-

¹⁵⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 24, 93-94, 44.

¹⁵¹ Там же. С. 46.

¹⁵² Карамзин Н. М. Сочинения. Т. I. С. 241, 239.

¹⁵³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 87, 93.

¹⁵⁴ Там же. С. 185.

ное кровопролитие». Цепью ратных действий было и княжение Святополка, чьи «мирные попечения о гражданском благосостоянии Государства» не могли тогда иметь успеха¹⁵⁵. Безусловно знаковый для Руси рубеж XI–XII вв., когда «Князья Российские междуусобием своим усиливали внешних неприятелей»¹⁵⁶, отнюдь не способствовал расширению сферы мира, и симпатии историка оказывались на стороне тех князей, которые соответствовали своему преимущественно военному времени. Тот же Святополк был охарактеризован им как правитель, имевший все пороки малодушных.

Сохраненная Карамзиным летописная традиция презентации событий позволяет проследить, как то расширялось, то сужалось пространство внешних войн, пересекаясь с пространством внутренних конфликтов. Текст, посвященный домонгольскому периоду, свидетельствует о постепенном нарастании перевеса внутренних войн, что сказывается и на общей численности столкновений. Уровень легитимности внутренних войн, по Карамзину, ниже, нежели внешних. Характеризуя середину XI века, Карамзин заметит: «Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лет: Россия не вооружалась только против внешних неприятелей». Без симпатии писал историк о временах «скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных Властителей, коих тени, обогранные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных»¹⁵⁷. В т. VI Карамзин назовет междуусобные войны «бесмысленными драками Княжескими»¹⁵⁸. Негативное отношение к внутренним конфликтам, свойственное еще летописцам, усиливалось и спецификой эпохи, явственно ощущавшей «бедственные следы Революции» во Франции¹⁵⁹, и историографической традицией, осуждавшей «мучительные конвульсии» английской революции¹⁶⁰.

В гл. XII т. II Карамзин подчеркнет: «История сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междуусобия»¹⁶¹. Хро-

¹⁵⁵ Там же. С. 60, 85.

¹⁵⁶ Там же. С. 61.

¹⁵⁷ Там же. С. 45, 44.

¹⁵⁸ Там же. Т. VI. С. 5.

¹⁵⁹ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. I. С. 534-535.

¹⁶⁰ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. I. СПб., 2001. С. 319.

¹⁶¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. С. 129.

ника взаимоотношений между представителями рода Рюриковичей напоминает здесь фронтовые сводки. Год 1147: «Война началась»; «Скоро неприятельские действия возобновились». Год 1149: «Семь тысяч пленников свидетельствовали его победу»; «Затрубили в воинские трубы; солнце закатилось, и шум битвы раздался»¹⁶² и т. д. Исследователь ощутимо отходит от программы воссоздания отечественной истории, намеченной в «Письмах русского путешественника»: «Родословная Князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской Истории...»¹⁶³? Вероятно, приведенный «рецепт» был хорош, пока писан был не для себя. По мере погружения в историю, в уникальные отечественные летописи, привлекательней мог стать подход В. Робертсона, полагавшего, что «ни одного периода в Истории своего отечества нельзя назвать совершенно незанимательным», тогда как «относительно Истории чужих Государств любознательность должна иметь другие пределы»¹⁶⁴. В результате отечественный читатель получил подробную реконструкцию внутренних конфликтов, искони сопровождавших нашу историю. Дополнительным импульсом к детальному воспроизведению «драк Княжеских» послужили, вероятно, и бурные события в Европе на рубеже веков. Освещая «ужасы междоусобной войны» в Швейцарии (1802 г.), Карамзин отдавал предпочтение прямой интервенции «единственно для сохранения порядка, обуздания черни для свободы выборов и законодательных действий в сей Республике». Годом позже Карамзин позитивно оценивал вариант высадки 40 или 50 тысяч на берега Ирландии, так как сия страна «есть ныне самая несчастная на земном шаре, будучи театром ужаса, казней, остерве-

¹⁶² Там же. С. 137, 138, 141, 143.

¹⁶³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 252-253.

¹⁶⁴ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. I. М., 1839. С. IX. В издании 1775 года перевод отличался от аналога 1839 года, акцентировались проблемы обучения, а не исследования истории. Сложно определить, какой вариант перевода был ближе к прочтению Карамзина, однако, учитывая не только исследовательскую, но и педагогическую миссию его труда, безусловно им осознававшуюся, нюансами переводов, думается, можно пренебречь.

нения заговорщиков...»¹⁶⁵. Его подход сходен с позицией ученых конца XX века, трактовавших мир как отсутствие нарушений прав человека¹⁶⁶. В отдельных формулировках в своей «Истории» Карамзин словно предварял трактовку мира как отсутствия структурного насилия, получившую распространение благодаря исследованиям Й. Галтунга¹⁶⁷.

В заключительных строках последнего, незавершенного тома своей истории Карамзин охарактеризует состояние России Смутного времени как некое максимальное наложение внешней и внутренней войн, причем финальной фразой станет краткая формула, звучащая как символическое обобщение русской истории: «Орешек не сдавался...»¹⁶⁸. В политическом и историческом мировоззрении Н. М. Карамзина, таким образом, война и мир являлись одной из центральных дилемм и в силу специфики его перенасыщенной потрясениями эпохи, и в связи с особенностями отечественной истории, историческая реконструкция которой погружала его в бесконечные лабиринты переходов от войны к миру и от мира или перемирия к новой войне, заставляя признавать относительность и скоротечность состояния мира¹⁶⁹.

Изучение научного наследия Н. М. Карамзина позволяет увидеть проблемы войны и мира, как и другие поднимавшиеся в данной работе проблемы, в контексте как минимум трех временных пластов: средневековья и начала нового времени (хронологические рамки его «Истории»), рубежа XVIII–XIX вв. (эпоха Карамзина) и постмодернистской современности, по сей день не выработавшей как оптимального рецепта по поддержанию мира, так и рецептов наилучшего политического устройства для России и не только для

¹⁶⁵ Карамзин Н. М. Сочинения. С. 543, 545, 558.

¹⁶⁶ Matsuo M. Peace and Conflict Studies. A Theoretical Introduction. С. 39.

¹⁶⁷ Ibid. P. 24-34. Именно в таком контексте, представляется, могут быть поняты строки, записанные под 1092 годом: «Сильные утесняли слабых; Наместники и Тиуны грабили Россию как Половцы...» (Т. II. С. 63). Здесь не прямое насилие, вызванное внешними либо внутренними войнами, а само устройство социума обуславливает ситуацию, сопоставимую по своим последствиям с войной.

¹⁶⁸ Там же. Т. XII. СПб., 1831. С. 382

¹⁶⁹ Карамзин Н. М. Сочинения. С. 527, 539. Там же. Т. XII. СПб., 1831. С. 382.

нее. Поиски тех образцов, на которые ориентировался Карамзин в своем историографическом творчестве, заставляют, кроме того, прикоснуться и к античности, и к английской истории эпохи Стюартов, соотнося их с современными активными поисками новых моделей исторического познания, и т. д. Научный потенциал творчества Карамзина может быть выявлен вполне лишь через актуализацию разновременных поисков философов, историков, социологов, политологов, специалистов в области исследований мира и т. д.

Еще в 1977 г. Ю. М. Лотман писал о необходимости прочесть статьи Карамзина «глазами комментатора», о том, что «наступает очередь более детализированного знания», подготовленного предшествующими исследованиями его деятельности¹⁷⁰. Речь в данном случае шла об анализе общественно-политических взглядов историка. Масштабная «История» Карамзина, особенно в адресованной широкому читателю части, по сей день, к сожалению, рассматривается как текст, обращение к которому возможно лишь «из антикварного интереса»¹⁷¹. Между тем, его анализ позволяет воссоздать тот многосторонний диалог с предшественниками и современниками, который формировал Карамзина–историка, закладывая в созданный им главный, итоговый для эпохи российского Просвещения исторический труд скрытые от непосвященных читателей значимые смыслы. Их выявление, дешифровка, адекватное осмысление приблизят нас к пониманию формировавшихся веками особенностей отечественной политической культуры. Конечно же, специфика политического мира Руси определялась не только борьбой монархического, аристократического и демократического альтернативных начал, пробивавших себе дорогу в бесконечной череде войн, в политической активности представителей династии Рюриковичей как членов православного по своим ценностным ориентирам социума. Однако даже пока неизбежно фрагментарный анализ отдельных, немногих аспектов, характеризующих воссозданный Карамзиным политический мир средневековой Руси, опровергает сложившиеся стереотипы: детализированное знание о феномене «Истории государства Российского» необходимо и возможно.

¹⁷⁰ Лотман Ю. М. Карамзин. С. 626.

¹⁷¹ Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 270.

М. В. БИБИКОВ

ЭОН ХРИСТИАНСКИЙ: АСПЕКТЫ САКРАЛИЗАЦИИ

Полисемия категории «эон» в византийской традиции заложена изначальной многозначностью слова, довольно часто в самых разных контекстах употребляемого в Священном Писании. Новозаветные тексты отразили широкий спектр значений термина, воспринятых в процессе усвоения словесных образов эллинистическо-римской традиции. Это наследие, как гностического, так и иудео-христианского, и языческого, и апокрифически-эсхатологического содержания (Herm. Inschr. Par. LXX Hen. TestSal. Test.Abr. Test. Job. Test. 12 Patr. JosAs. Par. Jer. gr Bar 17, 4. 4 Esr. 8, 23 fgm. c. ApkSed. Apk. Mos. Or. Sib. Philo. Jos. Ar. 15, 3. Just. Tat.Ath. 22, 6 φῶσιν αἰῶνος [sc. Isis]. Mel. P. 10, 69 с.а.¹), воплотилось, по крайней мере, в нескольких основных семантических видах значений в новозаветных памятниках, каждая из которых, в свою очередь, имеет и несколько дополнительных подвидов.

Обозначая в принципе время как субстанцию большой длительности, новозаветный «эон» характеризуется как временная протяженность, не имеющая ни конца, ни начала. Это прежде всего относится ко взгляду в прошлое, в древность, в неопределенные «изначальные» (на самом деле — без ...«начала времени») века. Почти формальное выражение «святые от века пророки» — οἱ ἅγιοι ἀπ' αἰῶνος προφῆται (Лук. 1:70 и Деян. Ап. 3:21; ср. 15:18) воспроизводит подобные ветхозаветные фразы (Быт. 6:4, Тов. 4:12, Сир. 14:17; 51:8, Ps Salomon 8:7), встречаемые и во внебиблейской литературе эпохи, например, у Иосифа Флавия (Jos. bell. 1, 12), а в византийскую эпоху в Дигестах Юстиниана (Just. D. 11, 1). «Пророки от века» выражают идеи «дновременного» прошлого, неопределенного за давностью лет.

¹ См. Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der frühchristlichen Literatur, hrsg. v. K. u. B. Aland. Berlin; New York, 1988. S. 51

Вместе с тем предложны образования с рассматриваемым термином, прежде всего с препозитом εἰς, дают иную временную ориентацию — не ретроспективную, а направленную как бы из прошлого в будущее, а то и просто обращенную в бесконечную перспективу. Выражение εἰς τὸν αἰῶνα, «на веки» (Ps Sal. 2:34, 37; Иоанн 4:14 и др.) идентично в таких случаях категории εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον «на всё время» (Р. Оху. 41, 30 и др.) или, как у Иосифа Флавия (Jos. As. 15.3), εἰς τὸν αἰῶνος χρόνον «на вечное время» (4.10). В подобных сочетаниях в Евангелиях и Посланиях апостолов говорится о «вечной жизни» (Ио 6:51, 58), «о вечном пребывании» (Ио 8:35; 12:34; 2 Кор. 9:9; 1 Pt 1:23; 1 J 2:17; 2 J 2). В отрицательном смысле данное выражение имеет в Новом Завете категорический смысл «никогда», «ни во веки веков» (Мф 21:19; Мк 3:29; 11:14; Ио 13:8; 1 Кор. 8:13). Временной смысл в таких, почти формульных, фразах нередко утрачивается, оставляя за собой значение резкого отрицания (Ио 4:14; 8:51сл.; 11:26; 10:28; 13:8: εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος; Лк 1:55 — ἕως αἰῶνος, 2 Pt 3:18 — εἰς ἡμέραν αἰῶνος).

В сходном контексте употребительны и формы множественного числа, особенно в доксологических текстах Нового Завета: εἰς τοὺς αἰῶνας «во веки» (Мф 6:13; Лк 1:33; Нб 13:8). Именно в таком виде «эоны» оказываются в молитвенных формулах эвлогий Христу: εὐλογητὸς εἰς τοὺς αἰῶνας, т.е. «на все времена», «на всю вечность» (Римл. 1:25; 9:5; 2 Кор. 11:31), или αὐτῷ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας — «Ему слава во веки» (Римл. 11:36; 16:27), или чаще «во веки веков» — εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων (Римл. 16:27; Галл. 1:5; Фил. 4:20; 1 Тим. 1:7; 2 Тим 4:18; Нб 13:21; 1 Pt 4:11; 5:11, Апок. 1:6, 18; 5:13; 7:12; 11:15 и др.)

Темпоральные ориентации в подобных случаях осмыслиются через категорию «поколений»: речь идет о прославлении среди будущих поколений живущих, что прямо выражено в сочетании εἰς πάσας τὰς γενεὰς τοῦ αἰῶνος τῶν αἰώνων — «во все роды, от века до века» (Еф. 3:21). Категория зона в этих случаях непосредственно соединяется с категориями родовыми, связанными с понятиями γένος «род»: ἀπὸ τῶν αἰώνων καὶ ἀπὸ τῶν γενεῶν «от веков и родов» (Кол. 1:26); ср. множественное число в ἀπὸ τῶν αἰώνων — «от вечности» (Еф. 3:9) и κατὰ πρόθεσιν τῶν αἰώνων ἣν ἐποίησεν — «по предвечному определению, которое Он исполнил» (Еф. 3:11). Таким образом, формы плюралиса подчеркивают множественный,

длительный характер категории «вечности», однако, с учетом параллелизма понятий αἰῶνες/ γενεαί — «века» / «роды» (εἰς πάσας τὰς γενεὰς τοῦ αἰῶνος τῶν αἰῶνων — Кол. 1:26), — не беспредельный.

Вторую группу значений изучаемой категории представляют тексты, где «эон» обозначает определенный временной отрезок, — «век» в значении период жизни, в том числе и в настоящем и даже в будущем. Выражение «век нынешний» — ὁ αἰὼν οὗτος в Евангелие от Матфея (Мф 12:32) противопоставляет настоящее время будущему. Этот век преисполнен грехом, нуждой, поэтому естественно сочетание ἡ μέριμνα τοῦ αἰῶνος (v.1+ τούτου) — «забота века сего» (Мф 13:22). С тем же кругом значений «века нынешнего» связаны понятия богатства (πλοῦτος), как преходящего богатства: «заботы века сего, обольщения богатством и другие пожелания... <заглушают слово>» (αἱ μέριμναι τοῦ αἰῶνος καὶ ἡ ἀπάτη τοῦ πλούτου: Мк 4:19).

«Детями этого века» называет Евангелист Лука граждан мира Божьего (οἱ υἱοὶ τοῦ αἰῶνος τούτου: Лк 16:8), в отличие от «детей, удостоенных того века» (οἱ δὲ καταξιωθέντες τοῦ αἰῶνος ἐκείνου: Лк 20:35). Вообще, «эон» в сходных по смыслу новозаветных текстах обозначает «мир» в его «мирском» значении. «Царства мира сего» (βασιλεῖαι τοῦ αἰῶνος τούτου: Римл. 6:1) суть категории преходящие. Нехристианский фон подобных категорий в I Послании к Коринфянам проявляется в выражениях συζητητῆς τοῦ αἰῶνος τούτου (1 Кор. 1:20), σοφία οὐ τοῦ αἰῶνος τούτου (2:6), ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ (3:18), т.е. «совопросник века сего», «мудрость не века сего», «в веке сем». Более того, властителем «этого века Эона» предстает дьявол. Он — «Бог этого века» (ὁ θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου: 2 Кор. 4:4), «владыка этого века» (ἄρχων τοῦ αἰῶνος τούτου: I Эф. 17:1; 19:1; ἄρχοντες τοῦ αἰῶνος τούτου: I Кор. 2:6,8).

В таком контексте «эон» представляет «век нынешний» ὁ νῦν αἰὼν (ср. Быт. 148:21): в нем — свои богатства (πλούσιοι ἐν τῷ νῦν αἰῶνι: 1 Тим. 6:17) и своя любовь (ἀγαπᾶν τὸν νῦν αἰῶνα: 2 Тим. 4:10). Современность определяется новозаветным словосочетанием «настоящий эон» ὁ αἰὼν ὁ ἐνεστώς (Гал. 1:4). Его преходящий, временный характер определяется частыми упоминаниями его «конца», «предела», «завершения»: συντέλεια (τοῦ) αἰῶνος (Мф. 13:39, 49; 24:3; 28:20).

Применительно к будущему времени эон представляется грядущим мессианским веком: ὁ αἰὼν μέλλων и у Иосифа Флавия (Jos. Ant. 18, 287; Ag. 15, 3) и у Оригена (Orig. C. Cells. 8, 48, 20) знаменует собой новое, грядущее время, противостоящее современности. В таком значении, как временной и содержательной альтернативы «веку сему», т. е. настоящему (αἰὼν οὗτος) «будущий эон» предстает в Евангелии от Матфея (Матф. 12.32: οὐτε ἐν τούτῳ τῷ αἰῶνι οὐτε ἐν τῷ μέλλοντι: «ни в сем веке, ни в будущем») и в Послании ап. Павла к Ефессянам (Еф. 1:21: οὐ μόνον ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ μέλλοντι: «не только в сем веке, но и в будущем»). В противоположность «этой зоне» будущий век часто называется «тем зоном» — αἰὼν ἐκεῖνος (напр., Лк 20:35: τοῦ αἰῶνος ἐκεῖνου τυχεῖν — «достигнуть того века»). Он же определяется как «наступающий, последующий» век (ὁ αἰὼν ὁ ἐρχόμενος Мк 10:30; Лк 18:30; ἐν τοῖς αἰῶσιν τοῖς ἐπερχομένοις «в грядущих веках» — Еф. 2:7).

Именно в отношении грядущего века, противостоящего «этой миру» (οὗτος ὁ κόσμος), т. е. современности, осуществляется сакрализация эона: он описывается как «святой» (ὁ ἅγιος αἰὼν: Barnabas-brief. 10, 11).

Раннехристианское представление о столкновении в скором времени двух веков — настоящего и грядущего (первого — «века-эона страстей»: Слав. Енох. 65:8, второго — «века без печали», αἰὼν ἀλύπητος; 2 Климента посл. 19:4), породило идею о «конце эонов» в этой коллизии: в Первом послании к Коринфянам (1 Кор. 10:11) прямо говорится, что мы «переживаем конец веков» (τὰ τέλη τῶν αἰῶνων). Именно в Новом Завете в связи с развитием представлений об Эоне как мировом времени получает распространение идея «конца света» — «конца эона» (συντέλεια τοῦ αἰῶνος: Мф. 13:39; 40, 49; 24:3; 28:20), как и эсхатологические определения, связанные с эоном и почерпнутые из ветхозаветной традиции (ἐπ' ἐσχάτοις αἰῶσιν в книге Еноха — 27:3); συντέλεια τοῦ αἰῶνος (Sir. 43:7; 4 Esr. 6:25; s Bar. 54:21; 69:4; 83:7; ἕως πληρωθῆσιν καιροὶ αἰῶνος Tob. 14:5 BA; μέχρι τέρατος αἰῶνος Sib. 3:756f; στοιχάσασθαι τὸν αἰῶνα Sap. 13:9; ἀπέλιπεν τῷ αἰῶνι σπέρμα 14:6).

Таким образом, сакрализация эона в раннехристианской традиции оборачивается утратой абсолютного качества безначальности и бесконечности рассматриваемой категории в условиях ее разделения

на две разных субстанции — «прошло-настоящего» и «будущего-грядущего», предполагая «конечность» одного и «начало» другого. Эон на этом уровне обретает черты реального времени.

Тем более показательным является употребление в новозаветных текстах словосочетания «вековые времена» (χρόνοι αἰώνιοι: Рим. 16:25; 2 Тим. 1:9; Тит. 1:2), интерпретируемого часто как *con-
tradictio in adiecto*².

Таким образом, сочетание двух эонов, — одного, связанного с современностью, ограниченного определенными пределами, вплоть до представлений о его конце, и другого, — устремленного в будущее, беспредельного, при этом неизвестного и таинственного, оказывается в состоянии внутреннего противоречия. «Современный эон» сопричастен мировому времени, в то время как «эон грядущий» скорее объясняет пространственную субстанцию «нового века» Царствия будущего. В этом, втором эоне образ Царствия Божьего в очертаниях «нового неба и новой земли» воплощает пространственные категории в атрибутах временных, точнее, — «сверхвременных», ибо этот «грядущий эон» в своем вековечном движении противостоит количественно исчисляемому и имеющему начало и конец времени. Оба эона противостоят друг другу как «вечность» и «время».

В Новом Завете противопоставление современности и будущего эона встречается в синоптических Евангелиях, у апостола Павла и во девтеропавлианских текстах. Так в Евангелии от Луки сказано, что «нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (οὐδεὶς ἐστὶν ὃς ἀφήκεν οἰκίαν ἢ γυναῖκα ἢ ἀδελφοὺς ἢ γονεῖς ἢ τέκνα ἕνεκεν τῆς βασιλείας τοῦ θεοῦ, ὃς οὐχὶ μὴ ἀπολάβῃ πολλαπλασίου ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ καὶ ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ ζωῆν αἰώνιον Лк. 18:29-30). А в другом стихе «сыны века сего» (οἱ υἱοὶ τοῦ αἰῶνος τούτου) противопоставлены «сынам света» (ὑπὲρ τοὺς υἱοὺς τοῦ φωτός: Лк 16:8), как — немного ниже в тексте — «чада века (эона) сего» (οἱ υἱοὶ τοῦ αἰῶνος τούτου) противостоят «сподобившимся достигнуть того века (эона) и воскресения из мерт-

² Kittel G. Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament. 1. Bd. Stuttgart, 1957. S. 199.

вых»: οἱ δὲ καταξιοθέντες τοῦ αἰῶνος ἐκείνου τυχεῖν καὶ τῆς ἀναστάσεως τῆς ἐκ νεκρῶν (Лк. 20:34-35). В Евангелии от Матфея также имеется подобное противопоставление: οὔτε ἐν τούτῳ τῷ αἰῶνι οὔτε ἐν τῷ μέλλοντι (Мф 12:32), т.е. «ни в сем веке, ни в будущем» — говорит Евангелист.

Временной, и одновременно временный, преходящий характер «века нынешнего» подчеркивается нередким употреблением в формульных выражениях вместо ὁ νῦν αἰὼν — «настоящий век», «нынешний век» (1 Тим. 6:17; 2 Тим. 4:10; Тит. 2:12), и ὁ αἰὼν οὗτος — «век сей» (Римл. 12:2; 1 Кор. 1:20, 2:6,8; 3:18; 2 Кор. 4:4) сочетаний ὁ καιρὸς οὗτος — «время сие» (Мк. 10:30; Лк. 18:30) или ὁ νῦν καιρὸς — «настоящее время», «нынешнее время», «ныне» (Рим. 3:26; 8:18; 11:5; 2 Кор. 8:14). Пространственный смысл приобретает замена рассматриваемой категории выражением «мир сей» — ὁ κόσμος οὗτος (1 Кор. 3:19; 5:10; 7:31; Еф. 2:2). «Век грядущий» обозначает Новый мир, лучший, чем современность, мир Царствия Божьего. Именно таков смысл подобных противопоставлений в Посланиях Апостола Павла: οὐ μόνον ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ μέλλοντι (Еф. 1:21; ср. Мф. 12:32: οὐκ ἀφεθήσεται αὐτῷ οὔτε ἐν τούτῳ τῷ αἰῶνι οὔτε ἐν τῷ μέλλοντι), т.е. «не только в сем веке, но и в будущем» (ср. «не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»).

Итак, в новозаветных текстах Эон часто предстает «миром» в пространственном, или близком к нему, значении³. Этот мир-эон создан Богом через Сына (Евр. 1:2), или через Слово-Логос (11:3). Поэтому Бог является «Царем эонов» (βασιλεὺς τῶν αἰώνων: 1 Тим. 1:17; Апок. 15:3). Еще показательнее употребление в данном контексте прилагательного αἰώνιος — «вечный». Формульными становятся выражения, определяющие Царствие Небесное — Божье Царство как «жизнь вечную» (Мф. 19:16, 29; 25:46; Мк. 10:17, 30; Лк. 10:25; 18:18, 30; Ин. 3:15сл.; 36; 4: 14, 36; 5:24, 39; 6:27, 40, 47, 54, 68; 10:28; 12:25, 50; 17: 2 сл.; Деян. 13:46, 48; Рим. 2:7; 5:21; 6:22 сл.; Гал. 6:8; 1 Тим. 1:16; 6:12; Тит. 1:2; 3:7; 1П 1:2; 2:25; 3:15; 5:11, 13, 20; Иуд. 21) или как «вечное Царство» — βασιλεία αἰώνια (2 Петр. 1:11).

Наконец, в апостольских Посланиях можно увидеть и персонифицированное восприятие эона, хотя в целом новозаветной традиции чужда персонификация божества эллинистического синкретизма. «Эон мира сего» (ὁ αἰὼν τοῦ κόσμου τούτου: Еф. 2:2), хранитель

³ Zorell Fr. *Lexicon Graecum Novi Testamenti*. Parisiis. 1931. P. 47.

тайны (Кол. 1:26; Еф. 3:9), является у автора конца V в. Симпликия персонификацией Творца: οἱ αἰῶνες у него действуют наряду с «матерью жизни» (μήτηρ τῆς ζωῆς) и демиургом (δημιουργός: Simplicius in Epict. P. 81, 15).

Многозначность категории «эона» в новозаветной традиции объясняется преломлением в ней самых разных предшествующих концепций эона — от классической античной до гностической и иудаистской⁴.

Ставшие в Новом Завете формулами выражения «во веки веков» типа εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος (Евр. 1:8; ср. Евр. 13:21; 1 Петр. 4:11; 5:11), εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰώνων и даже εἰς ἡμέραν αἰῶνος (2 Pt 3:18) восходят, несомненно, к соответствующим определениям Септуагинты, где категория Эона отражает ветхозаветные понятия «беспредельно отдаленного прошлого», причем, — что особенно важно, — времени скрытого, тайного, сокровенного, тем самым сакрального (ἄγιστον). Все приведенные формульные сочетания, происходящие из древнееврейских соответствующих выражений⁵, сохраняют идею сакрального сокровенного, даже «темного», не ясного, не определяемого обычными темпоральными критериями, времени⁶. Характерно в данном контексте определение второго Послания к Коринфянам, что τὰ βλεπόμενα πρόσκαιρα, τὰ δὲ μὴ βλεπόμενα αἰώνια (2 Кор. 4:18), т. е. «видимое временно, а невидимое вечно». Эти слова буквально процитирует Игнатий Антиохийский (ум. ок. 107 г.) в Послании к римлянам⁷. На этом фоне закономерно вырастает образ «вечности Бога»: «Бог вечный» — ὁ αἰώνιος θεός (Рим. 16:26) в Новом Завете воспроизводит формулу, хорошо знакомую по ветхозаветным текстам (Gn 21:33; Js. 26:4; 40:28; Bar. 4:8, 10 ss; Susanna 42; 2 Makk 1:25; 3 Makk 6:12).

⁴ Jennings G. E. A Survey of αἰών and αἰώνιος and their Meaning in the NT. 1948; Stadtmüller G. Aion // Saeculum, 2. 1951. S. 315-20; Classen C. J. Rev.: Degani E. ΑΙΩΝ da Amero ad Aristotele, 1961 // Guernica, 34. 1962. P. 366-370; Cullmann O. Christus und die Zeit, 3. 1962; Treu M. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften, des Neues Testaments und der frühchristlichen Literatur. 6 Aufl. Berlin; New York, 1988. S. 51-54.

⁵ Kittel G. Theologisches Wörterbuch... 1. Bd. S. 200

⁶ v. Orelli C. Die hebräische Synonyma der Zeit und Enigheit. 1871. S. 70.

⁷ PG VI, 689A.

Категория Бога связана с представлением о нескончаемой вечности: Бог, который $\acute{\omicron} \zeta\acute{\omega}\nu \epsilon\iota\varsigma \tau\omicron\upsilon\varsigma \alpha\iota\acute{\omega}\nu\alpha\varsigma$ — «живущий во веки веков» (Откр. 4:9; 10:6; 15:7), извечен как и сам Эон. А объединение в апокалиптических текстах категорий Бога, Эона-«вечности» и жизни также симптоматично. При всей сложности этимологических атрибуций имени $\alpha\iota\acute{\omega}\nu$, его возводят к индо-европейскому корню $a\acute{i}no$, $\bar{a}ju$ (ср. санскр. $\bar{a}yu$, лат. $aevum$), обозначающему «жизнь», «жизненную силу», «время жизни»⁸.

Раннехристианская литература первых веков сохранила основные значения категории $\alpha\iota\acute{\omega}\nu$ — эон новозаветной традиции, но некоторые из них получили дополнительные акценты. В так называемом Послании апостола Варнавы (Επιστολή καθολική, *Epistola Catholica*), также приписываемом Апостолу со времен Оригена во II и в III вв., а затем даже включенном в древнейший из сохранившихся полный греческий список Библии — *Codex Sinaiticus* (ок. 325 г.), «грядущий век», противопоставляемый «миру сему», называется прямо «святым эоном»: $\acute{\omicron}\tau\iota \acute{\omicron} \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\omicron\lambda\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\nu \tau\omicron\upsilon\tau\omicron \tau\acute{\omega} \kappa\acute{\omicron}\sigma\mu\omicron \pi\epsilon\mu\pi\alpha\iota\tau\epsilon\acute{\iota}, \kappa\alpha\iota \tau\omicron\nu \acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\nu \alpha\iota\acute{\omega}\nu\alpha \acute{\epsilon}\kappa\delta\acute{\epsilon}\chi\epsilon\tau\alpha\iota$ ⁹. У Оригена «весь эон» — это «толика Бога»: $\alpha\iota\acute{\omega}\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \acute{\omicron}\lambda\omicron\varsigma \tau\omicron \mu\iota\kappa\rho\acute{\nu}\nu \tau\omicron\upsilon \theta\epsilon\omicron\upsilon$ (Orig. Hom. 12.10 in Jerem.¹⁰).

Значение, близкое к временно-пространственному понятию «Царствия Божия», переданное в Экклезиасте ($\sigma\acute{\upsilon}\nu \tau\acute{\alpha} \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha \acute{\epsilon}\pi\omicron\iota\eta\sigma\epsilon\nu \kappa\alpha\lambda\acute{\alpha} \acute{\epsilon}\nu \kappa\alpha\iota\rho\acute{\omega} \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \kappa\alpha\iota\gamma\epsilon \sigma\acute{\upsilon}\nu \tau\omicron\nu \alpha\iota\acute{\omega}\nu\alpha \acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\epsilon\nu \acute{\epsilon}\nu \kappa\alpha\rho\delta\iota\acute{\alpha} \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\nu$, т. е. «все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их» Eccl. 3.11)¹¹, как очевидный геобразим¹², встречается в текстах Игнатия Антиохийского (ок. 115)¹³ и Татиана (ок. 170 г.)¹⁴.

⁸ Lackeit C. *Aion Zeit und Ewigkeit in Sprache und Religion der Griechen*. I. 1916. S. 7 ff.; cf. Clemen C. *Aion* // RGG2 I. 1927. S. 171; Kittel R. *Die hellenistische Mysterienreligion und das AT*. 1924; Meyer E. *Ursprung und Anfänge des Christentums*. II. 1921. S. 83ff.; Christensen A. *Études sur le Zoroastrisme de la Perse antique* (1928). P. 45 ff.; Schaedel H. *Die neutestamentische Äonenlehre* (1930).

⁹ PG 2, 756B.

¹⁰ PG 13, 392 D.

¹¹ *Septuaginta*. Vol. II. Stuttgart, 1962. S. 244.

¹² Sophocles E.A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. I. New York, s.a. (ND). P. 98.

¹³ $\kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\lambda\alpha\theta\epsilon\nu \tau\omicron\nu \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha \tau\omicron\upsilon \alpha\iota\acute{\omega}\nu\omicron\varsigma \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon \eta \pi\alpha\rho\theta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha \text{Μαρία}...$ Πώς οὖν ἐφανερώθη τοῖς αἰώσιν; Ἄστηρ ἐν οὐρανῷ ἔλαμψεν и т. д. // PG 5, 660A.

¹⁴ PG 6, 852 B.

Ранневизантийская патристика расширила спектр многозначности категории αἰών. Так, Григорий Назианзин прямо отрицает какую-бы то ни было связь между эоном и временем-«хроносом»: αἰών γὰρ οὔτε χρόνος, οὔτε χρόνου τι μέρος... ἀλλ ὅπερ ἡμῖν ὁ χρόνος... τοῦτο τοῖς αἰδίοις αἰών, τὸ συμπαρεκτεινόμενον τοῖς οὖσιν, т. е. «вечность не есть ни время, ни часть времени... но что для нас время... то для вечных вечность, нечто сопряженное с вечными существами» (Gr. Naz. Or. 38.8)¹⁵. Для Феодора Мопсуестийского эон не является вообще физически («природно») определенной ипостасью, но неким мыслимым протяжением (дословно, «пространством») времени: αἰών ἐστὶν οὐ φύσις ἐν ὑποστάσει γνωριζομένη ἀλλὰ διάστημα, ὅπως ποτὲ ἐπινοούμενον χρόνου εἴτε μικρὸν εἴτε μέγα, т. е. «вечность есть не сущность, различаемая в ипостаси, но протяженность, мыслимая как-то временем, малая или большая» (Theod. Mops. Comm. in Gal. I)¹⁶. Это определение повторяет Феодорит Кирский, отказывая эону в наличии субстанции («ипостаси»): ὁ αἰών... ἀνυπόστατον χρῆμα, συμπαρομαρτοῦν τοῖς γενητῆν ἔχουσι φύσιν, т. е. «эон... — вещь внеипостасная, сопутствующая имеющим врожденную природу» (Theodoret Cyr. Heb. 1:2)¹⁷. Для Феодорита это — «некое пространство времени», то безмерного, то соизмеримого с творением и даже с человеческой жизнью: ὁ αἰών ...διάστημα τι χρόνου δηλωτικόν, ποτὲ μὲν ἀπείρου, ὅταν περὶ θεοῦ λέγεται, ποτὲ δὲ τῆ κτίσει συμμέτρου, ἄλλοτε δὲ τῆ ἀνθρωπίνῃ ζωῆ¹⁸.

Неадекватность трактовки рассматриваемой категории, по-видимому, была очевидна уже самим ранневизантийским авторам. Во всяком случае Иоанн Дамаскин в тексте «О веке» сочинения «О правой вере» категорически пишет о полисемии имени «эон», значение которого охватывает как жизнь отдельного человека, так и тысячелетний период времени, как настоящее, так и будущее, в том числе и бесконечность после Вознесения; при этом Иоанн Дамаскин повторяет и определения Григория Назианзина: τὸ τοῦ αἰῶνος ὄνομα πολύσημόν ἐστι... αἰών γὰρ λέγεται... ἢ ἐκάστου τῶν

¹⁵ PG 36, 320B.

¹⁶ Swete H. B. Theodori episcopi Mopsuesteni in epistolas beati Pauli Commentarii. Cambridge, 1880. Vol. I. P. 5. 18 = PG 66, 897 D.

¹⁷ J. L., J. A. ... Halle, 1769–1774, Vol. 3. S. 546.

¹⁸ Theod. Cyr. Haereticarum fabularum compendii 5. 6 // Schultze J. L., Noesselt J. A. ... Halle, 1774. Vol. 4. S. 399.

ἀνθρώπων ζωή... πάλιν... ὁ χιλίων ἐτῶν χρόνος· πάλιν... ὅλος ὁ παρὼν βίος, καὶ αἰὼν ὁ μέλλων, ὁ μετὰ τὴν ἀνάστασιν ἀτελεῦτος... πάλιν... οὐ χρόνος, οὐδὲ χρόνου τι μέρος... ἀλλὰ τὸ συμπαρεκτεινόμενον τοῖς αἰδίοις... ὅπερ γὰρ τοῖς ὑπὸ χρόνον ὁ χρόνος, τοῦτο αἰδίοις ἐστὶν αἰὼν, т. е. «имя века — многозначаче... ибо называется веком и жизнь каждого из людей. Опять называется веком вся настоящая жизнь, веком — также и будущая, бесконечная, после Воскресения. Веком опять называется не время и не какая-либо часть времени <измеряемая движением и бегом солнца, т.е. составляемая днями и ночами, но как бы некоторое временное движение и расстояние, которое тянется подле и вместе с тем, что — вечно>. Ибо что именно есть время для того, что находится в зависимости от времени, этим для вечности служит век¹⁹.

Патристика привносит в трактовку категории эона понятия меры, границы, измерения. Григорий Нисский уподобляет эон мере и пределу движения человеческой мысли, но находящееся вне эона считает недоступным пониманию: ἔοικεν οἷόν τι μέτρον καὶ ὄρος τῆς τῶν ἀνθρωπίνων λογισμῶν κινήσεως καὶ ἐνεργείας ὁ αἰὼν καὶ τὰ ἐντὸς τούτων εἶναι, τὰ δὲ ὑπερκεείμενα τούτων ἄληπτα... λογισμοῖς μένει²⁰. Там же он пишет, что всякое основание измеряется пространством («протяжением») эонов: ἢ κτίσις πᾶσα τῶ τῶν αἰῶνων διαστήματι παραμετρεῖται (ib. P. 128. 1 = PG 45, 364 D)²¹.

Иоанн Златоуст же непосредственно сближал эон с категорией времени, описывая его через темпоральные характеристики. В комментарии на Послание к Галатам, он прямо определяет эон как «время в днях и часах»: τί ποτέ ἐστὶν αἰὼν; ... χρόνος ἐν ἡμέραις καὶ ὥραις (Jo. Chrys. Commentarium in Gal. 1:4)²².

Кирилл Александрийский ничто из сотворенного не считал происходившим «до эона», но созданным «во времени» («в срок»), тем самым сопоставляя категории «вечности» и «срока»: οὐδὲν τῶν κτισμάτων προγενεστέραν τοῦ αἰῶνος ἔχει τὴν γένεσιν, ἀλλ' ἐν

¹⁹ Jo. Damasc. De fide orthodoxa libri quattuor, 2. 1 // PG 94, 861B.

²⁰ Greg. Nyss. Contra Eunomium I // Jaeger W. Gregorii Nisseni opera. Berlin, 1921. Vol. I. S. 129. 16 = PG 45, 365C.

²¹ См. Balás D. Eternity and Time in Gregory of Nyssa's Contra Eunomium // Gregor von Nyssa und die Philosophie, ed. H. Dörrie. Leiden. 1976. S. 128-155.

²² de Montfaucon B. Joannis Chrysostomi opera omnia. 2nd ed. (Gauame). Paris, 1839, vol. 10. P. 663D= PG 61, 618A.

χρόνω πεποιήται (Cyrill. Alex. Thesaurus de Trinitate. 32)²³. Наконец, об эоне как понятии, ограниченном оригенистами четким временем, говорится в тексте «О сектах», приписываемом традицией Леонтию Византийскому (ум. ок. 543 г.), принадлежавшем же, по видимому, Феодору Раифскому (ум. ок. 625 г.): λέγουσι [οἱ Ὀριγενισταί]... ὅτι τὸ τοῦ αἰῶνος ὄνομα ἐπὶ ὠρισμένου χρόνου λαμβάνεται, καὶ ὅταν εἴπη ἢ γραφῆ ὅτι αἰωνία ἐστὶν ἢ κόλασις, οὐ λέγει εἰμὴ ἐπὶ ὠρισμένου χρόνου²⁴, т. е. «говорят [оригенисты], что имя века понимается во временном ограничении, и когда Писание говорит, что муки вечны, то говорит оно ни о чем ином, как об ограниченных во времени».

Ограничению во времени соответствует возможность хронологического счета. Поэтому естественно, что в ряде патристических текстов эон становится доступен летосчислению. В приписываемой Василию Великому гомилии «сей век» — эон «преисполняется на седьмой день» (Basil. Caesar. Cappad. Homiliae de hominis structura. 2.2)²⁵. В тексте сочинения о соляных циклах, связываемого традицией с именем Андрея Критского, при расчете дня Пасхи рекомендуется учитывать определенное число лет «от эона»: Εἰς τὸ εὐρεῖν σε τὸ νομικὸν Πάσχα, κράτησον τοῦ ἐπιζητουμένου ἔτους τὸν κύκλον τῆς σελήνης, ὅποσος ἐστὶ, καὶ ἐνδεκαπλασίασον αὐτόν· πρόσθεε δὲ καὶ ἑτέρας ζ' τῶν ἀπ' αἰῶνων· ἰστέον δέ, ὅτι εἰς τὸν ιζ' κύκλον, καὶ ιη', καὶ ιθ' οὐ προστίθης ζ' τῶν ἀπ' αἰῶνων, ἄλλα ζ' — «Для того, чтобы тебе найти законную Пасху, определи лунный цикл требуемого года, какой он (по счету), умножив его на одиннадцать; прибавь и еще шестерку веков. Следует знать, что к семнадцатому циклу, и к восемнадцатому, и к девятнадцатому нужно прибавлять не шестерку веков, а семерку»²⁶. Иоанн Дамаскин также рассчитывает число эонов «мира сего»: λέγονται... ἑπτὰ αἰῶνες τοῦ κόσμου τούτου... ἀπὸ τῆς οὐρανοῦ καὶ γῆς κτίσεως μέχρι τῆς κοινῆς τῶν ἀνθρώπων συντελείας τε καὶ ἀναστάσεως (Jo. Damasc. De fide orthodoxa... 2.1)²⁷, т. е. «итак,

²³ Aubert J. Cyrilli Opera. Paris, 1638. Vol. 5. P. 290A.

²⁴ PG 86, 1265D.

²⁵ Garnier J., Maran P. Basilii opera omnia. Paris, 1739. Vol. I. P. 342 C = PG 30, 49D.

²⁶ PG 19, 1329 C.

²⁷ PG 24, 861C.

говорят о семи веках этого мира, т. е. от сотворения неба и земли до общего конца [бытия] людей, так и воскресения».

Исчисление «века» — эона предполагает тем самым и его «завершение». Так, в Апокалипсисе Еноха эон определяется как период от Сотворения мира до Страшного Суда: *μέχρις ἡμέρας τελειώσεως... ἐν ᾗ ὁ αἰὼν ὁ μέγας τελεσθήσεται* (Апок. Еп.)²⁸. В евсевиевском фрагменте на Богоявление периодом «великого эона жизни» определяется время до Воплощения: *ὁ μακρὸς αἰὼν τοῦ βίου πρὸ τῆς τοῦ σωτῆρος θεοφανείας*, т.е. «великий век («эон») жизни — до Богоявления Спасителя» (Euseb. Caes. *Fragmenta ex opera de Theophania*. 6)²⁹. В «*Demonstratio Evangelica*» Евсевий время по прошествии многих веков определяет как период после «длинного эона»: *μετὰ τὸν μακρὸν αἰῶνα* (Euseb. Caes. *Demonstr. Evangelica* 2.3)³⁰. У Прокопия из Газы говорится об отпущении грехов святым в шесть дней эона: *διόλου γὰρ τοῦ ἐν ἕξ ἡμέρας αἰῶνος οἱ ἅγιοι πάντες ἄφεσιν ἀμαρτημάτων κηρύττουσι* (Procop. *Gaz. Commentarii in Josue*. 6:4)³¹.

Поэтому не удивительно, что Геласий Кизический в «Церковной истории» (после 475 г.) утверждает календарный подход к «веку»-эону. Для него эоны «этого мира» состоят из периода дня и ночи: *οἱ αἰῶνες οἱ ἐν τῷδε τῷ κόσμῳ ἐκ τῆς περιόδου τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτὸς τὴν σύστασιν ἔχουσι, τὸ δὲ προυπάρξει ἐπὶ τοῦ αἰῶνος τούτου*, т.е. «эоны этого мира состоят из периодов дня и ночи, (что есть) первичное основание века («эона») сего» (Gelas. *Cyzic. Hist. ecclesiastica*)³² (Псевдо-) Дионисий Ареопагит («О божественных именах») также сближает эон с житейским временем: *πολλάκις τὰ ἀρχαιότατα τῆ τοῦ αἰῶνος ἐπωνυμία χαρακτηρίζει καὶ τὴν ὅλην... τοῦ καθ' ἡμᾶς χρόνου παράτασιν αἰὼν προσαγορεύει*³³, т. е. «часто

²⁸ Flemming J. and Rademacher L. *Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*. Leipzig, 1901. S. 16. 1.

²⁹ Gressmann H. *Die Griechischen Christlichen Schriftsteller...* Leipzig, 1904. Bd. 3². P. 20.3 = PG 24. 628B.

³⁰ Ibid. P. 92.7 = PG 22, 161 D.

³¹ PG 87, 1013B.

³² Loeschke G. Heinemann M. *Die Griechischen Christlichen Schriftsteller...* 28. Leipzig. 1918. S. 2. 17. 28 = PG 85. 1272 A.

³³ Dion. Areop. *De divinis nominibus*. 10. 3 // PG 3. 937C.

под именем «вечного» [Писание] характеризует древнейшее, а вечность («эон») означает целое протяжение нашего времени».

В развитие такого понимания «века сего» в раннехристианских текстах эон предстает подчас в пейоративном свете, как олицетворение мирских соблазнов. Игнатий Антиохийский (ум. ок. 107 г.) отвергает «пределы (по другому чтению, «радости») мира («космоса») и царствия века («эона») сего»: οὐδὲν με ὠφελήσει τὰ πέρατα τοῦ κόσμου, οὐδὲ αἱ βασιλείαι τοῦ αἰῶνος τούτου («ни к чему мне ни пределы мира, ни царства века сего») ³⁴. В тексте II в. также говорится о том, что «век (эон) сей есть зима для праведников»: ὁ αἰὼν οὗτος τοῖς δικαίοις χειμῶν ἐστι. ³⁵ Ориген в схолиях к Апокалипсису, ссылаясь на притчу о десяти девах, утверждает, что «всякий настоящий (т. е. «сегодняшний») век («эон») называется по идее ночью...»: ὁ πᾶς ἐνεστηκὼς αἰὼν νῦν ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπίνοιαν, ὡς δηλοῖ ἡ παραβολὴ τῶν ἰ' παρθένων ³⁶. Иоанн Златоуст, в соответствии с комментируемой им фразой из Послания к Галатам (ἐκ τοῦ πονηροῦ αἰῶνος τούτου ἐνεστῶτος — «(чтобы избавить нас) от настоящего лукавого века»: Gal. 1.4), допускает проявление «злого века (эона)» в «злых деяниях»: ὅταν ἀκούσης πονηρὸν αἰῶνα, τὰς πράξεις νόει τὰς πονηράς, т. е. «как услышишь о лукавом веке, думай о лукавых деяниях» ³⁷.

В патристических текстах можно встретить и более категоричное понимание «эона–мира–века сего» как царства дьявола. Как правило, именно этот смысл вкладывается в выражения типа «владыка» или даже «бог» «эона сего» (т. е. земной жизни). «Архонт эона сего» (τοῦ ἄρχοντος τοῦ αἰῶνος τούτου) у Игнатия Антиохийского ³⁸ — не кто иной, как сатана. Он же называется «богом мира (эона) сего и вором высшей славы» (ὁ νομισθεὶς εἶναι θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου

³⁴ Ignat. Antioch. Epist. ad Romanos 6.1 // Bihlmeyer K. Die Apostolischen Väter. Tübingen, 1924. S. 96 ff.: cf. τὰ τερπνὰ τοῦ κόσμου // PG 5. 692B.

³⁵ Hermas. Similitudines Pastoris. 3.2 // Lightfoot J.B. Apostolic Fathers. London, 1898. P. 341 sq.

³⁶ Origen. Schol. 9 in Apocal. // Diobouniotis C. J. & Harnack A. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur, 38³. Leipzig, 1911. S. 24.

³⁷ Jo. Chrys. Comm. in Galat. 1:4 // de Montfaucon B. Joannis Chrysostomi Opera omnia, 2 ed. (Gaume). Paris, 1834–9. V. 10. P. 664^b=PG 61. 618.

³⁸ Ignat. Antioch. Epist. ad Ephesios // Bihlmeyer K. Die Apostolischen Väter... P. 17.1.

καὶ τῆς ἀνωτάτω δόξης κλοπεύς) в тексте Кирилла Александрийского³⁹, повторяющем слова Апостола Павла из Второго Послания к Коринфянам (ἐν οἷς ὁ θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου ἐτύφλωσε τὰ νοήματα τῶν ἀπίστων — т. е. «[закрыто благовествование наше] ... для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы»: 2 Кор. 4. 3–4). Силами зла представляются «архонты века (эона) сего» у Оригена (τῶν ἀρχόντων τούτου τοῦ αἰῶνος)⁴⁰.

Связью эона — «века нынешнего» с дьяволом обычно определяются еретические учения, осуждаемые патристикой. Так, по Епифанию, эбиониты, изъав удел века (эона) будущего у Христа, уверовали в дьявола как век (эон) нынешний (τὸν μὲν Χριστόν... τοῦ μέλλοντος αἰῶνος εἰληφέναι τὸν κλῆρον, τὸν δὲ διάβολον τοῦτον πεπιστεῦσθαι τὸν αἰῶνα⁴¹). Иоанн Златоуст приписывает манихеям утверждение, что дьявол есть «бог мира (эона) сего» («ὁ θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου»... τὸν διάβολον ἐνταῦθα λέγεσθαι⁴²).

В соответствии со столь негативным толкованием Отцами Церкви категории «эона–века сего» определяется, в полном противопоставлении с изначальной идеей эона, «конец», «предел» этого века. Прокопий Газский считает выражение Священного Писания «до сего дня» идентичным понятию «вплоть до свершения настоящего века–эона» («ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας» ὅπερ ἐν τῇ γραφῇ μέχρι τῆς συντελείας τοῦ παρόντος αἰῶνος δηλοῖ⁴³). Мефодий Олимпийский (ум. в 311 г.) Воскресение (из мертвых) называет началом «будущего века (эона) и концом нынешнего» (ἡ ἀνάστασις, τοῦ μέλλοντος μὲν ἀρχὴ αἰῶνος ὑπάρχουσα, τούτου δὲ τέλος⁴⁴). В тек-

³⁹ Cyril. Alex. Contra Julianum // Aubert J. Cyrilli Opera. Paris, 1638. Vol. 6². P. 6B=PG 76. 512A.

⁴⁰ Origen. Commentarii in Joan. T. XIII. 59 // Preuschen E. Die griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1903. Bd. 4. S. 290. 27 = PG 14. 512B.

⁴¹ Eriphan. Panar. seu advers. LXXX haeres. 30. 16 // Holl K. Die griechischen Christlichen Schriftsteller... Leipzig, 1915. Bd. I. S. 353.14 = PG 41. 432C.

⁴² Jo. Chrys. Homil. 8. 2 in II Cor. // de Montfaucon B. Joannis Chrysostomi Opera omnia. Paris, 1834–9. V. 10. P. 493^d = PG 61. 455.

⁴³ Procop. Gaz. Homil. In Jos // PG 87. 1033A.

⁴⁴ Method. Olymp. De resurrect. Mortuorum. 2. 25 // PG 18. 329B.

сте Апостольских постановлений IV в. приводится определение, что «скончание века» есть момент пришествия Господа: συντέλεια, τοῦτο... ἔστω νόμιμον αἰώνιον ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος, μέχρις ἃν ἔλθῃ ὁ κύριος⁴⁵.

Но в патристике разрабатывалась и прямо противоположная концепция эона как эры или мира грядущего. Соотнесение данного понятия с будущим порождает иной облик его олицетворения: эон будущий предстает веком блаженства. Мефодий Олимпийский (нач. IV в.) в «Пире» пишет, что «Церковь... созидает граждан тех блаженных эпох («эонов»)» (τὴν ἐκκλησίαν... πολίτας τῶν μακαρίων ἐκείνων αἰῶνων ἐργάζεσθαι⁴⁶). В виде формулы «жизнь будущего века» (ζωὴν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος) именно это представление об эоне попадает в Апостольские правила в IV в.⁴⁷, закрепившись в Никео-Цареградском Символе веры: προσδοκῶμεν ἀνάστασιν νεκρῶν καὶ ζωὴν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος⁴⁸, т. е. «чаем воскресения мертвых и жизни будущего века»⁴⁹. Это — тот век, в котором, согласно Максиму Исповеднику (ум. ок. 662 г.), произойдет единение души и тела: ὁ μέλλων αἰὼν, ἐν ᾧ μετὰ ψυχῶν συγκλειόμεθα καὶ σωμάτων⁵⁰.

«Век грядущий» сопряжен прежде всего с концепцией справедливости, праведности, чем и отличается от «века нынешнего». В тексте папируса II в. утверждается, что «век грядущий есть лето для праведников и зима для грешников»: ὁ... αἰὼν ὁ ἐρχόμενος θέρος ἐστὶ τοῖς δικαίοις, τοῖς δὲ ἁμαρτωλοῖς χειμῶν⁵¹. В этом контексте,

⁴⁵ Constitutiones apostolorum. 5. 19. 7 // Funk F. X. Didascalia et Constitutiones Apostolorum. Paderborn, 1905. Bd. 1.

⁴⁶ Meth. Olymp. Symposium, seu Convivium virginum. 8. 6 // Bonwetsch G.N. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1917. P. 88. 16 = PG 18. 148B.

⁴⁷ Funk F. X. Didascalia et Constitutiones Apostolorum. Paderborn, 1905. Bd. I. S. 7. 41. 8.

⁴⁸ Schwartz E. Acta Conciliorum Oecumenicorum. T. 2, Vol. 1, pars 2. Berolini-Lipsiae, 1933. P. 80.15–16.

⁴⁹ Cp. Dossetti G. L. Il simbolo di Nicea e di Costantinopoli. Edizione critica. Roma, 1967.

⁵⁰ Ambig. // PG 91. 1368D.

⁵¹ Hermas, Similitudines pastoris // Lightfoot J.B. Apostolic Fathers. London, 1898. P. 341, cap. 4.2; cf. Bonner C. A Papyrus Codex of the Shepherd of Hermas. Michigan, 1934.

контексте права и праведности, эон обретает окончательно сакральное содержание, — он называется «святым», как, например, в Посланиях Варнавы (II в.), где «миру сему», по которому переходит праведник, противопоставлен ожидаемый «святой век (эон)»: ὁ δίκαιος καὶ ἐν τούτῳ τῷ κόσμῳ περιπατεῖ καὶ τὸν ἅγιον αἰῶνα ἐκδέχεται⁵².

Таким образом, святоотеческая традиция приходит к представлению не только о полисемичности категории эона, но к концепции нескольких, по крайней мере двух, различных эонов самих по себе, противостоящих друг другу как добро и зло.

В так называемых Климентовых Гомилиях (тексты в основном рубежа III/IV вв.) прямо утверждается словами апостола Петра, что «Бог определил два Царствия и века («эона»), посчитав, что дурному достанется сей мир, благому же обещал дать век будущий»: ὁ θεὸς δύο βασιλείας ὀρίζει καὶ δύο αἰῶνας συνεστήσατο, κρίνας τῷ πονηρῷ δεδόσθαι τὸν παρόντα κόσμον... τῷ δὲ ἀγαθῷ δώσειν ὑπέσχετο τὸν μέλλοντα αἰῶνα⁵³. При этом дурной век связан с «миром» («космосом») — кратким и быстротечным, будущий же век велик и невидим (μέγαν ὄντα καὶ ἄϊδιον). В другой гомилии также говорится о «невидимости» будущего века, связанной с благом: τῷ δὲ ἀγαθῷ τὸν ἐσόμενον ἄϊδιον αἰῶνα⁵⁴.

Священный век будущий — это состояние вечного блаженства, куда нас, раскаявшихся в содеянных грехах, перенесут ангелы, согласно Оригену: Ἐξομολογησώμεθα περὶ τῶν παραπτωμάτων μετανοοῦντες, καὶ τοῖς θηρίοις οὐ παραδοθησόμεθα, ἀλλ' ἀγγέλοις ἁγίοις τιθηνοῖς ἐσομένοις ..., μεταβιβάξουσιν ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ αἰῶνος τούτου ἐπὶ τὸν μέλλοντα ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ⁵⁵. Итак, «будущий эон» — это «век во Христе». В нем — благодать Духа Святого защищает человека, по Феодору Мопсуестийскому, от всяческого согрешения: ἐπὶ δὲ γε τοῦ μέλλοντος αἰῶνος οὐδὲ διατάξεως χρεια

⁵² Funk F. X., b.v. Bihlmeyer K. Die Apostolischen Väter. Tübingen, 1924. S. 10.11.

⁵³ Homiliae Clementinae XX.2 // PG 2. Col. 448CD.

⁵⁴ Homilia Clementis XV.7 // PG 2. Col. 360C.

⁵⁵ Origen. Homil. X in Jerem. // Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten [drei] Jahrhunderte. Leipzig... III. P. 1 = PG 13. Col. 367–368B.

ἡμῖν τινος, ἐπεὶ περ ἔξω πάσης ἀμαρτίας τῇ τοῦ Πνεύματος χάριτι φυλαττόμεθα⁵⁶. Христианская сакрализация эона получает тем самым завершенные очертания.

На этой основе раннехристианская традиция привязывает эон к категории «Бог» и Его ипостасям. Так, в апокрифических Деяниях Иоанна практически в виде формулы читается «Бог веков («эонов») Иисусе Христе»: ὁ θεὸς τῶν αἰώνων Ἰησοῦ Χριστέ⁵⁷. Бог, по Оригену, распоряжается целыми веками⁵⁸. Предвечность Бога соразмерна предвечности «безвременных эонов», сущих до этого неба и до этого мира («космоса»), а иных, бесконечных эонов эонов («века веков») — сущих до всякой видимой субстанции», почитающих при этом Его Господом, как сказано в знакомом фрагменте Евсевия Кесарийского из «Похвалы Константину»⁵⁹.

В этой функции вневременной божественной категории век-эон противопоставляется ранневизантийскими авторами всему, что связано с со временем «хроносом». Так, Василий Кесарийский разделяет «время» и «природу эона» на том основании, что первое дается в ощущении, а «природа века» — явление внемирское («сверхкосмическое»): ὅπερ ἐν τοῖς αἰσθητοῖς ὁ χρόνος, τοῦτο ἐν τοῖς ὑπερκοσμίοις ἢ τοῦ αἰῶνος φύσις ἐστίν⁶⁰. Хотя на логическом уровне Псевдо-Дионисий Ареопагит в трактате «О божественных именах» допускает, что может мыслиться и «вовременной век («эон») и вечное время»: τοῖς λογίοις... ἔσθ' ὅτε καὶ ἐγγχρονος αἰὼν δοξάζεται, καὶ αἰώνιος χρόνος⁶¹.

⁵⁶ Theod. Mopsuest. In Epistulam ad Galatas 1:4 // PG 66. Col. 900B; Swete H. B. Theodori episcopi Mopsuestini in epistolas beati Pauli Commentarii. Vol. 1. Cambridge, 1880. P. 7.28.

⁵⁷ Acta Ioannis. 82 // Lipsius R. A., Bonnet M. Acta Apostolorum Apocrypha. Vol. 2, p. 1. Lipsiae, 1903. P. 191.25.

⁵⁸ Origen. Contra Celsum. IV. 69 // Koetschau P. Die griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten [drei] Jahrhunderte. Lipsiae, 1899. Vol. 1. P. 339.14 = PG 11. Col. 1137D.

⁵⁹ Euseb. De laudib. Const. 5.1 // Heikel A. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 1. Lipsiae, 1902. S. 198.19 = PG 20. Col. 1324A.

⁶⁰ Basil. Adversus Eunomium, 2.17 // St. Basile de Cesarie. Contre Eunome, ed. par B. Sesboüé [Sources Chrétiennes 299]. Paris, 1982 = Garnier J., Maran P. Basilii Opera omnia. Vol. 1. Paris, 1739. P. 248A = PG 29. Col. 596B.

⁶¹ Dion. Areop. De divinis nominibus, 10.3 // PG 3. Col. 937D.

Так патристическая традиция подходит к тому, что вневременной характер зона позволяет ему стать атрибутом изначальности Сына-Логоса, важнейшей божественной ипостаси в христианской догматике. Евсевий Кесарийский «конструирует» Бога-Сына «из безмерных и безначальных веков-эонов»: ἐξ ἀλείρων καὶ ἀνάρχων αἰώνων ἦν ὁ υἱός⁶². Пантократор Бог-Слово при этом поставлен («ипостасен») «прежде всех веков» (ὁ παντοκράτωρ θεὸς λόγος, ὁ πρὸ πάντων αἰώνων ὑποστάς), как сказано в тексте Деяний апостола Андрея⁶³. Сохраненный Афанасием Александрийским текст Антиохийского (341 г.) Символа веры представляет это положение в виде формулы второго члена Символа: καὶ εἰς τὸν μονογενῆ αὐτοῦ Υἱὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατρὸς γεννηθέντα: Θεὸν ἐκ Θεοῦ, φῶς ἐκ φωτός, т. е. «[веруем]... и во едиnorodного Сына Его Господа нашего Иисуса Христа, прежде всех веков от Отца рожденного, Бога от Бога, свет от света»⁶⁴. Тот же Афанасий приводит и текст Символа веры Собора в Сирмиуме (Среме) 351 г., повторяющий формулу рождения Иисуса Христа «прежде всех эонов от Отца»⁶⁵. В «Истории Никейского Собора» Геласия Кизического (умер после 477 г.) эта же идея отражена в полемике Евсевия Кесарийского и епископов с их оппонентом — «философом». На вопрос, кем порожден Сын Божий, в числе «родителей» упомянуты и века-«эоны». Упомянуты и отвергнуты, ибо Сын есть «Едиnorodный до веков»: Ἀλλὰ παρὰ αἰώνων; πρὸ αἰώνων ὁ Μονογενής. Μὴ ἐξέταξε τὰ μὴ ἀεὶ ὄντα περὶ τοῦ ἀεὶ ὄντος⁶⁶. И поэтому, согласно Василию Великому, «все эоны мыслятся ниже по отношению к рождению Едиnorodного»: αἰῶνες πάντες κάτω που τῆς γενέσεως τοῦ Μονογενοῦς νοοῦνται⁶⁷.

⁶² Euseb. Caes. Demonstratio Evangelica, 5.1 // Heikel I.A. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 6. Lipsiae, 1913. S. 212.13 = PG 22. Col. 352D.

⁶³ Acta Andreae, 12 // Lipsius R. A., Bonnet M. Acta Apostolorum Apocrypha. Leipzig, 1903. Bd. 2, P. 1. S. 53.14.

⁶⁴ Symb. Antioch. [a. 341], 4. In: Athanas. Alex. Epistula de Synodis Arimini et Seleuciaae // Opitz H. G. Athanasienwerke. Bd. 2. Berlin, 1934. S. 251.3 = PG 26. Col. 725B.

⁶⁵ Symb. Sirm. [a. 351]. In: Ibid. S. 254.19 = PG 26. Col. 736A.

⁶⁶ Gelas. Cyclic. Hist. eccles. 2, 19. 14 // Loeschke G., Heinemann M. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Leipzig, 1918 = PG 85. Col. 1277D.

⁶⁷ Basil. Caes. Adversus Eunomium, 2.17 // Garnier J., Maran P. Basilii Opera omnia... Vol. 1. P. 252E = PG 29. Col. 608B.

Христология эона формулируется в заключении Афанасия Александрийского, что «Слово есть Царь и Создатель всех веков»: πάντων δὲ τῶν αἰώνων βασιλεύς ἐστὶ καὶ ποιητὴς ὁ Λόγος⁶⁸, — что представляет собой комментарий к стихам 144-го псалма: Ἡ βασιλεία σου βασιλεία πάντων τῶν αἰώνων (Psalm. 144:13), т. е. «Царствие Твое — Царствие всех веков». Тут же устанавливается связь «века»-эона с пространственными категориями, ибо всякое пространство, в котором ни находилось бы Слово-Логос, измеряется в эонах: πᾶν διάστημα ἐν τοῖς αἰῶσι μετρεῖται⁶⁹. Развивая начальное положение Евангелия от Иоанна «В начале было Слово» (Ин. 1:1), Ориген подчеркивает, что Слово было «до всяческого времени и века («эона»)»: πρὸ παντὸς χρόνου καὶ αἰῶνος «ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος»⁷⁰. Александр Александрийский (ум. 328 г.), парафразируя следующий стих Евангелия (Ин. 1:3), пишет, что «всякий век и время и пространство, и всё, что в них ни находилось бы, произошли через Него», устанавливая тем самым иерархию пространственно-временных категорий по отношению к божественной ипостаси: πᾶς αἰὼν καὶ χρόνος καὶ διαστήματα καὶ τὸ ποτέ, ἐν οἷς τὸ ὄν ἦν εὐρίσκεται, δι' αὐτοῦ ἐγένετο⁷¹. В том же смысле выражается и Василий Кесарийский, говоря, что «не только по мысли Апостола ипостась Единородного поставлена нам прежде века («эона»): οὐδὲ ἡ τοῦ ἀποστόλου διάνοια τὴν πρὸ αἰῶνος ὑπόστασιν τοῦ Μονογενοῦς ἡμῖν παρίστησι⁷². Подобно Александру Александрийскому Григорий Нисский выстраивает иерархию пространственно-временных категорий по отношению к Богу-Сыну: «если истинно говорится, что всякие века и всякое временное пространство суть после Сына и через Сына произошли»⁷³. Па-

⁶⁸ Athanas. Alex. Adversus Arianos I.12 // PG 26. Col. 37B.

⁶⁹ Athanas. Alex. ibidem.

⁷⁰ Origen. Comment. in Joann. 2.1 // Preuschen E. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 4, p. 3. Leipzig, 1904. S. 53.23 = PG 14. Col. 105C.

⁷¹ Alex. Alexandr. Epistula ad Alexandrum Constantinopolitanum, 6 // Opitz H. G. Athanasiuswerke. Bd. 3. Berlin, 1941. S. 23.15 = PG 18. Col. 556C.

⁷² Basil Caes. Adversus Eunomium, 2.3 // Garnier J., Maran P. Basilii Opera omnia, vol. I. P. 239E = PG 29. Col. 576D.

⁷³ Greg. Nyss. Contra Eunomium, 1 // Jaeger W. Gregorii Nysseni Opera. Bd. I. Berlin, 1921. S. 122.18 = PG 45. Col. 357C.

рафразируя Послание к евреям (Евр. 11:3), Афанасий Александрийский отказывается уравнивать век-«эон» с Логосом: ἀλλ' οὐδὲν κοινὸν τῷ Λόγῳ πρὸς τοὺς αἰῶνας· αὐτὸς γὰρ ἐστὶν ὁ προὔπαρχων πρὸ τῶν αἰῶνων, δι' οὗ καὶ αἰῶνες γεγόνασιν, т. е. «нет ничего общего у Слова в отношении веков-«эонов»: Оно — предизначально до веков, через Него и века произошли»⁷⁴. Заключает этот тезис Кирилл Александрийский, считая, что «необходимо согласиться, что Он предизначален к векам («эонам»), ...ибо Он был ранее не существовавших пока веков, которые вывел к бытию»: ἀνάγκη προὔπαρχειν αὐτὸν καὶ τῶν αἰῶνων ὁμολογεῖν. ὧν γὰρ ... πρότερον αὐτὸς τοὺς οὐκ ὄντας αἰῶνας ποτε πρὸς τὸ εἶναι παράγει⁷⁵. Положение о предвечности Сына по отношению к «веку»-эону закрепляется формулой Символа веры Сремского собора 357 г. в передаче Афанасия Александрийского: καὶ ἓνα Μονογενῆ Υἱὸν αὐτοῦ, τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, ἐξ αὐτοῦ πρὸ τῶν αἰῶνων γεννηθέντα, т. е. «и [в] единого Единородного Сына Его [т. е. Отца], Господа нашего Иисуса Христа, от Него прежде веков рожденного»⁷⁶.

«Отцом грядущего века» называет Христа Григорий Нисский, ссылаясь на пророка Исайю; Христос, «над Которым надстраивается жизнь бесконечных веков («эонов»)»: οὗτος δὲ ἐστὶν ὁ Χριστός, ὁ πατήρ τοῦ μέλλοντος αἰῶνος, ᾧ ἐποικοδομεῖται ἡ τῶν ἀτελευτήτων αἰῶνων ζωή⁷⁷. О «бесконечных зонах-веках» пишет и Климент Александрийский, апеллируя к «ненасытной радости» для душ, снискавших жизнь «будущего века»: εὐφροσύνην ἀκόρεστον καρπούμενας [ψυχὰς] εἰς τοὺς ἀτελευτήτους αἰῶνας⁷⁸.

⁷⁴ Athanas. Alex. De decretis Nicaenae Synodi, 18 // Opitz H. G. Athanasiuswerke. Bd. 2. Berlin, 1934. S. 15.18 = PG 25. Col. 448A.

⁷⁵ Cyrill. Alexandr. Thesaurus de Trinitate, 32 // Aubert J. Cyrilli Opera. Vol. 5/1. Paris, 1638. P. 293C; cf. PG 75. Col. 497C.

⁷⁶ Symbolum Synodi Sirmiensis a. 357, blasphem. In: Athanas. Alexandr. Epistula de Synodis Arimini et Seleucia, 28 // Opitz H.G. Athanasiuswerke. Bd. 2. Berlin, 1934. S. 256.29 = PG 26. Col. 741A.

⁷⁷ Greg. Nyss. Contra Eunomium, 3 // Jaeger W. Gregorii Nysseni opera. Vol. 2. Berlin, 1921. S. 20.16 = PG 45. Col. 585A.

⁷⁸ Clem. Alex. Stromat. 7.3 // Stählin O. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 3. Lipsiae, 1909. S. 10.15 = PG 9. Col. 416C.

Тот же Климент Александрийский вводит темпоральные определения эона, связанные с вечностью. «Век («эон»), — пишет он, — и будущее и настоящее, а также и прошедшее времени составляет одновременно»: ὁ γ' οὖν αἰὼν τοῦ χρόνου τὸ μέλλον καὶ τὸ ἐνεστώσ, ἀντὰρ δὴ καὶ τὸ παρῳχηκὸς ἀκαριέως συνίστησι⁷⁹. Это — уже новая ступень генерализации временных характеристик эона в святоотеческой традиции. Век, заключающий в себе прошлое, настоящее и будущее, и есть вечность. Но «вечность» своеобразная, связанная с категориями «начала», а следовательно и «конца», коль скоро изначальным (т. е. «без начала») может быть только Бог в Своих ипостасях, о чем речь шла чуть выше. И Климент обыгрывает эту тему, сопоставляя эон с человеческой жизнью. «Начало эона есть наш конец» (τοῦ δὲ αἰῶνος ἐστὶ ἀρχὴ τὸ ἡμέτερον τέλος), — постулирует он⁸⁰. Таким образом, с одной стороны, «век» становится «вечностью», но темпорально обусловленной, с другой же, — через категории «начала» и «конца» эона и человеческой жизни Климент вводит обсуждаемый сюжет в сферу христианской антропологии.

Эон — «жизнь вечная» ассоциируется с блаженством. Так у Евсевия «душа удостоивается бессмертия блаженного эона»: ψυχὴν ... μακαρίου αἰῶνος ἀθανασίᾳ τετιμημένην⁸¹.

Суммирует рассмотренное выше развитие значения категории «эон» в раннехристианской литературе фрагмент текста 5-й главы сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» в передаче Парафразы Пахимера⁸². В этой главе рассматривается категория бытия (περὶ ὄντος). Говоря о Боге, Дионисий рассуждает: «Он сущий — над бытием всего по возможности, что есть, субстанциальная причина и демиург сущего, существующего, субстанции, бытия, природы; начало и мера веков («эонов»), бытие времен и вечность («эон») сущих, время свершившегося, бытность для существующих как бы то ни было, порождение для каких-либо нарождаю-

⁷⁹ Clem. Alex. Stromat. 1, 13 // Stählin O. Ibid. S. 36.14 = PG 8. Col. 756A.

⁸⁰ Clem. Alex. Paedagogus, 1.13 // Stählin O. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 1. Lipsiae, 1905. S. 151.17 = PG 8. Col. 373B.

⁸¹ Euseb. Caes. Vita Constant. 1.2 // Heikel I.A. Die Griechischen Christlichen Schriftsteller... Bd. 1. Lipsiae, 1902. S. 8.4 = PG 20. Col. 913A.

⁸² Dion. Areopag. De divinis nomin. 5.4 // PG 3. Col. 817CD.

щихся» (Ὁ ὢν ὅλου τοῦ εἶναι κατὰ δύναμιν ὑπερούσιός ἐστιν, ὑποστάτις αἰτία, καὶ δημιουργὸς ὄντος, ὑπάρξεως, ὑποστάσεως, οὐσίας, φύσεως, ἀρχὴ καὶ μέτρον αἰώνων· καὶ χρόνων ὄντοτης, καὶ αἰῶν τῶν ὄντων· χρόνος τῶν γινομένων, τὸ εἶναι τοῖς ὅπως οὐσί, γένεσις τοῖς ὅπως οὐσί). Здесь сопрягаются в божественном бытии и «век-вечность», и время, и начало, и рождение («генесис»), и субстанция. Далее: «Из (Него) — сущего — вечность («эон»), и бытие, и сущность, и время, и возникновение («генесис»), и порождение; сущее в сущем и каким бы то ни было образом существующее, и предстоящее («наличествующее»)» (Ἐκ τοῦ ὄντος, αἰών, καὶ οὐσία, καὶ ὢν, καὶ χρόνος, καὶ γένεσις, καὶ γινόμενον· τὰ ἐν τοῖς οὐσίσι ὄντα, καὶ τὰ ὅπως οὐσί ὑπάρχοντα, καὶ ὑφестῶτα). «Ибо Бог — не есть где-то («как-то») сущий, но просто и беспредельно в Себе целокупно <заключает> бытие — полностью и избирательно» (Καὶ γάρ, ὁ θεὸς οὐ πῶς ἐστιν ὢν, ἀλλ' ἀπλῶς καὶ ἀπεριορίστως, ὅλον ἐν ἑαυτῷ τὸ εἶναι συνειληφῶς καὶ προειληφῶς). «Посему и называется «Царем веков» («эонов»), что в Нем и при Нем — всякое бытие и сущность и наличие, в Ком ни было, ни будет, ни стало, ни становится, ни станет, и даже ни есть, но Он сам есть для сущих бытие; и не только сущее, но само бытие сущих — из предвечного существования» (Διὸ καὶ βασιλεὺς λέγεται τῶν αἰώνων, ὡς ἐν αὐτῷ καὶ περὶ αὐτὸν παντὸς τοῦ εἶναι καὶ ὄντος καὶ ὑφестηκότος, καὶ οὔτε ἦν, οὔτε ἔσται, οὔτε ἐγένετο, οὔτε γίνεται, οὔτε γενήσεται, μᾶλλον δὲ οὔτε ἐστίν· ἀλλ' αὐτός ἐστι τὸ εἶναι τοῖς οὐσί· καὶ οὐ τὰ ὄντα μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτὸ τὸ εἶναι τῶν ὄντων, ἐκ τοῦ προαιωνίως ὄντος). «Ибо Он Сам есть век веков («эон эонов»), существующий прежде веков» (αὐτὸς γάρ ἐστιν ὁ αἰὼν τῶν αἰώνων, ὁ ὑπάρχων πρὸ τῶν αἰώνων).

Так «эон эонов» становится Именем Бога.

Е. Ю. ВАНИНА

ВРЕМЯ В ВОСПРИЯТИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИНДИЙЦЕВ*

Тема времени, всемогущей, всеокрушающей силы, издревле привлекала индийских мыслителей. Еще в ведийских текстах время, персонифицированное в образе Калы, рассматривалось в качестве одной из ипостасей бога-творца. В пуранах (раннесредневековых текстах, излагающих священное предание индуизма), Кала — важнейший компонент мира и одновременно атрибут бога. Кала воплощал всеобщий закон, согласно которому все живое и неживое, сама Вселенная и даже боги, рождаются, проживают отмеренный срок и погибают¹. Время, говорится в «Махабхарате», уничтожает все существа, чей срок на земле истек; оно печет людей, готовит их, как пищу, которую потом поедает Смерть². Не случайно на санскрите и многих других индийских языках *кала* означает одновременно и «время», и «смерть».

На эту тему немало размышляли древние и средневековые поэты. Они слагали исполненные горестных или философски бесстрастных раздумий строфы о краткости и бренности человеческой жизни, о бессилии человека перед временем, которое «правит движеньем Вселенной», губит и созидает все сущее, превосходит по силе и значению даже бога, который нуждается во времени для то-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках исследовательского проекта № 06–01–00453а «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад».

¹ *Balslev A. N. A Study of Time in Indian Philosophy. Wiesbaden, 1983. P. 12-13.*

² *Vassilkov Y. Kalavada (the Doctrine of Cyclical Time) in the Mahabharata and the Concept of Heroic Didactics // Composing a Tradition: Concepts, Techniques and Relationships. Proceedings of the First Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Puranas / Ed. by M. Brockington and P. Schreiner. Zagreb, 1999. P. 21-22.*

го, чтобы создавать и разрушать мир³. Один из величайших санскритских поэтов, Бхартрихари (VII в.), называл время первопричиной рождения, бытия и упадка всего сущего и сравнивал его с кукловодом, держащим в руках нити, которые управляют миром⁴.

Время как одна из важнейших категорий подробно рассматривалась многочисленными философскими школами древней и средневековой Индии, но эти концепции останутся за рамками данной статьи. Основное внимание читателей будет привлечено к представлениям о времени, выработанным общественной мыслью средневековья и отраженным в письменных источниках. Важность этой проблемы едва ли нуждается в пространных объяснениях. То, как на определенном этапе своей эволюции общество «чувствует» (или «не чувствует») течение времени, как воспринимает связанные с этим течением перемены, как общество и индивидуум размещают свое существование на шкале времени, многое скажет историку, стремящемуся понять темп и специфику развития исследуемого социума. Именно поэтому в данной статье предметом исследования будет не «время вообще», не философская категория, а то восприятие времени, которое было характерно для средневековых индийцев или, по крайней мере, тех социальных слоев, чей голос позволяет «услышать» литература.

К сожалению, медиевисты — востоковеды и «западники» — мало общаются между собой и редко сопоставляют результаты своих исследований. При этом каждая из сторон время от времени апеллирует к другой как к некоему контрастному фону, на котором особенно отчетливо должны проявляться «прогрессивность» Запада и «отсталость» Востока. В результате такого сопоставления, при котором на противоположную сторону смотрят как бы в перевернутый бинокль, каждый замыкается на собственной, часто преувеличенной, специфике. В одних случаях эта специфика возводится в абсолют, что приводит к полному отрицанию каких-либо общих закономерностей исторического развития. В других — одна из сопоставляемых цивилизаций (обычно — «Запад») принимается за

³ Столепестковый лотос. Антология древнеиндийской литературы / Сост. И. Д. Серебряков. М., 1996. С. 17.

⁴ Там же. С. 386-387.

эталон, и другие общества рассматриваются и оцениваются по степени отклонения от «золотого стандарта». Оба варианта представляются в равной мере непродуктивными. Но если не делить цивилизации на «хороших» и «плохих» учеников в школе истории, если сопоставлять их на равных (под этим я понимаю и по возможности одинаковое знание о сравниваемых предметах, и отношение ко всем моделям исторического развития как равно значимым и правомерным), то можно получить более полное и верное представление как о специфике различных народов, так и об общих закономерностях их эволюции. Именно такой подход я попытаюсь применить к своему анализу темпоральных представлений индийского средневековья.

Время и его измерения

Как и все народы, индийцы рано начали измерять отрезки времени, пользуясь для этого доступными им способами астрономических наблюдений и вычислений. «Движения Солнца, планет, звезд — это проявления Времени. Благодаря их дифференциации порождаются различные меры Времени» — говорил Бхартрихари⁵. Ключевой единицей времени для древних индийцев был год (*самватсара*), делившийся на полугодия (*айана*) — «северное», начинавшееся в день зимнего равноденствия, и «южное», начинавшееся в день летнего, а также на двенадцать месяцев, составлявших шесть времен года (*риту*): весна, жаркий сезон, сезон дождей, осень, зима, прохладное время.

В различных регионах существовали собственные календари, каждый из которых считал тот или иной месяц первым: чаще всего это был *чайтра*, приходящийся на март-апрель, и новый год наступал в день весеннего равноденствия. Месяц начинался в североиндийской традиции в первый день после полнолуния (на Юге — с новолуния) и делился на две половины: «светлую», начинавшуюся с полнолуния, и «темную», начинавшуюся с новолуния — всего около 30-ти лунных суток (*титхи*) или чуть более 29-ти солнечных. Кроме того, месяц делился на недели, каждая состояла из семи дней, посвященных, как следует из их названий, семи известным древнеиндийской астрономии планетам — Солнцу (оно тоже

⁵ Столестковый лотос... С. 387.

включалось в число планет), Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере и Сатурну. Год состоял из двенадцати месяцев или 354-х дней (каждый второй или третий год был високосным, к нему прибавлялся «лишний» лунный месяц).

День, в свою очередь, делился на тридцать *мухурт*, каждая из которых равнялась приблизительно 48 минутам⁶. В отличие от привычных нам координат (от полуночи до полуночи), день у индийцев, равно как и у средневековых европейцев до изобретения механических часов, начинался с восхода солнца и продолжался до заката, подразделяясь на утро, день и вечер. Очень рано возникла и продолжалась на протяжении всего средневековья традиция делить сутки на «стражи» — отрезки длиной в три *мухурты*, через которые сменялась городская охрана. «Дневные стражи» отсчитывались от полного восхода солнца, «ночные» — от наступления темноты, поэтому в литературе чаще всего действие происходит «в первую стражу ночи», «в третью стражу дня» и так далее.

По «стражам» дня и ночи строился распорядок дня в царских дворцах, ему подчинялась даже личная жизнь государей, как это отражено в ряде литературных текстов⁷. Древнее деление времени давно забыто, но и по сей день полдень на хинди и других языках Северной Индии обозначается как «две стражи». Каждая *мухурта* делилась, в свою очередь, на две *гхати*, а кроме того — на ряд еще более мелких и мельчайших единиц, таких, например, как *нимиша* или *нимеша* — «мгновение ока» и им подобных, еще меньших; причем между всеми ними было математически установленное соотношение. Разумеется, подобные мелкие измерения не имели никакого практического значения и были зафиксированы либо в астрономических трактатах, либо в художественных текстах; отразились они и в разговорной речи. Интересно, что средневековый Запад разделял с Индией пристрастие делить время на микроскопические, реально не измеряемые и в практике не используемые единицы, вплоть до «атомов»⁸.

⁶ *Smith, Brian K.* Classifying the Universe. The Ancient Indian Varna System and the Origins of Caste. Delhi, 1994. С. 172-175.

⁷ Столпестковый лотос... С. 204-205; *Cand Bardai*. Prithviraj-rasau. Udaipur, 1955. Vol. I. P. 103.

⁸ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 115-116.

При этом как в Индии, так и на Западе до начала использования механических часов, общество не ощущало потребности точно знать, который час (не говоря уже о минутах и секундах⁹). Дата (год, месяц, число) и время суток — эти измерения времени были достаточны, и то, в основном, для образованной элиты и государственного аппарата. Развитие административной и судебной системы привело к осознанию необходимости фиксации времени: согласно древним и раннесредневековым трактатам, на документе, отражавшем тот или иной коммерческий, гражданский или юридический акт, а также судебный иск, должны были быть обязательно указаны год, месяц, половина месяца и день составления¹⁰. В более точном измерении времени общество практически не нуждалось. Главными часами было солнце, по положению которого и определяли приблизительное время суток.

Вместе с тем, в царских дворцах, в обиходе образованной знати, в храмах и монастырях для более точного измерения времени использовались водяные часы, отличавшиеся от античной клепсидры. Они упоминались еще в источниках первых веков нашей эры. Основным элементом этого нехитрого прибора являлась небольшая медная чаша в форме полусферы; на дне ее было микроскопическое отверстие. Размер чаши, качество металла и диаметр отверстия должны были соответствовать определенным стандартам. Чашу помещали в наполненный водой широкий сосуд, где она плавала на поверхности до тех пор, пока вода, проникая через отверстие, не заполняла чашу, и она не погружалась на дно. Этот период времени и составлял одну *гхати*, половину *мухурты* или примерно 24 минуты. Рядом с водяными часами обычно ставили гонг, удары которого и возвещали время¹¹. О таком способе измерения времени в царских дворцах, особняках вельмож и военных лагерях повествуют исторические и литературные тексты¹².

⁹ Стоит напомнить, что на многих сохранившихся до нашего времени средневековых курантах западноевропейских городов минутная стрелка, не говоря о секундной, отсутствует.

¹⁰ Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М., 1994. С. 56, 63.

¹¹ Sarma S. R. Alam Ishrat. Announcing Time — The Unique Method at Hathatnagar, 1676 // Proceedings of the Indian History Congress. 52nd session. Delhi, 1992. С. 426-427.

¹² Cand Bardai. Prithviraj-rasau. Vol. I. С. 103.

На Севере в средние века водяные часы в соединении с гонгом были известны как *гхариял* или *гхарияр*. Появилась даже специальная профессия *гхарийари* / *гхарийали* — люди, обслуживавшие водяные часы и звонившие в гонг. Источники сообщают, что водяные часы устанавливались также на площадях крупных городов, на крепостных башнях, что свидетельствовало о более широком общественном интересе к точному времени. Видимо, гонг, отбивавший время по водяным часам, был весьма распространенным атрибутом городской жизни. Крупный государственный деятель и талантливый поэт хинди XVI века Абд ур-рахим Ханханан (поэтический псевдоним Рахим) оставил изящное упоминание о водяных часах, соединенных с гонгом, в стихотворном наставлении о вреде общения с подлыми людьми, которые творят зло и заставляют расплачиваться за это других: «Вода похитила (т. е. наполнив, заставила опуститься вниз. — *Е. В.*) чашу, а удар достался гонгу»¹³.

По звону гонга горожане узнавали не только *гхати*, но и «стражу»: сначала гонг отзванивал количество *гхати* (от полного восхода солнца), а затем, после паузы, порядковый номер «стражи». Таким образом, двадцать шесть ударов (двадцать четыре плюс еще два после паузы) давали знать о том, что наступил полдень, — от восхода солнца истекли двадцать четыре *гхати*, завершилась вторая стража¹⁴. Этот способ измерения времени был доступен, стоит повторить, главным образом, знати и жителям крупных городов и крепостей (да и то лишь тем, кто мог непосредственно слышать удары гонга). Всем прочим было достаточно поднять голову вверх и определить, где находится солнце. Такое положение вещей может быть воспринято как еще одно доказательство «отсталости» Индии по сравнению с Европой, где механические часы были изобретены уже в XIII в. Но стоит напомнить, что и в Европе это революционное нововведение пробивало себе дорогу крайне медленно. Клепсидра и гномон до XIII–XIV вв. оставались редкими игрушками, которыми мог похвастаться не всякий монарх или ученый. Даже при дворе французского короля Карла V (1364–1380), особенно

¹³ *Akinchan Bal Krishna*. *Rahim Shatakattrayam*. Niti, sringar, bhakti. Delhi, 1978. P. 141.

¹⁴ *Abu-l Fazl Allami*. *Ain-i Akbari*. Vol. III. Trans. by H. S. Jarrett. Delhi, 1978. P. 17-18.

вне дворца, время определяли путем сжигания свечей равной длины. Основная же масса населения довольствовалась звоном церковных колоколов и опять-таки положением солнца¹⁵.

Ученые средневековой Индии пробовали создать и более совершенные приборы для измерения времени. Так, в трактате о строительстве и механике, приписываемом полулегендарному царю Бходже Парамаре и датируемом XI–XII вв., описаны два типа механических часов с циферблатом и движущимися фигурками, при этом каждый промежуток времени отмечался звоном. К сожалению, без доступа к тексту трактата трудно сделать вывод о том, какова была конструкция этих часов, а описание, данное в статье индийского исследователя, такой возможности не дает¹⁶. Не исключено, что и другие ученые пытались создать более совершенные приборы для измерения времени, но поиск соответствующих текстов и исследование средневековой науки совместными усилиями историков, текстологов и специалистов по естественным и техническим дисциплинам начались в Индии недавно (до этого поколения индологов принимали как аксиому положение об исключительной научно-технической отсталости доколониального индийского общества и не стремились изучать то, чего, как они полагали, не было и быть не могло). Возможно, дальнейшие усилия в этой области принесут неожиданные плоды, но пока ясно одно: если попытки создать механические часы и предпринимались учеными, их проекты, насколько известно, оставались на бумаге.

Судя по тем фактам, которыми мы сейчас располагаем, первые механические часы индийцы увидели тогда, когда на их землю ступили европейцы, причем произошло это, видимо, в XVII в., поскольку до того сама Европа знала лишь один вид часов — башенные, затем напольные и настольные, лишь после этого — брегеты и наручные. Уверенность некоторых исследователей в том, что индийцы не проявили никакого интереса к этой новинке и не пытались воспроизвести ее¹⁷, не выглядит обоснованной. В середине

¹⁵ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 114-115.

¹⁶ Raghavan V. Yantras or Mechanical Contrivances in Ancient India // Indian Institute of World Culture. Transactions. № 10. 1952. С. 23.

¹⁷ Павлов В. И. К стадильно-формационной характеристике восточных обществ в новое время // Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 262.

XVIII в. «Зерцало терминов», фарсиязычный энциклопедический словарь (автор — Ананд Рам Мухлис) описал механические часы с заводной пружиной, уже, видимо, хорошо известные его читателям¹⁸. Индийская знать оценила заморскую диковинку, и дорогие, художественно выполненные часы находили свое место во дворцах правителей, вельмож и богатых купцов. Так, Шриниваса Кави, автор санскритской биографии Ананды Ранги Пиллей, тамильского купца и писателя, служившего в 1742–1761 гг. переводчиком и торговым агентом губернатора Пондишери, французского владения на Юге Индии, повествует о том, что в доме Ананды Ранги появилась европейская новинка: «стоит в доме — небольшой механизм — и показывает часы непрерывно, к великому изумлению астрологов, занятых вычислениями, и брахманов, которые теперь точно знают, в котором часу им надо приходиться к государю Шриранге (хозяину дома. — *Е. В.*) за денежным пособием»¹⁹. Во второй половине XVIII в. правитель Майсура Типу Султан наладил с помощью французских мастеров изготовление часов в казенных мануфактурах своей столицы²⁰.

Несмотря на все это, индийское общество, как можно судить по доступным сейчас источникам, в целом довольствовалось знанием таких отрезков времени как дата (год, месяц и его «светлая» или «темная» половина, число, день недели) и время суток, не ощущая при этом потребности в почасовом, не говоря уже о минутном, делении времени. Главными «хранителями времени» были брахманы-астрологи, которые для составления гороскопов нуждались в определении точного времени (хотя бы на уровне даты). В отличие от средневековой Европы, где астрология была занятием, доступным лишь элите и осуждаемым церковью, в Индии каждая

¹⁸ *Anand Ram Mukhlis, Mirat-i Istilah. Encyclopedic Dictionary of Medieval India / Trans. by Tasneem Ahmad. Delhi, 1993. С. 322.*

¹⁹ Цит. по: *Shulman David. Cowherd or King? The Sanskrit Biography of Anandra Ranga Pillai // Telling Lives in India. Biography, Autobiography, and Life History / Ed. by David Arnold and Stuart Blackburn. Delhi, 2004. С. 191.* Это описание, возможно, не лишено юмористической ноты (выпад в адрес брахманов, живущих на подачки богатого купца).

²⁰ *Habib Irfan. Introduction // Confronting Colonialism. Resistance and Modernization under Haidar Ali and Tipu Sultan / Ed. by Irfan Habib. Delhi, 1999. С. XXX.*

сельская община имела брахмана-астролога, который вел календарь, составлял гороскопы новорожденных, определял благоприятное время полевых работ, свадеб, праздников, всех событий в жизни деревни и каждого жителя. Знатные и богатые семьи имели собственных астрологов. Придворный астролог был важнейшей фигурой царского окружения и пользовался огромным влиянием на все государственные дела. Это влияние, видимо, не всегда было плодотворным, что отразил в замечательной сатирической поэме «Венок шуток» великий кашмирский поэт Кшемендра (вторая половина XI века), описавший продажного и невежественного звездочета, «кто дождя у звезд попросит, а получит мор и голод»²¹. Но все же, астрологи были, пожалуй, единственными, кто интересовался более или менее точным временем.

Все это способствовало определенной фиксации времени как на уровне крупных социальных единиц, так и на уровне семьи или индивидуума, хотя, видимо, и в начале XX века далеко не каждый индеец мог назвать дату рождения и свой точный возраст (подобное было характерно также для социальных низов Европы и России). Потребность же в почасовом измерении стала ощущаться лишь в конце XIX века в городах, с развитием фабричной промышленности и почасовой, затем поминутной фиксацией трудового процесса, рабочего времени и заработной платы. И поныне различие между европейцами / американцами и индийцами в отношении к точному времени весьма ощутимо: даже занятые в самых современных сферах промышленности и бизнеса индийцы не склонны согласовывать каждое свое действие с движением стрелок на циферблате, обходятся весьма вольно с понятием «точное время» и при этом, с присущей им самоиронией, нередко подшучивают над *Indian time*.

Время — циклическое и линейное

На ранних этапах развития практически все народы воспринимали течение времени как неуклонное повторение определенного высшими силами цикла. Такой подход (циклизм) был подсказан, подчеркивает М. М. Бахтин, самой «природной и биологической

²¹ Кшемендра. Венок шуток. Предисловие и перевод И. Д. Серебрякова // Голоса индийского средневековья. М., 2002. С. 86-87.

жизнью»²² с ее чередованием времен года, дня и ночи, а также повторяемостью непосредственно связанных с нею видов деятельности, прежде всего — сельскохозяйственной. Неуклонно повторяемым циклом представлялось и человеческое существование: человек рождался, проходил свой жизненный путь, главные этапы которого были отмечены определенными обрядами (рождение, имянаречение, обучение, возрастные инициации, брак, ритуалы, связанные с основным занятием, религиозным культом и т. д.), а после его смерти тот же цикл практически без изменений повторяли дети и внуки, для которых высшей степенью общественного авторитета было признание полного сходства с предками, внешнего и внутреннего.

Таким образом, умерший продолжал жить в потомстве, почти стопроцентно воспроизводившем жизненный цикл предшествующих поколений; культ предков, распространенный у всех древних народов, обеспечивал контакт между мертвыми и живыми, прошлым и настоящим. Прошлое, настоящее и будущее были неразличимы в сознании людей и сосуществовали в единой плоскости: связь между ними осуществлялась при помощи культовых обрядов и магических действий, позволявших общаться с предками и предсказывать грядущее. Неразрывно связанное с жизнью общества и не воспринимаемое вне конкретных человеческих дел и занятий, время для людей на этом этапе истории «стояло на месте», его движение не проявляло себя в сколько-нибудь заметных изменениях социальной жизни и потому не ощущалось²³.

Такой этап восприятия времени прошли практически все народы. Кардинальный поворот, как принято считать, произошел с началом распространения христианства. Ход времени впервые вытянулся в линию (линеаризм) и приобрел векторное направление — от первого дня творения до Страшного суда, то есть получил начало и конец. Кульминационной точкой на этой оси стало событие, изменившее весь ход истории человечества — пришествие Христа, его земная жизнь, жертвенная смерть и воскресение, залог будущего спасения для всех людей. Дохристианское прошлое восприни-

²² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 30.

²³ Там же. С. 436; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 103-114; Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. II. СПб., 2000. С. 285-322.

малось как предыстория, подготовка к пришествию Спасителя, настоящее — как подготовка к будущему «концу света» и воздаянию каждому за дела его. Все это воспринимается современными исследователями как важнейший поворот в сознании народов, ознаменовавший появление самой идеи исторического развития, эволюции, в конечном счете — прогресса²⁴. Близкой по содержанию представляется и линейная концепция времени в исламе, который, как известно, многое заимствовал у иудаизма и христианства.

Подобную трансформацию представлений о времени прошли, как принято считать, лишь передовые, «цивилизованные» народы (из числа которых мусульмане, несмотря на присущий их восприятию времени линеаризм, все же исключались). Что же касается остального Востока, и в первую очередь Индии, то там, как считали и до сих пор считают многие исследователи, вплоть до XX века «сознание человека и общества оставалось замкнутой системой микро- и макроциклов, из которых слагался индивидуальный и социальный опыт, закрепляемый религией. Он оказывал обратное, попятное воздействие на ход исторического процесса, нередко придавая ему цикличную замкнутость»²⁵. По мнению Д. Е. Фурмана, «создав картины вечного мира, где все движется по неизменным законам и ничего нового не возникает, а есть лишь движение по кругу, и индийцы, и китайцы создали предельно устойчивые традиционные цивилизации, где действительно все «движется по кругу». Исключив идею поступательного движения из картины мира, они исключили его и из своих социумов»²⁶. «Неизменяемость» социальных условий, — полагает Л. Б. Алаев, — породила особое отношение к времени — отсутствие ощущения его движения. Индийское ощущение времени противостоит не только линейному, но и циклическому его пониманию, хотя последнее было в Индии распространено»²⁷. Именно с этим «специфическим восприятием

²⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 120-121; Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 40-43.

²⁵ Павлов В. И. К стадияльно-формационной характеристике... С. 263.

²⁶ Индия и Китай: две цивилизации — две модели развития. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 6.

²⁷ Алаев Л. Б. Темп и ритм индийской цивилизации // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992. С. 127.

времени» в индологии долгое время связывался так называемый феномен «антиисторизма индийской мысли», что выражалось, по мнению сторонников этой концепции, в отсутствии традиций исторического писания в Индии до мусульманского завоевания в конце XII – начале XIII в.²⁸

Действительно, концепция времени, закреплённая в древнеиндийских текстах и сохранявшаяся в индуистской (точнее — «высокой», брахманской) традиции на протяжении всего исследуемого периода, предстаёт как циклическая. Время от начала творения мира богом Брахмой и до разрушения мира богом Шивой (*праляя*) составляет космический цикл или «сто лет Брахмы»; каждый «год Брахмы» делится на 360 равновеликих «дней» и «ночей». «День Брахмы» составляет одну *калпу*, равную 4320 млн. земных лет или 1000 *махаюг* — «великих эр». Одна *махаюга* делится, в свою очередь, на четыре *юги* — эры. Каждую *югу* открывает *крита*, Золотой век всеобщего счастья, изобилия и блаженства, равный 4800 годам. За ним следуют *трета* длиной в 3600 лет, *двапара* длиной в 2400 лет и *кали* длиной в 1200 лет, каждая из которых представляет определённую степень упадка мировой гармонии, достигающего своего апогея в последнюю эру, *калиюгу*. Именно в конце *калиюги* бог Вишну в своём десятом воплощении Калкина (в имени которого сразу обращает на себя внимание корень *кала* — время), всадника на белом коне, восстанавливает нарушенный миропорядок, истребляя неправедных царей, грешников и варваров, после чего наступает новая *юга*, открывающаяся Золотым веком *крита*²⁹, и весь цикл повторяется снова.

Уже начиная с ведийских времен циклическое повторение времени ассоциируется с образом «колеса времени» (*калачакра*),

²⁸ Dumont L. Homo Hierarchicus. The Caste System and Its Implications. Delhi, 1970. P. 195; Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб., 2003. С. 18-19; Серебряный С. Д. Видьяпати и его книга «Испытание человека» («Пуруша-парикша»), *Видьяпати*. Испытание человека (Пуруша-парикша). С. 130. «Родоначальником» данной концепции явился автор опубликованной в 1817 г. «Истории Британской Индии» Джеймс Милль (*Mill J. History of British India*. Vol. I. Delhi, 1972. P. 28-29).

²⁹ Thapar R. Time as a Metaphor of History: Early India. Delhi, 1996. P. 11-23; Вишну-пурана. С. 20-22, 150-154.

ось которого закреплена неподвижно, и каждая точка в непрерывном вращении возвращается на прежнее место³⁰. Концепция циклического времени усиливалась и подкреплялась основополагающим учением о круговороте бытия, переселении душ — *сансаре* и *карме*³¹. Таким образом, бесконечным оказывалось не только мировое время, но и время жизни индивидуальной души. Это дало возможность ряду исследователей утверждать, что «неприятие представления о движении времени (за исключением представления о постоянном «ухудшении») связано с концепцией неизменности кастового деления, перерождения, переселения душ, с идеей воздаяния в будущих жизнях»³².

Имеют ли современные исследователи реальные основания считать, что для индийцев доколониальной эпохи время действительно «стояло на месте», не принося никаких изменений в общественную жизнь и не осознаваясь социумом как процесс, связанный с определенным развитием? Причем здесь следует уточнить, что речь в данном контексте должна идти именно о неподвижном времени, ибо оговорка о «постоянном ухудшении» значительно меняет дело: если общество считает, что «становится хуже», то оно осознает изменения во времени, пусть и негативные. Именно так мыслил «прогрессивный Запад» на протяжении большей части средневековья. И была ли концепция циклического времени единственной на протяжении всего периода древности и средневековья и, как следствие, ответственной за «стагнационный», «застойный» характер индийского общества до прихода английских колонизаторов?

Чтобы разобраться в этом комплексе проблем, следует начать с решения более узкого вопроса: является ли циклическое время полным и абсолютным антиподом времени линейному, не могут ли эти две концепции сосуществовать?

Если вновь обратиться к Западной Европе, которую после принятия христианства принято считать эталонным ареалом распространения линейной концепции времени, то более пристальное

³⁰ *Thapar R. Time as a Metaphor of History. С. 16-17; Vassilkov Y. Kalavada... P. 21.*

³¹ См. подробнее: *Эрман В. Г. Ведийская религия // Древо индуизма. М., 1999. С. 62-63.*

³² *Индия и Китай... С. 69.*

исследование приводит к не столь однозначным результатам. Оказывается, христианский линейизм на протяжении всего средневековья сосуществовал с языческим циклизмом. С одной стороны, образованная элита, главным образом — клир, обращалась к сочинениям античных авторов, в которых концепция циклического времени была широко распространена, и вряд ли св. Августин столь резко и горячо опровергал бы эту концепцию, если бы она не смущала умы его современников³³. С другой стороны, циклизм продолжал жить в народных представлениях, и христианская религиозная практика не могла не учитывать этого. Церковные праздники подстраивались под природный цикл, многие из них просто замещали, и то не абсолютно, языческие календарные обряды. Сам христианский календарь с его двенадцатью главными праздниками, отмечающими основные события земной жизни и воскресения Христа, представляет собой не что иное, как ежегодно повторяющийся круговой цикл. «Движение по линии и вращение в круге, — отмечал А. Я. Гуревич, — объединяются в христианском переживании хода времени»³⁴. Отвергаемая католической церковью идея циклического времени (включая и заимствованную у Пифагора концепцию переселения душ) неоднократно возрождалась в учениях средневековых неортодоксальных сект и ряда философско-теологических школ. Особенно стойко держался циклизм в народном сознании³⁵.

Подобно тому, как христианский линейизм не явился полным отрицанием циклизма, в Индии концепция «колеса времени» и догмат о переселении душ не исключали и линейного восприятия времени. В качестве непрерывно повторяемых циклов осознавались бытие живой природы, цепь перерождений человеческой души и существование Вселенной, которая неоднократно создавалась и разрушалась, чтобы вновь быть созданной. Но все эти циклы мыслились как громадные, непостижимые для человеческого ума, абстрактные отрезки времени (миллионы лет). Совсем иным было осознание человеческой жизни в рамках одного рождения и существования общества (касты, рода, города, храма, местности, стра-

³³ *Balslev A. N.* A study of Time in Indian Philosophy. P. 141-143.

³⁴ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 121.

³⁵ Там же. С. 156-157.

ны) в период каждой из четырех *юг*, и особенно последней — *калиюги*, которая, и это стоит отметить особо, не случайно является намного более короткой, чем три остальные — период в 1200 лет выглядит вполне исторически осязаемым. По мнению известного индийского историка Р. Тхапар, длинные периоды трех первых *юг* цикла словно подчеркивают отдаленность мифологического времени от времени исторического, представляемого *калиюгой*³⁶.

Возникновение линейного восприятия времени было непосредственно связано с учением о *дхарме* — общественном порядке, при котором каждая *варна* / каста и каждый человек неуклонно выполняет обязанности и обладает правами, соответствующими кастовому статусу³⁷. *Дхарма* была важнейшим проявлением космической гармонии, установленной Абсолютом, и проявлялась с наибольшей полнотой в первую *югу* — *критаюгу*, другим названием которой было *сатьяюга* — Праведный век, имеющий свою точку отсчета — всемирный потоп, ознаменовавший конец предшествующего цикла (после истребления грешников Калкином). В это время, утверждают древние тексты, все люди были безгрешны, счастливы, здоровы и жили по 400 лет (согласно другим версиям — столько, сколько хотели). В *критаюгу* *дхарма* господствовала безусловно, ничем не нарушаемая; но затем началась ее постепенная деградация, и в последующие две *юги* *дхарму* приходилось поддерживать лишь усилиями таких праведных царей, как Рама, герой эпоса «Рамаяна», и Юдхиштхира, старший из братьев-пандавов, героев «Махабхараты». *Двапараюга*, третья эра цикла, заканчивается великой битвой на Курукшетре, кульминационным событием «Махабхараты», и лишь только эта кровавая и страшная, поистине пиррова, победа Юдхиштхиры и его братьев позволила на какое-то время вновь установить изрядно пошатнувшуюся *дхарму*.

Но после битвы начинается четвертый и последний (в цикле) век — *калиюга*, когда упадок *дхармы* достигает высшего предела. Древняя и раннесредневековая литература изобилуют мрачными описаниями ужасов *калиюги* (природные катаклизмы, неправед-

³⁶ Thapar R. Cultural Pasts. Essays in Early Indian History. Delhi, 2000. P. 736-737.

³⁷ См. подробнее: Сыркин А. Я. Дидактика классического индуизма // Древо индуизма. М., 1999. С. 100-104.

ность царей, всеобщий разврат и — самое страшное — нарушение варновой иерархии, в результате чего неприкасаемые и шудры прорываются на верхние ступени социальной лестницы, а брахманы оказываются оттесненными вниз). Восстановить окончательно разрушенную *дхарму* может только пришествие Калкина, сопровождающееся страшными природными катастрофами, истреблением несправедливых царей и варваров. В этих мрачных картинах, нередко приобретающих вид эсхатологических пророчеств, современные исследователи с полным основанием ищут свидетельства реальных общественных катаклизмов и перемен, знаменовавших переход от древности к средневековью³⁸.

Но в данном случае важнее то, что внутри одного цикла, продолжающегося 12 000 лет, время воспринималось как линейное. Его отсчет начинался от потопа, впоследствии оно получило еще одну основополагающую веху — битву на Курукшетре, с которой начиналась *калиюга*, а затем и конечный пункт — пришествие Калкина, знаменующее одновременно и «конец света», и начало нового творения. Роль великой битвы в качестве важнейшего временного рубежа трудно переоценить: в отличие от потопа, отделенного от *калиюги* слишком большим промежутком времени, это событие воспринималось как историческое, не столь давнее, зафиксированное в эпосе сперва устно, потом письменно. К главным героям «Махабхараты» возводили свой род многие древние и средневековые государи; великая битва открывала отсчет достаточно четко фиксируемого общественным сознанием исторического времени, непосредственно связанного с прогрессирующим упадком *дхармы* и движущегося по прямой линии к своему эсхатологическому завершению — пришествию Калкина.

Идея поступательного, линейного движения времени (внутри одной *махаюги*) нашла отражение и в образности древних и ранне-средневековых индийских текстов: ведь сравнение времени с колесом является отнюдь не единственным. Не менее часто время приравнивается к стремительному водному потоку, ветру, огню — стихиям, ассоциируемым не столько с круговым движением,

³⁸ Sharma R. S. The Kali Age: A Period of Social Crisis // The Feudal Order / Ed. by D. N. Jha. Delhi, 2000. P. 61-78; Yadava B. N. S. The Problem of the Emergence of Feudal Relations in Early India // The Feudal Order. P. 79-120.

сколькo с линейным³⁹. Идея поступательно движущегося времени, отмечает Р. Тхапар, столь ярко выражена в древнеиндийских и раннесредневековых текстах, что можно только удивляться, почему современная наука отказывает индийцам в способности воспринимать линейное развитие времени и связанные с ним изменения⁴⁰.

Таким образом, внутри значительного временного отрезка в 12000 лет, и особенно во время последних 1200 лет *калиюги*, время не просто воспринималось как линейное, оно приносило с собой весьма ощутимые изменения, причем изменения негативные. С каждой *югой дхарма* все более слабеет, усиливаются беззаконие и безнравственность. Даже и внутри одной *юги* прошлое всегда лучше предыдущего, древнее — нового. Во многих произведениях средневековой литературы описаны идеальные цари, мудро и справедливо правящие благочестивыми и счастливыми подданными, процветающие страны и города, где «если и били кого-нибудь, то лишь фигуры на шахматной доске, если и носили на руках цепи, то лишь из живых цветов... а воровством занимались только красавицы, похищавшие разум мужчин кокетливыми взглядами»⁴¹. Все красочные описания такого рода относятся, как правило, к давним временам, что подчеркивается соответствующими зачинами типа «давным-давно».

Все же, что касается современной автору эпохи, то, за исключением традиционных панегириков правящим государям (они, кстати, присутствуют далеко не везде), тон меняется на негативный. В знаменитой «Рамаяне» Тулсидаса, самой известной средневековой переработке древнего эпоса (XVI в.), с пространным описанием благоденствия народа во время правления Рамы контрастирует мрачная картина всеобщего упадка в эпоху *калиюги*⁴². Точно такой же схемы придерживались и другие средневековые поэты⁴³ — видимо, противопоставление «доброе старое время» и ужасов *калиюги* стало в

³⁹ Vassilkov Y. Kalavada. P. 21-22.

⁴⁰ Thapar R. Time as a Metaphor of History. С. 24-25.

⁴¹ См., например: Alam, Madhavanal Kamkandala. Hindi premgatha kavya sangrah. Allahabad, 1943. P. 207; Сомадеева. Дальнейшие похождения царевича Нараваханадатты / Перевод, предисловие и примечания И. Д. Серебрякова. М., 1976. С. 237. Серебряков И. Д. «Океан сказаний» Сомадеевы как памятник индийской средневековой культуры. М., 1989. С. 129-130.

⁴² Gosvami Tulsidas krit sacitr Ramcaritmanas. Allahabad, n.d. P. 999-1078.

⁴³ См., например: Surdas. Sursagar. Mathura, 1970. С. 243-244.

литературе индийского средневековья каноном, отражавшим господствовавшее в обществе представление о том, что изменения, приносимые течением времени, всегда неблагоприятны. Поэтому главной целью добродетельного и праведного монарха было сохранение *дхармы*, что однозначно воспринималось как недопущение каких-либо общественных нововведений, а также максимально возможное возвращение всего того, что было уже изменено ходом времени, к идеалам предшествующих эпох.

Представление о том, что мир «стареет» и время «портится» средневековые индийцы полностью разделяли со своими западноевропейскими современниками. Идея «прогресса», которую ассоциируют с утвердившимся на христианском Западе линейным восприятием времени, касалась лишь сферы духовной, божественной: чем ближе к концу света, тем ближе Царство Божие; чем дальше от мрачных времен язычества, тем более приближаются люди к познанию истинной веры⁴⁴. Но никакого «прогресса» на грешной земле не было и не могло быть: напротив, с течением времени все на земле становится хуже, люди деградируют физически и духовно, справедливые обычаи старины уступают место несправедливым законам.

Обличение мрачных сторон современного бытия и противопоставление ему «доброе старое времени» было столь же обычным для средневековых западноевропейских авторов, как сетование на ужасы *калийуги* для их индийских собратьев. Католические философы и теологи констатировали упадок веры и добродетели⁴⁵. Поэты жаловались на то, что «правда спит, убит закон, / превратился храм в притон», и предвидели наступление «последних времен», когда «скоро гром над всеми грянет, / мир продажный в пропасть канет»⁴⁶. Причем так мыслили не только «хулиганы» — ваганты, из произведений которых взяты две предыдущие цитаты, но и благочестивый трубадур Кретьен де Труа, призывавший свою аудиторию: «Оставив это время злое, давайте всмотримся в былое»⁴⁷. Именно тогда, когда всеобщая греховность превысит наме-

⁴⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 137-138.

⁴⁵ Там же. С. 123-137.

⁴⁶ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., Библиотека всемирной литературы, 1974. С. 459.

⁴⁷ Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом. Пер. В. Микушевича // Средневековый роман и повесть. М., Библ. всемирной литературы, 1974. С. 31.

ченную богом меру, (*дхарма* придет в полный упадок, сказали бы индусы), и настанет Страшный Суд, к которому нынешнее «время злое» неуклонно приближает человечество.

Линейное восприятие времени было в целом характерно практически для всей древней и средневековой литературы Индии, начиная уже с эпоса. И в «Махабхарате», и в «Рамаяне» действие разворачивается по осевому принципу, который, разумеется, далеко не всегда строго выдерживается, и различные временные пласты оказываются смещенными, что вполне естественно для текстов, существовавших многие столетия в устной традиции. В обоих поэмах, и особенно в «Махабхарате», герои основного сюжета продолжают длинную генеалогическую линию, которая в большинстве случаев не пресекается и с их смертью. Первые слушатели или исполнители эпических поэм связаны с их основными героями узами прямого родства: так «Рамаяну» исполняют сыновья Рамы, а «Махабхарата» впервые звучит на великом жертвоприношении змей, которое совершает правнук одного из героев эпоса — Арджуны⁴⁸.

Таким образом, время непосредственных событий, о которых повествует эпос, представляется не точкой на окружности, а отрезком прямой линии. Начало этой линии уходит в далекие времена, смыкаясь с мифологическим временем, и включает предысторию основных событий эпоса, прежде всего — генеалогию героев. Далее следуют непосредственно отраженные в основном сюжете события с многочисленными, особенно в «Махабхарате», возвратами к далекому прошлому во вставных эпизодах, имеющих характер повествований о «делах давно минувших дней», которые слушают персонажи основного сюжета. Реально между героями эпоса и временем его создания проходят столетия⁴⁹, которые в самом эпосе спрессовываются в более короткий отрезок — произведение впервые исполняется при жизни самого героя его сыновьями («Рамаяна») или его правнуком («Махабхарата»). От этих потомков временная линия протягивалась все дальше и дальше, тем более что в средние века большинство правящих феодальных кланов возводило свой род к персонажам того или другого эпоса.

⁴⁸ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос: генезис и типология. М., 1974. С. 111-112, 158.

⁴⁹ Там же. С. 166.

В Индии наступление средневековья, в отличие от Европы, не сопровождалось разрывом с античной традицией. Поэтому, разрабатывая новые сюжеты, средневековые авторы иногда ощущали необходимость как-то соотнести их с древним эпосом на оси времени. Так, в «Океане сказаний» Сомадевы, прославленной кашмирской эпопее XII века, герои дважды совершают своеобразные «экскурсии» по местам, связанным с «Рамаяной». Первый раз это происходит во вставном романе о приключениях принца Мриганкадатты и его друзей. В своих странствиях они попадают на южный склон гор Виндхья и встречаются отшельника, который рассказывает им, что «всего лишь в одном косе⁵⁰ отсюда» находится Панчавати, место, где жили в изгнании главные герои эпоса — Рама, его жена Сита и брат Лакшмана. И там до сих пор «дряхлая газель, некогда возвращенная Ситой, с глазами, полными слез, видя, что все пусто кругом, не прикасается к траве»⁵¹. Время, прошедшее с описанных в «Рамаяне» событий, в восприятии героев романа выглядит как относительно недавнее прошлое: еще жива, пусть и дряхлая (яркая деталь!) газель, тоскующая по своей хозяйке. При этом автор нигде не сообщает о том, что еще продолжается земная жизнь Ситы, и его не смущает, что век газели значительно короче человеческого.

Вторую «экскурсию» совершает сам Нараваханадатта, главный герой эпопеи Сомадевы. В сопровождении одной из своих возлюбленных он оказывается на берегу озера Пампа, близ которого, согласно «Рамаяне», произошла встреча Рамы и Лакшманы с царем обезьян Сугривой и его мудрым министром Хануманом⁵². Здесь герою просто напоминают о событиях эпоса, и никаких живых свидетелей этих событий, подобных дряхлой газели, он не видит. Так прослеживается определенная логика, свидетельствующая о том, что и для Сомадевы время является линейным: ведь сказание о Мриганкадатте, которое Нараваханадатта узнает от случайно встреченного отшельника, является вставным эпизодом и хронологически относится к еще более давним временам, чем основной сюжет. Поэтому Мриганкадатта мог застать живых свидетелей со-

⁵⁰ *Кос* — мера длины, равная примерно 3,5 км.

⁵¹ *Сомадева*. Океан сказаний. С. 317.

⁵² Там же. С. 350-351.

бытий «Рамаяны», а Нараваханадатта не мог. История Рамы, происхождения Мриганкадатты и основной сюжет о Нараваханадатте оказываются, таким образом, размещенными в определенном порядке на оси времени.

Линейное восприятие времени практически господствует в историко-биографических и героических сочинениях раннего средневековья, а также во многих других жанрах художественной литературы более позднего времени. При этом догмат о переселении душ, нередко являющийся двигателем или важнейшим аспектом сюжета, нисколько не препятствует разворачиванию повествования по линейной оси, и предшествующие воплощения героев рассматриваются как их «прошлое», о котором персонажи в нужный момент «вспоминают» или, чаще, «узнают» с посторонней помощью⁵³. Разумеется, утверждение линейного восприятия времени не означало исчезновения циклизма: в Индии вообще практически ничто не исчезает, ни одна новая форма общественного бытия не стирает полностью старую, а в течение долгого времени сосуществует с ней. Ярким примером сосуществования циклического и линейного восприятия времени в одном произведении является «Рамаяна» Тулсидаса.

Основной сюжет этой средневековой поэмы, как и в древнем первоисточнике, развивается линейно, представляя собой жизненный путь героя — воплощенного бога — от момента зачатия. Однако Тулсидас, переосмысливший древнее героическое сказание в духе мистического учения *бхакти*, сделал в своей поэме основной акцент на божественной сущности Рамы. Чтобы обрисовать Раму как Абсолюта, творца и первооснову Вселенной, Тулсидас ввел в поэму эпизод игры маленького Рамы с божественной птицей, вороном Бхушунди, влетающим в рот юного царевича и видящим в одномоментном срезе множество прежних миров, которые были уже созданы и разрушены⁵⁴. В каждом из этих миров присутствуют бог-

⁵³ Следует обратить внимание на то, что, согласно индусским представлениям, помнить или знать о своих прошлых рождениях дано лишь избранным мудрецам — *риши*; обычному человеку это недоступно, и даже Рама, воплощенный бог Вишну, узнает о том, кем он был в прошлом рождении, лишь в конце эпоса.

⁵⁴ Аналогичный сюжетный ход встречается у многих поэтов *бхакти*, в том числе у кришнаитов, которые нередко описывали, как приемная мать

творец Брахма и все прочие божества индуизма, прародитель Ману, все персонажи «Рамаяны» и сам Бхушунди, проживший в каждом из миров по сто лет. Так Тулсидас воссоздает всю картину циклического времени, но и в этой картине, если к ней присмотреться, есть черты, не соответствующие представлению о повторении одних и тех же циклов в неизменном виде. Это подтверждает мнение индийской исследовательницы о том, что циклическое время, воплощенное в образе колеса, отнюдь не предполагало механического повторения прошлого на каждом повороте и не исключало возможности перемен, наделения каждого цикла новыми чертами⁵⁵.

Во-первых, из увиденных Бхушунди миров «одни были сотворены встарь, а другие совсем недавно», что придает всей концепции определенный линейаризм. Во-вторых, и это важно, в каждом мире все элементы в чем-то отличаются от своих аналогов в последующих мирах: природа, боги, люди, все герои «Рамаяны» и даже сам Бхушунди не похожи на себя таких, какими они являются во время повествования. Лишь Рама во всех мирах остается одним и тем же, что, как справедливо отмечает Ю. В. Цветков, подробно исследовавший этот эпизод, соответствует идее *бхактов* о том, что реальный мир изменяем, а потому иллюзорен, неизменяем же и потому реален один Рама-Абсолют⁵⁶. Но для настоящей темы существеннее то, что даже картина циклического времени у Тулсидаса включает черты линейаризма, предшествующие циклы осознаются как предыстория, и что между различными циклами существования мира происходят определенные изменения в природе, обществе и характере людей.

Таким образом, темпоральные представления индийского средневековья отличались сложностью и многослойностью, включали в себя и циклизм, и линейаризм, «отвечавшие» за соответственно разные сферы бытия. Индийская мысль уже в древности различала *пурану* — предание о полубогамудрецах и героях предшествующих *юг*, и *итихасу*⁵⁷ — историю царств, царей и свя-

Кришны Яшода заглядывает божественному ребенку в рот и видит там весь мир.

⁵⁵ Balslev A. N. A study of Time in Indian Philosophy. С. 147.

⁵⁶ Цветков Ю. В. Тулсидас. М., 1987. С. 115-116.

⁵⁷ Термин *итихаса* складывается из санскритского словосочетания *iti ha*

тых более близкой *калиюги*, которая воссоздавалась в текстах самых разных жанров, будь то эпиграфические надписи, царские родословные, родовые панегирики, в средневековье — героические поэмы и баллады, агиографические сочинения, наконец — хроники, которых современные исследователи, отрешившиеся от стереотипов колониальной индологии, находят все больше. Разумеется, представления «традиционных» индийцев о времени и истории отличались от современных, как отличались они и у других народов, но «чувство истории» существовало и было во многом сходно с воззрениями средневековых европейцев на «доброе старое время» и «портящийся современный мир».

Время и человеческая жизнь

Подобно другим странам в ту эпоху, средневековая Индия была обществом молодых людей. Средняя продолжительность жизни на том или ином этапе доколониальной истории точно неизвестна, но можно без особого риска утверждать, что, как и в Западной Европе, она была весьма невелика. Старость традиционно отсчитывалась от рождения внуков, что при широко распространенных ранних браках позволяло причислять к старикам людей, подходивших к сорокалетию. Долгий жизненный срок считался свидетельством особого расположения богов и высоких духовных заслуг, что не является специфически индийским представлением — достаточно вспомнить библейских патриархов. Эпические сказители повествовали о многотысячелетней жизни Рамы, пандавов и других героев, великих мудрецов древности (*риши*). Согласно уже упоминавшимся пуранам, в первые *юги* люди жили сотни лет и умирали лишь по собственной воле. Накопление грехов привело к сокращению человеческой жизни. «В ведах сказано, — поучает «Гаруда-пурана», — что человек в давние времена жил сто лет. Но, совершая неверные действия, он умирает преждевременно... Человек, соблюдающий обряды и раздающий дары, живет долго»⁵⁸. Чем дольше жил человек, тем больше возможностей имел для праведной жизни: преждевременная смерть лишала его этой перспективы и способствовала

asa — «именно так было».

⁵⁸ Тюлина Е. В. Гаруда-пурана. Человек и мир / Перевод с санскрита, исследование, комментарий. М., 2003. С. 159-160.

посмертному превращению в злого духа (*прету*) или последующему рождению в низкой касте.

В средние века эти представления сохранялись. Многим прославленным проповедникам религиозно-реформаторских течений *бхакти* и суфизма в агиографических сочинениях приписывали жизнь, намного превышавшую столетие. Своеобразным, не лишеным шутивого оптимизма, отражением таких воззрений явилось название уникального источника, поэмы Банараси Даса «Половина рассказа» (1641 г.) — одновременно автобиографии и хроники небогатой купеческой семьи. Завершая свое жизнеописание в возрасте 55-ти лет, автор пояснил: «Что будет далее — посмотрим. Идеальная продолжительность жизни человека — сто десять лет. Поэтому жизнеописание Банараси названо «Половина рассказа»⁵⁹.

Многие тексты классического индуизма повествуют о возрастных стадиях (*ашрамах*), которые должен был пройти в течение жизни каждый «дваждырожденный», т. е. член одной из трех высших *варн*: ученик (*брахмачарин*), домохозяин (*грихастха*), отшельник (*ванастрапастха*) и странствующий аскет (*санньясин*)⁶⁰. Эта идеальная схема, видимо, даже в брахманской среде не воспринималась и не воспроизводилась буквально, но представления о том, что человеческая жизнь делится на определенные возрастные стадии, каждой из которых соответствуют фиксированные нормы социального поведения, сохранялись. Более того, принадлежность человека к той или иной возрастной группе имела большее значение, чем его конкретный возраст, который, как уже отмечалось, значительному большинству средневековых индийцев не был известен. Традиция составления гороскопов новорожденных требовала фиксации месяца, дня, точного времени (вплоть до *мухурты*) рождения, но не года. Поэтому для характеристики человека и оценки его поведения было важнее знать не точное число прожитых им лет, а к какой возрастной группе он принадлежит.

⁵⁹ Банараси Дас. Половина рассказа. Семейная хроника XVI-XVII вв. / Предисловие и перевод с хинди Е. Ю. Ваниной // Голоса индийского средневековья. М., 2002. С. 240.

⁶⁰ См. подробнее: Сыркин А. Я. Дидактика классического индуизма. С. 102-103, 120.

Каждая возрастная группа имела четко определенный свод прав и обязанностей, поведенческих стереотипов. Средневековые тексты содержат подробное описание стиля жизни учеников, домохозяев и аскетов. При этом особое внимание уделялось тому, чтобы на каждой жизненной стадии человек выполнял предписанные именно ей обязанности и никакие другие. Если период ученичества, будь то брахмана или ремесленника, связывался с абсолютным подчинением гуру / мастеру, служением ему, целомудрием, воздержанием от удовольствий и какой-либо самостоятельной деятельности, то домохозяину прямо предписывались в качестве жизненных целей *артха* — достижение материального благополучия и *кама* — чувственное наслаждение. Переход из одной возрастной группы в другую сопровождался совершением определенных ритуалов, среди которых для членов трех высших *варн* особое значение имел обряд *упанаяна* — надевание священного шнура (*джанеу*), знаменовавший вступление мальчика в число «дваждырожденных» и переход его в возрастную стадию ученичества. Специальными церемониями отмечалось окончание обучения и вступление в ряды домохозяев (это снимало с бывшего ученика обет целибата и открывало возможность создания собственной семьи), что было принято среди самых разных по статусу каст, от брахманов до ремесленников.

По мнению известного исследователя Ф. Ариеса, до XII века Европа не ценила детей как таковых, не отводила детству особого места в социальной и культурной жизни и не создавала традиций его художественного отображения⁶¹. А. Я. Гуревич считает это утверждение несколько преувеличенным, но все же соглашается с тем, что западноевропейское средневековье, несмотря на широко распространенный культ младенца Христа и евангельские высказывания об особой избранности детей, не имело четких представлений о детстве как о специфическом периоде физической и духовной жизни человека. Действительно, в средневековой Европе ребенок рассматривался как уменьшенная или незрелая, недоразвитая копия взрослого, иногда — как неполноценный, слабоумный человек. Ребенка кормили, одевали, обучали как взрослого; в

⁶¹ *Aries Ph. Centuries of Childhood. Harmondsworth, 1973. С. 31.*

своим поведением, манерах и даже играх он должен был подражать старшим⁶².

С этой точки зрения, Индия, казалось бы, обладала определенной спецификой. Яркие и трогательные картины детских забав и мотивы восхищения, умиления ребенком нередки в литературе индийского средневековья. Лепет малого дитя сравнивался поэтами с мифическим напитком бессмертия — *амритой*. «Дети — молодая поросль в саду жизни. Любить их — значит обращаться мыслью к Творцу», — говорил могольский падишах Акбар (1556–1605)⁶³. Детство не входило в число четырех установленных ортодоксальным индуизмом возрастных стадий, о которых упоминалось выше, и рассматривалось как период от рождения до начала обучения (4–7 лет), во время которого ребенок, еще не прошедший посвящения в члены своей сословно-кастовой группы, являлся как бы не вполне человеком, и потому на него не распространялись требования социального поведения. Забавы, шалости, капризы, непослушание считались для ребенка естественными и потому вполне прощательными. Один из сюжетов сборника средневековых басен о падишахе Акбаре и его остроумном придворном Бирбале даже утверждает, что «главнее всех — малое дитя». Чтобы доказать это положение, Бирбал приносит во дворец маленького мальчика, которому всемогущий падишах с радостью позволяет дернуть себя за бороду, на что никто из придворных, поясняет Бирбал, не посмел бы дерзнуть даже в мыслях⁶⁴.

Особое отношение к детству было связано, разумеется, с развитием именно в средние века мистического культа Кришны-младенца: вся поэзия кришнаитского *бхакти* полна прелестных картин детства Кришны, игр и забав божественного ребенка, нежной любви к нему приемных родителей — простых поселян Нанды и Яшоды, не ведающих о подлинной природе своего воспитанника. Даже кража масла и простокваши у соседок, подобно другим не слишком благовидным поступкам Кришны, воспринимаются как естественные детские проказы и вызывают у взрослых наигранный

⁶² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 318-319.

⁶³ *Abu-l Fazl Allami. Ain-i Akbari. Vol. III / Trans. by H.S. Jarrett. Delhi, 1978. С. 431.*

⁶⁴ *Dvivedi R. Akbar Birbal vinod. Benares, 1947. С. 314-315.*

гнев, за которым скрыто умиление (Яшода даже грозит отхлестать маленького воришку хворостиной, ее отговаривают сами «потерпевшие») ⁶⁵. Видимо, под влиянием кришнаитской лирики и Тулсидас заставил маленького Раму, так же, как и Кришна, воплощенного бога Вишну, играть с мальчишками, шалить и пачкаться в грязи — сцена, невозможная в древнем эпосе Валмики и созданная под явным влиянием кришнаитской поэзии. Здесь, видимо, индийское отношение к детству отличалось от средневекового европейского: ни христианский канон, ни озарения мистиков не могли представить себе, как маленький Иисус озорничает с мальчишками на улицах Назарета, а дева Мария грозит ему хворостиной.

Еще одним возрастным состоянием, привлекавшим особое внимание средневековых авторов, была старость, отношение к которой отличалось двойственностью. С одной стороны, как уже отмечалось, долголетие считалось божьим благословением, вознаграждением за праведную жизнь. Старость давала право на уважение и авторитет в семье и внутри социальной группы: почтительное отношение к старшим родичам и кастовым старейшинам, безусловное повиновение им было одной из ценностей, общих для всех сословий и каст. Рама прославлялся не только как образец воина и государя, но и как идеальный сын, ради спасения отцовской чести отправившийся в добровольное изгнание. В «Океане сказаний» за историей о сыновьях, которые ослушались родителей и навлекли на себя мучения, следует сюжет о том, что даже неприкасаемый мясник за преданное служение отцу и матери может быть наделен сверхчеловеческими знаниями и проницательностью ⁶⁶. Всесильный могольский император публично воздавал своей матери все почести, которые по дворцовому этикету полагались ему самому, включая земные поклоны; падишах Акбар однажды даже лично нес материнский паланкин ⁶⁷.

Достижение старости, не слишком, видимо, частое в реальной жизни, рассматривалось как счастливый жизненный исход, и в литературе старики обычно описываются в самых благостных крас-

⁶⁵ *Surdas*. Sursagar. 1970. С. 390-391; 409, 423, 428.

⁶⁶ *Соматдева*. Океан сказаний. Избранные повести и рассказы. С. 221-223.

⁶⁷ *Mukhia Harbans*. The Mughals of India. Malden US — Oxford UK, 2004. С. 114-116.

ках как воплощение мудрости, опыта и праведной жизни. Негативное отношение или насмешку могла вызвать не сама старость, а неподобающее ей поведение. Так, в «Океане сказаний» с откровенной насмешкой изображен старый раджа, вознамерившийся жениться на юной красавице: «уж настолько он был стар, что от дряхлости даже посерел. Его дрожь словно бы говорила: “Уходи от меня, немощного!”, и весь он трясся, подобно султану из перьев», поэтому «Старость выбрала его себе в мужа — разве избрет такого женщина?»⁶⁸. С другой стороны, старость рассматривалась как «посланица смерти», и во многих произведениях литературы, особенно в поэзии, можно встретить реалистические и даже натуралистические изображения физической дряхлости и болезненности стариков, их скорби по уже ушедшим из жизни близким и друзьям.

В определенной степени осознавая специфику физических характеристик различных возрастных групп, люди средневековья, и индийцы — не исключение, рассматривали человеческую жизнь как «серию состояний, смена которых внутренне не мотивирована»⁶⁹. Иными словами, возрастная эволюция человека воспринималась как набор количественных изменений: «маленький — большой», «слабый — сильный», «несмышленный — умный» и т.д. Поскольку все духовные и даже физические качества считались обусловленными принадлежностью индивидуума к данной социальной группе и потому заложенными изначально, развитие личности с возрастом не осознавалось и не отображалось в литературе, что нашло особенно яркое подтверждение в текстах биографического жанра, историко-героических поэмах и «романах». Так, рисуя прославленного воинской доблестью князя Притхвираджа (1149–1192) шаловливым малышом, придворный бард при этом никогда не забывает, что это прелестное дитя — **уже** Притхвирадж, поэтому «он развивается за месяц так, как другие дети за год»⁷⁰, и с самого рождения наделен всеми добродетелями доблестного воина-феодала, включая богатырскую силу, разум, честь и благородную отвагу. Аналогичным образом, авторы многих агиографических сочине-

⁶⁸ *Сомадева*. Океан сказаний. Избранные повести и рассказы. С. 93.

⁶⁹ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 318.

⁷⁰ *Cand Bardai*. Prithviraj-rasau. Udaipur, 1955. Vol. I. С. 26.

ний, описывавших жизненный путь прославленных проповедников *бхакти* и суфизма, специально подчеркивали, что святость, благочестие, доброта, пренебрежение ко всему мирскому и сверхчеловеческая мудрость были присущи их персонажам уже в раннем детстве, едва ли не с рождения.

Герои древней и средневековой индийской литературы — это люди без возраста, на протяжении всей своей жизни не меняющиеся физически и духовно. Детство если и описывается, то лишь для того, чтобы вызвать у читателя / слушателя умиление прелестным ребенком и одновременно поведать, что все физические и моральные совершенства были присущи герою уже с рождения. Но основные свои деяния, на стезе воинской доблести или духовного подвижничества, герой совершает, выйдя из детства, в возрасте, по М. М. Бахтину, «максимально удаленном и от материнского чрева, и от могилы»⁷¹. Перейдя во вторую возрастную стадию, персонаж навсегда застывает в образе молодого, красивого и сильного человека (если агиографический сюжет не требует образа мудрого старца), оставаясь таковым до конца жизни, иногда, как в эпосе, длящейся не одно столетие.

Интересно, что реалистические описания старческих слабостей, как правило, встречаются в поэзии малых форм, например — в антологической лирике или сочинениях поэтов *бхакти*, которые учили своих последователей не гордиться молодостью и помнить о быстротечности земного бытия. Для литературы эпического или биографического жанра такие мотивы не характерны. Биограф князя Притхвираджа Чанд Бардаи прослеживает жизнь своего героя от рождения до гибели в возрасте 43-х лет, и в последних главах поэмы Притхвирадж, уже немолодой по меркам того времени человек, ни внешне, ни внутренне не отличается от Притхвираджаюноши. Даже появление детей и внуков не заставляет героя состариться и измениться: отец и сын нередко изображаются как сверстники, равно молодые и сильные.

Так, в «Махабхарате» глубокая старость никак не сказывается на физическом могуществе Бхишмы (равно как и, например, анг-

⁷¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 35.

лийского Беовульфа или «шестисотлетнего слона» Рустама у Фирдоуси): этот индийский патриарх на равных сражается со своими внуками. Аналогично в агиографии *бхакти* святой, достигнув духовного просветления и мистического контакта с богом (чаще всего это происходит в детстве), остается внешне и внутренне неизменным до самой смерти. Такой подход полностью разделяли средневековые европейцы, и, например, автора немецкого рыцарского эпоса «Кудруна» нимало не смущало, что одна и та же «юная дева» фигурирует как подруга главной героини и одновременно сверстница ее же бабушки⁷². Средневековая мысль считала главной целью человеческой жизни абсолютное воплощение сословных ценностей, максимальное повторение образа жизни предков или особо чтимых данной группой героев, поэтому, как только подобное совершенство было достигнуто, зачастую еще в первые годы жизни, дальнейшая эволюция человеческого характера, и между возрастными группами, и внутри них, лишалась смысла, а потому не осознавалась и не фиксировалась.

Время и общество

Постепенная деградация всего и вся, регресс от «доброе старое время» к «последним временам» — единственное, в чем средневековый человек, в Индии или на Западе, ощущал движение времени. С этим в Индии были согласны и индусские, и мусульманские историки. Во всем остальном, частично включая и человеческую жизнь, время как бы стояло на месте. Хроники включали в себя мифологические события на равных с реальной историей. В художественной литературе время, обозначенное формулами типа «давным-давно», парадоксальным образом оказывалось близким автору и его читателям / слушателям. Средневековому автору ничего не стоило свести воедино исторические персонажи, которые на самом деле были отделены друг от друга столетиями и никоим образом не могли встретиться. Так, в санскритской «Повести о Бходже» Баллалы живший в XI в. царь Бходжа Парамара оказыва-

⁷² Кудруна / Пер. Р. В. Френкель. М., 1984. С. 118, 351. См. также: Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль / Пер. Л. Гинзбурга // Средневековый роман и повесть. М., Библиотека всемирной литературы. 1974. С. 382; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 145-148.

ется покровителем великих драматургов Калидасы (ок. IV в.) и Бхавабхути (VIII в.), а также романиста Баны (VII в.)⁷³. И даже в более поздних сочинениях, например, агиографии различных направлений *бхакти*, а также в ряде могольских миниатюр, нередко описываются встречи святых, реальный жизненный путь которых был разделен столетиями.

Аналогичным образом мыслили и средневековые европейцы, будь то создатели рыцарских романов или ученые историографы. Историческая мысль средневековья, будь то в Индии или на Западе, характеризовалась, по определению Б. Андерсона, не «радикальным разрывом между прошлым и будущим», а «одновременностью прошлого и будущего в мгновенном настоящем»⁷⁴. Воссоздавая события далекого прошлого, средневековый автор, будь то индус, мусульманин или европеец, неизбежно делал персонажей своими современниками. Представление о том, что одна эпоха чем-то отличается от другой с точки зрения хотя бы материальной культуры, быта, одежды, не говоря уже о мышлении людей, отсутствовало. В восприятии образованной элиты Запада античные греки и римляне представляли феодальную культуру и рыцарство; даже художники эпохи Ренессанса изображали библейских персонажей или античных героев в костюмах современников. Точно так же, иллюстрируя, скажем, «Рамаяну» или «Махабхарату», индийский миниатюрист XVI–XVIII вв. без малейшего сомнения изображал эпических героев в костюмах могольских вельмож.

«Неподвижность» времени в представлениях средневековья означала не только отсутствие историзма в произведениях литературы и искусства, но и абсолютную ориентированность на прошлое во всех построениях социальной жизни, нормах законодательства, государственной политике, ценностях и моделях поведения людей. Достоинством человека были древность рода и максимальное приближение к образу жизни предков. Достоинством монарха — неуклонное следование образцам царей и героев прошлого, сохранение

⁷³ Баллала. История Бходжи / Пер. С. Д. Серебряного // Индийская средневековая повествовательная проза. М., 1982. С. 322-324.

⁷⁴ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Development of Nationalism. L., 1983. С. 29-30. См. также: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 140, 146.

в неизменном виде всех законов и обычаев, унаследованных от предков. Ставшие общим местом в индусской литературе сравнения реальных и вымышленных государей с Рамой, Юдхитхирой или Притхвираджем, равно как в мусульманской — с Рустамом, Хатемом Таи, первыми халифами (или в европейской — с Карлом Великим) были не просто лестью придворных поэтов и хронистов, но абсолютно превалировавшим убеждением в том, что лучшие времена — в прошлом, и всякий государь должен стремиться в своей политике хоть в какой-то мере исправить «портящееся» время и вернуться в прошлое, максимально приблизиться к образцам эпических героев и славных предков. Приписывая своим персонажам добродетели эпических героев и царей прошлого, хронисты и поэты были абсолютно убеждены в том, что данные идеалы и добродетели вечны, и если тот или иной монарх им не во всем соответствовал, то пусть хоть в памяти грядущих поколений он останется таким, каким *должен быть*.

В позднее средневековье, однако, в воззрениях как индусских, так и мусульманских авторов на ход времени появились новые черты. Прежде всего, они выражались в постепенном осознании того, что время движется, это движение связано с определенными переменами в жизни людей и общественном устройстве, и поэтому далеко не все идеалы и установления далеких предков пригодны для их потомков, люди должны слушать и читать не только предания о далеком прошлом, но и достоверные рассказы о более недавних событиях, а также осмысливать современность. В качестве примера стоит привести обрамленную повесть «Испытание человека» выдающегося поэта и прозаика Видьяпати Тхакура (XV в.).

Рамочный рассказ этого произведения повествует о некоем радже Параваре, который в поисках достойного жениха для дочери обращается за помощью к мудрецу Субуддхи, от которого слышит совет: «Выдай ее замуж за человека!». Далее мудрец поясняет, что человеком можно считать лишь героя, мудреца и умельца, прочие же — «бесхвостые животные». На вопрос о том, какими приметам обладает подлинный герой, мудрец приводит в пример хорошо известных любому индийцу героев «Махабхараты», на что следует весьма примечательный ответ раджи: «О мудрый Субуддхи! Это ведь все герои другого времени. В наш век, в кали-югу, они не мо-

гут служить образцом для подражания». Затем раджа поясняет свою мысль:

*Нам слава героев былых / не может служить примером,
Из-за различий времен / непригодны их идеалы.
Не тот уже ум у людей, / не та теперь сила в теле,
Не то уже естество / у рожденных в нашу эпоху⁷⁵.*

Этот фрагмент представляет собой наглядный пример сочетания традиционных и новых воззрений на течение времени и ход истории. С одной стороны, автор и его герой полностью разделяют со своими предшественниками, как индийскими, так и западными, представление о «портящемся» времени и о том, что его современники физически и морально уступают эпическим героям. Но, с другой стороны, традиционный подход предполагал, что именно поэтому герои прошлого, славные предки, должны служить идеалом и образцом для подражания, с чем Видьяпати выражает несогласие устами своего персонажа. Царь Паравара, как и сам поэт, несомненно, почитает эпических царей, о которых напоминает Субуддхи, но отдает себе отчет в том, что «это ведь все герои другого времени» и что «из-за различий времен непригодны их идеалы». И далее в повествовании основные человеческие качества подчеркнута иллюстрируются на примерах, взятых не из эпоса или иных древних сочинений, а из средневековой литературы и фольклора, нередко — реальных исторических событий, нашедших отражение в хрониках XIV–XV вв.

В XVI в., особенно в среде «просвещенных философов», составлявших окружение могольского падишаха-реформатора Акбара⁷⁶, утвердилось представление о том, что течение времени может и должно приносить изменения в общественной жизни и мышлении людей. Прежде всего, это находило отражение в неоднократных заявлениях самого Акбара и его приближенных, прежде всего — выдающегося государственного деятеля, мыслителя-рационалиста и писателя Абу-л Фазла Аллами, о несогласии с тем,

⁷⁵ Видьяпати. Испытание человека (Пуруша-парикша) / Пер. С. Д. Серебряного. М., 1999. С. 6-7.

⁷⁶ См. подробнее: Ванина Е. Ю. Идеи и общество в Индии XVI-XVIII вв. М., 1993. С. 64-83.

что общественные институты и идеалы прошлого полностью пригодны для настоящего времени и должны быть примером для подражания. Напротив, говорили «просвещенные философы», государь, руководствуясь принципами всеобщего блага, обязан вносить изменения в унаследованный от предшественников порядок вещей, а разумный и просвещенный человек имеет право на собственный взгляд, расходящийся с заветами предков и даже нормами религии. Отраженные в хронике «Книга Акбара» и трактате «Установления Акбара» представления Абу-л Фазла о времени и истории отличаются от взглядов его предшественников и современников тем, что в них, пожалуй, впервые во всей индийской литературе, довольно четко выражена идея прогресса. Время, согласно концепции этого мыслителя, не стоит на месте, оно движется, принося с собой общественное развитие, причем кульминацией этого развития является правление великого реформатора Акбара⁷⁷.

Индийское общество XVI–XVIII вв. обладало, по сравнению с предшествующими периодами, несравненно более ярко выраженным чувством времени. Это находило выражение в самых разных сферах социальной и культурной жизни. Если подавляющее большинство произведений древней и средневековой литературы Индии не содержит никакой датировки, и исследователям зачастую приходится лишь по косвенным данным определять время, в которое жил и творил данный автор (при этом выдвигаемые версии могут различаться на несколько столетий), то большинство писателей и поэтов позднего средневековья считали необходимым указать дату создания своих произведений. При дворах были учреждены специальные службы, задачей которых было хранить государственные документы и регистрировать происходившие в стране события, создавая таким образом рукописные «бюллетени событий», чем-то напоминавшие «куранты» в допетровской России; аналогичные записи вели специальные чиновники при посольствах в других странах и отсылали ко двору своих государей. Позднее средневековье в Индии — это время бурного развития хронистики на разных языках, причем как придворной, так и неофициальной,

⁷⁷ См. подробнее: *Олимов М. А.* Эволюция историософских воззрений в фарсиязычной историографии Индии // Восток. 1996. № 3. С. 15-18.

вплоть до подчеркнуто оппозиционной, причем их авторы все больше декларировали в качестве своей основной задачи фактическую достоверность, подтверждаемую источниками. Многие хроники стали включать в себя статистические данные и тексты подлинных документов.

В то же самое время происходило выделение биографии как специфического жанра, приобретшего особую популярность в позднее средневековье. Причем для биографических сочинений этого периода характерна датировка, которой не было в ранних произведениях такого рода. В качестве примера стоит привести даже агиографическое сочинение — «Игра рождения», житие Даду Дайала, одного из крупнейших проповедников *бхакти* (1544–1605). Это произведение, написанное в 1620 г. Джан Гопалом, принадлежит к агиографической традиции, но при этом, в отличие от других сочинений такого рода, содержит вполне реальную датировку жизни святого: даты рассыпаны по всему повествованию, а в завершающих строфах дана как бы хронологическая таблица основных событий от рождения до кончины учителя⁷⁸.

Мало того, подобно многим другим произведениям агиографической литературы, этот текст повествует о начале духовного пути Даду после встречи с неким «старцем» (некоторые версии текста прямо указывают, что в этом обличье предстал сам бог), попросившим милостыню у играющих мальчишек, среди которых был и одиннадцатилетний Даду, и лишь будущий святой с радостью дал ему монетку. Старец благословил доброго мальчика, вложил ему в рот лист бетеля и с этим «дал вечное познание бога». Но, что отличает «Игру рождения» от других агиографических сочинений, в которых аналогичные эпизоды не редкость, автор особо подчеркивает: «детский ум ничего не воспринял». И лишь через семь лет, в течение которых Даду «занимался другими вещами», он осознал свою миссию, увидел в мистическом озарении бога и начал путь поэта-проповедника *бхакти*⁷⁹. Этот небольшой эпизод свидетельствует об определенном сдвиге в восприятии человека и времени.

⁷⁸ The Hindi Biography of Dadu Dayal / Ed., trans. by M. Callewaert Winand. Delhi, 1988.

⁷⁹ Там же. С. 91-92.

В отличие от других святых, в детстве пренебрегавших обычными играми и с самого рождения сосредоточенных лишь на божестве, Даду в повествовании Джан Гопала ведет себя соответственно возрасту, оказывается не в состоянии осознать свое духовное предназначение. Автор понимает, что возможности одиннадцатилетнего ребенка, даже если это будущий святой, ограничены, и откладывает постижение им божественных истин до более подходящего возраста.

Еще большим чувством времени обладал купец Банараси Дас, автор уже упомянутой поэмы «Половина рассказа». И «общественное время» — история Могольской империи и родного города Банараси Джаунпура, — и «лично-семейное» время — история семьи и самого повествователя, — развиваются в тексте линейно. Практически каждое крупное событие в жизни автора и его семьи датировано, причем подробность датировки (не только год, но месяц и число) предполагает ведение автором дневника и использование каких-то письменных архивов семьи, ибо вряд ли кто-то мог сохранить в памяти точную датировку событий на протяжении почти столетия. Новое для средневековой Индии чувство времени выражается и в том, что, повествуя о событиях собственной жизни с рождения до 55-ти лет, автор «Половины рассказа» вполне реалистично изображает развитие во времени своего внутреннего мира, разницу в мировосприятии ребенка, юноши, зрелого мужчины. Такое развитие стала отражать даже позднесредневековая поэзия кришнаитского *бхакти*: описывая жизненный путь вочеловеченного бога от рождения до зрелости, поэты подчеркнуто фиксировали внимание на психологических и поведенческих особенностях каждой из переживаемых им возрастных стадий. Прелестный младенец реалистически достоверно превращается в озорника-мальчишку, тот — в страстного и изнеженного юношу, на смену которому приходит мудрый и благородный муж — воин, политик, мыслитель.

Новое ощущение времени нашло отражение даже в позднесредневековой научной литературе на санскрите, что было убедительно исследовано американским санскритологом Ш. Поллоком. Созданные в XVI–XVIII вв. трактаты на санскрите по различным проблемам философии, языкознания и теории литературы представляли, по мнению исследователя, исключительно консервативный пласт научного мышления; их проблематика, метод исследо-

вания, сама система взглядов во многом являлись повторением и комментированием авторитетов тысячелетней давности. Бурное развитие литературы на местных индийских языках заставило приверженцев санскритской учености еще больше законсервироваться в своем узком интеллектуальном кругу, наглухо закрыть все двери для контактов с современным миром.

Но даже в эту осажденную крепость проникли новые идеи, связанные с представлениями о времени. Традиционно древние и раннесредневековые мыслители были для их позднейших последователей как бы современниками, вернее — существовали вне времени и пространства, никакого развития своей науки во времени мыслители не ощущали и не отражали. «Прошлое, — подчеркивает Ш. Поллок, — воспринималось как старший собеседник, как учитель, который уже сделал все основные заявления, а позднейшие участники дискуссии могли лишь комментировать их». И вот именно в позднее средневековье авторы философских, лингвистических и поэтологических трактатов стали помещать своих предшественников в определенный временной контекст, стали различать между авторитетами «древними», «новыми» и «современными», иногда подразделяя их на «приверженцев традиции» и «независимых», причем «новое» и «современное» во многих случаях не осуждалось, а, наоборот, превозносилось, как более продвинутый этап в развитии данной области знания⁸⁰.

Представления индийцев о времени, кратко и неполно обрисованные в данной статье, могут быть определены как типично средневековые, с сохранением многих более архаичных пластов темпорального сознания. Несмотря на всю специфику, эти представления были вполне сопоставимы с воззрениями других народов в эпоху феодализма. Для средневековых индийцев, как и для их современников в других странах, время выступало как таинственная сила; с одной стороны, оно являлось атрибутом божества и даже стояло над ним, с другой — было неотъемлемо связано с человеком и не воспринималось вне его бытия. Свободный от диктата часовой стрелки, человек оперировал лишь крупными единицами времени и

⁸⁰ *Pollock S. New Intellectuals in seventeenth-century India // The Indian Economic and Social History Review. 2001. Vol. 38. № 1. С. 7-11.*

сверял свою деятельность с положением небесных светил. В сознании индивидуума и общества циклическое время сосуществовало с линейным, и каждая из этих ипостасей располагалась в собственной нише: одна отвечала за охватывающие миллионы лет циклы существования тварного мира, другая — за более короткие и обозримые отрезки общественной и индивидуальной истории.

Позднесредневековая Индия не знала столь резких социальных потрясений и культурных изменений, с которыми столкнулась в тот период Европа, когда механические часы на городских башнях стали отбивать новое время — Ж. Ле Гофф образно назвал его «временем купцов»⁸¹. Но это не значит, что «осень средневековья» не принесла Индии никаких изменений. Индийское общество XVI–XVIII вв. обладало заметно более обостренным чувством времени, чем предшествующие эпохи, оно впервые ощутило, что время движется, принося с собой новые подходы к обществу и человеку.

Читатель, сведущий в истории и культуре европейского средневековья, может увидеть в приведенном мною индийском материале немало знакомых по Западу черт. Значит ли это, закономерен вопрос, что средневековая Индия была похожа на средневековую Европу? Мой ответ будет таким: нет, это значит, что мировоззрение и индийцев, и европейцев в ту эпоху представляется вариантами единой «ментальной программы», общей для всех народов, переживавших в своей истории стадию средневековья, что, разумеется, ни в коей мере не отрицает множества естественных различий между ними. Сопоставление «Востока» (в данном случае — Индии) с «Западом» на равных, в качестве одинаково значимых опытов исторической эволюции, может показать, что те или иные аспекты, которые казались востоковедам спецификой восточного менталитета, а «западникам» — восточной экзотикой, на самом деле представляют собой закономерности историко-культурного процесса, общего для многих цивилизаций.

⁸¹ *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. С. 40.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

О. В. ВОРОБЬЕВА (Липецк)

А. ДЖ. ТОЙНБИ: НА ПУТИ К ПОСТИЖЕНИЮ ИСТОРИИ ОЧЕРК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

*«Быть вспаханной землей... и долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово».*

М. Волошин

Мыслить — это страдать.
Стендаль

Есть факты — наши современники. Есть — наши предшественники, факты *до* нас. Таковы наши детство и юность: предки, предшественники, предтечи... Объясняя нас сегодняшних, непременно надо идти в детство и даже в младенчество — ибо там корни. У ученого тоже так: сначала корни, потом ветви, потом ствол. История и *до*-история. Как ни мало свидетельств бывает об этом периоде жизни человека, догадка здесь, порой, дает даже больше, чем достоверность...

Арнольд Джозеф Тойнби родился 14 апреля 1889 года в Лондоне в буржуазно-интеллигентской семье, принадлежащей к среднему классу. Его дед Джозеф Тойнби (1783–1865) был врачом-отоларингологом — лечил королеву Викторию, занимался научными изысканиями в области медицины и вращался среди интеллектуальной элиты тех лет. Среди его друзей и знакомых были Джон Стюарт Милль, Джон Раскин, Майкл Фарадей, Бенджамин Джоуэтт, Джузеппе Мадзини¹. Не удивительно, что некоторые из детей Джозефа Тойнби выбрали для себя именно научное поприще: дочь Грейс вместе со своим мужем специализировались в области биохимии, сын Арнольд (тезка нашего Арнольда Джозефа) стал известным историком, да и младший сын Гарри (отец Арнольда Джозефа) под влиянием старшего брата мечтал об университетской

¹ McNeill W. H. Arnold J. Toynbee: A Life. New York — Oxford, 1989. P. 3.

карьере. В 1887 г. Гарри Тойнби (1861–1941) женился на Саре Эдит Маршалл (1859–1939), и через два года в их семье появился первенец и единственный мальчик, которого в честь знаменитого дяди назвали Арнольдом. Впоследствии, по настоянию многочисленных родственников и дабы избежать путаницы, Арнольд Тойнби возмет за правило подписывать свои работы с указанием третьего имени — Арнольд *Джозеф* Тойнби.

...В самом начале жизни, когда мир познаешь наощупь, еще не понимая, а только чувствуя его, маленький Арнольд испытал соприкосновение с тем, что сначала ушло на дно его души, замерло, а потом выплыло оттуда, чтобы никогда уже больше не покидать. Этим нечто была ИСТОРИЯ. Укладывая сына спать, мать рассказывала ему на ночь сюжеты из британской истории, прокладывая в сознании малыша первые колеи воображения и мысли. Еще в девичестве мать Тойнби задалась целью получить университетское образование (и это в то время, когда женщины даже не мечтали об университетах). Только Кембридж давал тогда женщинам возможность слушать университетские курсы и сдавать экзамены без получения степени. Достаточно сказать, что на экзамене по современной истории она заняла первое место. После замужества обучение, как того требовали нормы среднего класса, пришлось забросить. Но увлечение историей осталось и пригодилось. Поскольку в семье была постоянная напряженность с деньгами (Гарри Тойнби был самым младшим из восьми детей Джозефа Тойнби, и смерть отца заставила его постоянно думать о сохранении капитала и борьбе за право остаться в верхушке среднего класса), она решается на написание «Истории Шотландии» для детей. Главы своей книги она и пробовала на засыпающем сыне². Истории из прошлого, рассказанные ею по памяти с кембриджских времен, безусловно, явились базисом интереса юного Тойнби к истории: «Я начал изучать латынь, когда мне исполнилось семь лет; но задолго до этого моя мать сделала из меня историка»³.

Отмеченное было лишь частью ее влияния на сына в плане привития ему определенного взгляда на историю и мир. Сара Эдит Тойнби была убежденной последовательницей англиканской веры и

² Ibid. P. 7.

³ Три греческих образования // Тойнби А. Дж. Пережитое. М., 2003. С. 23.

не менее убежденной патриоткой. Не удивительно, что проникающее в сознание юного Тойнби материнское видение истории было наполнено национально-патриотическим содержанием. В ее рассказах войны и победы англичан явно превалировали над другими аспектами британской жизни, что нашло отражение в детских рисунках Тойнби, изображающих битвы между армиями зверей⁴. В результате, национализм оставался одной из характерных черт тойнбианского сознания вплоть до начала первой мировой войны, события и последствия которой превратят его в ярого врага националистического видения истории и современности. Сказанное объясняет те абберрации в сознании Тойнби, которые можно обнаружить при внимательном прочтении его воспоминаний. Например, описывая один из эпизодов своего путешествия по Греции в 1911–12 гг. в автобиографической книге «Пережитое», он рассказывает случай, когда греки арестовали его по подозрению в шпионаже в пользу турок:

«Меня провели по всем ступеням военной лестницы, пока мы не добрались до областного командования, и, чем выше было начальство, тем грубее я разговаривал. Однако все они смотрели на это весьма добродушно, а областной командир быстро во всем разобрался, и меня отпустили... В Афинах я поднял шум в британском посольстве. Они тактично мне посочувствовали, но благоразумно воздержались от каких бы то ни было действий. В конце концов, мне причинили лишь неприятность, но не причинили никакого вреда»⁵.

Несколько другой взгляд на происшествие был изложен им в письме к матери, написанном сразу после случившегося. Тойнби рассказывал, что сразу же потребовал от обидчиков доставить его в британское посольство, в котором выплеснул всю свою агрессию и злобу по отношению к «этим отсталым грекам». Далее он признавался, что понял теперь, почему иногда оживают расовые предрассудки, и надеялся как можно быстрее увидеть Австрию в Салониках, а Германию, марширующую в Анатолии и Багдаде⁶.

...Есть дети с даром занятости, есть с жаждой ее. Когда ребенок просит чем-нибудь его занять, из такого ребенка вряд ли вый-

⁴ McNeill W. H. Op. cit. P. 8.

⁵ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 39.

⁶ McNeill W. H. Op. cit. P. 41-42, 43.

дет творец, ибо собственной занятости извне ищет. Для Тойнби самым большим открытием и самой большой радостью в этот период его жизни были книги. Детских игр за редким исключением не существовало: мать и дядя Гарри прививали ему интерес к языку и чтению. Дядя Гарри (1818–1909), в доме которого родители Тойнби проживали до тех пор, пока не смогли переехать в собственный дом, на самом деле приходился Арнольду двоюродным дедом — он был братом Джозефа Тойнби. Тем не менее, по признанию внука, «дядя Гарри был первой личностью (если не считать моих родителей), которая оставила в моей памяти след на всю жизнь... Он был... частью той Вселенной, в которой я пробудился к сознанию. Его можно считать одной из важнейших частей моего жизненного опыта...»⁷. Ударяясь в воспоминания о былом, отставной капитан Гарри Тойнби дарил маленькому Арнольду немало радостных минут, тем более, что внук к тому времени уже достаточно разбирался в истории, чтобы получать от рассказов деда удовольствие: «...И весь этот широкий мир открывался мне не только в его рассказах, но и в редкостных антикварных вещичках, которые он вывез из своих плаваний»⁸.

Влияние дяди Гарри на внука выражалось не только в расширении его исторического кругозора. Он, например, давал Арнольду монеты в один пенс за заучивание страниц из Библии, в результате чего в зрелые годы Тойнби мог цитировать целые куски из Ветхого и Нового Заветов. Дядя Гарри к тому же был религиозным фанатиком, непримиримым антипапистом и сторонником так называемой «Низкой церкви»⁹. Родители Тойнби, проявлявшие больше терпимости в вопросах веры, старались предупредить сына от крайностей. И все-таки теологическая озлобленность дяди по-своему «зацепила» внука. Интересно отметить, что когда Тойнби был еще в младенчестве, капитан Гарри Тойнби опубликовал религиозный трактат *The Basest Thing in the World*, в котором констатировал «ве-

⁷ Дядя Гарри // Тойнби А. Дж. Мои встречи. М. 2003. С. 303.

⁸ Там же. С. 300, 303.

⁹ В XVII–XX вв. в англиканской Церкви было три направления: Высокая Церковь, стремящаяся к компромиссу с католичеством; Низкая, акцентирующая протестантские корни англиканства; Широкая, призывающая к объединению всех протестантов, в т. ч. неангликан.

личайшую неудачу человека сотворить себе кумира»¹⁰. Спустя сорок пять лет его внук эхом отзовется на эту интенцию с той лишь разницей, что осудит коллективное поклонение национализму.

Среди лиц, относившихся к ближайшему окружению Тойнби и оказавших влияние на него в детские годы, особо следует отметить уже упомянутого старшего брата отца — историка-экономиста Арнольда Тойнби (1852–1883), умершего в возрасте тридцати лет от менингита. Он входил в группу радикалов-прогрессистов из Бейлиолского колледжа, которые ратовали за преодоление барьера между средним классом и пролетариатом и являлись, таким образом, идейной предтечей фабианства. Воззрения Арнольда Тойнби-старшего нашли отражение в его экономических штудиях, прежде всего в труде «Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии», пронизанном идеями об объединении экономики и морали. По словам автора книги, экономическая свобода, равно как и сама цивилизация, имеют значение только в том случае, если они способны сделать жизнь народа более чистой и возвышенной¹¹. Отголосок этих мыслей без труда можно найти в трудах его племянника, оценивавшего социальный прогресс по критерию его содействия духовно-нравственным поискам человечества. Усилия Арнольда Тойнби-старшего по преодолению бедности привели группу его единомышленников к созданию в Ист-Энде Лондона Тойнби-холла — Общества, в задачу которого входило распространение высшего образования среди бедноты. Вплоть до первой мировой войны его имя было одним из тех, к которым взывали в ходе дискуссий по «социальному вопросу». Не удивительно, что его ранняя смерть стала причиной почти что культа в его семье и круге знакомых:

«...Дядя Арнольд был в моих глазах возвышающимся на пьедестале полубогом, не имеющим возраста; ибо, начиная с раннего детства, я был пропитан этим семейным культом... Я счел бы мою жизнь очень хорошо прожитой, если бы к моменту моей смерти люди могли сказать, что я сделал для мира хотя бы половину того, что совершил для него к своим тридцати годам Арнольд Тойнби»¹².

¹⁰ Toynbee H. The Basest Thing in the World. L., 1891. P. 27.

¹¹ См.: Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М., 1912.

¹² Тетушка Шарли // Тойнби А. Мои встречи. С. 320, 321.

Этот семейный культ в какой-то мере затронул и отца Арнольда Джозефа Тойнби — Гарри Тойнби. В 1883 г. он устроился в качестве окружного секретаря в *Charity Organization Society* — частную организацию аристократов и близкого к ним среднего класса, целью которой было научить бедных помогать самим себе. Капитал на этом поприще сделать он себе, конечно, не мог, что постепенно отдалило его от других, более преуспевающих представителей семейства Тойнби. Он работал в этом Обществе до тех пор, пока социалистические идеи не стали проникать в сознание пролетариата, поднимая его на борьбу за свои права. С этого времени они уже не казались благом, ради которого стоило жить и работать¹³.

В отличие от него его сын лишь на краткое время поддался обаянию социалистических идей¹⁴. Тойнби никогда не предпринимал серьезных попыток помочь бедным, как делали это его дядя или отец. Тем не менее, когда в зрелом возрасте Тойнби идентифицирует себя как либерала школы Кэмпбелла-Баннермана¹⁵, произойдет это, по-видимому, не без их влияния¹⁶.

Таков был опыт Тойнби, приобретенный им в стенах родительского дома. Думается, что именно в этих детских впечатлениях рождалось то, что мы сегодня можем назвать миром Тойнби. За этим последовал долгий процесс самоопределения, становления личности историка, поверившего в собственное призвание. Думается, что этот период жизни человека труднее всего поддается реконструкции, поскольку таинство посвящения в профессию — эзотерический по своей сути акт — всегда является загадкой.

В десятилетнем возрасте родители отдают Тойнби в одну из школ, готовящих к поступлению в элитные учебные заведения. За

¹³ Об этом периоде жизни Гарри Тойнби см.: *Mowat Ch. L. The Charity Organization Society, 1869–1919: Its Ideals and Work.* L., 1961. P. 105, 147, etc.

¹⁴ В разгар этого увлечения в письме к своему другу Роберту Дарбиширу (*R. Darbishire*) он даже заявил, что только что стал фабианцем. Письмо датировано 1909 годом — *McNeill W. H.* Op. cit. P. 30.

¹⁵ Тетушка Шарли // *Тойнби А.* Указ. соч. С. 315.

¹⁶ Генри Кэмпбелл-Баннерман — британский государственный деятель, премьер министр 1905–1908 гг., лидер Либеральной партии с 1899 г., был, в отличие от предшествующих лидеров либералов (сторонников неограниченной свободы рынка), приверженцем государственного вмешательства в экономику с целью проведения социальных реформ и уменьшения разрыва между бедными и богатыми.

ней последовали частная школа в Винчестере (1902–1907) и Бейлиол-колледж Оксфордского университета (1907–1911). В них Тойнби попадает в атмосферу интеллектуальной состязательности, в которой ценились не только аристократизм происхождения, но и аристократизм таланта.

Уже в школе стало очевидно, что Тойнби по своему складу явный гуманитарий. Ему не нравились естественные науки, на которые в первые годы обучения приходилось тратить много времени. Он и в дальнейшем не будет проявлять к ним особого интереса, хотя со временем осознает важность естественнонаучного образования¹⁷. Центральное место в обучении юного Тойнби занимали древнегреческий и латынь, причем последняя как в классическом, так и в средневековом вариантах. Показательно, что впоследствии все наиболее важные и эмоционально значимые вещи Тойнби будет выражать именно на древних языках:

«Для меня лично одним из следствий этого мощного гуманитарного образования стало то, что, попав к нему навеки в плен, я оказался отчужденным от моего родного языка. На жизненном пути человека бывают случаи, когда его чувства оказываются затронутыми так глубоко, что для полной разрядки и самовыражения их необходимо облечь в особые, единственно верные слова. Когда такое случается со мной, слова эти оказываются не моими родными, английскими, а либо греческими, либо латинскими»¹⁸.

Изучение древних языков дополнялось изучением истории этих стран, небольшим курсом современной истории, а также английским языком и литературой, причем последняя была представлена преимущественно в виде англоязычной или немецкой литературы. Повидимому, именно здесь следует искать истоки пронесенной через всю жизнь увлеченности Тойнби творчеством Гете, нашедшей воплощение в знаменитых тойнбианских мифологемах и, в частности, в заимствованной им из Фауста формуле «вызов-и-ответ»¹⁹.

А вот интерес к географии сформировался у него в школьные годы под влиянием родственников — уже упомянутых нами уче-

¹⁷ Тойнби А. Пережитое. С. 18–19.

¹⁸ Там же. С. 21. См. также: McNeill W. H. Op. cit. P. 15.

¹⁹ Тойнби А. Указ. соч. С. 18.

ных-биохимиков, в доме которых он гостил в 1903 г. во время ремиссии от перенесенной пневмонии, и которые подарили ему первый в его жизни исторический атлас. Карты настолько увлекли юного Тойнби, что он начал составление собственной *Drawing Book* — серии чертежей и картинок, родившихся в его сознании под влиянием увиденного. Интересна проблематика этих иллюстраций. Чаще всего это были солдаты — египетские, ассирийские, персидские, византийские и даже солдаты армии Кромвеля. Все они вырисовывались со скрупулезным вниманием к элементам одежды и вооружения. Но подлинным шедевром книги стали карты, каждая из которых была посвящена одной из исторических тем. Здесь, например, были «Империя Александра Македонского», «Военные провинции Византийской империи», «Римская империя», «Африка в системе европейских колоний XIX века», наконец, «Британская империя»²⁰. Для того чтобы создать многие из этих карт, Тойнби приходилось прочитывать тома сопутствующей литературы. А как иначе нарисовать карту «Мир в X веке» или «Мир в XII веке»? Эффект от этих занятий был колоссальный. Тойнби, например, понял, что Ближний Восток — это не только Ближний Восток периода завоеваний Александра Македонского. Фактически это было занятие, которое помогло ему выйти далеко за пределы традиционной исторической любознательности, культивируемой в британских школах.

Школьные эссе Тойнби показывают кругозор формирующегося историка. Уже при беглом знакомстве с ними обращает на себя внимание интерес Тойнби к цивилизационной проблематике и вообще способности локальных сообществ создавать узнаваемые автономные образования. Но и это, пожалуй, не самое главное, поскольку сам факт погружения в область греко-римской истории неизбежно актуализировал эту проблематику. Поражает другое: обычно начинающие исследователи, тем более в столь юные годы, склонны пересказывать чужие мысли или комментировать их, в данном же случае перед нами если не вполне самостоятельные сочинения, то, по крайней мере, работы самостоятельно мыслящего человека, владеющего техникой источниковедческого анализа, и главное — грамотно выполненные с точки зрения поставленных задач. И второе, что тоже бросается в глаза при более внимательном прочтении эссе — это

²⁰ McNeill W. H. Op. cit. P. 16–17.

подход юного Тойнби к сравнению цивилизаций. Удивительно, но уже в первых своих работах он выступает против признания Запада единственным носителем цивилизационного начала. В частности, размышляя о Византии, он заявляет о неблагодарности, «продемонстрированной западными людьми в отношении нации, которая столь многому их научила и которая на протяжении веков была их оплотом против всегда покушающегося Востока»²¹. Позже он разовьет эти юношеские прозрения в тезис о философской эквивалентности цивилизаций; пока же он рассматривает эту проблему в духе модной в то время дихотомии Запада и Востока. Однако главное — это демонстрируемые им желание и умение быть не просто читателем, но соавтором прочитанного, заостряя, переиначивая, переосмысливая идеи великих мыслителей древности.

Детские наития и первые работы, встреча знания с сознанием — все это, несомненно, сказалось на формировании мировоззрения Тойнби, если не актуально, то потенциально.

Параллельно с научным мировоззрением расширялись и горизонты политического сознания. Например, одно из школьных эссе Арнольда Тойнби было посвящено проблеме: «*Может ли государство оставаться свободным, являясь империей для других государств?*». Релевантность подобной тематики событиям в Британской империи начала XX века очевидна. Тойнби отвечает, подражая голосу римского сенатора эпохи Августина: «*Нельзя свободному человеку навязать управление другими людьми без потери своей собственной свободы*»²². Хотя вердикт был не собственный, а римского сенатора, это утверждение шло вразрез с мнением правителей Британской империи, коими так гордились его родители. Таким образом, поступивший в 1907 г. в Оксфорд молодой человек явно обладал самостоятельностью мышления и намеревался развивать и декларировать свой собственный взгляд на мир, демонстрируя интеллектуальную независимость и корректируя представления своих родителей, родственников и учителей.

В Оксфорде основными дисциплинами по-прежнему оставались греческий и латынь, однако новые теоретические веяния, пре-

²¹ См., в частности эссе «Византийская империя под властью Македонских императоров» // *Ibid.* P. 17–18.

²² *Ibid.* P. 18.

имущественно в философии, политике и экономике, начинали подрывать устоявшиеся доктрины и исследовательские традиции XIX века. Речь идет, прежде всего, о той внутренней критике позитивизма, которая зародилась на рубеже веков и в рамках которой стали появляться сомнения в объективном и позитивном характере социально-исторического познания, а также предприниматься попытки утвердить идею отличия исторического познания от естественнонаучного и одновременно защитить его научный статус.

Большинство практикующих британских историков, занимавшихся конкретно-историческими исследованиями, в довоенные годы мало интересовались теоретическими проблемами исторического знания, поэтому теоретические новшества врывались в сознание Тойнби опосредованно, прежде всего благодаря отдельным лицам из его окружения. Одним из таких людей был Александр Линдсей (*A. Lindsay*)²³ — преподаватель, познакомивший Тойнби с философией Анри Бергсона. Судя по студенческим работам Тойнби, в те годы можно говорить лишь о поверхностном «опылении» его сознания идеями французского мыслителя. Написанное под впечатлением от философии Бергсона сочинение «Механизация: проблема дуализма» напоминает, скорее, реферат, нежели творческую интерпретацию бергсоновских идей:

«Весь универсум — мое сознание, тело, моя безопасная бритва — все это механизм, и парадокс его заключается в присутствии во всем этом. Это находит отражение в двух планах бытия... Жизнь, которую мы знаем, потому что это мы сами, и то, другое, которое мы не знаем, потому что это не мы, но то, что окружает Жизнь и является объектом для деятельности».

Тойнби пишет о борьбе этих двух начал бытия, сравнивая ее с борьбой двух борцов, в которой любой успех Жизни оборачивается поражением Механизации и наоборот. В процессе осознания себя Жизнь лишает себя жизненной силы: язык становится машиной посредством грамматики, мораль окостеневает в законе и традиции в результате механической формализации, происходящей под влиянием разнообразных обстоятельств. После тридцати страниц рассуждений в подобном духе следовал вывод о том, что этот

²³ *Scott D. A. D. Lindsay: A Biography. Oxford, 1971.*

«комплексный, трагический, дуалистический Мир и есть единственная Реальность»²⁴.

Но, прикоснувшись однажды к Бергсону, Тойнби суждено было надолго оказаться в его плену. Идеи Бергсона продолжали резонировать в нем по уже проложенным колеям воображения и мысли, укладываясь во вполне определенное соприсутствие слов, терминов, сюжетов. Исследователи не раз отмечали, что Тойнби часто оперировал такими важными бергсоновскими понятиями, как «жизненный порыв», «творческое меньшинство» и т. д., хотя смысловое наполнение этих понятий у Тойнби не всегда было чисто бергсоновским²⁵. Так что правильнее, наверное, сказать, что Тойнби прошел не через Бергсона, а через отпечаток, наложенный на него мыслью Бергсона. Как бы то ни было, можно с уверенностью констатировать, что именно внимательное чтение Бергсона способствовало постепенной переориентации тойнбианского интереса к истории с чисто исторической проблематики на историософскую. Наступила, по-видимому, та самая минута, когда Тойнби стало мало одной истории — ему захотелось понять большее: жизнь, человека, человечество... Все оказалось сложнее и таинственнее того, что он ранее понимал под Историей. Есть мир, который непостижимым образом вдруг оказывается постижимым. Есть загадки, масштабы которых не вписываются в традиционно понимаемые рамки научного знания. Другими словами, увлечение Бергсоном создало то самое «онтологическое напряжение», без которого ученый рискует потерять перспективу и самого себя.

Две идеи, родившиеся в процессе осмысления Бергсона, стали центральными в мировоззрении Тойнби и в его занятиях историософией. Во-первых, это представление о персоналистичности и человеческой одухотворенности истории. Отсюда глубокий интерес зрелого Тойнби к гуманитарным и метафизическим аспектам человеческой жизни. Во-вторых, заимствованное у Бергсона такое понимание процесса исторического познания, в ходе которого конструируется не объективная реальность, а познавательный ход, интеллектуальная конструкция, «интелигибельное поле» исследо-

²⁴ *McNeill W.H.* Op. cit. P. 28.

²⁵ См., например: *Рашковский Е.Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби. М., 1976. С. 78–80.

вания, если выразаться словами самого А. Тойнби, при помощи которого можно посмотреть на полноту жизни. Сказанное — лишнее подтверждение тому, насколько насыщенными потенциальными смыслами могут оказаться точки пересечения двух разных интеллектуальных траекторий.

Тойнби и в зрелые годы останется верен многим положениям бергсоновской философии, за исключением одного — того самого, которое отражено в последней фразе приведенного здесь отрывка юношеского эссе и которое наносит удар не только по усвоенной с молоком матери англиканской вере, но и по вере в самого Бога. Тойнби вдруг обнаружил, что отрицает христианство «как с позиций философии, так и с литературно-исторической точки зрения»²⁶. Помимо философии Бергсона, в немалой степени этому способствовала появившаяся в 1890 г. и посвященная магии и религии книга Д. Фрезера (*J. G. Frazer*) «*The Golden Bough*». Компаративный метод Фрезера, примененный к возникновению и развитию мифов и ритуалов, фактически приглашал к сравнению евангелистских чудес с историями, рассказанными греко-римскими авторами. При таком сопоставлении христианство представало лишь как одна из обыкновенных религий-мистерий, конкурирующих в Древнем Риме за народную поддержку. Это основанное на агностицизме представление о ранней христианской истории создало в первую декаду XX века новый и бурлящий поток, с шумом пронесшийся по университетам Англии. В частности, в одной из своих работ университетского периода Тойнби утверждал, что христианство возникло из синтеза языческой и иудейской традиций в ответ на нужды конкретного времени и пространства, поэтому оно мало подходит для универсальной и вечной истины²⁷. Перипетии личной жизни А. Дж. Тойнби, а также постепенная утрата веса бергсоновства с годами заставят его пересмотреть это утверждение.

Секуляризация сознания в свою очередь не могла не способствовать изменению проблематики исследований. Дело в том, что гуманистическая традиция европейского образования, опиравшаяся на теологию, концентрировала свое внимание на достаточно узких периодах античной истории, когда язык и литература добивались

²⁶ McNeill W. H. Op .cit. P. 25-26.

²⁷ Ibidem.

особых успехов — Греция Перикла и Платона, например, или Рим Цицерона и Вергилия. К началу XX столетия эта традиция стала уходить в прошлое. Библейские тексты теснились светскими, которые, благодаря немецкой школе анализа источников, исследовались средствами гуманистической филологии, а британская антропологическая традиция изучения первобытного общества приглашала классицистов гуманитарной традиции расширить рамки своей юрисдикции и обратить внимание на популярные и иррациональные аспекты мышления древних; другими словами, предлагалось обратить внимание на то, что было до и после «золотых веков».

Юный Тойнби еще в школьные годы предпринимал попытки выйти за пределы традиционных тем и периодов. Он не раз критиковал своих учителей за то, что те уделяют основное внимание так называемому цicerоновскому периоду римской истории, жертвуя при этом другими: «В конце концов, Диоклетиан оказал не меньшее влияние на современный мир, чем Вергилий», — писал он в письме к родителям в 1907 г.²⁸. Теперь он буквально нырнул в этот водоворот с головой. Интересно, что упадок духа в поздневикторианской Англии нисколько не волновал Тойнби. Его образование было сконцентрировано на классических, языческих, по сути, писаниях, которые включали эпикурейский и стоический взгляд на мир, казавшийся простым и понятным.

У каждого ученого есть точки фокусировки мысли, своя мечта в науке, поиск своего интеллектуального пространства, которое порождает ревнивое чувство собственности. Незадолго до окончания учебы в университете Тойнби начинает взращивать намерение написать объемный труд, в котором можно было соединить древность и современность, так же как Восток и Европу, в едином конспекте. Он назвал это «философией истории», но замысел оставался неясным до тех пор, пока не были найдены принципы, на основе которых он намеревался предпринять столь детальное исследование:

«Это должна быть блестящая попытка продолжить историю Геродота (историю войн между Европой и Востоком)... но это должно быть еще шире»²⁹.

²⁸ Ibid. P. 16.

²⁹ Ibid. P. 30.

Следует заметить, что в то время в Оксфорде не очень-то поддерживали и инициировали макроисторические исследования. Тьюторы концентрировали свое внимание на специальных исследованиях, тексты читались слово за словом, студентов учили, что истина может быть извлечена только путем скрупулезной работы с источниками. Тойнби оправдывал эти ожидания, блестяще проявляя умение анализировать детали, о чем свидетельствует, например, его статья «*On Herodotus III, 90 and VII, 75, 76*», с рассуждениями по поводу этимологии географических названий в Малой Азии, на Кипре и некоторых других регионах Восточного Средиземноморья³⁰. Но Тойнби никогда не собирался посвящать себя только деталям.

Первая заявка на глобальное видение истории была сделана им еще в школьные годы в уже упомянутом эссе, посвященном Византийской империи под властью Македонских императоров. В период обучения в университете это юношеское убеждение вылилось сначала в поиск параллелей и сходных мест между событиями древности и современности, а затем — в первые намеки на циклический путь развития цивилизаций, который в 1920-е годы станет центральным в его исследованиях. Уже тогда он пытался сравнивать персидское вторжение в Грецию с завоеваниями наполеоновской армии или Оттоманской империи. Уже тогда он видел в древней истории взлеты и падения и пытался рассматривать современность в рамках античного цикла. Таким образом, не веря, что история повторяется в точности, Тойнби был уверен в наличии параллелей³¹. Появлению и развитию подобных представлений Тойнби в немалой степени обязан своим университетским преподавателям Гилберту Мюррею (*Gilbert Murray*)³² и Альфреду Циммерну (*Alfred Zimmern*)³³. Уверенные, что «слова, мысли и чувства древних вполне релевантны современному человеку»³⁴, они на-

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 32.

³² Мюррей был профессором греческого языка, известный своими переводами Еврипида, Софокла, Аристофана и других мыслителей Греции. В 1913 г., когда Тойнби женился на Розалинде Мюррей, Гилберт Мюррей к тому же стал тестем Тойнби.

³³ Альфред Циммерн — преподаватель древней истории в Бейлиол-колледже Оксфорда.

³⁴ См.: *Murrey G. An Unfinished Biography*. L., 1960. P. 15. О новаторстве

стаивали на наличии определенной корреляции между древней и современной историей:

«...Циммерн умел добиться этого, перебрасывая какое угодно количество мостов через реку времени между современной историей и древней. Очевидно, что его интерес к греко-римскому миру, такой же глубокий, как и мой, не исключал одновременного интереса к миру современному. Пример Циммерна показал мне, что оба эти интереса могут уживаться в одной голове, лишь ярче высвечивая друг друга»³⁵.

Было, на мой взгляд, еще три обстоятельства, так или иначе подталкивающих Тойнби к глобальному рассмотрению истории. Прежде всего, это интенсивные античные штудии молодого ученого, без которых трудно понять как мыслительный облик Тойнби, так и методологию его построения исторических моделей:

«...Самым значительным достоинством греко-римской истории является то, что ее мировоззрение скорее вселенское, нежели локальное. Афины могли затмить Спарту, как и Рим — Самний, тем не менее, Афины во времена своей юности просветили всю Элладу, а стареющий Рим объединил весь греко-римский мир в единое сообщество. В греко-римской истории все пронизывается лейтмотивом единства, и однажды услышав эту великую симфонию, я уже не боюсь быть загипнотизированным одинокой и странной мелодией локальной истории моей собственной страны...»³⁶.

Другой немаловажной предпосылкой оригинальности мыслительного облика Тойнби можно считать ряд национальных детерминаций и, в частности, отмеченные Х. Ортегой-и-Гассетом особенности национального мировосприятия англичан, обусловленные их островным положением:

«Англичанин воспринимает свою национальную культуру как относительно обособленную часть культуры более широкой — культуры Запада. Такое понимание собственной культуры благо-

Мюррея свидетельствует и его книга — *Murrey G. Five Stages in Greek Religion*. L., 1912.

³⁵ Сэр Альфред Циммерн // *Тойнби А. Мои встречи*. С. 332.

³⁶ *Toynbee A. J. Civilization on Trial, and the World and the West*. Cleveland — N. Y., 1963. P. 17.

приятствует пониманию любого культурно-исторического явления как относительно автономного, но находящегося в рамках некоего более широкого комплекса явлений, сущностно с ним сходных. Таким образом, каждая вещь понимается как относительно автономное проявление некоей стоящей за ней более широкой «умопостигаемой исторической сферы»³⁷.

Наконец, нельзя пройти мимо эвристического потенциала немецких исторических исследований того времени, в частности, работ Эдуарда Мейера (*Eduard Meyer*), попытавшего создать массивный и магистральный синтез египетской, вавилонской, греческой и римской историй³⁸. Его пять томов впечатляли. Мейер сделал для древности то, что Тойнби намеревался сделать для древности и современности одновременно. Не было в Англии историка, равного Мейеру по мастерству в древних языках, причем как восточных, так и европейских, и его умению объединять времена и пространства. Фактически он дал юному Тойнби модель для его собственного опуса и сделал свою работу так хорошо, что Тойнби даже усомнился в своей способности дополнить его.

Вкупе с предшествующими тяготениями, постепенно оформлявшимися обстоятельствами жизни в определенную жизненную и исследовательскую траекторию, отмеченные выше детерминанты вплотную подвели Тойнби к рождению замысла широкого макроисторического нарратива. Он еще не знал, как к нему подступиться. Но, как справедливо однажды заметила О. Вайнштейн, в гуманитарном знании решающим фактором для успеха — особенно для написания хорошего текста — порой является интуитивная уверенность в собственной правоте, даже если пока еще нет решающих доказательств. Этот «разумный эгоизм» создает своего рода спасительную капсулу, оболочку для развития идеи³⁹. Понимал ли тогда Тойнби неизбежность философско-исторического характера предстоящего исследования? Вряд ли он думал об этом всерьез. Но, учитывая характер замысла, а также сформированные к тому времени особенности мировоззренческого облика ученого, пола-

³⁷ Цит. по: Рашковский Е. Б. Указ. соч. С. 84–85.

³⁸ Имеется в виду работа Э. Мейера *Geschichte des Altertums*, издание которой осуществлялось в 1884–1902 гг.

³⁹ См.: Свой путь в науке: Коллективный портрет ИВГИ. М., 2004. С. 27.

гаю, что он был на самых подступах к этому пониманию. Ведь картина мира, способная удовлетворить человека своей полнотой, может быть только философской. Основанная исключительно на научных данных, она была бы фрагментарной, поскольку вряд ли можно оспаривать тот факт, что за пределами фактографии гуманитарное знание живет именно той долей философского смысла, который оно вносит или поддерживает.

Как бы то ни было, мечта о философии истории актуализировала вопрос о методе — основополагающий для исторического и тем более философско-исторического исследования. Как известно, путь историософского познания весьма сложен и наталкивается вплоть до наших дней на огромные трудности, создаваемые сторонниками узкой специализации, с одной стороны, и абстрактно-философской схоластики, с другой. В результате, как правило, мы имеем дело либо с подгонкой фактов под некую теоретическую схему, либо с попытками вывести теорию непосредственно из фактов. В обоих случаях имеет место некоторая разорванность и эклектичность в понимании структур мира, типичным примером чего являются многочисленные всемирные истории, появившиеся в XX веке и демонстрирующие механическое соединение огромного фактического материала, снабженного иногда весьма шаткими и банальными теоретическими скрепами.

Молодой Тойнби чутьем угадывал, что критический метод Нибура, усвоенный им в процессе исторического образования, мало подходит для реализации намеченной цели. Он не раз обсуждал эту проблему со своим младшим сокурсником по университету Льюисом Неймиром (*Lewis Namier*), оказавшим на него воздействие в плане исследовательского метода:

«Вы, — говорил он Тойнби, — стараетесь увидеть дерево в целом. Я стараюсь обследовать его лист за листом. Основная масса историков пытается рассматривать дерево ветка за веткой. И мы с вами сходимся в том... что этот последний подход, по меньшей мере, малообещающ»⁴⁰.

Рассуждения обоих в значительной мере были опосредованы дискуссией, развернувшейся в конце XIX – начале XX века вокруг

⁴⁰ Сэр Льюис Неймир // *Тойнби А. Мои встречи.* С. 356.

знаменитого тезиса Леопольда фон Ранке о том, что историк должен писать историю так, как это происходило на самом деле. И каждый из них старался, «*следуя собственным курсом, найти некий способ выразить исторические события в терминах не мифов, но реальностей*»⁴¹. Л. Неймир принадлежал к той категории исследователей, которые, изучая человеческие деяния, задействовали «просопографический» метод исследования, заключающийся в детальном анализе действий, мыслей и чувств отдельных человеческих существ, вовлеченных в рассматриваемые транзакции. Он нашел воплощение в задуманной им истории парламента, которую исследователь пытался написать через реальные деяния конкретных личностей, их жизни и межличностные отношения. Но героические усилия Неймира все время наталкивались на превосходящую силу в виде несметного количества материала, которым ему предстояло овладеть.

Тойнби уже тогда отвергал предложенный другом путь. Он был убежден, что если попробовать «написать кусочек исторического повествования в терминах только лишь человеческих индивидуальностей и их взаимоотношений», то этот «эксперимент окажется разочаровывающим», поскольку «количество всего в человеческом окружении... непрерывно, беспорядочно и неумеренно возрастает, тогда как силы и возможности самого человеческого существа остаются теми же, что и прежде»⁴². По мнению Тойнби, интеллектуальные модели обязательно должны присутствовать (и присутствуют независимо от нашего желания) на горизонте любого исторического исследования, ибо эмпирические описания — не самоцель; цель — проблема, ценность, смысл:

*«Если невозможно мыслить без интеллектуальных моделей, — а, по-моему, это невозможно, — лучше знать, что они есть; ибо модель, которая не осознана, властвует в человеческом уме бесконтрольно»*⁴³.

Впоследствии Тойнби интуитивно нащупает выход из этой методологической «вилки», заключающейся, с одной стороны, в стремлении к верифицируемости, с другой — в невозможности

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 357, 358.

⁴³ *Toynbee A. J. What am I Try to Do? // International Affairs. Vol. 31. 1955. P. 3.*

обойтись без теоретических построений. Не будучи в состоянии самостоятельно проанализировать первичные источники по широчайшему кругу проблем, он естественным образом стал обращаться к историческим трудам «узких специалистов», используя эти труды как исторический источник⁴⁴.

Разумеется, такой подход к организации исторического материала имеет свои изъяны, о которых немало написано в исторической литературе. Но одновременно он заключает в себе и полезный опыт. Во-первых, А. Тойнби был прав, когда писал, что междисциплинарные связи должны быть не только горизонтальными, но и вертикальными, то есть иметь отношение к метарефлексии⁴⁵. Для историка в этом нет ничего унижительного, поскольку любая наука стремится к логической универсализации своих достижений. Во-вторых, очевидно, что единственный метод, открывающий саму возможность исторического синтеза, может быть лишь метод философский. Если он будет философско-историческим, то, как свидетельствует опыт Тойнби, будет вынужден строить свои суждения на «зыбких гранях логического дискурса, фактологического осмысления и опыта самопознания историка»⁴⁶. Последний имеет ключевое значение и складывается из личного опыта ученого и строя его личности. Это не значит, что проблема совершенствования профессионального источниковедческого мастерства отодвигается на задний план или на служебно-подготовительную ступень научного творчества. Но и внеисточниковый контекст в историческом познании нельзя сбрасывать со счетов...

После получения степени Тойнби был приглашен остаться в университете в качестве преподавателя античной истории. Правда, получилось так, что приступить к исполнению своих обязанностей он смог только через год, так как выиграл годичный грант на повышение квалификации и решил потратить его на путешествие по

⁴⁴ *Тойнби А. Дж.* Мои встречи. С. 350. О возникновении новейших методов философско-исторического познания см.: *Жигунин В.Д.* Философия истории: формирование и эволюция основных идей (пять лекций в Самаре). Самара, 1997. С. 54-62.

⁴⁵ *Тоунбее А. Дж.* Op. cit. P. 2-3.

⁴⁶ *Рашковский Е. Б.* Философия истории как авантюра // *Он же.* На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 9.

тем странам, которые он столь долго изучал. И так, 1911–1912 годы он провел, путешествуя по Италии и Греции, знакомясь с ландшафтом, на фоне которого разворачивались те или иные исторические события. Это позволило ему пережить новый опыт и дало толчок к развитию его представлений об историческом процессе в целом и о взаимодействии цивилизаций в частности.

Прежде всего, здесь он впервые остро пережил то, что сам Тойнби идентифицировал как «*мистический опыт столкновения с прошлым*». Впервые это произошло в январе 1912 года, когда он, созерцая место древней битвы при Киноскефалах, мысленным взором увидел, как римляне поражают македонян в 197 г. до н.э. Три месяца спустя он пережил сходный опыт на Крите, когда бросил взгляд на заброшенную венецианскую виллу — безмолвное завещание турецкой победы 1669 года. В третий раз ощущение «инсайта» возникло у него при посещении цитадели Мореот в Моменвазии⁴⁷. Эти три случая не были первыми, когда Тойнби так ярко и живо вообразил себе картины прошлого. Его эссе периода обучения свидетельствуют о других случаях «моментальной коммуникации с акторами конкретных исторических событий», *пережитых* его героями или им самим. Можно ли считать эти опыты мистическими? Вряд ли, ведь они были результатом тщательного анализа построек, ландшафта и прочих вещей, оставшихся от разных исторических эпох, что и позволило его историческому воображению свободно преодолевать реку времени. По крайней мере, пережитое в Греции пополнило его «методологическую копилку» еще одной идеей:

«Искусства и историописание схожи друг с другом, поскольку оба представляют собой попытку воображения влиять на опыт»⁴⁸.

Не менее значимым вкладом «второго греческого образования» в мыслительный облик британского историка можно считать актуализацию его прежних размышлений о повторяемости прошлого. Сравнивая древнюю Грецию с современной, он постоянно задавался вопросом об их различии и подобии. Ему впервые пришла в голову мысль: древняя Греция была центром тогдашней Ой-

⁴⁷ *Toynbee A. A Study of History. L., 1954. V. 10. P. 134-137.*

⁴⁸ *McNeill W. H. Op. cit. P. 28.*

кумены; возможно когда-нибудь, когда центр мира переместится, скажем, в Китай, европейцы станут такой же периферией мировой истории, какой теперь является Греция. Позднее концепция цивилизационных циклов станет центральной в тойнбианском видении истории, пока же можно говорить лишь об отдельных проблесках этой идеи в его взглядах 1912 года. Показательно, например, что нигде в письмах того времени эти прозрения не отражены, — только в более поздних воспоминаниях. В появившейся сразу после путешествия работе о Спарте еще и намек нет на будущего Тойнби⁴⁹. Возможно, во время турне он не придавал своим интенциям большого значения или абстрагировался от них, но они продолжали резонировать в его сознании, со временем приобретая особое значение.

По крайней мере, мечта о «философии истории» не оставляла. Когда Г. Мюррей обратился к Тойнби с предложением взяться за написание истории Греции, он ухватился за него с огромной радостью: его воображение сразу начало разворачивать масштабные картины разных периодов греческой истории, увиденные в их различии и одновременно в единстве. К сожалению, из-за первой мировой войны этому проекту не суждено было состояться, вернее, суждено было состояться несколькими десятилетиями спустя⁵⁰.

Война опрокинула многие надежды А. Тойнби. Все это время он шел к себе по лестнице времени, где каждый этаж был годом или чередой лет. Тойнби себя не строил и его никто не строил. Он жил и рос. Труд этого периода жизни историка не столько в его пере, сколько именно в росте. Или же само перо — рост. Его первые юношеские эссе — брызги этого роста. Они еще очень отдаленно напоминают тот язык, на котором будет говорить об истории зрелый Тойнби. Все в движении, взаимосближении и взаимоотталкивании, — это только приготовления к тому, что будет в будущем. Как тут не вспомнить поэта: «И это все в меня запало и лишь потом во мне очнулось». Убеждена: не очнулось бы, если бы помимо многочисленных влияний не было бы другого «профессионало-образующего» фактора — события личности. С другой стороны,

⁴⁹ *Toynbee A. J. The Growth of Sparta // Journal of Hellenic Studies. 1913. № 33.*

⁵⁰ См.: *Idem. Hellenism. The History of Civilization. London–New-York–Toronto, 1959.*

для того, чтобы это событие состоялось, нужны были идеи — замкнутый круг, а, скорее, котел, плавильный тигель, в котором формируется профессиональный историк.

Накануне первой мировой войны Тойнби не хватило совсем чуть-чуть, чтобы увидеть свой способ постижения истории. А, может, это и хорошо, что не хватило, ибо тогда и знакомое всем нам *Постигжение* было бы другим. С началом мирового конфликта привычный ход времени был прерван, и этаж, на котором после его окончания оказался Тойнби, символизировал уже не просто смену лет — эпох.

* * *

Мировая война стала первым и, вероятно, самым сильным водоразделом в судьбе Арнольда Тойнби. Из нее он вынес чувство глубокой трагичности и неустроенности человеческой природы, ставшее важнейшим компонентом его восприятия целостности всемирной истории. Избежав мобилизации и испытывая постоянное чувство вины перед воевавшими соотечественниками, Тойнби решает посвятить себя делу предотвращения и искоренения войны не только научными, но и политическими средствами. С того момента любая неудача на этом поприще будет восприниматься Тойнби как личная несостоятельность и сопровождаться драматическими мировоззренческими коллизиями. Такой поворот событий имел и другие, не менее важные последствия: если бы политический дискурс не стал такой же частью тойнбианского творчества как дискурс исторический, возможно, Тойнби так и остался бы узким эллинистом, для которого историей была лишь греко-римская история, а Средние века и Новое время мыслились как «неуместный и нелепый эпилог, добавленный к собственно истории североευропейскими варварами»⁵¹.

По окончании Оксфордского университета Тойнби, по его собственным словам, был настолько несведущ в международной политике, что само слово «политика» ассоциировалось в его сознании исключительно с «внутренней политикой»⁵². Год странствий по Греции сопровождался постепенным прозрением: он впервые узнал и об утрате Великобританией былых позиций на международной арене, и

⁵¹ Тойнби А. Д. Пережитое. С. 103.

⁵² Там же. С. 37.

о той игре, которую вели великие европейские державы накануне войны, и о неизбежности военного конфликта на Балканах:

«Здесь-то я и получил мое непредвиденное греческое образование в том, что касается современного мира, — образование, которое привело меня на две Парижские мирные конференции и позволило мне в течение тридцати трех лет быть одним из соавторов издаваемого Четем-Хаусом ежегодника “Сервей оф интернэшнл афферс”»⁵³.

Разразившаяся война усилила впечатление от увиденного. Практически с первых ее дней Тойнби был привлечен к пропагандистской работе в Отдел политической разведки британского МИДа, созданный с целью воздействия на общественное мнение в США. В его задачу входили сбор и размещение подходящих статей о войне в американской и другой зарубежной печати, а также ответы на письма, присланные в адрес британского правительства с вопросами о проводимой им политике в различных регионах мира. Чем больше он занимался осмыслением причин этой войны, тем сильнее убеждался в ее националистической подоплеке. Эти мысли нашли отражение в появившейся в 1915 г. книге «Национальность и война»⁵⁴. Многие в ней сегодня кажутся странным и банальным, но и то, что задало определенную программу: принцип национальности необходимо радикально удалить из мировой политики, перейдя от национального соревнования к национальному сотрудничеству и создав международную организацию для обеспечения мира. В этом смысле данная книга находится на линии его более поздних работ.

В конце 1915 г. пропагандистская работа Тойнби приобретает новый поворот. Британскому правительству срочно потребовался отчет о событиях в Армении. Собирая материал о зверствах турок по отношению к армянскому населению, Тойнби, возможно, впервые начинает проводить параллели между современными и прошлыми событиями. Армянская резня 1915 года сравнивается им с убийствами в древней Ассирии. Аналогия столь захватила его, что в короткое время он собрал исчерпывающий материал по данной

⁵³ Там же. С. 34.

⁵⁴ *Toynbee A. J. Nationality and the War. L., 1915.*

проблеме⁵⁵. Вскоре он уже был экспертом по вопросам Османской империи в целом и по армянскому вопросу, в частности. Именно в этом же качестве, несколько лет спустя, он будет присутствовать на Парижской мирной конференции, закончившейся для него глубочайшей депрессией: созданная на ней система миропорядка никак не отвечала его представлениям о честном и справедливом мире.

Предложенная в тот момент должность профессора греческой и византийской истории, языка и литературы в Королевском колледже Оксфордского университета оказалась спасательным кругом: он потерпел поражение в Париже — он не хотел больше поражений. Его мысли вновь возвращаются к философии истории, в раздумьях о которой прошли предвоенные годы. С одной существенной поправкой: это был уже другой Тойнби — зрелище мировой войны и ее последствий рождало ощущение абсурдности происходящего и несостоятельности прежних представлений. В своих автобиографических книгах Тойнби очень четко фиксирует момент влияния этого ощущения, неведомого успокоенному либеральному сознанию конца XIX – начала XX в., на замысел его будущей книги. Однако думается, что набросанный в них схематический рисунок не передает сложности и даже хаотичности действительного хода его духовного развития в те первые послевоенные годы. Ретроспективно это выглядит органическим, но в действительности оно скорее напоминало беспорядочную смену изображений в калейдоскопе. Вспоминая то время, он естественно упорядочивал их в свете зрелых, развитых идей, выкристаллизовавшихся на самом деле несколько позже. Если учесть эту неизбежную аберрацию, можно попытаться выявить тот временной отрезок, на протяжении которого произошла трансформация тойнбианского сознания.

Самый ранний источник, проливающий свет на эту проблему, — курс лекций по древней истории, прочитанный Тойнби в Лондонском университете в 1919–1920 гг. Определяя предмет и принципы построения курса, он все еще мыслит себя последователем Геродота, ограничивая рамки курса «нашей» цивилизацией и тем, что я понимаю под цивилизацией Европы и Среднего Востока,

⁵⁵ *Idem.* Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. L. – N. Y. – Toronto, 1915.

которые... не могут быть рассмотрены как отдельные части»⁵⁶. Вписанная в это поле греческая история по-прежнему видится ему в свете унаследованной от «отца истории» и ученых XIX века гротескной дихотомии Запада и Востока: греки — самый восточный аванпост Европы, в этом качестве испытавший на себе все «приливы» и «отливы» восточного влияния. В лекциях он выражает уверенность, что человеческое развитие является процессом, в котором люди формируются более или менее их природным окружением и приспособляют это окружение в соответствии с собственной волей. Со временем человеческая воля занимает место механических законов человеческого окружения, что и приводит к рождению цивилизации. Цивилизация и человеческая свобода оказываются, таким образом, в сознании Тойнби взаимосвязанными. Обе противостоят «механическим законам» окружающей среды, под которыми Тойнби понимает не только природное окружение, но и законы человеческого общества, позволяющие одному классу господствовать над другим. Бергсоновское наследие в этих рассуждениях очевидно, равно как и наследие английского либерализма.

Принципиально иное понимание истории Тойнби предложил в лекции, прочитанной им весной 1920 года в Оксфорде и опубликованной на следующий год как «Трагедия Греции»⁵⁷. В этом тексте он впервые «изменяет Геродоту» и принимает сторону Тацита, считавшего главной причиной разрушения греческой цивилизации ожесточение характеров, произошедшее в результате Пелопоннеской и последующих за ней войн. Раскрывшаяся в книге Тацита психологическая трактовка событий, наложенная на собственный опыт переживания войны, стала своего рода событием, разорвавшим старое и новое понимание истории:

«...И тогда мое сознание неожиданно просветилось. То, что мы переживаем сегодня, уже было пережито в мире Тацита... Независимо от хронологии, тацитовский мир и мой мир стали философски сопоставимыми. А, если это было верным, разве отношения между всеми известными нам сегодня цивилиза-

⁵⁶ *Idem.* The Place of Medieval and Modern Greece in History. Inaugural Lecture of the Coraes Chair of Modern Greek and Byzantine Language, Literature and History. L., 1919.

⁵⁷ *Idem.* The Tragedy of Greece. Oxford, 1921.

циями не могут быть подобны отношениям между Греко-Римской и Западной цивилизациями?»⁵⁸.

Единство человеческой природы — вот что пронизывает всю эмпирическую пестроту цивилизаций, обуславливая и возможность межцивилизационных контактов, и правомерность компаративного постижения истории!

Этот своего рода «инсайт» позволяет говорить, что вплоть до 1920 г. Тойнби, судя по всему, все же не думал серьезно о том, что все цивилизации проходят сходный путь развития и разрушения. Более того, практически все проводимые им аналогии относились к античной и европейской истории, в то время как другие цивилизации все еще находились на периферии его сознания. Поэтому будущая книга, написание которой он задумал еще в довоенное время, мыслилась им либо как история Греции вплоть до ее завоевания Римом, либо как римская история, «сконцентрированная вокруг проблемы завоевания и социальной революции и показывающая, как первое влечет за собой второе, и как вместе они разрушили не только римскую, но и греческую цивилизацию», либо как история Европы, «связанная в европейскую цивилизацию и рассмотренная как целое...»⁵⁹.

Возникшее в результате «нового прочтения» Тацита концептуальное напряжение позволило Тойнби пересмотреть свой взгляд на мир и сформулировать один из основополагающих тезисов своей философии и одновременно один из самых оспариваемых — тезис о философской эквивалентности и, благодаря этому, сопоставимости цивилизаций. При этом критики Тойнби, как правило, упускают из вида одну, но очень существенную деталь: формулируя данный тезис, Тойнби, прежде всего, имел в виду некое общее для всех цивилизаций содержание, проистекающее из взаимосвязи хода истории с внутренней динамикой человеческой души — *чисто человеческую* способность навлекать на самих себя несчастья⁶⁰. Думается, что именно это наблюдение позволило впоследствии Е. Б. Рашковскому развить его следующим образом:

⁵⁸ *Idem*. My View of History // *Toynbee A.J. Civilization on Trial*. L., 1948. P. 7-8.

⁵⁹ *McNeill W. H.* Op. cit. P. 94.

⁶⁰ *Ibid*. P. 93.

«Вслед за Тойнби можно говорить о философской эквивалентности культур, ибо в каждой из них в той или иной мере явлена, пережита и обдумана безусловная человеческая проблематика поисков смысла жизни, проблематика любви, страдания, познания, смерти и бессмертия. То есть, речь идет о бесспорном родовом достоинстве человека. Но в конкретном изучении истории мы имеем дело не с культурой вообще, а с культурой в ее локальной и стадийной определенности, в их определенности степенью развитости и динамизма их духовного содержания. И вот здесь следует говорить о несопоставимости культурного опыта людей, ибо все они в различной степени откликаются на вызов извне, являют разные формы свершений»⁶¹.

Наш экскурс в мыслительный мир Тойнби 1920-го года был бы неполным, если бы мы оставили за пределами нашего внимания еще одно событие, произошедшее буквально следом за переосмыслением Тацита. А именно: летом того же 1920-го года Льюис Неймир переслал Тойнби вышедшую двумя годами раньше книгу О. Шпенглера «Закат Европы». Знакомство с ней стало для тойнбианского сознания не менее значимой «точкой бифуркации», чем «История» Тацита. Это дало повод некоторым представителям критической тойнбианы усматривать в Тойнби чуть ли эпигона Шпенглера. Да и сегодня находятся исследователи, заявляющие об отсутствии в тойнбианских построениях какой-либо эвристики. Между тем, я глубоко убеждена, что в любом творчестве угол падения никогда не равен углу отражения. Так устроены творческий глаз и слух. Отразилось, но не прямо, не тем же. Не отразилось, а преобразилось. Ведь что такое человеческое творчество? Ответный удар, больше ничего. Что-то человека задевает, ударяет, а человек отвечает. Либо нечто человека вопрошает, и он отвечает. Всегда диалог, поединок, схватка, борьба, взаимодействие. Нечто задает загадку. Под пером — ответ или поиски ответа, третье, новое. Если вы Шекспира читали и Шекспира любите, то вряд ли вы его забудете, садясь за своего Гамлета. Это невозможно, ибо Шекспир стал вашей частью, как случай собственной жизни. Тема может быть той же, но интонации другими.

⁶¹ Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока. М., 1990. С. 83.

Так было и с Тойнби. Сначала ему показалось, что Шпенглер уже сделал всю работу за него. Немецкий историк считал интеллигентным полем исторического исследования целые сообщества, а не национальные государства или города-государства греко-римского мира; он также полагал, что эти сообщества, называемые цивилизациями, сравнимы и параллельны. Но потом Тойнби обнаружил, что Шпенглер не отвечает на главный вопрос — вопрос о генезисе цивилизаций, который, как известно, у Шпенглера прописан неявно, догматически и детерминистски. Согласно ему, цивилизации поднимаются, расцветают и гибнут в соответствии с отведенным им временем, что мыслилось Шпенглером как своего рода закон природы, который он вывел, а его читатели должны были принять на веру.

Тойнби решил преодолеть этот изъян, противопоставив немецкому априорному методу английский эмпиризм⁶². Летом 1920 года он впервые попытался набросать план собственной книги, которую условно назвал *Mystery of Man* и которой так и не суждено было увидеть свет. После многочисленных исправлений он собрал воедино все свои записи и озаглавил как «Неудачную попытку начать Постижение истории, предпринятую в Ятскомбе, в коттедже летом 1920 года». Книга не состоялась по нескольким причинам. Во-первых, он понял, что плохо знаком с историей большинства сообществ, начиная с Китая, Индии, Японии и кончая Африкой и коренной Америкой. Во-вторых, он попытался привязать возникновение цивилизаций только к ближневосточному ареалу⁶³. Лишь после прочтения книги профессора Д.Ф. Теггарта *The Process of History*⁶⁴, Тойнби понял свою ошибку.

К сожалению, не все дальновидные прозрения профессора Калифорнийского университета оказались созвучными мыслям А. Тойнби. Д.Ф. Теггарт, в частности, утверждал, что «человеческий успех есть результат смешения идей через контакт различных групп», потому что столкновение с другими народами при благоприятных обстоятельствах провоцирует «духовное освобождение членов группы или ее отдельных индивидов от авторитета устано-

⁶² *Toynbee A. J. Civilization on Trial. P. 9-10.*

⁶³ *McNeill W. H. Op cit. P. 99.*

⁶⁴ *Teggart J. F. The Process of History. New Haven, 1917.*

вившейся системы идей»⁶⁵. О. Шпенглер же, как известно, считал цивилизации настолько различными, что практически исключал возможность какой-либо эффективной коммуникации между ними. Он полагал, что происходящее в разных цивилизациях смешение идей или нечто подобное является, скорее, знаком дегенерации, нежели прогресса, и предшествует окончательному развалу культуры.

В те годы Тойнби принял модификацию шпенглеровского видения, — первоначально, вероятно потому, что утверждение о сепаратности цивилизаций позволяло ему использовать параллели, которые он уже провел между греческой и западной цивилизациями в качестве модели и путеводителя для дальнейших сравнений, в том числе с теми частями планеты, которые он ранее игнорировал. Но, по-видимому, окончательно убедила его в этом греко-анатолийская война, на сцене которой Тойнби побывал в качестве военного корреспондента «Манчестер Гардиан», и которая продемонстрировала пагубные последствия цивилизационных контактов, происходящих в этом регионе в ходе процесса вестернизации⁶⁶:

«Пока цивилизация реализует свой потенциал и развивается в соответствии со своей природой, это универсум в самом себе. Полученные извне впечатления не приносят ей вдохновения и только отвлекают, благодаря чему эти влияния до поры до времени исключаются из ее сознания. Но нет цивилизации, которая бы нашла секрет своей вечной молодости, тем более — бессмертия. Рано или поздно, каждая из них трансформируется вследствие непоправимой катастрофы, которая не только подрывает ее рост, но поразительно изменяет ее сущность. Сталь, формально такая твердая и ясная, становится податливой и мутной. Это трагическая трансформация...»⁶⁷.

Эта метафора показывает, каким образом Тойнби скомбинировал трагический взгляд на историю со шпенглеровским взглядом на затрудненность цивилизационных контактов.

Чем глубже погружался Тойнби в мир текущей политики, тем яснее вырисовывались лейтмотивы его будущей книги. Здесь и

⁶⁵ Ibid. P. 111, 151.

⁶⁶ *Toynbee A. J. The Western Question in Greece and Turkey: A Study of the Contact of Civilization. L., 1922. P. 233.*

⁶⁷ Ibid. P. 267, 362–363.

ощущение своей сопричастности потоку истории, и видение будущих столкновений Запада с исламским миром и другими цивилизациями, и, конечно, война, изучение которой наложило глубокий отпечаток на содержание и структуру будущего двенадцатитомника. На всем своем протяжении «Постижение истории» будет связано с анализом места и роли войны в тех или иных локальных цивилизациях, с описанием различных военных институтов и практик. Война, рассматриваемая как проявление надлома и дезинтеграции цивилизаций. Война — как интегральная часть общества, формирующая не только политику, но также экономику, культуру и порой даже этос цивилизации.

Анализ тойнбианской публицистики этого периода свидетельствует о формировании у него совершенно иного подхода к изучению истории, чем тот, который превалировал в позитивистской историографии. Суть этого подхода заключалась в формировании интереса к некой многофакторной социокультурной реальности, обнимающей жизнь народов, а, порой, и целых регионов, и определяющей их поведение на региональном и международном уровнях. Осознание нерасторжимой внутренней связи общественно-экономических, этнокультурных, геополитических, экологических, религиозных, социально-психологических аспектов в жизни народов различных стран и регионов, невозможность свести их политическое поведение к какому-либо одному фактору, сопровождалось постановкой целого ряда глубоких философских вопросов, определяющих проблематику и конфликтологию современного мира. Речь идет об уникальном переплетении различных уровней человеческой идентичности, являющихся как бы фило- и онтогенетическими аспектами единой человеческой реальности. Игнорирование или, наоборот, выпячивание одного из них могло, по его мнению, стать источником противоречий и конфликтов. Так, изучение общественно-политической эмпирики подсказало проблематику цивилизаций, которой суждено было занять одно из центральных мест в его концепции истории.

На пути из Стамбула в Лондон, куда Тойнби возвращался по окончании командировки в Анатолию, он набросал на листке бумаги с десяток заголовков, ставших впоследствии разделами его будущей книги — 12 страниц текста, озаглавленного им как «Набро-

санное в Восточном экспрессе в сентябре 1921 года». Конспект не был последним вариантом плана книги — тексту суждено было подвергнуться неоднократной корректировке. Например, первоначально предполагалось иметь дело с цивилизациями и цивилизационными институтами, рассматриваемыми как своего рода механизмы. Увлечение Бергсоном все еще доминировало в сознании Тойнби⁶⁸.

Только следы от этих воззрений мы обнаружим в томах, написанных между 1934 и 1954 гг. Но главная проблема была решена: он нашел способ написания книги. Самое важное заключалось в маленьком заголовке, который фактически отражал содержание всех двенадцати томов: «Сравнение цивилизаций». Это сравнение включало в себя следующие стадии: рождение, дифференциацию, экспансию, брейкдаун, империю, универсальную религию и разрыв. Термины не совсем те, которыми Тойнби будет оперировать в «Постижении истории», но суть та. Здесь еще нет философии — скорее компендиум исторических параллелей. И все-таки именно в этом наброске мы можем фиксировать рождение книги.

В профессиональном смысле дела обстояли хуже. Честность не позволила Тойнби давать своим слушателям одностороннюю и тенденциозную трактовку происходящего на Балканах:

«В ненормальных условиях, как убедительно показывает история, даже в цивилизованных обществах... могут совершаться массовые убийства... Ранним летом 1921 года я провел несколько недель в тесных контактах с греческими солдатами и гражданскими лицами, принимавшими участие в избиении турецких крестьян, и с оставшимися в живых жертвами этих избиений... Моим сильнейшим впечатлением, вынесенным из всех этих переполненных кошмарами дней, было впечатление некоей обезчеловеченности; ею была пронизана не только кровавая жестокость преследователей, но и ужас преследуемых»⁶⁹.

Протурецкий тон, появившийся в его лекциях и статьях после греко-анатолийской войны, возмутил спонсоров и привел в конеч-

⁶⁸ «Цивилизации есть попытка при помощи еще большей механизации превратить человека в супермена... Трагедия цивилизации состоит в том, что не цивилизация стремится поднять человеческую природу до постоянно высокого уровня» (Цит. по: McNeill W.H. Op cit. P. 101).

⁶⁹ *Toynbee A. J. Op. cit. P. 261.*

ном итоге к потере места профессора в Лондонском университете⁷⁰. Однако его честность привлекла внимание в академической среде и за ее пределами, и на него посыпались предложения: преподавание в американских университетах, финансируемая турецким правительством работа в Константинополе, пост специалиста по международным отношениям в Лондонской школе экономики и политики, работа в Лиге Наций. Тойнби уже подумывал о Константинополе, как о месте, где он сможет из первых рук получать информацию о взаимодействии цивилизаций, когда его бывший шеф сэр Джеймс Хэдлэм-Морли (*J. W. Headlam-Morley*), в годы войны возглавлявший германский отдел Департамента политической разведки, а после войны бывший советником по вопросам истории при МИДе, предложил ему должность в Британском (с 1926 — Королевском) институте международных отношений (КИМО)⁷¹. Тойнби предлагалось писать там «Обзоры международных событий», начиная с Парижской мирной конференции. К этой работе он приступил в 1924 г., не подозревая о том, какое влияние она окажет на его «Постижение истории». Между тем, постепенно оба дискурса действительно оказались в одной упряжке. Между ними не было никакой дисгармонии. Оба только выигрывали.

⁷⁰ Об этом скандале в Лондонском университете см. подробнее: *Clog R. Politics and the Academy: Arnold Toynbee and the Koraes Chair*. London, 1986. P. 65-67, 74.

⁷¹ Решение о создании Британского института международных отношений было принято на Парижской конференции в мае 1919 года для информирования общественности о текущих событиях. Вначале он планировался как англо-американский институт, первой задачей которого было написание истории мирной конференции. Впоследствии американцы решили создать собственную организацию, присоединив ее к уже существующему Совету по зарубежным связям в Нью-Йорке. Британцы создали институт в июле 1920 года. К 1922 году там состояло около 700 человек, и институт начал проводить еженедельные дискуссии британских и зарубежных экспертов по проблемам текущей мировой политики. Одновременно он должен был заняться написанием и изданием истории Парижской мирной конференции. Следом возник замысел ежегодных отчетов, вернее, два замысла: написать отчет по периоду, последовавшему сразу за конференцией (1920–1923) и второй — по 1924 году. Джеймс Хэдлэм-Морли, входивший в Совет Четем-Хауса в качестве председателя Комитета по исследованиям, пригласил на эту работу А. Тойнби — *Тойнби А. Дж. Мои встречи*. М., 2003. С. 432–438.

* * *

Вопрос о взаимовлиянии исторического и политического дискурсов в творчестве Тойнби практически не исследован в мировой историографии. Появившаяся в 1958 г. монография А. Мэйсона «Тойнбианский подход к мировой политике» была посвящена преимущественно анализу политических взглядов английского историка, нашедших отражение в VII–X тт. «Постижения истории». Материалы «Обзоров» преднамеренно не были включены в данное издание, так как представляли «совершенно иной тип историописания» и, следовательно, по мнению автора, не имели никакого отношения к предмету исследования⁷².

Другая попытка американской историографии обратиться к деятельности Тойнби в Королевском институте международных отношений связана с именем К. Томпсона. Само название книги Томпсона «Тойнбианская философия мировой истории и политики» выглядело многообещающим и, казалось, свидетельствовало о намерении автора связать, наконец, оба типа дискурса. Однако подобный анализ оказался представлен в монографии достаточно скудно. Что действительно занимало ее автора, так это полемика с теми или иными внешнеполитическими воззрениями Тойнби и их ретроспективная оценка. Некоторые особенности предпринятого Томпсоном исследования, по меньшей мере, вызывают недоумение. Так, например, несмотря на то, что монография впервые была издана в 1985 г., в ней отсутствуют ссылки на работы Тойнби, выходявшие после 1948 года. А ведь Тойнби обращался к внешнеполитическим проблемам и в 1950-е, и в 60-е, и даже в начале 70-х годов. Помимо «Обзоров» (взятых только до 1937 года) и первых шести томов «Постижения истории» (непонятно, почему отсутствуют, по крайней мере, еще четыре) Томпсон опирается только на три работы Тойнби, причем одна из них представляет небольшой памфлет⁷³, другая отражает ранние взгляды мыслителя⁷⁴. Это особенно удивляет, если учесть, что только в первое послевоенное де-

⁷² *Mason H. L.* Toynbee's Approach to World Politics. New Orleans, 1958. P. V.

⁷³ *Toynbee A. J.* The Prospects of Western civilization. N. Y., 1947.

⁷⁴ *Idem.* Nationality and War. London — Toronto, 1915.

сятилетие многочисленные тойнбианские поездки, выступления перед общественностью, лекции и интервью вылились в целый поток статей и памфлетов, опубликованных в газетах, журналах и иногда в качестве отдельных брошюр. Как показывают приведенные ниже цифры, масштаб его публицистической деятельности в эти годы был значителен: в 1946 г. опубликовано две работы, в 1947 — 9, в 1948 — 11, 1949 — 9, 1950 — 8, 1951 — 8, 1952 — 12, 1953 — 19, 1954 — 24, 1955 — 30⁷⁵. Большинство из этих публикаций было посвящено проблемам текущей политики.

Все это свидетельствует о том, что политический дискурс ни в коем случае не следует воспринимать как некий аппендикс к стремлению Тойнби выработать собственный системный подход к мировой истории. А. Мэйсон, например, считает, что «система» была задумана главным образом для того, чтобы подтвердить правильность тойнбианского понимания современности⁷⁶. Полагаю, что детальный анализ этой сферы деятельности британского историка, ее влияния на «Постижение истории» и наоборот, еще ждет своего исследователя. Рамки данной статьи позволяют ограничиться лишь некоторыми наблюдениями и замечаниями на эту тему.

Тойнби не раз говорил, что параллельная работа над «Обзорами» и над «Постижением истории» была большой удачей в его жизни, без чего «Постижение истории» просто не состоялось бы⁷⁷. Не надо даже слишком пристально всматриваться в «Постижение истории», чтобы увидеть, что размышления Тойнби о прошлом мировых цивилизаций пронизаны всеми насущными проблемами современности: передел сфер влияния, смещение полюсов силы, разоружение, международное право, система коллективной безопасности и т. д. и т. п. Как правило, методика его работы строилась следующим образом: Тойнби сталкивался с определенными явлениями и событиями в настоящем, и по мере того, как он пытался найти им объяснение, его воображение (в значительной мере детерминированное замыслом будущей книги) выстраивало серию ширококомасштабных исторических сравнений и рождало яркие метафоры, украсившие впоследствии главный труд его жизни.

⁷⁵ A Bibliography of Arnold J. Toynbee. Oxford, 1980.

⁷⁶ Mason A. L. Op. cit. P. V.

⁷⁷ Тойнби А. Д. Пережитое. С. 86.

Так, например, рассуждая о проблемах суверенитета современных государств, он в то же время предостерегал от опасности чрезмерного увлечения данным политическим институтом. Подтверждения своим опасениям Тойнби находил в истории греко-римского мира, когда неумение греческих городов-государств преступить границы своего суверенитета привело их к захвату римскими завоевателями и фактически разрушило античную цивилизацию. Тойнби тут же приходит к выводу, что отсутствие координации между политическими единицами древних обществ является показателем кризиса данной цивилизации. И наоборот, умение разделить свой суверенитет между национальными и наднациональными институтами способствует успешному развитию локальных сообществ. Так, якобы, было в древнекитайской цивилизации, государства которой объединились в Центральную Конфедерацию, или во времена Делийской Лиги; более современные примеры: в XIX в. — Священный Союз и Европейский концерт, в XX — Лига Наций⁷⁸.

Другой пример. Постоянное столкновение Тойнби с таким механизмом современной мировой политики как «баланс силы» и стремление найти ему аналогии в прошлом позволили историку сформулировать ряд важных принципов мировой политики, которые впоследствии нашли свое отражение в «Постижении истории»:

- принцип «баланса силы» вступает в действие всякий раз, когда некое сообщество оформляется в независимое суверенное государство;
- все политические союзы создаются с учетом и на основе данного принципа;
- действие принципа «баланса силы» проявляется в стремлении крупных держав сохранить статус-кво и приниженное положение меньших и средних государств по всем показателям политического веса: размерам территории, численности населения и уровню благосостояния;
- в условиях отсутствия других средств урегулирования международных конфликтов «баланс силы» является универсальным механизмом для внешней политики любого государства, стремящегося сохранить свой суверенитет;

⁷⁸ Survey of International Affairs. L., 1935. V. II. P. 79; 1937. V. I. P. 6. *Toynbee A. J. A Study of History. V. IV. L., 1939. P. 208–209; V. VI. L., 1939. P. 292, 293.*

- если сообщество политически и культурно неоднородно и имеет тенденцию расширять пределы своего влияния до размеров и статуса новой цивилизации, «баланс силы» внутри данного сообщества постепенно переместится с центра на периферию так, что государства, ранее занимавшие исконно «родовые» земли этой цивилизации рано или поздно будут подавлены и попадут в тень новой «великой силы», возникшей на ее окраинах.

Тойнби приводит многочисленные примеры действия этого закона в прошлом и настоящем. Среди них: уже упоминавшийся захват греческих городов-государств возникшей на их окраинах Римской империей, завоевание итальянских государств Францией и Италией, возникновение крупных центров силы в виде США, СССР и Японии на окраинах Европейского мира⁷⁹.

В свою очередь работа над «Постижением истории» влияла на «Обзоры». Важным показателем корреляции между Тойнби-теоретиком и Тойнби-функционером является стремление Тойнби не просто описывать мировые события, но постоянно сопровождать их анализ формулировкой действующих в сфере международных отношений «законов» и «принципов». Он даже попытался создать собственную теорию дипломатии⁸⁰.

Его заинтересованность большими историческими идеями и наводящими на мысль сравнениями сделали «Обзоры» более аналитичными, чем предполагалось. Следует отметить, что Тойнби предлагал читателю довольно субъективный портрет времени, оставляя за пределами внимания менее актуальную, с его точки зрения и с точки зрения будущей книги, информацию⁸¹. Так, например, подготавливая «Обзор» за 1925 год, Тойнби сосредоточил свое внимание на «Исламском мире после мирного урегулирования»⁸² — проблеме,

⁷⁹ См.: *Survey of International Affairs*. London, 1930. P. 133; *Toynbee A.J. Op. cit.* V. I. L., 1934. P. 89, V. III. L., 1934. P. 302-303.

⁸⁰ См.: *Thompson K.W. Toynbee's Approach to World Politics*. Ch. V.

⁸¹ Исключение составляют лишь первые два «Обзора» и то, видимо, потому, что писались они вдогонку: в 1924 г. Тойнби предстояло написать сразу два отчета — один за период 1920–1923 гг., т. е. по тем событиям, которые накопились с последней даты, отмеченной в «Истории Парижской мирной конференции», другой — непосредственно за 1924 год.

⁸² Опус Тойнби оказался таким объемным, что его даже пришлось издать отдельной книгой. См.: *Toynbee A. J. The Islamic World after the Peace*

волновавшей его еще со времен службы в Форин-оффис. Фактически Тойнби снова поднимал тему, на которую впервые обратил внимание в годы первой мировой войны, когда доказывал, что будущее Британской империи зависит от достижения ее «согласия» с Востоком. Теперь он признавал: то, что он называл тогда «Востоком», было только частью того культурного разнообразия, с которым Западу предстояло иметь дело. Исламу в назревающем процессе столкновения цивилизаций отводилось особое место. Дело в том, что мусульманские страны имели более длительный опыт общения с Западом и, следовательно, раньше других и отчетливее столкнулись с исторической дилеммой: невозможно сбросить влияние европейцев, одновременно «адаптируя военную технику, политические институты, экономический уклад и духовную культуру Запада»⁸³. Впоследствии эти рассуждения Тойнби органично влились в VIII том «Постижения истории».

Половину «Обзора» за 1926 год Тойнби посвятил объяснению событий на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. В китайской революции и индонезийском восстании против датчан он опять-таки усмотрел не самостоятельные события, а симптом столкновения Запада с этими цивилизациями⁸⁴. «Обзор» за 1926 год отличался от предшествующих тем, что фактически впервые тойнбианский политический нарратив был дополнен отдельными эссе по экономическим и правовым вопросам. Впоследствии это станет обычной практикой, поскольку в ходе раздумий над своей книгой Тойнби все больше будет утверждаться в мысли, что любая культурно-историческая конфигурация (регион, нация, этнос, цивилизация) порождена взаимоотношением целого ряда микро- и макро-параметров существования человека: экономикой, социальной средой, культурой, менталитетом, религией, древнейшей предысторией (древние этносы, цивилизации, империи на территории данного региона), историей антиколониальной и других видов освободительной борьбы, фактами этнокультурной консолидации и духовной самоорганизации сообщества. Эти глубинно-исторические параметры, конституирующие структурную слож-

Settlement. L., 1927.

⁸³ Survey of International Affairs. 1925. L., 1927. P. 1.

⁸⁴ Survey of International Affairs. 1926. L., 1927.

ность каждого региона, не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга. Любые политические решения, игнорирующие этот факт, приводят к многочисленным конфликтам на всех уровнях идентичности, способствуя тому, что вся целостность общественной и культурной жизни становится жертвой неуправляемых инфантильно-архаичных стихий, различных форм жестокого поведения как внутри сообщества, так и вне его.

«Обзор» за 1927 год в основном был посвящен странам Северной и Южной Америки⁸⁵. Три последующих ежегодника были менее сконцентрированы на каком-либо регионе — к тому времени Тойнби набрал необходимую для книги информацию о современном состоянии локальных цивилизаций и сосредоточил свое внимание на их истории. Совместив в 1929 г. поездку в Японию (он был приглашен принять участие в заседаниях Института тихоокеанских отношений) с путешествием по азиатским странам, Тойнби воочию убедился в правильности своих представлений. Повсюду, где он проезжал, он наблюдал печальную картину политической, экономической и культурной экспансии Запада и ее столкновений с национальными укладами. Это утвердило его в мысли, что происходящее в Китае, Индии и даже на Среднем Востоке может быть структурировано в серию трагических цивилизационных циклов подобно архетипической эволюции эллинизма⁸⁶. Лишь Япония на тот момент выпадала из общей схемы⁸⁷.

Таким образом, характерный для некоторых «Обзоров» 1920-х годов крен в сторону того или иного региона меньше всего диктовался происходящими там событиями; в значительной мере он был обусловлен стремлением Тойнби осмыслить текущую политику в разных регионах земного шара сквозь призму повсеместной коллизии между Западной цивилизацией и остальным миром. Одновременно с этим он чувствовал: для того, чтобы понять современные проявления этих столкновений, ему следует углубиться в историю каждой цивилизации. Работая над «Постижением истории», он получал необходимый ему исторический фон для «Обзоров», причем

⁸⁵ Survey of International Affairs. 1927. L., 1928.

⁸⁶ *Toynbee A. J. A Journey to China, or the Things which Are Seen.* L., 1931. P. 116-119, 148, 256.

⁸⁷ *Ibid.* P. 289.

получал в нужных для такой работы глобальных масштабах. И наоборот, «Обзоры» помогли «Постижению истории»:

«Когда изучаешь историю ушедших поколений, приходится мысленно воскрешать эти мертвые поколения в своем воображении. Представить себе, какими они были в жизни, можно только по аналогии с тем, что мы знаем о живых, то есть о наших современниках. По этой причине совершенно необходимо, чтобы всякий историк стоял одной ногой в современной истории, независимо от того, устремлен ли его научный взор в эпоху создателей пирамид или эпоху позднего палеолита... Если бы одновременно с “Обзорами” я не писал “Постижение истории”, я был бы лишен самого эффективного инструмента, который был нужен мне для умственной реконструкции давно умерших обществ...»⁸⁸.

По мере того как продвигалась работа над «Постижением истории» в сознании Тойнби менялось само видение сути международных отношений. В 1920-е гг. он определял эту сферу узко — «отношения между национальными суверенными государствами»⁸⁹. И только одно уточнение, сделанное им в предисловии к первому «Обзору», можно считать индикатором и обещанием будущей эволюции взглядов:

«Не государства, а отношения между ними выбраны нами в качестве единиц анализа, за исключением тех случаев, когда статус страны или ее внутренняя политика сами являются международным событием»⁹⁰ (подчеркивание мое. — О. В.).

В тридцатые годы Тойнби выдвинул альтернативное определение, отказавшись от жесткой дихотомии внутренних и внешних событий. Два важных происшествия подвигли его к формулировке нового определения: обвал ценных бумаг на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1929 г. и приход фашистов к власти в Германии в 1933-м. Ни одно из них не подходило под его первое определение. Тойнби замечает, что взаимное переплетение внутренних и внешних событий становится скорее правилом, чем исключением. Гражданская война в Испании, разразившаяся в 1936 г., еще больше утвердила его в этой мысли⁹¹.

⁸⁸ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 86.

⁸⁹ Survey of International Affairs. L., 1929. P. 202.

⁹⁰ Survey of International Affairs. 1920–1923. L., 1926. Preface.

⁹¹ Survey of International Affairs. 1935. V. II. P. VII; 1937. V. I. P. V.

Появившаяся в 1940-е годы третья и последняя концепция международных отношений по своему характеру представляла двуединое образование. Согласно Тойнби, один тип международных отношений — это тот, который складывается среди сообществ внутри цивилизации, другой представляет собой межцивилизационные взаимодействия. Современный историк, по мнению Тойнби, должен особенно внимательно присматриваться именно ко второму, так как он менее очевиден и исследован⁹².

Думается, что отмеченная трансформация тойнбианских взглядов произошла не без влияния его работы над «Постижением истории». Он постоянно двигался вперед и назад между прошлым и настоящим, сплетая многоцветный ковер мировых событий, который никто ни до него, ни после не сумел создать.

Насколько феноменальной оказалась проделанная им работа показывает анализ «Обзоров» военного времени. В годы войны их выпуск был временно прекращен, а в 1946 г. Тойнби, сосредоточив свое внимание на написании VII–X тт. «Постижения истории», поручил эту работу целому коллективу авторов, оставив за собой лишь общее руководство проектом. Задача для них оказалась настолько непосильной, что вместо намеченного 1952-го года последний том по событиям периода II мировой войны появился лишь в 1958-м. При этом все тома представляли собой простую смесь событий без тех всплесков интуиции и охватывающих все времена и пространства сравнений, которыми Тойнби украсил свои предвоенные «Обзоры»⁹³.

Нельзя пройти мимо еще одной важной проблемы, которую решал для себя Тойнби в ходе работы над «Обзорами» — пробле-

⁹² Эта точка зрения впервые была высказана Тойнби в 1939 и с тех пор являлась лейтмотивом его последующих работ по этой проблематике.

⁹³ Когда Тойнби вышел на пенсию, Совет Четем-Хауса так и не смог найти ему достойную замену. Известный историк Джеффри Барраклау, занявший пост Директора КИМО в 1956 г., не смог совмещать геркулесову работу по составлению «Обзоров» с чтением лекций по теории и истории международных отношений в Лондонском университете (во времена Тойнби эти должности были совмещены). «Обзоры» все больше отставали от текущих событий, и, в конце концов, Барраклау подал в отставку. После того, как его преемник также признал эту задачу невыполнимой, выпуск «Обзоров» был прекращен. Последний обзор за 1963 г. появился аж в 1977!

мы объективности историка. Неизменное требование Совета Честем-Хауса состояло в том, что «Обзору» надлежит быть «научным», а под этим Совет подразумевал «объективность в преподнесении материала», а также «точность формулировок». Тойнби всегда делал все, что мог, дабы следовать этой инструкции. То был не только профессиональный долг — его личные убеждения совпадали с мнением Совета. К тому же имелось много текущих международных событий, которые нетрудно было освещать объективно. Не удивительно, что в предисловии к первому тому «Обзоров» была оговорка: «Институт объединяет представителей различных школ мысли и устраняется от выражения определенного мнения по любому вопросу международных отношений. Тома ограничены фактами...»⁹⁴.

Но для тех людей, удел которых — думать (а именно к таким людям относится А. Дж. Тойнби), неизбежно встает проблема различения истин и Истины. Возможно ли определение Истины в терминах научного знания, ведь научная реальность не допускает толерантности к тому, что не верифицируется? Это ограничение рано или поздно заявит о себе, потому что ученый, предметом изучения которого являются человеческие деяния, подвержен профессиональному риску, от которого ученый-естественник более защищен. Этот риск состоит в том, что в любой момент профессиональный долг ученого-гуманитария фиксировать людские деяния может столкнуть его с такими событиями, которые он не будет в состоянии описать без того, чтобы одновременно не дать им моральную оценку. Историк, в силу неотъемлемости своей человеческой природы, обладает совестью, которая не может смолчать, когда возникающая моральная проблема серьезна, а вина очевидна:

«Следует ли, ради соблюдения «объективности» излагать историю газовых камер тем же ровным и лишенным эмоции тоном, каким он стал бы излагать противоположные доводы голландских и бельгийских правоведов в их споре о судоходстве на Шельде?.. Разве это не означало бы тогда, что он приносит реальность в жертву «объективности»? А когда утрачена реальность, какая еще остается субстанция для того, чтобы прицепить к ней «объективность» историка? Беспристраст-

⁹⁴ Survey of International Affairs. 1920–1923. P. V–VI.

ный и беспристрастный отчет о нацистских зверствах означал бы утрату связи с реальностью, потому что суть реальности здесь состоит в том, что подобное деяние есть ни что иное, как преступление, а отнюдь не роковая случайность... Нарушить вербальную связь между преднамеренным убийством и порочностью убийцы, а также осуждением этой порочности с позиций чистой совести означает не заметить убийства, превратить его в пустяк. Здесь, определенно, мы имеем случай, в котором были найдены верные пределы объективности, и их ни в коем случае не следует переступать. В конечном счете, требование придерживаться "научности" в смысле "объективности" являет собой неписанное ограничение, которое может простираться лишь настолько, насколько это согласуется с понятиями о человечности»⁹⁵.

Вот та точка, где определялась для Тойнби мера «объективности». Но главная трудность состоит в том, чтобы понять, была ли эта мера достигнута в каждом конкретном случае. Единого правила для решения этого вопроса, по-видимому, не существует. Ученому, который изучает дела людей и сталкивается с этой проблемой, приходится решать ее в каждом случае *ad hoc* и на свой страх и риск. Его решение, каким бы оно ни было, вероятнее всего, подвергнется критике и будет оспариваться... И Тойнби приходит к выводу, что во всех этих случаях споры между ученым, изучающим человеческие деяния, и его критиками принципиально не имеют завершения. Дискуссионная интерпретация противоречивых человеческих деяний, по определению, лежит уже за теми пределами, внутри которых «объективность» достижима и желательна; поэтому каждая сторона имеет возможность отвести точку зрения другой стороны как «субъективную»⁹⁶.

Эти размышления в очередной раз возвращали его к раздумьям, начало которым было положено в студенческие годы в разговорах с Льюисом Неймиром. Только теперь Тойнби проецировал их на проблему объективности смысла цивилизационного целого. В чем он? В эмпирически объективных реалиях? Нет! Ибо при таком подходе забытым оказывается субъект и, стало быть, пропадает смысловое целое. По Тойнби, жизнь в цивилизационном ключе —

⁹⁵ Тойнби А. Дж. Мои встречи. С. 386–387.

⁹⁶ Там же. С. 388.

это не жизнь объекта или субъекта, поскольку цивилизационный смысл не может быть выведен ни из объективности, ни из субъективности. Скорее, это некоторое смысловое целое субъект-объектной реальности, рождающееся из их соотнесенности. Отсюда вытекает необходимость учета специфики гуманитарного знания, которое не может иметь дело с безличными объектами. В письме к Г. Мюррею Тойнби писал:

«Я все больше убеждаюсь в правоте Платона, пытавшегося выразить самые важные идеи в мифах. Вся моя работа является мифом о значении истории, и, я полагаю (насколько я могу видеть это через мои маленькие очки), о значении жизни»⁹⁷.

Летом 1927 года он садится за написание расширенного плана книги, а в 1930 г. — за ее непосредственное написание: «Я закончил “Обзор” за 1927 г. ...и пока мое тело отдыхает, я наслаждаюсь мысленными образами, связанными с философией истории...»⁹⁸. Первые три тома, появившиеся в 1934 г., полностью соответствовали задуманному им плану. Огромное место в них все еще занимала война, и очевидный вопрос, который не мог не волновать Тойнби в связи с его замыслами: надломилась ли уже Западная цивилизация, или же вызов создания справедливого международного порядка может быть творчески разрешен, давая Западу еще один шанс для роста? В то время вопрос оставался открытым. Поэтому первая порция томов стала своего рода аргументом для создания системы коллективной безопасности — идеи, которую Тойнби настойчиво проводил в «Обзорах» после того, как фашистский и нацистский вызов европейскому миру интенсифицировался.

Однако, начиная с 1929 г., ему предстояло пережить серию потрясений, которые повлекли за собой значительные изменения в его видении истории и сопровождались появлением в его творчестве нового типа дискурса. На этот раз это был религиозный дискурс.

* * *

Религиозная концепция британского мыслителя — пожалуй, одна из наиболее дискутируемых тем в мировой «тойнбиане». В

⁹⁷ Цит. по: McNeill W. H. Op.cit. P. 161.

⁹⁸ Ibid. P. 131.

свое время она вызвала немало споров в среде зарубежных христианских теоретиков и богословов⁹⁹. В отечественной историографии непосредственным анализом этой концепции занимались Ю. А. Бондаренко, С. В. Кирхоглани и А. П. Дымова¹⁰⁰.

Препятствием к прояснению религиозной позиции А. Тойнби стала ее явная непоследовательность. Всем, кто занимался анализом «Постижения истории», не давал покоя ее существенный изъян, связанный с нестыковкой «мирского» и «сакрального» подходов к истории. Если в первых томах «Постижения истории» церкви рассматривались Тойнби как «куколки», передающие часть духовного наследия гибнущей цивилизации возникающей на ее окраинах «дочерней», то, начиная с седьмого тома, цивилизации и церкви меняются местами. Теперь уже не цивилизации, а церкви являлись истинными единицами и целью человеческой истории. Путаница получилась такая, что впору было задаться вопросом о наличии у автора единой и внутренне непротиворечивой концепции.

В советской историографии подобную непоследовательность объясняли самым «очевидным» фактором — «общим кризисом буржуазного сознания», прибавляя при этом, что именно к этому — превращению истории в теологию — и должен был привести «здравый английский эмпиризм»¹⁰¹. Понятно, что очевидное не может быть предметом критического осмысления. Оно возможно только тогда, когда вещи, доселе несомненные, начинают обнаруживать свою проблематичность.

Почему «кризис буржуазного сознания» проявился у Тойнби только в момент написания «Постижения истории», ведь до этого

⁹⁹ См., напр.: *Casserley J. V. L. Toward a Theology of History*. L., 1965; *Niebuhr R. Faith and History: Comparison of Christian and Modern Views of History*. L., 1949; *Robb D. Brahmine from Abroad // American Studies*. 1985. V. 26. № 2. P. 45–69; *Nichols J. H. Religion in Toynbee's History // Journal of Religion*. 1948. April. P. 99–119.

¹⁰⁰ *Бондаренко Ю. А. Критический анализ учения А. Тойнби о роли религии в жизни общества. Дисс... канд. филос. наук. М., 1980; Кирхоглани С. В. Вопросы религии в философии истории Арнольда Тойнби (критический анализ). Дисс... канд. ист. наук. Ленинград, 1977; Дымова А. П. Роль и место религии в цивилизационной концепции А. Дж. Тойнби. Дисс... канд. ист. наук. М., 1996.*

¹⁰¹ *Косминский Е. А. Историософия Арнольда Тойнби // Вопросы истории*. 1957. № 1. С. 138.

Тойнби не отличался особенной религиозностью? Еще будучи студентом Оксфорда, он отошел от традиционной христианской веры, в которой его воспитывали, и пришел к выводу, что «религия — это не имеющая значения иллюзия»¹⁰². Этих взглядов он придерживался вплоть до написания «Постижения истории».

Еще одна нестыковка обнаруживается при сопоставлении логик развития разных типов тойнбианского дискурса. По мере того как его политический дискурс становился все более реалистичным, его исторический дискурс начинал насыщаться религиозной проблематикой, пафос которой достиг к концу книги мощного крещендо.

Поиски ответов на эти вопросы невозможны без понимания особого характера той реальности, с которой имеет дело историкограф: с одной стороны, — это состоявшаяся человеческая мысль, с другой — документ, судьба, свидетельство конкретной жизни с невымышленным именем, фамилией, отчеством...

Все началось в 1929 г., с того самого путешествия по Китаю, во время которого Тойнби испытал сильное эмоциональное потрясение, переживание которого, по его мнению, сопровождалось мистическим контактом с некой божественной сущностью. Именно с этого момента возникает его вера в существование некой сверхъестественной духовной реальности, определение которой Тойнби будет искать долгие годы¹⁰³. Каков бы ни был характер или источник пережитого им опыта, он в корне изменил тойнбианское мировоззрение и стал первым шагом на пути к Богу.

За первым последовал и второй, хотя в тот момент Тойнби не придавал ему особого значения. Вернувшись из поездки по Востоку, он узнал, что его жена Розалинда стала баптисткой (чуть позже она перекрестится по католическому образцу). Родители Розалинды, шокированные поступком дочери, сильно беспокоились, что Тойнби последует ее примеру и это как-то отразится на его исторических воззрениях¹⁰⁴. Но в тот момент Тойнби не собирался возвращаться к религии своего детства: «Что касается меня, я становлюсь все более недогматичным. Я просто не могу определить свою при-

¹⁰² Тойнби А.Д. Указ. соч. С. 121.

¹⁰³ Отголоски этих событий можно найти на страницах его автобиографической книги: «Пережитое» в главе «Религия: во что я верю и во что не верю».

¹⁰⁴ См.: McNeill W.H. Op. cit. P. 157.

надлежность к какому-либо религиозному институту», — писал он в письме к Гилберту Мюррею. И далее: «Это маловероятно, насколько я могу предвидеть, чтобы я стал католиком»¹⁰⁵. Таковы были религиозные интенции Тойнби накануне и во время написания первых трех томов «Постижения истории». Проблематика трансцендентального в них уже присутствует, но еще не захватила Тойнби настолько, чтобы пересмотреть свои взгляды на историю.

1935 год принес новую волну потрясений. Войны в Эфиопии (1935–1937) и затем в Испании (1936–1939) показали, что возможности мирного урегулирования международных споров становятся все более проблематичными. Тойнби, для которого служба в Честем-Хаусе была своего рода сублимацией его острого чувства вины перед воевавшими на фронтах первой мировой войны соотечественниками, пережил крах системы коллективной безопасности как личную трагедию, сопровождающуюся острым мировоззренческим кризисом¹⁰⁶. Даже начало второй мировой войны не взволновало его так сильно как события в Эфиопии. Впоследствии, когда начнется паника, связанная с Мюнхенской конференцией, он заявит:

*«Разочарования — в прошлом: самые мучительные моменты были пережиты в 1935–1936 годах; все, что случилось потом, является лишь закономерным эпилогом тех событий»*¹⁰⁷.

С этого момента Тойнби окончательно потерял веру в действенность «мирских» средств избавления Западной цивилизации от поразившей ее болезни. Только изменения в мыслях и сердцах людей, подразумевающие переориентацию с мирского на сакральное, могли, по его мнению, приостановить гибель Запада.

Злоключения Тойнби на этом не закончились. В марте 1939 года, через несколько дней после смерти матери историка, покончил самоубийством старший сын Тойнби Тони. Потеря была настолько невыносима, что пережить ее помогло лишь очередное обращение к Богу:

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Как считает Мак-Нил, скрытая от посторонних глаз личная ненависть к войне сделала его реакцию на атаку Муссолини в Эфиопии почти апокалиптической (Ibid. P. 168–169).

¹⁰⁷ Ibid. P. 170.

«Ощущение было такое как будто бы трансцендентальная духовная реальность, находящаяся вне меня и близкого мне человека, в тот ужасный момент сдернула завесу, которая обычно отделяет нас от Бога»¹⁰⁸.

Его стресс только усилился от сознания того, что на момент смерти сына Гитлер уже маршировал в Богемии (оставленной Чехии по Мюнхенскому соглашению), демонстрируя тем самым, что фашисты не собираются ограничиваться рамками «национального самоопределения».

Эти обстоятельства, в которых появляются IV–VI тома «Постижения истории», объясняют ту экзальтированность, тот пророческий тон, с которым Тойнби говорит о надломе и дезинтеграции цивилизаций. Библейские фразы, в которые он облачил анализ этой стадии цивилизационного цикла, перемежаются с проповедью духовной реформации. В одном из пассажей он даже принял доктрину реинкарнации, в которую никогда ранее не верил¹⁰⁹. Тем не менее, все старания его друга — монаха Колумбы окончательно обратить Тойнби в католичество, успехом не увенчались, ибо, флиртуя с христианским вероучением, Тойнби никогда до конца не принимал его догматику. В одном из писем к отцу Колумбе он писал:

«Мой первый подступ к церкви состоялся после обращения Розалинды и Лоуренса. Если бы не Розалинда, я бы, наверное, не испытал по отношению к церкви ничего, кроме безразличия и небрежения. Ее обращение, как Вы знаете, пробудило во мне беспокойство и дурные предчувствия. Я был полон решимости преодолеть эти чувства...

Но получилось так, что сделанный мною навстречу церкви дружеский шаг со временем привел к тому, что я начал восхищаться ею и полюбил ее, или, по крайней мере, одну из католических обителей (Эмплфорт) и некоторых ее представителей (прежде всего, Вас)... В Эмплфорте я понял, что нахожусь около одного из окон, через который божественный свет проникает в этот мир... И мне показалось, что неожиданное открытие божественной доброты и истины... было дано мне в качестве награды за то, что я отнесся к обращению Розалинды и Лоуренса не враждебно, а с любовью и пониманием.

¹⁰⁸ Ibid. P. 176.

¹⁰⁹ *Toynbee A.J. A Study of History. V. VI. L., 1939. P. 263.*

Чем дольше связывали меня отношения с Эмплфортом, тем больше я чувствовал происходившее через него и благодаря ему свое воссоединение с Богом ... Я все время продвигался вперед, но лишь в плане общения с одним из институтов, а не в доктринальном плане. Что касается характерной для католицизма веры в пресуществление и вытекающей из нее веры во власть священника, — никакого сближения не было, а, следовательно, не может быть и никакого разрыва...

Если бы я убедил себя (а у меня изобретательный ум), что я все-таки верю в эту доктрину, мне удалось бы сохранить отношения с Вами, с Эмплфортом и, возможно, даже с Розалиндой — то есть со всем тем, что является для меня подлинной ценностью, в отличие от моего высокого интеллекта, которым я пользуюсь как инструментом, подаренным мне Богом, но в котором не нахожу личного счастья. Разве Вы не видите, что все мои личные интересы указывали на тот путь, который и Вы в своих молитвах просили Господа помочь мне выбрать? Разве Вы не понимаете, что, отказываясь идти по нему (несмотря на то, что это приносит мне огромные личные потери), я борюсь с огромным соблазном и выполняю свой, как оказалось очень тяжелый, долг перед Богом, — такой, каким я его понимаю?»¹¹⁰.

В 1942 г. — новый удар: его покидает супруга. Тойнби был на грани безумия и подумывал о самоубийстве. Только мысль о великом грехе и желание закончить книгу не позволили ему сделать это¹¹¹. Лицевой тик, появившийся у него в годы войны, на всю жизнь остался знаком пережитой им тогда агонии.

Под влиянием этих обстоятельств взгляды Тойнби на характер взаимоотношений цивилизаций и религий были подвергнуты основательной ревизии. В 1940 г., когда падение Запада казалось очевидным, Тойнби меняет цивилизации и церкви местами: если в 1920 г. религии служили цивилизациям куколками, переносящими знания от одной цивилизации к другой, то отныне цивилизации оказались подчиненными религиозным целям. Теперь брейкдауны стали мыслиться исключительно как провокаторы духовного про-

¹¹⁰ An Historian's Conscience: The Correspondence between Arnold J. Toynbee and Columba Carey-Elwes, Monk of Ampleforth / Ed. by Pepper C.B. Boston, 1986. P. 171–173.

¹¹¹ McNeill W. H. Op. cit. P. 179.

гресса. Эти идеи, спорадически возникающие в IV–VI томах, опубликованных в 1939 г., стали доминирующими в последних четырех томах, увидевших свет в 1954 г. «Теперь, однако, наше изучение привело нас к тому, что цивилизации с их круговоротом не являются больше интеллигибельным полем исследования и теряют свою историческую значимость за исключением тех моментов, когда они помогают становлению Религии», — писал он в VII томе «Постижения истории». Его столкновения с тем, что он называл «трансцендентальной духовной реальностью», и медленный дрейф в сторону католицизма сказались на его новом понимании смысла истории, который теперь мыслился как трансценденция. То, на что он с трудом решился в 1930–1931 гг., когда впервые использовал метафору Гете (вызов-и-ответ) для объяснения процесса роста цивилизаций, стало преобладающим типом дискурса с тех пор, как он поверил, что выражающие поэтическую истину метафора и миф ближе подвигают человека к Богу, чем скудный научный дискурс.

Проблема, однако, заключалась в том, что новое видение истории делало неуместным большинство положений его старого исторического дискурса. Разница с прежними представлениями Тойнби оказалась столь значительной, что впору было отказаться от первоначального замысла и написать новую книгу. Тойнби не был готов сделать это, равно как и полностью отречься от своих прежних представлений. Вместо этого он принимает решение продолжить написание следующей порции томов, попутно внося изменения в предшествующий текст. А, по сути, он просто сжимал его или вырезал из него огромные куски, особенно те из них, где подчеркивалось значение мирской истории¹¹². Однако после войны личная жизнь Тойнби круто изменилась в лучшую сторону, и работа над последними томами «Постижения истории» сопровождалась постепенным ослаблением религиозного напряжения. Это позволило ему вернуться к записям и заметкам 1927–1929 гг. и восстановить свой интерес к локальным цивилизациям.

В результате получился странный гибрид. С одной стороны, Тойнби продолжил свои изыскания по проблемам «мирской» истории и дополнил предвоенные пассажи в этой области новыми. Так,

¹¹² Ibid. P. 227.

например, специально для VII тома им была написана монография по империи Ахеменидов, главными факторами развития которой признавались географическая среда и военная техника. Точно так же большая часть VIII тома оказалась посвящена столкновениям Запада с другими цивилизациями. Показательно, что, анализируя контакты цивилизаций во времени и пространстве, Тойнби частенько оставлял Бога за пределами собственных объяснений.

С другой стороны, перечисленные пассажи перемежались с другими, где по-прежнему подчеркивалась значимость религиозного дискурса в истории и науке. Так, в лекции, прочитанной в Британском психоаналитическом обществе 30 ноября 1949 года, он провозгласил, что «поэтическая и научная истины являются аспектами единой и недоступной человеческому пониманию Предельной Истины, и... человечество нуждается в них обеих...»¹¹³. Тойнби так и не сумел достичь компромисса между рациональным и теологическим взглядами на мир, продолжая жить в двух мирах и не находя в себе сил привести их в соответствие друг с другом.

Справедливости ради следует отметить, что в значительной мере этому способствовал и сам характер тойнбианского исследования, его стремление рассматривать конкретно-исторические явления и процессы в философском, метафизическом по своей сути контексте. Поясню свою мысль.

Метафизикой в философии называют тот ее раздел, который занимается «выявлением условий бытия человека в качестве человека — субъекта истории и судьбы»¹¹⁴. Известно также, что, как правило, метафизическая проблематика актуализируется в моменты глубоких кризисов в судьбах различных историко-культурных конфигураций или в переломные эпохи. Другими словами, «распадается связь времен», метафизическая по своей природе связь, и что-то меняется в способах культурного воспроизводства социальной и духовной жизни.

Исследуя причины и процессы зарождения, роста и упадка локальных цивилизаций, Тойнби неизбежно должен был сделать сле-

¹¹³ *Toynbee A. J. Poetical Truth and Scientific Truth in the Light of History // International Journal of Psychoanalysis. XXX. 1949. P. 150.*

¹¹⁴ *Мамардашвили М. К. Введение в философию // Он же. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С. 162.*

дующий шаг и задаться вопросом: а все ли в человеке связано с теми основаниями, которые определяют его принадлежность к тому или иному времени, к той или иной локальной цивилизации? Он приходит к выводу, что существуют такие основания (и в этом можно полностью согласиться с Тойнби), которые находятся вне той или иной культуры или цивилизации, в другом пространственно-временном континууме. Это так называемые личностные основания, имеющие прямое отношение к понятию «человеческое достоинство». Метафизика и толкует об этих основаниях. От религии ее в данном случае отличает одна существенная деталь: она отказывается говорить об этих основаниях в терминах существования, не признавая наличия отдельного, вневременного и абсолютного мира. То есть, отрицая существование трансцендентальных предметов, метафизика признает операцию трансцендирования, понимая под этим способность человека «выходить за рамки и границы любой культуры..., любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится с обществом или культурой»¹¹⁵.

Но как свидетельствует опыт истории философии, грань между метафизикой и теологией очень зыбка, не случайно многие настроенные на метафизический лад мыслители-ученые пытались соединить научную картину эволюции человечества не только с философскими, но и религиозными представлениями об имманентной духовной реальности. Перипетии личной жизни Тойнби вместе с окружавшей его культурной и религиозной средой к моменту написания «Постижения истории» окончательно сформировали Тойнби как религиозного мыслителя. Религия стала тем связующим звеном, которое связало философский и теоретический уровни тойнбианской философии истории и породило существенные противоречия в его мышлении.

Драматически-религиозное понимание наложило отпечаток и на его политический дискурс, нашедший наиболее полное воплощение в последних томах «Постижения истории» и сопутствующей им литературе. Так, например, неудачу Лиги Наций Тойнби интерпретировал исключительно как неудачу веры:

¹¹⁵ Там же. С. 165. Такое понимание трансцендентного свойственно всей критической метафизике после Канта, где говорится не о трансцендентальных предметах, а именно о трансцендировании.

«Принципиальной причиной войны в мире сегодня является идолократия, которую проявляют люди по отношению к нациям и сообществам или государствам. Этот племенной культ — старейшая религия человечества, и преодолеть его можно только обращением людей к христианству или к одной из других высших религий... Дух человека ненавидит духовный вакуум; и если он утрачивает вид Бога в том виде, как он представлен в Христианстве, он неизбежно впадает в культ Джаггернаута или Молоха...»¹¹⁶.

Говоря о взаимосвязи религии и политики, Тойнби полагал, что и общественные проблемы человека и человечества являются ничем иным как вызовом Бога:

«Этот вызов может принимать формы вызова от других людей или от чего-то в физическом мире, но за всем этим стоит разработка в наличие своего рода столкновения между Богом и человеком. Это очень популярная религиозная идея. Она восходит к пророкам Израиля и Иудеи...»¹¹⁷.

К тому времени, когда Тойнби писал эти строки, мир вышел из многолетней войны, самой кровопролитной в истории человечества. Создавалась новая система миропорядка, в которой Соединенные Штаты Америки и Советский Союз представляли собой «альтернативное воплощение огромной материальной силы человечества. Граница между ними прошла через всю землю, и голос их достиг края света»¹¹⁸. Было изобретено ядерное оружие. И в начале «холодной войны», в атмосфере великого противостояния буржуазного Запада и коммунистического Востока, Тойнби полагал, что земное спасение человечества заключается в противоборстве сверхчеловеческим силам Зла, ведущим сражение с Добром в каждом человеческом сердце и в каждом уголке планеты. Так, в богословских терминах был поставлен центральный вопрос всего тойнбианского творчества — вопрос о взаимосвязи драматического хода истории с духовными судьбами человечества — центральный

¹¹⁶ Полный текст письма А. Тойнби к редактору газеты «Манчестер Гардиан» см. в: *Manchester Guardian*. April 9, 1935.

¹¹⁷ *McNeill W. H.* Op. cit. P. 219.

¹¹⁸ *Тойнби А. Д.* Цивилизация перед судом истории. М., СПб., 1995. С. 34.

не только для его философии истории, но и для его концепции современности.

Тойнбианские взгляды, таким образом, постоянно находились в процессе изменений. Вот почему с первых же страниц «Постижения истории» возникает ощущение неоднородности и в некоторых случаях даже гибридности текста. Если в первых шести томах единицами изучения истории провозглашаются цивилизации, то в последних — церкви. При этом VII–X тт. вообще больше посвящены анализу мировой политики, нежели изучению истории. О какой-либо последовательности и цельности изложения также можно говорить весьма условно. Разбросанные по всему тексту теоретико-философские рассуждения причудливо сменяются, а иногда и подменяются суждениями факта. И хотя в любом из писаний Тойнби «имманентно присутствует определенный философско-теологосоциологический костяк, благодаря которому тойнбианская историческая концепция обретает известную цельность и последовательность в своем идеализме»¹¹⁹, логическая несовместимость некоторых частей книги очевидна.

Сказанное позволяет сделать вывод, что «Постижение истории» А. Тойнби — это не монолитный дискурс, а, скорее, гигантская полевая структура, стягиваемая пересечением и наложением разных типов дискурса, взаимно проникающих друг в друга, но не подлежащих полному смешению. Наличие множества разных и порой несовместимых трактовок тойнбианского двенадцатитомника, помимо других причин, связано, видимо, с тем, что его интерпретаторы, за редким исключением, исходили из цельности и статичности тойнбианского текста, все элементы которого в любой момент были равно удалены от их создателя и потому могут быть беспрепятственно извлечены. На самом деле, как мы теперь видим, в разные периоды создания «Постижения истории» одни типы дискурса превалировали в сознании Тойнби, другие находились на периферии, одни были ближе, другие — дальше, но и те, что в данный момент оказывались второстепенными, оставались в памяти и продолжали борьбу за формирование смысла.

¹¹⁹ Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. С. 14–15.

* * *

Творчество мыслителя можно изучать по-разному. Тем не менее, сталкиваясь в процессе познания с непонятными, противоречивыми или попросту странными моментами в изучаемых текстах, исследователи, по сути, вынуждены совершать одну и ту же познавательную процедуру, а именно — пытаться проимитировать творчество мыслителя, реконструировать логику движения его мысли. Здесь-то и обнаруживается глубинная взаимосвязь профессиональных навыков, объективных структур и интеллектуально-духовных горизонтов мыслителя — взаимосвязь, подтверждающая наличие в движении любой научной идеи не только собственной логики, но и своей *социологии* (знание связано с процессами человеческого общения) и своей *психологии* (внутриличностные предпосылки творчества)¹²⁰. Стало быть, без обращения к ключевым моментам личной и интеллектуальной биографии мыслителя зачастую просто невозможно нахождение такого способа рассмотрения его творчества, который помог бы сложить разбросанные осколки знания о нем в подлинную и связную картину и подготовить плодородную почву для грядущих перспектив.

Тойнбианский опыт постижения истории в этом отношении и показателен, и поучителен, ибо лишний раз доказывает, что «канву жизни» мыслителя, структурировавшую весь его личный опыт, нельзя рассматривать только как перечень внешних детерминант, *внешних событий*. Что такое *внешние события*? Либо они доходят до человека, и тогда они — *внутренние*, либо не доходят, и тогда их нет для человека, они его просто не касаются. Все, в чем человек присутствует — *событие внутреннее*, становящееся поводом к собственному внутреннему содержанию, накладывающее отпечаток на работу мысли и сознания, иногда даже мешающее их привычному ходу. Таких событий в жизни Тойнби было много, а если помножить на творческий множитель, — неизмеримо больше, чем у большинства людей. И самое важное из них — нескончаемое событие собственного становления. Ведь всякое творчество — это

¹²⁰ См. об этом подробнее: Рашковский Е. Б. Историк как свидетель или об источниках исторического познания // *Он же*. На оси времен: очерки по философии истории. М., 1999.

перебарывание, перемалывание, переламывание жизни. Жизнь — сырьем — на потребу творчеству не идет. Вот почему «Постижение истории» — не только событие мысли, но и ряд замечательных свидетельств величия человеческого сердца, живой и открытой мысли Человека культуры.

Однако если в периодически возникающем интересе к Тойнби-мыслителю можно обнаружить некую дальновидную настойчивость (наводящую на мысль, что в творчестве британского историка кроются ресурсы, оставленные нами без внимания, которые мы едва-едва начинаем осознавать и которые представляют особую важность для современной духовной и интеллектуальной ситуации), то в отсутствии интереса к Тойнби-человеку, наоборот — неоправданную близорукость. Вряд ли стоит доказывать, что при таком подходе ухватывается мысль, но упускаются удивительные мгновения универсального опыта ума и сердца, объясняющие, каким образом несовпадающее и несопрягающееся может совпадать и сопрягаться в творческой жизни одного человека. В результате — существенные пробелы в представлении о мировоззренческом облике ученого и серьезные ошибки в интерпретации его творчества. Предпринятая в данном очерке попытка воссоздать некоторые ключевые моменты личной и интеллектуальной биографии британского историка — всего лишь один из шагов к *другому*, неизвестному нам Арнольду Тойнби.

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ (США)

399 МОНОГРАФИЙ БРУНО НАРДИ

В библиографию работ итальянского историка философии Бруно Нарди (1884–1968), опубликованную после смерти ученого в журнале “L’Alighieri”, было включено 399 работ¹; в подавляющем большинстве это были статьи или сборники статей, не считая его докторской диссертации и публикаций сборников произведений выдающихся богословов и философов европейского Средневековья и Возрождения. Но название моей статьи не случайно: перед нами действительно монографии; каждая из них выполнена исследователем в связи со специально задуманным предметом изучения, и даже превращение ее в дальнейшем в главу собранной автором книги не лишает ее этого изначально заданного образца, поскольку она остается по замыслу именно монографическим решением поставленной задачи. Посвящены ли книги Бруно Нарди философии Данте (как едва ли не главной темы его исследования), философии европейского Средневековья, падуанской школе философии или отдельным сторонам мировоззрения Пьетро Помпонацци — они включают монографические очерки. Это не главы отдельного исследования; в них часто нет единого плана (так, скажем, они не захватывают многих сочинений одного автора и не рассматривают его мысль в ее историческом развитии): это именно цикл различных монографий. Такой стиль исследования мог бы показаться недостатком — если бы работы Бруно Нарди не обладали цельностью собственной структуры и не решали всякий раз свою собственную задачу.

Первый ребенок в большой крестьянской семье, Бруно Нарди родился в провинции Лукка, в Тоскане (не оттуда ли пошел его блестящий итальянский язык, за который он получил в 1961 г. президентскую премию «Золотое перо»). Первым его учителем был

¹ Gli scritti di Bruno Nardi, a cura di T. Grerory e P. Mazzantini // L’Alighieri. Rassegna bibliografica dantesca. 1968, N 2, p. 39-58; уточненную библиографию с указанием исследований, посвященных памяти ученого см.: Bibliografia. Gli scritti di Bruno Nardi // Saggi sulla cultura veneta del Quattro e Cinquecento, a cura di P. Mazzantini. Padova, 1971, p. X-LIX.

дед, Анджело Нарди (скончавшийся 30 декабря 1893 г.); его памяти он посвятил книгу «Данте и средневековая культура», вышедшую первым изданием в 1942 г.; он научил мальчика азбуке (под названием “Santa Croce”, по рисунку креста, напечатанного на обложке; по ней же получил первоначальное образование его отец) и основам счета, и от него же Бруно научился узнавать звезды Большой Медведицы, «столь дорогие сердцу Данте»².

Книги Нарди изобилуют посвящениями: памяти матери Елены Рауджи Нарди, скончавшейся в возрасте 85-ти лет в марте 1944 г. («В мире Данте», 1944); памяти сенатора Леопольдо Галеотти (докторская диссертация «Сигер Брабантский в “Божественной комедии” и источники философии Данте», 1912) — этот политический деятель умер в год рождения ученого и принадлежал к группе умеренных консерваторов; памяти «моих великих учителей Микеле Барби и Луиджи Пьетробоно», изучавших наследие поэта («От “Пира” к “Комедии”»: Шесть работ о Данте», 1960); дочери Тильде Нарди по случаю окончания университета («Сигер Брабантский в мысли Возрождения», 1945) и, наконец, своему бывшему ученику Паоло Маццантини, «которого ныне я, если бы тому не помешала его скромность, приветствовал бы в качестве своего учителя» — сборник статей, посвященных родине Вергилия Мантуе, изданный в 1963 г.³.

Свое первоначальное философское образование Нарди получил в семинарии от монаха-францисканца; вероятно, этим объясняется его отторжение от господствующего в католической философии неотомизма; его понимание, что философская мысль средневековья никак не сводится к учению ангелического доктора Фомы. Докторскую диссертацию он написал в Лувенском университете, позднее учился во Флоренции. Очень многим был он обязан двум крупнейшим итальянским философам XX века — Бенедетто Кроче и Джованни Джентиле (что не мешало ему критически отно-

² Nardi B. Dante e la cultura medievale: Nuovi saggi di filosofia dantesca. Bari, 1942, p. III.

³ Nardi B. 1) Nel mondo di Dante. Roma, 1944, p. IV; 2) Sigieri di Brabante nella Divina Comedia e le fonti della filosofia di Dante. Spianate, 1912, p. V; 3) Dal “Convivio” alla “Comedia”: Sei saggi danteschi. Roma, 1960, p. III; 4) Sigieri di Brabante nel pensiero del Rinascimento Italiano. Roma, 1945, p. 6; 5) Mantuanitas Virgiliana. Roma, 1963, p. XI.

ситься к их исследованиям по философии Средних веков), и филологам-исследователям творчества Данте... Но, как подчеркнул Б. Нарди в своем выступлении в Институте философии в Риме 17 декабря 1955 г., во время церемонии представления двухтомника исследований «Средневековье и Возрождение», составленного в его честь коллегами и учениками⁴: «Именно в Данте я нашел своего первого и подлинного учителя, к которому я испытываю величайшую благодарность. <...> моя душа была охвачена восхищением от чуда “Божественной Комедии”, которая в сложной и живописной панораме Средних веков возвышается как величайшая вершина <...>. Мне казалось, что только рассмотренная с этой сверкающей вершины панорама средневековой философии приобрела смысл и стоила труда быть изученной»⁵.

Данте посвящено 138 работ Бруно Нарди, то есть более трети его публикаций, начиная с диссертационного сочинения. Многие были включены в шесть сборников статей (некоторые не раз переиздавались, с дополнениями и исправлениями); посмертно вышло издание его лекций об отдельных песнях «Комедии».

Вместе с другими трудами о проблемах философии XIII–XVI веков и с изданиями текстов, они дают возможность оценить вклад ученого в историографию средневековой мысли.

Однако, из-за своей откровенной и полемической антитомистской позиции (при глубоком уважении к философским и теологическим заслугам автора «Свода богословия» и «Свода против язычников»: он дважды издавал сборники сочинений Св. Фомы) и отказа следовать энциклике папы Льва XIII (*Aeterni Patris*, 1879), введившей «путь» ангелического доктора в университетах католической Европы, Бруно Нарди оказался не ко двору в итальянском

⁴ *Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di Bruno Nardi*. Vol. 1-2. Firenze, 1955.

⁵ In onore di Bruno Nardi // *Giornale critico della filosofia italiana*, fondato da Giovanni Gentile. Anno XXXV. Terza serie, vol. X, Firenze, 1956, p. 278. Профессор С.-Петербургского университета И. М. Гревс, исследователь и толкователь творчества поэта, писал в очерке «К моему научному учению. Кто были мои учителя»: «Среди писателей, которых я изучал, своим учителем могу назвать Данте». См. *Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие И. М. Гревса (1860–1941)* / Автор-составитель О. Б. Вахромеева. СПб., 2004, с. 98.

философском образовании. Многие годы он преподавал средневековую философию в лицеях (в Мантуе, Милане и Риме), но его услугами пренебрегали конкурсные комиссии университетов: он считался скорее филологом, нежели философом; кроме того, его занятия относились к «ограниченным» периодам в истории философии⁶. Только в 1938 г. он начал внештатное преподавание истории средневековой философии на факультете филологии и философии в Римском университете, и лишь в 1951 г. он, в возрасте 67 лет, получил штатную должность на кафедре (оказывается, не только в России *надо жить долго*).

Что касается «ограниченности» историко-философских интересов Бруно Нарди, то, очевидно, конкурсные комиссии имели в виду не хронологический охват (его работы касались по крайней мере философской мысли четырех-пяти столетий), но скорее отказ ученого браться за общий труд: «я отбрасывал мысль об учебнике средневековой философии, который, возможно, оказался бы не хуже других, наших или иностранных, даже по некоторым главам я превзошел бы многие из них, поскольку собранный мною материал исходил из более глубокого знания текстов. Но для других глав я должен был опираться на чужие исследования, не имея возможности проверить их, отчасти и потому, что я работал в провинции и был занят преподаванием в лицеях. <...> История средневековой философии от Северина Боэция до Пьетро Помпонацци охватывает более тысячи лет. Материалы, касающиеся ее, слишком многочисленны, чтобы можно было должным образом учесть их одному исследователю <...> Поэтому тщеславному желанию увидеть свое имя напечатанным в одном или в нескольких томах большой истории средневековой философской мысли я предпочел ограничиться частным исследованием предметов неизученных или мало известных»⁷.

Диссертационная работа Бруно Нарди, представленная им к защите в Лувенском университете, была посвящена Сигеру Брабантскому в «Божественной Комедии» и источникам философии Данте. Она возникла в связи с критикой второго издания книги бельгийского ученого Пьера Мандонне, посвященной исследованию филосо-

⁶ *Petrocchi G.* Bruno Nardi // *Giornale storico della letteratura italiana*. Vol. CXLVI, 1969, p. 320.

⁷ In onore di Bruno Nardi, pp. 278-279.

фии Сигера Брабантского. Известно, что в X песни «Рая» Фома Аквинский называет его имя в числе 12-ти светочей веры:

Тот, вслед за кем ко мне вернешься взглядом,
 Был ясный дух, который смерти ждал,
 Отравленный раздумий горьким ядом.
 То вечный дух Сигера, что читал
 В Соломенном проулке в оны лета
 И неугодным правдам поучал.

(«Рай», X, 133-138)⁸.

Мандонне считал эти строки плодом странного и необъяснимого недоразумения. Фома Аквинский прекрасно знал о судьбе парижского философа; он написал резкий полемический трактат, направленный против учения Сигера о единстве интеллекта. Дух его в Раю знал и о гибели фламандского мыслителя от рук его секретаря, когда он находился в Орвьето под следствием папской курии. Как мог он назвать своего противника в одном ряду с мудрецами, представителями богословия и канонического права, в который он включил и себя, и своего учителя Альберта Великого, Грациана, Петра Ломбардского, царя Соломона, Дионисия Ареопагита, Павла Орозия, Боэция, Исидора Испанского, Беду Почтенного и Ришара из Сен-Викторского аббатства? По мнению Мандонне, эта ошибка принадлежала не Фоме, а Данте: ничего не зная о еретических взглядах Сигера, он, по невежеству, причислил к светочам веры аверроиста, заподозренного в ереси. Однако, в этих терцинах слишком много точных сведений о философе, начиная с места его преподавания в Сорбонне, о его гибели, и об одолевавших его мыслях, вызывавших у того же Фомы (равно как и у авторов других полемических сочинений, Альберта Великого и Раймунда Люллия) раздражение и вражду. Поэтому позиция Мандонне представилась Нарди скорее наивной (*puerile*), возникшей в результате присущих ему, как и многим исследователям философии Данте, предрассудков. Главным из них было непонимание роли и характера средневекового аверроизма, сыгравшего столь значительную роль в мысли Средневековья и Возрождения; а также глубокое и ни на чем не основанное убеждение, что философская мысль поэта

⁸ Здесь, как и далее, перевод М. Л. Лозинского; последний стих необходимо привести в оригинале: “Sillogizzo invidiosi veri”.

полностью совпадала с учением Фомы Аквинского. Идущая еще от первой половины XIX века, от работ А. Ф. Озанама, она вела к представлению о философской мысли Средневековья (и в особенности о философии Данте Алигьери) как преимущественно томистской. «Божественная Комедия» оказывалась литературным и философским сводом (*summa*) Средневековья, подобно «Своду теологии», а сам ее автор представал в качестве «Святого Фомы в поэзии»⁹. Знание других направлений средневековой философии находилось в тени по сравнению с авторитетом Св. Фомы, который, по крайней мере с конца XV–XVI вв., благодаря усилиям доминиканцев, а позднее — иезуитов, определял главную тенденцию католического богословия. «Именно тогда, когда подлинная история средневековой философии была в целом неведома, когда едва знали (и то плохо!) одного лишь Св. Фому, возникла легенда, повторяемая и поныне, о Данте-томисте», — так писал Б. Нарди в начале своей научной деятельности¹⁰. Позднее его выступления были поддержаны одним из крупнейших знатоков средневековой философии Э. Жильсоном в его исследовании «Данте — философ» (вышедшем в 1939 и в 1953 гг.); в отзыве об одной из последних работ Нарди он утверждал, что «не находит никакого смысла в столь распространенном тезисе о Данте-томисте»¹¹. Позднее, на одном научном заседании этот выдающийся философ-неотомист признал, что в присутствии Нарди ему трудно говорить о средневековой философии.

В рецензиях и в резких отповедях сторонникам «томистской» интерпретации Данте («великий итальянский поэт <...> изложил

⁹ *Ozanam A. F. Dante et la philosophie catholique au XIII siecle.* Paris, 1839, p. 266. В дальнейшем было опубликовано множество ее переизданий и переводов, вплоть до начала XX века, одновременно с выходом диссертационной работы Б. Нарди.

¹⁰ *Nardi B. Sigieri di Brabante nella Divina Commedia*, p. 11. Этот предрасудок существует и в наши дни: недавно М. Баракки писал о томизме, «которым насквозь проникнута дантовская мысль»; см. *Баракки М. Отзвуки Итальянской литературы в Московии XVI столетия. (Сопоставление «слова» Максима Грека с мотивами и художественными приемами «Божественной комедии») // Россия и Италия [Вып. I]. М., 1993, с. 55.*

¹¹ *Gilson E.* 1) *Dante et la philosophie.* Paris, 1939; 1953; 2) *Recensione a "Dal Convivio alla Commedia"* // *Giornale storico della letteratura italiana*, Vol. CXXXVIII, 1961, pp. 565-566).

философию св. Фомы в терцинах»; «Данте <...> показал, что в его мысли томистская школа, которой он столь верно придерживался, занимала первейшее место» — это лишь немногие из примеров, какими изобилует литература о философии Данте XIX–XX вв.) Бруно Нарди проявил свой решительный талант полемиста.

«Он умел удивительно ясно излагать результаты собственных исследований и присущих ему точек зрения с веселым ослепительным блеском своих сверх-тосканских сарказмов и уничтожающей, но всегда бескорыстной ярости спорщика», — писал его последователь и ученик¹², а коллега вспоминал об «остроумном и ироническом даре замечательного тосканского полемиста» и называл его «toscanissimo»¹³, явно имея в виду свойственное тосканцам умение все подвергать сомнению. Не зря же писатель Курцио Малапарте в своем блистательном памфлете «Проклятые тосканцы» назвал их «больной совестью Италии»¹⁴. Книгу эту Б. Нарди хорошо знал, и в одной из статей назвал «maledetti toscani» Леонардо да Винчи и Луку Паччоли¹⁵.

Диссертация о Сигере Брабантском и Данте получила превосходную оценку со стороны крупнейшего специалиста по истории средневековой философии бельгийского ученого Мориса де Вульфа, «однако не встретила никакой поддержки от неотомистов»; полемика Нарди с ними (особенно с падре Джованни Буснелли и Джованни Ванделли) заняла многие десятилетия. Их «недостаточное знание истории философии сочеталось очень часто со слабой филологической подготовкой, без которой невозможно заниматься историей»¹⁶. Между тем, на «протяжении пятидесяти трех лет, по-

¹² *Petrocchi G.* Bruno Nardi // *Giornale storico della letteratura italiana*, Vol. CXLVI, 1969, p. 318.

¹³ *Vasoli C.* 1) Bruno Nardi dantista // *I Critici: Per la storia della filologia e della critica moderna in Italia*. Vol. III. Milano, 1970, p. 2034; 2) Bruno Nardi studioso del Rinascimento // *L'Alighieri*, 1982, N 2, p. 40.

¹⁴ *Malaparte C.* Maledetti toscani. Firenze, 1970, p. 140 (вышла впервые в 1956 г.).

¹⁵ *Nardi B.* La scuola di Rialto e l'Umanesimo veneziano // *Umanesimo Europeo e Umanesimo Veneziano*. Firenze, 1963, pp. 101, 104.

¹⁶ *Nardi B.* Studi di storia della filosofia medievale // *Cinquant'anni di vita intellettuale italiana: 1896-1946. Scritti in onore di Benedetto Croce per il suo ottantesimo anniversario*. Vol. I. Napoli, 1950, pp. 17, 31.

следовавших за этим диспутом 1911 г. — говорил Б. Нарди во вступительном слове на конференции 1964 г., посвященной понятию природы в средневековой мысли — я не имел других забот, кроме как углубляться в философскую мысль Данте в ее соотношении со средневековой философией, к изучению которой поэт привлек меня [буквально: "il poeta m'aveva tratto per i capelli"], дабы рассеять туман, окружавший облик Сигера»¹⁷.

И хотя в названии диссертации прозвучало слово «источники», менее всего Бруно Нарди был занят поиском буквальных («интертекстуальных») заимствований в сочинениях поэта. «Великие умы не требуют ради их понимания обычных средств, к которым прибегают поверхностные наблюдатели. Дух распространяется по таинственным и часто сокрытым от посторонних глаз путем», — писал он во введении к сборнику статей «Данте и средневековая культура»¹⁸.

Знал ли Данте «Толкования» к «Апокалипсису» Пьера Джованни Оливи и читал ли он «Древо крестной жизни» Убертино да Казале? «Вопрос, поставленный в этих понятиях, меня совершенно не интересует. Гораздо важнее для меня тот факт, что иохамитский дух у одного и у другого автора, широко распространенный среди францисканцев, проникает "Комедию", и взгляды, выражения и образы, частые в произведениях двух этих монахов, встречаются под пером Данте». В то же время сам идеал обновления человечества и избавления его от алчности и связанные с ним политические устремления поэта были совершенно чужды иохамитскому движению XIV века¹⁹.

Отношение Данте к источникам касалось и собственно литературной осведомленности поэта. Понятно, что ему осталась неведома «Одиссея», еще не переведенная в то время на латинский язык; но ему были неизвестны и вполне доступные, основанные на гомеровском эпосе, произведения средневековой литературы; он не читал ни «Роман Розы», ни «Троянскую войну» Гвидо да Колонна,

¹⁷ Nardi B. Sguardo panoramico alla filosofia della natura nel Medioevo: Discorso di salute ai Congressisti del Presidente del Comitato Esecutivo // La filosofia della natura nel Medioevo: Atti del terzo congresso internazionale di filosofia medioevale. Passo della Mendola (Trento). 31 agosto — 5 settembre 1964. Milano, 1966, p. 3.

¹⁸ Nardi B. Dante e la cultura medievale: Nuovi saggi di filosofia Dantesca. 2da ed. riveduta e accresciuta. Bari, 1949, p. XI.

¹⁹ Nardi B. Dante e la cultura medievale, pp. 346, 349-350.

где ясно говорится о конце Улисса. «Но незнание многих вещей, которые были известны его современникам, на самом деле не повредило ему, и даже помогло, ибо он, свободный от этой избыточной литературной эрудиции, смог создать своего Улисса, извлекая его из собственной всемогущей фантазии, и померяться силами с Гомером, не опасаясь поражения. Мы, скажем это без ложной скромности, гораздо более учены, нежели он; может быть поэтому мы и не стали поэтами»²⁰. Данте открыл своего Одиссея-Улисса, неизвестного греческой мифологии (Ад, XXVI, 90-142): его герой стремился увидеть заповеданную Богом гору Земного Рая и погиб вместе со своими спутниками. Среди современников поэта были отважные мореплаватели из Генуи, решившиеся совершить плавание через Гибралтар в Индии (братья Уголино и Вадино де Вивальди, так и не вернувшиеся из своего смелого предприятия, совершенного в 1291 г.), о котором создатель «Божественной комедии» мог слышать. Но он сделал больше, чем описал их смелый порыв: по замечанию Бруно Нарди, Данте «открыл открывателя»²¹.

В отличие от множества профессоров философии и теологии своего времени, поэт очень многого не знал. Он читал комментарии к «Этике» Аристотеля св. Фомы, у него встречаются (всего три) ссылки на «Свод против язычников». Но глубокое понимание теологических проблем своего времени позволяло ему высказывать важные соображения о взаимоотношении богословия и научного классического наследия. Данте (устаи Беатриче) вступает в решительный спор с величайшими авторитетами позднеантичной и средневековой теологии, с псевдо-Дионисием Ареопагитом и Фомой Аквинским. Последний, опираясь на послание псевдо-Дионисия к Поликарпу, попытался дать астрономическое объяснение тьме, покрывшей небо после Распятия:

Иной гласит, что вспять луна шагнула
В час мук Христовых и сплошную сень
Меж солнцем и луною протянула —
И лжет, затем, что сам затмился день:

²⁰ Nardi B. Dal "Convivio" alla "Commedia": Sei saggi danteschi. Roma, 1960, p. 370.

²¹ Nardi B. Dante e la cultura medievale. Nuovi saggi di filosofia dantesca. 2da edizione riveduta e accresciuta. Bari, 1949, pp. 153-165.

Как лег на иудеев сумрак чудный,
Так индов и испанцев скрыла тень.

(*Рай*, XXIX, 97-102).

«И лжет» означает попытку совместить евангельский рассказ с понятиями греческой астрономии; между тем подобное лунное затмение было бы невозможно увидеть одновременно во многих местах. Таким образом Св. Фома попытался заставить Бога «вместо одного чуда сотворить сразу пять»!²²

Внимательное чтение позволило исследователю развести учителя и ученика — Альберта Великого и Фому. Будучи собратями по доминиканскому ордену и борцами против аверроистского учения о единстве интеллекта, они занимали разные философские позиции, может быть, потому, что Альберт Великий гораздо более, чем его знаменитый ученик, был занят не согласованием католического богословия с учением Аристотеля, а изучением природы, пусть и в поставленных им для себя ограниченных рамках. Альберт Великий, как и — во многом — его последователь Данте, отвергал попытки св. Фомы соединить Св. Писание и греческую философию. Альберту Великому принадлежит (очень часто используемое и цитируемое Бруно Нарди) высказывание: «Мне нет дела до божественных чудес, когда я рассуждаю о природных вещах» (“*Quod nihil ad me de Dei miraculis cum ego de naturalibus disseram*”)²³. Речь шла не о «двойной истине», а о разграничении теологии, как основанной на откровении философии Средних веков, и рационалистической мудрости древних и их средневековых продолжателей. На учение Фомы, своего собрата по ордену, Альберт Великий «часто делает ясные намеки. Но я не стану повторять вещи, уже много раз мною сказанные, для тех, кто не хочет их понять»²⁴. Именно от него и от Сигера воспринял Данте воздействие аверроизма. Не зря в сообществе со своим великим толкователем, «мусульманином Аверроэсом (да, господа, именно так!) Аристотель вошел в священную твердыню богословия»²⁵.

²² *Nardi B. Saggi e note di critica dantesca*. Milano; Napoli, 1966, p. 42.

²³ *Nardi B. Studi di filosofia medievale*. Roma, 1960, p. 119-120.

²⁴ *Nardi B. Saggi e note di critica dantesca*, p. 26.

²⁵ *Ibid.*, p. 20. См. также: *Горфункель А. Х. Данте и философия его времени // Вопросы философии*, 1966, С. 87-97 (к сожалению, в этой публикации, не

То обстоятельство, что воплощением человеческого разума оказался в «Комедии» не Аристотель, а Вергилий, свидетельствовало лишь о том, что «Данте не проявлял великого восторга по отношению к идее «согласия» св. Фомы [Аристотелевой философии с христианством. — А. Г.], решительно осуждаемой францисканскими богословами»: но при этом собственно философия поэта была пропитана идеями Стагирита, поскольку «во время Данте *аристотелизм* и *философия* означали одно и то же»²⁶.

Среди многочисленных монографических исследований творчества Данте Алигьери, опубликованных Бруно Нарди, всегда затрагивающих центральные проблемы поэтики, мировоззрения, социальной и философско-теологической проблематики творчества великого поэта, неизбежно привлекает внимание глубиной и ясностью поставленных в ней вопросов основательная работа (занимающая в одном из сборников статей более 80-ти страниц), посвященная едва ли не наиболее существенной для понимания «Божественной Комедии» проблемы: «Данте — пророк»²⁷.

Пророк — не просто оценка поэтического гения поэта, не признание за ним способности к предвидению. Речь идет о присущем Данте пониманию своего предназначения, о его ориентации на поэтику прежде всего библейских книг, о том, что взявшись за главное дело своей жизни, он ощущал в себе божественное вдохновение, по слову Вергилия («Энеида», VI, 50-51: “*adflata est numine quando iam propiore dei*” — в переводе С. Ошерова «только лишь бог на неедохнул»). Этот стих приводится на аллегорическом изображении, осеняющем фреску Рафаэля «Парнас» в Станце делла Сеньятура — Палате подписей Ватиканского дворца, где Данте изображен в окружении поэтов классической древности: «И стал шестым среди столького ума» — «Ад», IV, 102²⁸.

присланной автору для корректуры, немало грубых и искажающих смысл опечаток).

²⁶ Nardi B. La teologia di Dante // L'Alighieri: Rassegna bibliografica dantesca, 1968, N 2, p. 31.

²⁷ Nardi B. Dante profeta // Dante e la cultura medievale. Seconda edizione, pp. 336-416.

²⁸ Горфункель А. Х. 1) От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» (Философские проблемы культуры Возрождения) // История философии и вопросы культуры. М., 1975, с. 152; 2) «Диспут» Рафаэля // Рафаэль и его время.

Открывшаяся перед ним возможность странствия по Аду, Чистилищу и Раю означала прежде всего воздействие на погрязший в пороках мир людей; именно так воспринимает поэт свою пророческую миссию:

Ma io perche venirvi? O chi concede?
 Io non son Enea, io non Paulo sono,
 Me degno a cio ne io ne altri crede.
 Per che, ne del venire io m'abbandono,
 Temo che la venuta non sia folle;
 Se' savio, intendi me'ch'I non ragione.
 А я? На чем я оснуюсь примере?
 Я не апостол Павел, не Эней,
 Я не достоин не в малейшей мере.
 И если я сойду в страну теней,
 Боюсь, безумен буду я, не боле.
 Ты мудр; ты видишь это все ясней

(*Ад, II, 31-36*).

Так Дантова «надежда на обновление человечества принимает образ пророческого видения, и его внутренний голос, откликающийся на голос его совести, говорит ему, как пророку Иеремии: «И встань и скажи им все» (Иер. 1, 17), «Иди и возгласи в уши *дщери* Иерусалима» (Иер., 2, 2), или как пророку Иезекиилю: «Сын человеческий! Встань и иди к дому Израилеву и говори им Моими словами!» (Иез., 3, 4)²⁹.

Пророческий дар был дарован поэту Богом. Он подтвержден величайшими авторитетами, появляющимися в «священной поэме» — об этом говорит ему Беатриче в «Чистилище»:

Pero, in pro del mondo che mal vive,
 Si carro tieni or li occhi, e quell che vedi,
 Ritornato di la, fa che tu scrive.
 Для пользы мира, где добро гонимо,
 Смотри на колесницу и потом
 Все опиши, что взору было зримо

(*Чистилище, XXXII, 103-105*).

М., 1986, с. 65-73.

²⁹ Nardi B. Dante profeta // Dante e la cultura medievale: Nuovi saggi di filosofia dantesca. 2da ed., p. 374.

и апостол Петр в «Раю»:

E tu, figliol, che per la mortal pondo
 Ancor giu tornerai, apri la bocca,
 E non nasconder quell ch'io non nascondo.
 И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе,
 Под смертным грузом, смелыми устами,
 Скажи о том, что я сказал тебе.

(*Рай*, XXVII, 64-66).

Явившееся ему в загробном странствии видение позволяет Данте возвестить оставшемуся во тьме человечеству проповедь нравственного очищения, победить овладевшее миром зло, прежде всего охватившую людей «алчность», у истоков которой стоит злосчастный «Константинов дар» (в его подлинности Данте не сомневался, но вредоносность глубоко ощущал и переживал), воплощенный в обмирщении и светской власти католической церкви.

Пророческий дар поэта, как у библейских пророков³⁰, обращен к осуществлению политического и церковного устройства — независимо от их действительного воплощения — в духе «вечного идеала, способного соразмерить нравственное состояние людей и истинную ценность их деяний»³¹.

Только так можно понять всю художественную и поэтическую структуру «Комедии», постоянное обращение поэта к прошлому и предполагаемому будущему, диалоги поэта с поселенцами трех загробных миров, иногда дружественные, чаще обличительные; как и полемические высказывания встреченных им праведников и грешников, их гневные монологи, обращенные к нынешней злобе дня, и вместе с тем устремленные к вечным проблемам человеческого существования.

Но: «Не значит ли это, что мы должны поверить тем веронским бабкам, считавшим, что Данте нисходил в Ад и поднимался к вершинам Эмпирея? Не совсем так, но Данте верил, что ему были явлены в его видении Ад, Чистилище, Земной Рай, как они поистине представлены в действительности; что ему дарована была ми-

³⁰ По суждению Бруно Нарди, Данте в полной мере заслуживает наименования пророка, какими были пророки Ветхого Завета: (“si da meritare d’esser considerato profeta com essi furono”) — *Nardi B. Dante profeta*. p. 407.

³¹ *Nardi B. Dante profeta*, p. 415.

лость снизойти в город Дит, достигнуть вершины райского Эдема и быть вознесенным в небо, чтобы узреть триумф Христа и предчувствовать вечное блаженство»³². Это понимание пророческой и вместе с тем поэтической природы «Комедии» означает, что перед нами не искусственное литературное сооружение, не чисто художественная фикция. Данте воспринимал и трактовал объект своего «видения» как действительность, как чудесное откровение.

Прямым продолжением и развитием проблемы «Данте-пророка» явился цикл исследований Бруно Нарди, посвященный *коде* — завершению знаменитого письма Данте к Кангранде делла Скала. Там объяснялись различные способы толкования «Комедии» — буквальный, аллегорический, моральный и анагогический (мистический). Эти разделы письма многократно использовались позднейшими комментаторами³³. Бруно Нарди достаточно убедительно показывает, что первая часть письма к Кангранде могла быть написана не позднее, чем в 1319–1320 г., ибо после поражения Кангранде в Падуе он потерял титул имперского викария в Вероне и Виченце, как он именуется в названии письма. Эта первая часть письма была связана с посвящением правителю Вероны третьей кантики «Комедии», «Рая» или его законченной к этому времени части. Между тем, последняя и обширнейшая часть послания, включающая «параграфы» V–XXXIII, никак не была известна первым толкователям поэмы в качестве его произведения. Впервые ссылки на авторство Данте появляются только у флорентийского хрониста Филиппо Виллани. Все остальные, от Якопо делла Лана до Джованни Боккаччо, прекрасно знали это теологическое сочинение, но никак не включали его в эпистолярное наследие самого поэта³⁴. Манера и стиль письма-посвящения и его богословского истолкования резко отличаются. Посвящение написано от первого лица, от автора; дополнение имеет в виду читателя поэмы: “*sub lectoris officio*”.

Этот комментарий к «Комедии» скорее всего появился на свет вскоре после кончины Данте, и вызван к жизни он был совсем другими обстоятельствами. Известно, что не только враждебный свет-

³² *Nardi B. Dante profeta*, p. 393.

³³ *Dante. Le lettere. Testo, versione, commento e appendici per cura di Arnaldo Monti*. Milano, 1921, pp. 335-351.

³⁴ *Nardi B. Il punto sull'epistola a Cangrande*. Firenze, 1960, pp. 20-21.

ской власти пап трактат «Монархия» был объявлен еретическим в полемическом отзыве доминиканца Гвидо Вернани, написанном в первое десятилетие после смерти поэта (позднее, в XVI в, «Монархия» была включена в папский Индекс запрещенных книг), но подозрение в ереси нависло и над самой «Божественной комедией», получившей этот посмертный эпитет в кругах почитателей «священной поэмы».

Гвидо Вернани писал о «Комедии» в письме-посвящении канцлеру Болоньи Грационо де Бамбалиоли: «Среди прочих явился некий сосуд [отца всяческой лжи], возносящий в стихах плоды собственного воображения, многословный софист, любимый многими за красноречие внешних словес; он, благодаря поэтическому воображению и пустым безделицам, по словам Философии, пришедшей утешать Бозция, выставил на сцену блудниц, и коварным образом, подобно сладостному пению сирен, сумел отвратить от спасительной истины не только слабых духом, но и тех, кто стремился к отысканию правды»³⁵. Несколько лет спустя капитул доминиканского ордена, созданный во Флоренции в 1335 г., сурово (*stricte*) запретил «всем монахам, как молодым, так и старым, держать у себя и читать поэтические книги и книжки на народном языке, сочиненные Данте»³⁶. Много позднее Св. Антонин, епископ Флоренции, обличал читателей «Комедии», особенно простых людей и невежд, притягиваемых к ней «благодаря сладости звуков и изящности слов»; не умеющих отличить вымысел от истины. Они верили сказанному им, даже если слова его прямо противоречили церковному учению»³⁷.

Автор-составитель *коды* к письму Данте к Кангранде желал отвести от «Комедии» опасное обвинение в ереси. Именно поэтому он сомнительное для богословов понятие «видения» стремился ввести в метафорический и мистический круг, придать ему далекий от буквального прочтения смысл. Между тем как Данте-пророк придавал всему, что он представил в своем «видении» в загробном

³⁵ *Matteini N.* Il piu antico oppositore politico di Dante: Guido Vernani da Rimini. Testo critico "De Reprobatione Monarchiae". Padova, 1958, p. 93.

³⁶ *Nardi B.* Il punto sull'epistola a Cangrande, p. 26.

³⁷ *Nardi B.* Osservazione sul medievale "accessus ad auctores" in rapporto all' *Epistola a Cangrande* // *Saggi e note in critica dantesca*, p. 296.

мире смысл, именно буквальный (в рамках «видения»), позволяющий принять программу церковных и общественно-политических преобразований.

«Для Нарди, постоянно настаивавшем на пророческой миссии Данте, к которой тот чувствовал себя призванным, а стало быть и на буквальной и исторической ценности его видения и провозглашенной им вести, предложенное им понимание второй части “Письма к Кангранде” исключало авторство Данте». Эта позиция помогла глубже понять существо «Комедии» и ее поэтических глубин, связав их с духовным миром автора и его эпохи. Благодаря работам Нарди «изучение творчества Данте получило решительный поворот, и ныне было бы невозможно подойти к пониманию божественного поэта без того, что сделал Нарди для познания средневековой культуры и не опираясь на его исследования»³⁸.

Переход Бруно Нарди от эпохи Данте к изучению философии итальянского Возрождения был связан с той же ключевой фигурой, с которой начались его исследования, и произошел он в последний период его научной деятельности, не менее значительный, чем весь предшествующий путь. В 1945 г. появился сборник его статей «Сигер Брабантский в мысли итальянского Возрождения» (первая статья этого сборника датирована 1943 г.); в 1958 г. были обнародованы «Исследования о падуанском аристотелизме с XIV по XVI век», куда вошли работы о младшем современнике Данте Пьетро д'Абано, впервые напечатанные в 1912 и в 1920-х годах; остальные относятся к 1940-50-м годам; завершают эту большую группу работы, посвященные крупнейшему итальянскому философу, профессору Падуанского и Болонского университетов: «Исследования о Пьетро Помпонацци» (1965 г.)³⁹.

Появились в это время и некоторые работы Нарди, касающиеся Джованни Пико делла Мирандола, его племянника Джованни Франческо, Марсилио Фичино. Ему принадлежат также важные открытия, касающиеся биографии великого педагога итальянского

³⁸ Gregory T. Introduzione // Nardi B. Dante e la cultura medievale. Nuova edizione a cura di Paolo Mazzantini. Bari: Laterza, 1985, pp. XLII, XLIV.

³⁹ Nardi B. 1) Sigieri di Brabante nel pensiero del Rinascimento italiano. Roma, 1945; 2) Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV al XVI. Firenze, 1958; 3) Studi su Pietro Pomponazzi. Firenze, 1965.

Возрождения Витторино да Фельтре⁴⁰. Однако платоническая и гуманистическая мысль этого времени не вызвала в нем значительного интереса. Известно его отталкивание от основателя итальянского гуманизма Франческо Петрарки; зато особый интерес вызвала у него деятельность его противников, обличаемых в его памфлете «О своем и чужом невежестве»; один из них, купец Т. Таленти, явился основателем венецианской «Школы Риальто», сыгравшей немалую роль в развитии итальянской науки⁴¹.

Преимущественное внимание исследователя в указанных работах было обращено на развитие итальянского аристотелизма в самом широком смысле, с учетом влияния «Великого Комментатора» Аверроэса, Авиценны и их античных предшественников, Симплиция и Александра Афродисийского. Даже сравнительно скромная, по мнению предшественников Нарди, фигура Сигера Брабантского, чья мысль, как казалось, не выходила за пределы XIII века и круга его тогдашних оппонентов, проявилась в развитии последующей философии. В последних своих работах фламандский философ отошел от первоначальной идеи присущего лишь всему человечеству единого интеллекта; и признал, что акт мышления присущ отдельному человеку (“*hic homo intelligit*”); разум мыслит лишь в сотрудничестве с чувственной душой. Упоминания этих поздних текстов Сигера были обнаружены Бруно Нарди в книгах итальянского аверроиста Агостино Нифо. Как выясняется, в них Сигер доказывал возможность достижения блаженства в здешней жизни, что напоминает важные построения в «Монархии» Данте. Эти суждения оказали значительное влияние на Жана Жандена, а через него и на итальянский аверроизм. В последующих статьях этого сборника Б. Нарди прослеживает «следы» Сигера в работах философов XIV–XVI веков, вплоть до обнаружения очень важных идей Сигера Брабантского в знаменитых 900 тезисах Джованни Пико делла Мирандола. Все это позволяет именовать философа XIII века, вслед за некоторыми его современниками и продолжателями, Сигером Великим (“*Sigerius Magnus*”) в заключительном разделе этого цикла: «Благодаря сложности своей мысли, оригиналь-

⁴⁰ *Nardi B. Mantuanitas Vergiliana. Roma, 1963.*

⁴¹ *Nardi B. Saggi sullla cultura veneta del Quattro e Cinquecento, a cura di P. Mazzantini. Padova, 1971.*

ности своего истолкования аверроизма и влиянию, оказанному им на последующее развитие философии, он вполне заслуживает титула «Великого», который был ему дан, и вполне достоин сиять в Дантовом небе рядом с Фомой и Альбертом»⁴².

Никто до Бруно Нарди не работал столь тщательно в многочисленных итальянских архивах и библиотеках, изучая наследие важнейших философов болонской и падуанской школы, никто не сумел представить в такой разнообразии и богатстве творчество Пьетро д'Абано, Паоло Венето, Николетто Верниа, Пьетро Траполина, Алессандро Акиллини, Джеронимо Тайапьетро, Маркантонио и Теофило Зимара, а также и тех, кому не посвящены были специальные статьи, но кто появлялся на страницах его исследований. Обращение к изданным в XV–XVI вв. текстам их трактатов и оставшимся в рукописях сочинений, изучение документов университетских архивов и студенческих конспектов лекций — все это представило возможность понять всю сложность идей, развивавшихся в аудиториях университетов, увидеть вместе с тем борьбу различных течений в итальянской философии, влияние гуманистической мысли на, казалось бы, далекое от них школьное преподавание. Это погружение в материал позволило выявить человеческий и нравственный облик мыслителей, равно как и то воздействие, которое оказывало на них прямое вмешательство церкви на ход философских дискуссий.

Итальянская университетская философская школа развивала идеи аверроизма, прежде всего в духе Сигера Брабантского, используя при этом так называемую теорию «двойкой истины», которую историки философии XIX века понимали как ученую ересь, своего рода предшественницу свободомыслия европейского Просвещения. Бруно Нарди полагает, что в действительности концепция «двойкой истины» означала отказ от идеи «согласия» Фомы Аквинского, который пытался приблизить Аристотеля к христианству. В отличие от него философы Падуи и Болоньи четко разводили основанную на человеческом разуме истинность рационального знания и веру в религиозное откровение. Именно поэтому инквизиторы (по крайней мере в Италии) до поры до времени довольствовались ортодоксальными декларациями философов. Правда, время

⁴² *Nardi B. Sigieri di Brabante...* pp. 11-38, 171-172.

от времени, в эдикте Падуанского архиепископа и местного инквизитора они пытались положить конец этим опасным спорам; позднее, в постановлении папы Льва X, и вовсе ограничить область свободного исследования даже и в рамках университетского толкования Аристотеля. Некоторые из философов, как Николетто Верниа и его ученик Агостино Нифо, покаяться и переписывали свои сочинения⁴³, другие, как Пьетро Траполин и его ученик Пьетро Помпонацци, пренебрегали и более серьезными предупреждениями⁴⁴.

Завершающая книгу о падуанских философах статья «Конец аверроизма» (впервые опубликованная в 1948 г.) показывает, что отнюдь не церковные преследования способствовали закату итальянской университетской школы, несмотря на гонения конца XV – начала XVI в. «В то время, как некоторые схоласты XIV века показали возможность существования бесконечной вселенной, созданной Богом, и готовили путь для кардинала Кузанского и для Бруно, аверроисты пятнадцатого и шестнадцатого веков продолжали поддерживать мысль, что мир не распространялся за пределы восьмой сферы, или, самое большее — Перводвигателя». Не упоминаемый в книге Нарди (по хронологическим причинам) поздний аристотелик Чезаре Крემонини, отказавшийся смотреть в телескоп Галилея, более всего свидетельствует о крушении университетского аристотелизма. «Эта ограниченная концепция физической вселенной, — завершает свою мысль Б. Нарди, — рухнула как картонный домик тогда, когда с появлением диалогов «Пир на пепле» [“Великопостная вечеря”] и «О бесконечности вселенной и мирах» представление о бесконечной вселенной вторглось в философию природы и привело к открытию относительности всех пространственных и временных определений. Аверроизм был погребен под развалинами аристотелевой физики»⁴⁵.

Последний сборник статей о ренессансном аристотелизме был посвящен философии Пьетро Помпонацци. Надо отметить, что в эти же, последние годы своей жизни, Бруно Нарди опубликовал “Saggi e note di critica dantesca” (1966 г.), включив туда работы,

⁴³ *Nardi B.* Saggi sull’aristotelismo padovano, pp. 95-114.

⁴⁴ *Ibid.*, pp. 146-178.

⁴⁵ *Nardi B.* La fine dell’averroismo // Saggi sull’aristotelismo padovano, p. 454.

появившиеся в печати в 1962-65 гг. и переиздал, со значительными дополнениями, "Saggi di filosofia dantesca" (1967 г., первая публикация 1930 г.).

Вот что писал о сборнике статей-«монографий», касающихся Пьетро Помпонацци, известный историк, одно время директор Института Возрождения во Флоренции, Чезаре Вазоли: «Чтобы найти и исследовать материалы о жизни и философии Мастера, которого он всегда ощущал чрезвычайно близким себе, историк — как это было в его обычае — не пожалел сил в борьбе с трудностями и препятствиями всякого рода, порою тяжелыми для человека преклонного возраста [работа над книгой заняла в жизни ученого период времени от 65 до 80 лет. — А. Г.], когда враждебность определенных академических кругов и всемогущих распорядителей университетской и политической карьеры вынуждала его, и подолгу, работать в самых неблагоприятных условиях. Я позволю себе вспомнить здесь, с искренним и глубоким сочувствием, старого и дорогого мне учителя, каким мне приходилось видеть его, склонившимся над помпонацциевыми кодексами в аретинской библиотеке <...>, над которыми он работал с юношеской энергией и упорством в те короткие часы, какие ему удавалось урвать от занудных занятий школьных проверок»⁴⁶.

Это жизненное наблюдение подтверждается приложенным к книге о Помпонацци указателем использованных в ней рукописей и документов. Он включает 71 манускрипт, изученный ученым в рукописных собраниях итальянских и французских библиотек, а также, благодаря помощи и публикациям его коллег, в хранилищах Англии, Швеции и Польши; множество материалов, относящихся к жизни философа, были извлечены из архивных фондов Болоньи, Флоренции, Мантуи, Падуи, Рима и Венеции.

Не меньший интерес представляет в книге именной указатель, особенно касающийся имени главного героя книги и упоминаемых в ней сочинений. Оказывается, что поздние произведения Пьетро Помпонацци, написанные им в последние годы жизни книги «О естественных причинах удивительных явлений или о чародейст-

⁴⁶ Vasoli C. Bruno Nardi studioso del Rinascimento // L'Alighieri, 1982, N 2, p. 39.

ве»⁴⁷ и «О фатуме, свободе воли и предопределении», изданные в Базеле много лет спустя после смерти философа, в 1556 и в 1567 гг., если и указаны в примечаниях, то только потому, что встречаются в рукописях с другими сочинениями. Мало внимания уделено и ранним работам философа, напечатанным в его последнем прижизненном сборнике, выпущенном в Венеции в 1525 г. Основной интерес исследователя обращен на трактат «О бессмертии души» и на сопутствующие ему работы («Апология» и «Защитная речь»), полемически направленные против главных его оппонентов, Гаспаро Контарини и Агостино Нифо; но прежде всего на неопубликованные лекции, читанные им в Падуе и Болонье. Лекции эти предшествовали, сопутствовали или продолжали идеи самого знаменитого сочинения Пьетро Помпонацци.

Как и в других своих работах, Бруно Нарди предпочитает точное знание недоказанным рассуждениям; он говорит о небольшом круге работ Помпонацци и стремится выяснить их историческое значение. Зато его выводы обоснованы и опираются на проверенный материал источников. Трудно найти исследование, в такой мере включающее в себя большие и серьезные открытия — касаются ли они биографии философа и его современников, изучения бесспорных и несомненных текстов его произведений, выяснения подлинных взглядов мыслителя и их эволюции.

Задача ученого — «восстановить подлинный облик Помпонацци как мыслителя и как человека, не приписывая ему слишком очевидные риторические черты, присущие многим статуям, которые *омуссолинивают* с давнего времени наши площади»⁴⁸ (обратим внимание на блистательный неологизм “*mussolineggiano*”, в духе «Проклятых тосканцев» Курцио Малапарте).

Благодаря многообразной исследовательской эрудиции, Бруно Нарди помог восстановить историю портрета философа, обнаруженного в Милане монсьеором Дж. Гальбиати при подготовке путеводителя по Амброзианской библиотеке и ее картинной галерее. Как выяснилось, это была копия портрета, сделанного для собрания Пао-

⁴⁷ Исправляю мой перевод заглавия в книге: *Помпонацци П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений или о чародействе»* / Пер., вступительная статья и прим. А. Х. Горфункеля. М., 1990.

⁴⁸ *Nardi B. Studi su Pietro Pomponazzi. Firenze, 1965, p. 21.*

ло Джовио с изображения, хранившегося в собрании кардинала Эрколе Гонзага (в свое время он был в Болонье преданным учеником и почитателем Пьетро Помпонацци). «Пяти минут наблюдений мне хватило, чтобы понять без тени сомнений: перед моим взглядом предстало благородное лицо моего дорогого Перетто [так из-за малого роста добродушно называли философа его студенты и друзья. — А. Г.], которого маэстро Фермо Гизони сумел «извлечь» из «естественнейшего» [по сходству. — А. Г.] оригинала, находившегося в собрании Гонзага, по его просьбе и под наблюдением владельца»⁴⁹.

Эта история имела свое, связанное со стилем работы ученого, продолжение. Б. Нарди немедленно заказал фотографию — «и это потому, что мне казалось, что не имея перед глазами живой образ мыслителя, мне не хватало чего-то для полного понимания неизданных кодексов, которые я без устали расшифровывал. Под его взглядом, напротив того, труд, который я испытывал при понимании этого ощетинившегося курсива студенческих записей, набитого до отказа всевозможными сокращениями, мне показался легким, превращающимся в приятное собеседование»⁵⁰.

И тут я понял показавшееся мне первоначально странным соединение двух разных сюжетов в первой статье сборника: «Рукописные курсы лекций и портрет Пьетро Помпонацци». Казалось, что мешало бы автору опубликовать эти два исследования отдельно, не смешивая историю портрета с описанием кодексов; но они оказались соединены вместе именно потому, что были неразрывно связаны в научной лаборатории ученого. Не меньшее значение для выяснения эволюции взглядов мыслителя имела и чисто биографическая статья о родственниках Помпонацци и о его завещании. Но даже там, в статье о женах и детях, о ближайших родственниках философа мы сталкиваемся с важнейшими соображениями, выводящими нас за пределы аристотелевской философии к новому пониманию мира⁵¹.

Речь идет о знаменитом опровержении в лекциях Помпонацци утверждения Аристотеля о невозможности существования антиподов. Профессор ссылается на получение им письма, скорее всего от Антонио Пигафетты, участника экспедиции Магеллана, который

⁴⁹ Ibid., p. 50.

⁵⁰ Ibid., p. 52.

⁵¹ Ibid., p. 215.

посетил множество островов в Южном полушарии, населенных людьми. И дело, разумеется, не только в исправлении очередной ошибки греческого философа: «Если мы не знаем того, что происходит на земле и что мы можем увидеть своими глазами, как можем мы судить о том, что происходит на небе». В результате в студенческих записях появляется еще более категоричное выражение: «Стало быть, то, что сказано Аристотелем, — чепуха (“fatuitates”))»⁵².

Точно так же связаны с обнаруженными в библиотеках кодексами и сведения, приведенные в книге Бруно Нарди о погребении и эпитафии Пьетро Помпонацци, об участии в этом тогда еще болонского студента Эрколе Гонзага⁵³.

Большая часть исследований сборника посвящена обнаруженным Бруно Нарди рукописям — студенческим записям — посвященным проблемам бессмертия души, как предшествующим написанию трактата (1516 г.), так и более поздним. Многие фрагменты найденных им кодексов впервые публикуются в книге. Один из них касается проблемы, обозначенной в названии статьи: «Философия и религия»: это толкование Помпонацци на «Предисловие» Аверроэса к III книге Аристотелевой «Физики», по рукописи Национальной библиотеки в Париже⁵⁴.

В лекции Помпонацци уже не шла речь о «корректном» изложении взглядов Аристотеля и Аверроэса, хотя и на это прикрытие церковная цензура смотрела в конце XV — начале XVI в. все с большим недоверием. Противопоставляются языки философии и религии; цель философа — постижение истины, цель религии — нравственное состояние человека; язык религии — язык притч, он сам по себе не содержит ни истины, ни лжи, но подобно басням имеет воспитательную цель.

Помпонацци оказался среди современных ему и последующих аверроистов единственным, кто открыто и с большим сочувствием

⁵² Ibid., pp. 42-43.

⁵³ Ibid., pp. 53, 225; *Хоментовская А. И.* Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995, сс. 180, 203.

⁵⁴ *Nardi B.* Studi su Pietro Pomponazzi, pp. 122-148. Русский перевод: *Пьетро Помпонацци.* Лекция о философии и религии / Пер., предисловие и примечания А. Х. Горфункеля // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков. Сборник статей и материалов. Иваново, 1995, сс. 159-169.

поддерживал резко враждебные откровению взгляды арабского мыслителя, хотя, замечает Бруно Нарди, «не решался прямо приписывать их себе»⁵⁵. Что, впрочем, не мешало ему обличать «братьев мошенников (*truffaldini*), доминиканцев, францисканцев и дьяволанцев» (все эти слова в тексте Помпонацци имеют одинаковые окончания — “*ini*”); все они «хотели бы сжечь Альберта» [Великого] за то, что он «не хотел смешивать философию с теологией»; и «меня они тоже хотели бы сжечь»⁵⁶. Он предупреждал своих студентов: «Господа, если пойдете в одну сторону, будете четвертованы, если в другую — будете испытаны калеными щипцами». И наставлял их: «В философии верьте тому, что предписывают вам разумные доводы. А в богословии — тому, чему учат вас богословы и апостолы со всею римскою церковью и т. д., а не то ждет вас смерть жареных каштанов»⁵⁷.

Завершает книгу исследований о Пьетро Помпонацци лекция: «Аристотелизм с середины пятнадцатого до середины шестнадцатого века с высоты птичьего полета»⁵⁸. Она была прочитана по третьей программе итальянского телевидения в цикле лекций, посвященных итальянскому Возрождению, в 1961 г.⁵⁹

Развитие аристотелизма в североитальянских университетах показало невозможность «христианизировать» Аристотеля. Подлинные последователи Аристотеля и его великого толкователя Аверроэса показали различие между знанием, «которое завоевывает дух со всею силою разума и средствами, которые обеспечивает ему природа, и высшей и более глубокой истиной, к которой человек может придти лишь с помощью благодати и божественного откровения»⁶⁰.

Но первым (и, кажется, единственным среди итальянских перипатетиков) Пьетро Помпонацци, во всяком случае к концу своей

⁵⁵ *Nardi B. Studi su Pietro Pomponazzi*, p. 142.

⁵⁶ *Nardi B. Saggi sull' aristotelismo padovano dal secolo XIV al XVI*, p. 96.

⁵⁷ *Nardi B. Studi su Pietro Pomponazzi*, pp. 284, 294.

⁵⁸ *Nardi B. L'aristotelismo dalla meta del Quattrocento alla meta del Cinquecento a volo d'uccello // Studi su Pietro Pomponazzi*, pp. 371-382.

⁵⁹ Нельзя не отметить, что некоторые авторы осуждали российских академиков (Д. С. Лихачева и А. М. Панченко) за подобное снисхождение к широкой аудитории. Бруно Нарди не разделял подобного снобизма и не раз выступал по телевидению в 1952-1961 гг.

⁶⁰ *Nardi B. Studi su Pietro Pomponazzi*, pp. 372-373.

жизни, восстал против непререкаемого авторитета «Учителя тех, кто знает» (Данте). Это серьезное сомнение было услышано и понято немногими его студентами. Но развитие аристотелизма вело в неизбежный тупик. И, может быть, не случайно одно из венецианских издательств представило в своей марке в качестве «истинного изображения Аристотеля» известный автопортрет Леонардо да Винчи; так Леонардо «появился в качестве возрожденного Аристотеля». Но он, «человек необразованный» (“*omo senza lettere*”) [т. е. не получивший классического образования. — *А. Г.*] не был профессиональным гуманистом и вместе с тем не доверялся «трубачам» (*trombetti*) Аристотеля⁶¹.

Воспитанный в духе суровой схоластической мысли XIII–XVI веков и определивший строгие границы, «их же не преидеши», в отношении других исторических эпох, Бруно Нарди заинтересовался и происхождением новоевропейского научного сознания. Экскурсы в эту новую сторону научных интересов восходят к полемике против неотомистов в его лувенской диссертации.

Изучение документальных свидетельств о годах обучения Коперника в Италии позволило уточнить существенные данные о получении им степени доктора философии (*in artibus*) в 1495 г., о времени его преподавания математики в римском университете *Sapienza* (1500 г.), о занятиях медициной в Падуанском университете (1500 г.) и о получении степени доктора прав в Ферраре (1503 г.). В этой же публикации (дважды повторенной при его жизни и, позднее, в 1971 г.) Бруно Нарди выдвинул и обосновал достаточно смелое предположение о том, что в знаменитой картине Джорджоне «Три философа» (ок. 1509/10 гг.) он изобразил молодого Коперника рядом с представителями античной и арабской науки⁶². Правда, как кажется, эта идея не была поддержана другими исследователями творчества художника⁶³.

⁶¹ *Ibid.*, p. 382; *Баткин Л. М.* Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990, сс. 269, 299-300.

⁶² *Nardi B.* 1) I “Tre filosofi” del Giorgione // *Il Mondo*. N 343, 23 agosto 1953; 2) Copernico studente a Padova // *Melanges offerts a Etienne Gilson*. Toronto; Paris, 1959, pp. 437-446; 3) *Saggi sulla cultura veneta del Quattro e Cinquecento*. Padova, 1971, pp. 111-120.

⁶³ *Settis S.* La “Tempesta” interpretata: Giorgione, i committenti, il soggetto. Torino, 1982: *Intorno ai “Tre filosofi”*, pp. 19-45; *Vasoli C.* Bruno Nardi studioso

Развитие многих идей, известных нам по работам Бруно Нарди о ренессансном аристотелизме, нашло отражение в статье, посвященной 400-летию со дня рождения Галилео Галилея⁶⁴. В отличие от большей части его исследований, мы не найдем здесь ссылок на новые рукописи, обнаруженные в архивах, на новые документы. Автор опирается на публикации, приведенные в полном («национальном», мы бы сказали — «академическом») издании сочинений великого ученого, которое включало и найденные его предшественниками материалы об инквизиционных процессах.

После опубликования в «Звездном вестнике» важнейших открытий Галилея (поверхности Луны, «медицейских» спутников Юпитера, фаз Венеры, колец Сатурна и солнечных пятен) инквизиция была взбудоражена, но сперва пошла по ложному следу: следователи Св. Службы стали искать связи Галилея с давно подозреваемым в ереси аверроистом Чезаре Кремонини. Но падуанский философ не допускал астрономические открытия Галилея в свою завершённую аристотелевскую систему мира; он не только отказывался смотреть в телескоп, но и не читал его сочинения. Как выяснилось, и Галилею не стоило опасаться упрямства «академических» кругов; значительно больший смысл имела поддержка, полученная им от Кеплера и Гассенди. Главная же опасность исходила от «бешеных» (“*arrabbiati*”) его противников, тех, кого сторонники ученого называли в письмах «коварными завистниками». А главное — кто обнаружил в открытиях астронома прямое противостояние Божественному Писанию. В дальнейшем Бруно Нарди, с некоторой даже может быть назойливостью, обыгрывая принадлежность отцов-инквизиторов к Ордену проповедников-доминиканцев, используя их традиционное самоназвание *dominicanes* как *Domini canes*, Псы Господни, постоянно, со слов одного из гонителей Галилея, называет их «черные и белые псы Святой инквизиции», «заменив, таким образом, имя Господне, что в действительности имеет уже совсем иное значение»⁶⁵. Причина этой настойчивости объясняется авторским исповеданием веры в последнем абзаце статьи — но об этом речь пойдет далее.

del. Rinascimento, p. 43, nota 40.

⁶⁴ *Nardi B.* Riflessioni sui processi di Galileo in occasione del IV centenario della sua nascita // *De homine*, N 13-14, giugno 1965, pp. 111-142.

⁶⁵ *Nardi B.* I processi a Galileo, p. 122 e passim.

Еще до получения доносов-проповедей кардинал Роберто Беллармино заявил, что «почитает еретической мысль о движении земли, которая, вне всякого сомнения, враждебна Писанию». При этом он формально исходил из постановления Тридентского собора; однако, в декрете IV сессии собора (“*De usu Sacrorum Librorum*”, «Об употреблении Священного Писания») на самом деле речь шла «о вещах, касающихся веры и нравственности, относящихся к установлению христианского учения»⁶⁶, а никак не об устройстве мироздания.

Однако первый процесс против Галилея (1615–1616 гг.) закончился только «увещанием» ученого о невозможности поддерживать открыто гелиоцентрическое учение Коперника. Самым существенным в этом процессе было получение Галилеем от кардинала Р. Беллармино спасительной «справки» (“*Dichiarazione*”) от 26 мая 1616 г. о том, что он «не отрекался» и не признал себя виновным⁶⁷. Часто на эту важную деталь не обращают должного внимания, между тем, имея на руках столь серьезный документ, ученый спас себя от возможных последствий на будущем процессе 1633 г.: предыдущее отречение грозило бы ему костром или пожизненным тюремным заточением.

Обращаясь к материалам двух процессов Галилея, Б. Нарди не раз сравнивает отцов-инквизиторов с судьями, которые казнили Сократа и Христа. Напрасно Галилей в своих знаменитых письмах к Бенедетто Каstellи (1613 г.) и к великой герцогине Кристине Лотарингской (1615 г.) пытался предложить то толкование религии и науки, которое он унаследовал от итальянских аверроистов; он не был услышан. Схоластические богословы придерживались позиции св. Фомы Аквинского, примирившего аристотелевскую картину мира с христианством. Приговор «белых и черных псов Св. Службы» превратился в «орудие подавления человеческой совести, которую Бог создал свободной»⁶⁸.

Некоторые исследователи процессов Галилея ссылались даже и на то, что отречение помогло ученому — оказавшись в ссылке, он смог создать новый трактат по механике. Правда, они забыли, что

⁶⁶ *Nardi B. I processi a Galileo*, pp. 123-124.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 135.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 136.

это сочинение не могло быть напечатано в Италии, его издали Эльзевиры в Лейдене, в стране победившей Реформации⁶⁹.

Так этот «гротескный монумент философской глупости и богословской надменности», возникший с благословения пап Павла V и Урбана VIII, осудил Галилея, который «освободил человечество от тяжких заблуждений <...> и, будучи добрым христианином, проявил себя куда более предусмотрительным толкователем Священного Писания, нежели ученейший Беллармино». Отвечая тем «мастерам передегивать карты», кто попытался бы обвинить Бруно Нарди в угождении тайным антирелигиозным предрассудкам, он писал: «рожденный христианином, я не собираюсь отступить от веры моих отцов; моя религия была воспринята мною с молоком матери, женщины из народа, искренней христианки, свободной, как и Галилей, от всяческого богословского фанатизма. Моя вера — подлинная вера угольщика (*Autentica fede da carbonaio, la mia*)»; эта латинская пословица, восходящая, видимо, к раннему христианству, перешла в основные европейские языки, в том числе и в русский. Но кроме того, отец Бруно Нарди, крестьянин, обрабатывающий свой надел, занимался также и пережиганием угля, а дед, «будучи добрым христианином, не испытывал чрезмерного расположения к попам»⁷⁰.

Эта (христианская, католическая) реабилитация Галилео Галилея была написана за 28 лет до того, как папа Иоанн Павел II снял церковное проклятие с Галилея, нависавшее над его именем на протяжении трех с половиной столетий. Я не исключаю, что статья Бруно Нарди повлияла на принятие этого столь важного для католической церкви решения.

Со времени кончины Бруно Нарди прошло уже почти 40 лет. За эти годы вышло в свет немало его произведений — как переизданий его прежних сборников, так и новые публикации: «Исследования о венецианской культуре XV и XVI веков» (1971 г.), «Этрурия в “Энеиде”» (1981 г.), «Данте и средневековая культура» (1983, 1985 гг.), «Исследования о Данте» (1990 г.), «От “Пира” к “Комедии”» (1992 г.), «Трактат о единстве интеллекта против аверрои-

⁶⁹ *Nardi B. Saggi e note di critica dantesca*, p. 37.

⁷⁰ *Nardi B.* 1) *I processi a Galileo*, p. 141; 2) *Pagine autobiografiche*, p. 24.

стов“ Фомы Аквинского (1998 г.)⁷¹. Недавно была опубликована книга «История философской дружбы между неосхоластикой, идеализмом и модернизмом: Переписка Нарди-Чоккетти 1911-1949 гг.» (2004 г.)⁷². Эмилио Чоккетти (1880-1951) — значительный представитель неосхоластической философии, с которым Нарди познакомился в Лувенском университете и многие годы поддерживал серьезную полемическую переписку. Вышли материалы научной конференции, посвященной творчеству ученого (1981 г.), продолжают появляться его неопубликованные статьи (1968–1985 гг.), и работы, касающиеся взглядов Бруно Нарди (1996 г.)⁷³.

Воздействие трудов и мыслей Бруно Нарди продолжается вплоть до наших дней — и осуществляется оно благодаря сформулированному им методу, который, как он подчеркивал, «вовсе не мой, он принадлежит всем порядочным ученым (много их или мало). Он заключается в том, чтобы никогда не говорить со слуха о вещах, о которых не имеешь точного и непосредственного знания, о том, что документы и примененная к ним самая строгая логика не позволяют сказать»⁷⁴.

Возможно, это называется «позитивизмом». Я бы предпочел русское значение, не претендующее на обозначение научного направления — это положительный подход к историческим источникам. Оно напоминает мне отношение великого русского филолога, создателя Древлехранилища Пушкинского Дома, Владимира Ива-

⁷¹ *Nardi B.* 1) *Saggi sulla cultura veneta del Quattro e Cinquecento*, a cura di P. Mazzantini; Padova, 1971; 2) *L'Etruria nell'Eneide*, con una prefazione del Renato del Ponte. Genova, 1981; 3-4) *Dante e la cultura medievale*. Introduzione di T. Gregory. Roma, 1983; Bari, 1985; 5) "Lecturae" e altri studi danteschi, a cura di R. Asardo. con saggi introduttivi di F. Mazzoni e A. Vallone. Firenze, 1990; 6) *Dal "Convivio" alla "Commedia"*. Roma, 1992.; 7) *Thomas Aquinas. Tractatus de unitate intellectus contra averroistas*. Spoleto, 1998.

⁷² *Pietroforte S.* *Storia di un'amicizia filosofica tra neoscolastica, idealismo e modernismo: Il carteggio Nardi-Chiocchetti*. Tavarnuzze, 2004.

⁷³ *Atti del Convegno di Studio su Bruno Nardi*. Altopascio, 28 Novembre 1981 // *L'Alighieri*, Anno XXIII, N 2. 1982, pp. 3-43; *Nardi B.* Il canto XXVI del Paradiso // *L'Alighieri*, Anno XXVI, N 1, 1985, pp. 24-32; *Borzi I.* Bruno Nardi e il pensiero politico di Dante // *L'Alighieri*, Anno XXXVII, Nuova serie, N 7, 1996, pp. 37-59.

⁷⁴ In onore di Bruno Nardi, p. 279.

новича Малышева к так называемым «проблемщикам». Бруно Нарди с таким же недоверием взирал на тех, «кто, будучи заключен в своем теоретическом зеркале, не утруждая себя исследованием и критикой документов и свидетельств, необходимых для всякого исторического суждения, предпочитают выводить *a priori* события всемирной истории», не понимая, что история философии находит свое разрешение в обширной истории культуры, и не учитывая рядом с «великими умами» те формы мысли, которые существовали не только в толпе простого и необразованного народа, но также и в кругах городского населения средней культуры, среди аристократии, придворных и клириков»⁷⁵.

Следование этому методу превращает каждую статью Бруно Нарди в законченную и строго очерченную монографию, определенную в своих намерениях, целях и результатах. И вместе с тем позволяет каждому его исследованию, независимо от его размеров и тематики, вписаться в широкую картину мировоззрения изучаемых им эпох и соединять эти, казалось бы частные детали, с глубоким постижением общих тенденций исторического развития. Его «золотое перо» не знало прислужничества и компромиссов, диктуемых не только жестким авторитетом идеологии и властей, но даже и столь важным для него мнением католической церкви, не говоря о поветриях моды, соблазн которых постоянно окружает ученого. Благодаря своей, никогда не демонстрируемой, но и не сгибаемой решительности, Бруно Нарди, подобно некоторым персонажам своих исследований, оказался одним из тех «проклятых тосканцев», которые были увековечены Курцио Малапарте.

⁷⁵ *Nardi B.* Saggi sull'aristotelismo padovano del secolo XIV al XVI, pp. VI-VII. Дискуссия о «формах мысли», возникающих в среде «простого и необразованного народа» разгорелась в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в связи с опубликованием книги Карло Гинзбурга: *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnaio del'500. Torino, 1976; *Spini G.* Noterelle libertine // *Rivista storica italiana*, 1976, а. 88, fasc. 4, pp. 792-802; *Zambelli P.* Uno, due, tre, mille Menocchio? Della generazione spontanea (o della cosmologia "autonoma" di un mugnaio cinquecentesco) // *Archivio storico italiano*, 1979, а. 137, disp. 1, pp. 51-90; *Горфункель А. Х.* Неизбежность пантеизма: Крестьянин-философ Доменико Сканделла // *Культура эпохи Возрождения*. Л., 1988, сс. 139-149.

ИСТОРИОГРАФИЯ В XX ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Б. Г. Могильницкий (Томск)

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А. И. ДАНИЛОВА И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Трудно назвать столетие, которое было бы отмечено в российской истории такими разрывами во всех сферах бытования человека, как катастрофический XX век. Одна за другой на страну накатывались разрушительные волны, смывая на своем пути привычный жизненный уклад с присущими ему ценностными установками. Российская империя — СССР — Российская Федерация. Эти разные именованья одного и того же государственного тела обозначают точки разрывов в его трансформации на протяжении менее чем одного столетия. Проходившие через каждую его пору разломы проблематизируют в массовом историческом сознании понятие преемственности в отечественной истории, распадавшейся буквально на глазах современников на дискретные куски.

В особенности проблемным оказался советский период, занимающий центральное место в российской истории XX века. Нередко представлявшийся грандиозным выбросом inferнальных сил, он фактически исключался из ее «нормального» хода. Столь же радикально отвергалась и свойственная ему система ценностей. В настоящее время крайности такого подхода постепенно изживаются и в науке, и в общественном сознании, что, однако, не снимает необходимости изучения диалектики и преемственности в нашей истории.

Одним из аспектов означенной проблемы является развитие отечественной историко-теоретической мысли, сфокусировавшей

эту диалектику. В статье предпринимается попытка рассмотреть ее сквозь призму деятельности выдающегося советского историка А. И. Данилова (1916–1980)¹. Выходец из российской сельской глубинки, яркий представитель интеллигенции, выросшей при Советской власти, он с юных лет воспринял ее ценности, защищал их на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден боевыми орденами и медалями, являлся деятельным участником послевоенного возрождения страны. Война сформировала активную гражданскую позицию Данилова, сопряженную с чувством высокой социальной ответственности, характеризовавшую весь его дальнейший жизненный путь, значительная и, по признанию самого Александра Ивановича, лучшая часть которого прошла в Томском университете.

В Томск А. И. Данилов приезжает в 1947 г. по рекомендации своего учителя А. И. Неусыхина сразу же после успешной защиты кандидатской диссертации в МГУ². Не замыкаясь в сфере профессиональных занятий, он с головой окунается в административную и общественно-политическую деятельность. Он работает заместителем декана и деканом историко-филологического факультета в пору его расцвета, и поныне вызывающую ностальгические чувства у всех, кому посчастливилось работать или учиться на факультете в его «золотой век». В эти же годы он избирается секретарем факультетской, а затем университетской партийной организации, де-

¹ О жизни и творчестве А. И. Данилова см.: *Могильницкий Б. Г.* Научно-педагогическая деятельность А. И. Данилова // *Методологические и историографические вопросы исторической науки* (в дальнейшем цитировании — МИВИН). Вып. 15. Томск, 1982; *Гутнова Е. В.* *Могильницкий Б. Г., Мильская Л. Т., Смоленский Н. И.* Творческий путь академика АПН А. И. Данилова // *Средние века*. Вып. 46. М., 1983; *Шарифжанов И. И.* А. И. Данилов в Казанском университете // *Историческая наука в Татарстане*. Казань, 1996; *Могильницкий Б. Г.* Из истории становления исторического образования в ТГУ: А. И. Данилов — создатель Томской историографической школы // *Вестник ТГУ*. 1999. Т. 268; *Могильницкий Б. Г., Смоленский Н. И., Мильская Л. Т.* Александр Иванович Данилов // *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004.

² Опубликована: *Данилов А. И.* К вопросу эволюции как одной из форм права феодальной собственности // *Труды Томского университета*. Т. 103. Серия историко-филологическая. Томск, 1948. С. 113-322.

путатом областного совета и членом обкома партии. Главное же, А. И. Данилов был формальным и неформальным лидером той славной плеяды приехавших из разных городов, но прежде всего из Москвы и Ленинграда, пассионариев, чья деятельность превратила факультет в крупнейший за Уралом гуманитарный научно-образовательный центр.

В 1961 г., после пребывания в докторантуре Института истории АН СССР, блестящей защиты докторской диссертации и недолгой работы в Казанском университете в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории, А. И. Данилов назначается ректором Томского университета, одновременно возглавляя созданную им кафедру истории древнего мира и средних веков. Спустя шесть лет он назначается министром просвещения РСФСР, оставаясь на этом посту до конца жизни. В это же время он становится действительным членом Академии педагогических наук, заведует кафедрой истории средних веков МГУ, является ответственным редактором академического сборника «Средние века», избирается депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР, делегатом нескольких партийных съездов.

Напряженная государственная и общественно-партийная деятельность А. И. Данилова, в особенности в ее «министерский» период, подчас оказывала деформирующее влияние на его позицию как ученого. (К этому я еще вернусь.) Государственный и общественный деятель своего, очень непростого времени, он, по определению, не мог выйти за его рамки. Удивительно другое — как при всем этом он смог столько сделать для науки.

Начну с тех моральных стандартов, с коими А. И. Данилов пришел в науку, и вновь подчеркну значение войны в формировании его личности. Обращает на себя внимание обостренный интерес молодого советского офицера к нравственному началу, проявившийся в его первых послевоенных письмах своему учителю. Он с тревогой пишет о значительном снижении моральных стандартов как в армии, так и за ее пределами, относя это к числу «тягчайших последствий войны» и предрекая, что «с ликвидацией этого последствия придется много и долго повозиться»³.

³ Данилов А. И. Письма А. И. Неусыхину / Публикация Л. Т. Мильской // МИВИН. Вып. 18. Томск, 1986. С. 138.

Особое беспокойство Александра Ивановича вызывало падение моральных стандартов в науке. Он с возмущением писал о взорвавшей его «до крайности» статье, утверждавшей, что Гегель как философ ниже Герцена, Белинского и «еще там кого-то». Примечательно, что в этой статье Данилов усматривал не единичный факт, а определенное социальное явление, отражающее политизацию науки, подчинение ее злобе дня. Обобщая, он писал о людях, подобных ее автору: «Вчера они боялись, что их объявят великодержавными шовинистами, сегодня они Белинского ставят выше Гегеля, что будет завтра — посмотрим, во всяком случае “завтра” такого рода типам принадлежать не может»⁴.

Увы, «завтра» наступили еще более тяжелые для науки времена. В разгар борьбы с «космополитизмом» А. И. Данилов писал своему учителю: «Неопределенность и неясность в положении исторической науки в прошлом году были удручающи. Даже в Томске чувствовались отзвуки этого»⁵. Подчеркну, что позиция самого Александра Ивановича в этой постыдной кампании была, безусловно, достойной. Я навсегда запомнил, как он резко оборвал меня, тогда студента 4-го курса, когда я спросил, а правда ли, что к нам едет космополит Разгон. «Запомни, — сказал он, — к нам едет большой ученый, лауреат Сталинской премии, коммунист Израиль Менделевич Разгон!» Думается, эти слова были обращены не только ко мне. Александр Иванович сделал все, чтобы переживавший глубокую душевную депрессию опальный профессор смог вернуться в науку и заложить основания процветающей ныне школы историков Сибири.

Прочитированные выше предельно откровенные письма обнажают те нравственные максимы, которые исповедовал А. И. Данилов. К сожалению, не всегда они реализовывались в его историографической практике. На некоторых его статьях явственно различима печать времени. В особенности это относится к опубликованной в 1955 г. в сборнике «Средние века» (Вып. 6) статье об эволюции идейно-методологических взглядов Д. М. Петрушевского. Насквозь идеологизированная, она представляла собою не столько анализ этой эволюции, сколько «разоблачение» методоло-

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 144.

гических поисков выдающегося российского медиевиста в 1910–1920-е гг.⁶

Не будем, таким образом, идеализировать А. И. Данилова. Но будем помнить, что он работал в одном из самых сложных отделов исторической науки, находившемся под жестким идеологическим прессингом. Вскоре после приезда в Томск он обращается к историографическим исследованиям, ставшим предметом его докторской диссертации. Их итогом, свидетельствовавшим об определенном внутреннем освобождении от этого прессинга, явилась книга «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в.», защищенная в 1958 г. в Институте истории АН СССР в качестве докторской диссертации.

Значение ее далеко выходит за рамки означенной в заголовке проблематики. Ибо здесь были сформулированы и поныне сохраняющие свою актуальность общие принципы историографического исследования, обосновавшие необходимость изучения истории исторической науки в целостном единстве общеисторических концепций, их идейно-теоретических основ, конкретных исследовательских методов и историографической практики. В тогдашней атмосфере политизации историографии приобретало принципиальное значение настойчивое подчеркивание автором важности системного подхода к историографическому исследованию. Ибо при всей своей сложности и многообразности его объект «обладает и определенным внутренним единством: это сама развивающаяся историческая наука, рассматриваемая в органической связи с историей общества, в условиях которого она существует». Попытка абсолютизировать какой-либо один его аспект, игнорируя другие, предостерегает автор, «неоправданно сужает рамки истории исторической науки и толкает в конечном счете к созданию ошибочных представлений о развитии исторических знаний»⁷.

⁶ К чести А. И. Данилова следует, однако, сказать, что спустя 20 лет, будучи ответственным редактором сборника «Средние века», он инициировал публикацию статьи «Академик Д. М. Петрушевский» (Вып. 38), ставшей его своеобразным «покаянием». Статья объективно раскрывала многогранный вклад ученого в развитие отечественной медиевистики, высоко оценивая, в частности, значение его научно-педагогической деятельности в советский период.

⁷ Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958. С. 5, 6.

Поэтому А. И. Данилов решительно отвергал обе крайности в трактовке предмета историографии. «Мы, — писал он, — принципиально не можем считать приемлемым ни сведение историографии к истории “чистого исторического знания”, ... ни ограничение истории исторической науки выяснением смены мировоззрений или истории политических идей различных классов, — так как при этом молчаливо предполагается, что исторические знания по самому существу своему лишены объективного научного содержания, что они ограничиваются в каждый данный момент лишь теми представлениями об историческом прошлом, которые соответствуют определенным запросам современности»⁸.

Признаем, что первая из указанных крайностей не была присуща «бойцам идеологического фронта», каковыми *ex officio* являлись советские историки. Но акцентируя недопустимость сведения истории исторической науки к истории смены мировоззрений или классовой борьбе, А. И. Данилов поднимал действительно важный для политизированной советской историографии вопрос. В немногих работах по историографии всеобщей истории, опубликованных в первое послевоенное десятилетие, историографический процесс трактовался как простое отражение классовой борьбы, в которой так называемая буржуазная историография выполняла четко определенную социальную функцию, исчерпывающую ее научное значение⁹. Своего рода апофеозом нигилистического отношения к ней стало относящееся к началу 1960-х гг. утверждение Е. Б. Черняка, что вся «буржуазная историография новейшей истории прямо поставлена на службу империалистической реакции»¹⁰.

На этом фоне книга А. И. Данилова означала прорыв, открывавший возможность комплексного изучения истории историче-

⁸ Там же. С. 6-7.

⁹ См. в качестве показательного примера самое значительное историографическое исследование того времени: *Аллатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.-Л., 1948.

¹⁰ Цит. по: *Дементьев И. П., Патрушев А. И.* Отечественная историческая наука во второй половине XX в. // *Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки.* М., 2000. С. 155. Эти же авторы приводят и другие разительные примеры огульной критики «пороков» западной историографии, включая таких ее выдающихся представителей как Ж. Лефевр, Э. Лабрус и А. Дж. Тойнби.

ской науки как закономерной смены научных направлений и школ, в рамках которых совершается последовательное накопление знания о прошлом. Особо отмечу органическое включение автором в ткань историографического анализа собственных конкретно-исторических исследований аграрных отношений в раннее средневековье. Основанные на скрупулезном изучении различных типов источников (варварские правды, картулярии, полиптики и т. п.), они имели самостоятельное научное значение и вместе с тем составляли весомый аргумент в его историографических построениях, служа их верификации.

В своем общем подходе к западной историографии А. И. Данилов придерживался твердых марксистских позиций. Он был убежден в превосходстве марксистской методологии над всеми иными исследовательскими стратегиями. Однако он не воспринимал марксизм как, используя выражение Ж. Ле Гоффа, «интеллектуальный ошейник», ограничивавший его методологические и историографические поиски. Одним из первых в нашей науке Александр Иванович обосновал положение о необходимости конструктивного диалога с западными учеными именно в области методологии истории. Событием в научной жизни явилось его письмо в редакцию журнала «Вопросы истории», сыгравшее значительную роль в становлении в нашей стране методологии истории как особой исторической дисциплины, имеющей собственный предмет исследования, не поглощаемый историческим материализмом.

Большое место в письме отводилось проблеме кризиса западной историографии. Вопреки еще недавно доминировавшей в советской науке его оценке как состояния безысходного застоя и загнивания, автор акцентировал присущие западной историографии теоретико-методологические поиски. Более того, он указывал, что эти поиски связаны с «постановкой ряда весьма существенных вопросов, относящихся как к истолкованию важных сторон общественного развития, так и к принципам исторического познания»¹¹. И хотя это указание сопровождалось обязательными в ту пору ссылками на необходимость «критики теоретических основ современ-

¹¹ Данилов А. И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 216.

ной буржуазной историографии», письмо открывало перспективу ее более объективного изучения в советской науке в режиме диалога различных исследовательских стратегий.

Однако не все в творчестве самого А. И. Данилова, в особенности в его «министерский» период, укладывалось в эту перспективу. Сошлюсь на его статью «К вопросу о методологии исторической науки», опубликованную в 1969 г. в журнале «Коммунист». Позднее она стала предметом яростной критики А. Я. Гуревича, оценившего ее как «политический донос». Эта статья явилась одним из главных аргументов в его общем суровом вердикте о несостоятельности А. И. Данилова как ученого, воинствующем ортодоксе и идеологическом душители науки¹².

В глазах современного читателя эта давняя статья, действительно, уязвима для критики, хотя, конечно, не такой озлобленной, выдержанной в прокурорской стилистике, как в данном случае. Едва ли можно согласиться с основной посылкой статьи о неизбежности марксистской формационной теории как исходной в критике ряда историков (в том числе А. Я. Гуревича), стремившихся расширить методологический инструментарий советской историографии за счет включения в него методов структурного анализа, критике, безусловно, чересчур жесткой, однако, замечу, и не такой ядовито-хлесткой, какой позже подвергся сам А. И. Данилов. Все же объектом ее были взгляды, а не личности их носителей. Статья основывалась на убеждении в недопустимости малейшего отступления от марксистских канонов, что объективно препятствовало развитию в стране историко-теоретической мысли. Свою негативную роль сыграла и публикация статьи в главном теоретическом органе КПСС, что, действительно, способствовало ее восприятию как директивной. Очевидно, сознавая это, Александр Иванович вскоре, под иным названием и в несколько измененном виде, но с сохранением общей идейной направленности, перепечатал ее в томском кафедральном сборнике¹³.

¹² См.: Гуревич А. Я. «Путь прямой как Невский проспект», или Исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994; *Он же*. История историка. М., 2004.

¹³ См.: Данилов А. И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // МИВИН. Вып. 6. Томск, 1969.

Не будем, однако, спешить присоединяться к уничтожающей оценке личности Данилова. Прислушаемся к мнению близко знавшей его Е. В. Гутновой. В своих воспоминаниях, как раз в связи с публикацией этой статьи, она очерчивает сложный образ большого ученого, считавшего себя обязанным стоять на страже тех идей, которые он воспринял в юности, к чему обязывало и его положение. «При всем том, — продолжает она, — Александр Иванович не умел идти на компромиссы со своей научной совестью... был одним из честнейших и благороднейших людей, которых я встретила на своем жизненном пути»¹⁴.

Но вернемся к этой статье. С течением времени становится все очевиднее, что предпринятая на ее страницах критика структурализма имела свое рациональное зерно. Ее автор подверг оправданному сомнению преувеличенные надежды на формализацию исторического познания с целью его обогащения и углубления. Трудно не согласиться с его предостережением, что абсолютизация в историческом исследовании различных знаковых систем, в том числе математических формул, графиков и т. п., ведет к схематизации истории, изгнанию из нее события.

Подчеркну актуальность этой критики. Какие бы трансформации ни претерпевала наша наука, остается незыблемой максима *history is story*. Другое дело, что сама природа рассказа в различных теоретико-методологических координатах трактуется по-разному. Неизменным остается одно: признание центрального места события в историческом дискурсе. Акцентуация такого места в статье А. И. Данилова приобретала тем большее значение, что в тогдашней западной, в особенности французской, историографии набирала силу тенденция, суть которой рельефно выразил видный представитель «новой исторической науки» П. Норá. «Вся историография, — утверждал он, — обрела свой современный облик именно путем избавления от события, отрицания его значимости, путем его растворения»¹⁵.

¹⁴ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 350-351.

¹⁵ Цит. по: Афанасьев Ю. Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М., 1986. С. 20.

Это утверждение адекватно отражало одну из ведущих тенденций в развитии тогдашней западной исторической мысли. Она нашла свое теоретическое обоснование в известной броделевской теории множественности скоростей социального времени, которая противопоставляла время длительной протяженности, «подлинное время историка», короткому, событийному — «времени журналиста», являющемуся всего лишь «звонкой новостью», не имеющей научного значения¹⁶. Отсюда проистекало фактическое отрицание научной значимости событийной истории. Явное пренебрежение к ней демонстрирует и знаменитая книга Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.». Казалось бы структурализм торжествовал окончательную победу, а волновавший западную историческую мысль вопрос, что же должен в первую очередь изучать историк — событие или структуру, однозначно решался в пользу последней.

В такой историографической ситуации принципиальное значение приобретала статья А. И. Данилова «Историческое событие и историческая наука»¹⁷. Эта последняя прижизненная публикация Александра Ивановича тематически продолжала статью, о которой речь шла выше, но была свободна от ее идеологизированной заданности. Ее интенция состояла в защите не теории общественно-экономических формаций, а самой исторической науки от крайностей сциентизации, защите, напоминавшей по своему пафосу опубликованную годом ранее нашумевшую статью Л. Стоуна о возрождении нарратива¹⁸. При всем различии исходных методологических посылок обе статьи были близки в главном: в обосновании повествовательной природы исторической науки, выражающей ее качественную характеристику.

Направленная против попыток изгнать из исторического познания события, статья А. И. Данилова акцентировала присущую нашей дисциплине повествовательную, событийную форму. Ибо,

¹⁶ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 117, 119, 132.

¹⁷ Данилов А. И. Историческое событие и историческая наука // *Средние века*. Вып. 43. М., 1980.

¹⁸ Stone L. The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // *The Past and the Present*. 1979. V. 85. N 1.

писал он, «события — это человеческая деятельность во всех ее сферах, начиная с производства материальных благ и кончая наиболее абстрактными сферами интеллектуального творчества. В истории подлинная деятельность — всегда событие». Следовательно, сам исторический мир — это мир событий, воплощающих изменения, движение, развитие, иными словами, саму историю как действительность. «Все исторические связи и отношения, — продолжал далее автор, — есть выражение и порождение деятельности людей. Все производственные, социальные, в том числе классовые, политические, идеологические, научные, религиозные и иные связи и отношения перестают существовать, если они не получают в той или иной форме своего выражения в деятельности, поступках людей, то есть в событиях»¹⁹.

Статья обосновывала специфику предмета исторической науки как определенной формы научного знания, имеющей дело с активной целенаправленной деятельностью людей, творящей историю²⁰. За прошедшие со времени ее опубликования четверть века в обсуждении поднятой в ней проблемы открылись новые аспекты, связанные с «антропологическим поворотом» в изучении истории, акцентировавшем значение человеческой личности как сложной психологической и интеллектуальной структуры. Едва ли Александр Иванович предвидел этот поворот в его конкретных выражениях. Но признаем, что его критика структурализма шла в общем русле движения гуманитарной мысли последних десятилетий²¹ и уж никак не свидетельствует о его несостоятельности как ученого. Является несомненной его значительная роль в развитии в стране историко-методологических и историографических исследований.

Главным итогом научной, педагогической и научно-организационной деятельности А. И. Данилова стало создание своей научной школы. Возникшая в рамках марксистской парадигмы истории, она, благодаря заданному ее основателем творческому импульсу, широте его историографического видения и, не в по-

¹⁹ Данилов А. И. Историческое событие. С. 17.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Это движение убедительно очерчено Л. П. Репиной в ее известной монографии. См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Глава 1.

следную очередь, ее этической составляющей, смогла найти свою нишу в современном научном процессе.

Как известно, не всякий большой ученый оставляет после себя свою школу. Для ее создания необходим ученый особого склада, имеющий выраженный вкус и способности к педагогической работе. Как правило, это университетский преподаватель, обладающий неким магнетизмом, властно влекущим к нему талантливую молодежь уже со студенческой скамьи, как к яркой, самобытной личности.

Таким был А. И. Данилов. Остановлюсь под этим углом зрения на взаимоотношения Александра Ивановича со своими учениками. В этих отношениях в полной мере отразилась личность Учителя, его педагогический дар. В двух словах он может быть определен как неразрывное единство требовательности и доверия. Прежде всего, поразительной требовательности к самому себе, сочетавшейся с такой же поразительной целеустремленностью. Даже война не могла отвлечь его от мыслей о научных занятиях. Вспоминается яркий, эмоционально насыщенный рассказ Александра Ивановича о том, как весной 1945 года в только что освобожденной Советской армией Вене он долго искал знаменитого австрийского медиевиста А. Допша, чьи взгляды на характер аграрного развития в раннее средневековье вызывали тогда острую полемику в научной литературе²². Надо полагать, Александр Иванович надеялся при личной встрече прояснить дискуссионные вопросы. Можно только догадываться, как бы прошла беседа молодого советского офицера с почтенным венским профессором и чем бы она закончилась. Но Допш в это время находился уже в Лондоне.

Высокую требовательность А. И. Данилов переносил на своих учеников. «Пробующих специализироваться по средним векам извожу так, что потом самому бывает неловко перед ними», — писал он А. И. Неусыхину, признаваясь в другом письме: «Слушатели

²² А. И. Данилов вскользь упоминает об этом в одном из писем своему учителю (см.: *Данилов А. И. Письма А. И. Неусыхину...* С. 133). В этом же письме он пишет: «Книжки люблю по-прежнему и вожу за собой целый ящик их». Далее он рассказывает о своей работе в библиотеке Венского университета, эвакуированной в один из горных замков: «Огромные залы старинного замка (десятки комнат) были буквально завалены книгами на всех языках мира — и ни одного человека. Я ворочался в книгах три дня, забросив все на свете...» (Там же. С. 132).

стонут и втайне, наверное, жалеют, что пошли ко мне специализироваться»²³.

С начала 1950-х гг. А. И. Данилов едва ли не впервые в стране начинает в ТГУ специализацию студентов по историографии, приобретающую системный характер в следующее десятилетие, когда и возникает Томская историографическая школа. Ее ядро составили воспитанники Александра Ивановича, выпускники Томского и Казанского университетов, которым он скрупулезно прививал навыки самостоятельной исследовательской работы. Избегая громких слов о нравственной составляющей историографического исследования, он настойчиво и требовательно учил пониманию ее значения. Учил, начиная с того, что сейчас является самоочевидным, но отнюдь не казалось таковым среди тогдашней студенческой и аспирантской молодежи, пребывавшей в своем подавляющем большинстве в блаженной уверенности в собственном изначальном превосходстве над буржуазными авторами. Это неизбежно порождало заведомо легковесное отношение к немарксистской историографии, имплицитно включавшее представление о своем изначальном методологическом превосходстве над ее корифеями, не владевшими непогрешимой истиной марксизма.

Вот это представление А. И. Данилов настойчиво выбивал из голов своих учеников. Вспоминается, как он предостерегал нас от огульной критики немарксистской историографии, требуя объективного анализа творчества ее выдающихся представителей, способного осветить — с марксистской точки зрения, но без крикливых обличений — как идейно-теоретические основы их исторических концепций, так и полученные ими научные результаты. «Историографические университеты» начинались для нас с настоящего требования уважительного отношения к немарксистским историкам. Его неукоснительное соблюдение являлось для нас *conditio sine non* работы с соответствующими текстами. Не будет поэтому преувеличением сказать, что трудный процесс овладения навыками историографического исследования шел для нас рука об руку с обретением определенных моральных стандартов такого исследования. Так выработывалось противоядие против губительного для нашей науки конъюнктурного подхода к истории — зла, поражающего ее в любой

²³ Данилов А. И. Письма А.И. Неусыхину. С. 143-144, 145.

системе социально-политических координат. Ибо, приходится признать, тенденция к превращению истории в «функцию настоящего» в разных обликах имманентно присуща нашей дисциплине, но особенно явственно она проявилась именно в XX веке. Не случайно Й. Хейзинга с такой тревогой писал о «пуерилизации» истории, которую XX век сделал как никогда прежде «орудием лжи на уровне государственной политики». Никакая восточная деспотия в своих фантастических «свидетельствах» не обращалась с историей так, как это делает современное государство, добавлял он²⁴, не делая, кстати, различия в этом отношении между тоталитарными и демократическими государствами.

Оборотной стороной такого отношения государства к истории является сервильная ее служителей. Услужливая готовность следовать «генеральной линии», кем бы и в какой форме она ни провозглашалась, дискредитирует нашу дисциплину в общественном сознании, извращая ее действительную социальную функцию. Речь, таким образом, идет о реальной угрозе ее сущностной деформации, возможной в любой социальной системе, что и демонстрирует опыт отечественной историографии. В новой России место бывшего идеологического диктата заняли иные формы прессинга, деформирующие нравственные устои исторической науки, пожалуй, даже в определенном смысле в большей мере, чем раньше. Во всяком случае, советские историки в своем большинстве искренне разделяли ценностные ориентации взрастившей их общественной системы, сопрягая с ними, хотя и не всегда удачно, свою профессиональную деятельность, включавшую следование определенным моральным нормам. Крутая ломка этой системы и пришествие «дикого» капитализма породили в российском обществе анархию ценностных установок, сказавшуюся на всех его сегментах, в том числе и на исторической науке. Освобождение от идеологического диктата вызвало новый всплеск конъюнктурщины, связанный с известной инфляцией моральных стандартов в профессиональной деятельности.

Тем большее значение приобретает опыт Томской историографической школы. Полученная от А. И. Данилова прививка сыг-

²⁴ Цит. по: *Тавризян Г. М.* Йохан Хейзинга: кредо историка // *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 431.

рала важную роль в формировании ее нравственных устоев, являющихся столь же необходимой предпосылкой жизнеспособности всякой научной школы, как и исповедуемые ею исследовательские принципы. Их значение особенно возрастает в переломные периоды развития общества, к которым так чувствительна историческая наука. Таковым в истории нашей страны, а с ней вместе и в трансформации общественных наук, был конец 1980-х – 1990-е гг. Это были годы демонтажа советской общественно-политической системы и крушения освящавшей ее марксистской идеологии, годы идейных шараханий и демонстративного «сжигания мостов».

В это смутное время Томская историографическая школа без особых потрясений вошла в разом изменившуюся социокультурную действительность. Но это было не внешним приспособлением, а следствием органической трансформации ее исследовательских принципов. Она произошла не вдруг. Ее истоки явственно прослеживаются в методологических и историографических поисках 1970-1980-х гг., которые не просто расширяли исследовательское поле школы, но и вносили подчас значительные коррективы в инструментарий для его возделывания — благодаря, в частности, обращению к достижениям западной историко-теоретической мысли. Примечательный штрих. Если непосредственные ученики А. И. Данилова стремились включить эти достижения в марксистскую парадигму истории, то его «научные внуки», в особенности В. М. Мучник и И. Ю. Николаева, уже прямо выходили за ее рамки, как недостаточной для объяснения, например, таких существенных исторических явлений, как восточные цивилизации или генезис западноевропейского феодализма.

Так начиналось вхождение школы в мировое историографическое пространство как его органической части, затронувшее, естественно, ее теоретико-методологические основания. Место монистического принципа занял методологический плюрализм. Но он включал и марксистскую составляющую, что уберегло школу от столь распространенного в те годы шумно декларировавшегося «прощания с Марксом». Это была именно трансформация, а не разрыв со своим прошлым.

Разумеется, А. И. Данилов не мог предугадать такую трансформацию, но не будет натяжкой полагать, что характер его работы с

учениками закладывал традиции лабильности школы, ее восприимчивости к новому в науке, хотя бы оно в чем-то противоречило принятым в ней установкам, даже позиции самого научного руководителя. Его высокая требовательность к ученикам сочеталась с доверием к их исследовательской активности. Александру Ивановичу, несмотря на его сильный, волевой характер, не был присущ авторитарный стиль научного руководства. Обладая непререкаемым авторитетом в глазах преданно любивших его учеников, он никогда «не давил» на них, не только не подавлял их научной самостоятельности, но, напротив, поощрял ее. Нередко в творческих дискуссиях с учителем они отстаивали свои позиции, порой существенно отличавшиеся от его первоначальных установок, выдвигали собственные идеи, получавшие в конечном счете его поддержку. Надо ли распространяться о том, что такое общение с учителем способствовало формированию творческой индивидуальности его учеников?

Эта традиция доверия к ученикам, позволяющая обогатить творческий потенциал школы, и сегодня характеризует стиль сложившихся в ней взаимоотношений, благодаря чему она обрела «второе дыхание». Можно даже сказать, что в определенном смысле она становится полицентричной. При общности основополагающих принципов в ее рамках происходит заметная диверсификация исследовательских задач и способов их решения.

Так мы подходим к проблеме преемственности и инноваций в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века, полагая, что наработанный Томской историографической школой опыт может быть полезным для ее осмысления. Уже в силу его протяженности, поскольку с некоторым допущением он охватывает целое столетие, если принять во внимание, что А. И. Неусыхин был самым близким учеником Д. М. Петрушевского. При таком допущении в предыстории и истории школы явственно прослеживается линия: Петрушевский — Неусыхин — Данилов — его непосредственные ученики — последующие поколения исследователей. Правда, Д. М. Петрушевский и А. И. Неусыхин не были историографами, но присущий их творчеству выраженный интерес к методологическим проблемам исторической науки задал тон тем методологическим поискам школы, которые, начиная с А. И. Данилова, определили ее облик.

Заметим кстати, что и ранний Петрушевский, и Неусыхин акцентировали значение исторического метода Маркса как наиболее предпочтительной исследовательской стратегии. Заметим также, что оба они в сфере исторической методологии видели лишь одну фигуру равнозначную К. Марксу — М. Вебера, с тем, однако, существенным различием, что если Д. М. Петрушевский в своих работах 1910–1920-х гг. противопоставлял взгляды этих мыслителей, то А. И. Неусыхин в конце тех же 1920-х гг. стремился обосновать их взаимодополняемость, встретив при этом жесткий отпор со стороны тогдашних лидеров советской историографии²⁵.

Так фокусируется центральный вопрос в диалектике преемственности и разрывов в отечественной историко-теоретической мысли XX века. Он может быть обозначен как место марксизма в ее трансформации и, соответственно, в ее открытости мировому историографическому процессу. С известной долей условности в этой трансформации можно выделить две реперные точки: конец 1920-х и конец 1980-х гг. Первая из них знаменовала торжество в исторической науке догматического марксизма, что повлекло за собою ее самоизоляцию от мирового исторического сообщества. Вторая означала, сопряженное с крахом его как господствующей официальной идеологии, возвращение в это сообщество.

Это были точки глубокого разрыва, обнаруживавшиеся прежде всего в радикальной смене методологических и общеисторических постулатов. В обоих случаях имело место значительное переформирование исследовательского пространства отечественной исторической науки и ее методологического инструментария. Столь же радикально изменялись ее социальные функции и положение в обществе.

Тем не менее, в каждой из названных точек не произошло абсолютного разрыва с прошлым периодом. Ибо, признавая его, мы вынуждены будем признать дискретность отечественной исторической науки, отсутствие определенной внутренней целостности, вы-

²⁵ Неусыхин А. И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974 (впервые опубликовано в 1927 г.). См. также: Могильницкий Б. Г. О принципах подхода к немарксистской историографии. Уроки А. И. Неусыхина // История и историки. М., 1991.

текающей из ее стиля, присущего каждой национальной историографии. Этот стиль вырабатывается усилиями многих поколений исследователей долгими десятилетиями и даже столетиями, являясь по своей природе сложной социокультурной категорией. Именно преемственность в развитии исторических знаний и делает историю наукой. Она проявляется в разных формах — от накопления исторических фактов и устойчивых исследовательских предпочтений в их отборе и репрезентации — до преобладающих представлений о природе исторического процесса и способах ее постижения. В этих предпочтениях и обнаруживается своеобразие каждой национальной историографии, присущий ей стиль.

Обозначенная проблема далеко выходит за рамки статьи. Я предполагаю затронуть лишь некоторые ее аспекты, позволяющие за сполохом разрывов в развитии отечественной историографии в XX в. разглядеть черты определенной преемственности в трансформации ее историко-теоретической мысли. Именно те черты, какие проявились на разных этапах деятельности Томской историографической школы.

Прежде всего, это выраженный вкус к широким историко-теоретическим построениям в режиме долгого времени с целью выявления определенных закономерностей социально-исторического развития. Достаточно сослаться на сложившееся в последней четверти XIX века влиятельное социально-экономическое направление в изучении всеобщей истории, к которому, в частности, принадлежал Д. М. Петрушевский. В получивших европейскую известность трудах его представителей был создан образ социальной истории средних веков и нового времени, раскрывавший на обширном и многообразном источниковом материале ее ведущие тенденции и закономерности. Конечно, на протяжении столетия существенно менялась их трактовка. Но сама интенция, сам их поиск в долговременной социально-исторической перспективе характеризуют стиль отечественной историографии с ее преимущественным вниманием к социальной составляющей исторического процесса.

Говоря о преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли, не будем упускать из виду пространство, в котором оно протекало. Это по преимуществу университетское пространство. В стенах российских университетов была достигнута

органическая связь исследования и преподавания. Структурообразующим элементом этого пространства являлась профессорская лекция. Еще Н. И. Кареев, оценивая ее значение, подчеркивал, что для русских профессоров, в отличие от западноевропейских, лекция была не столько средством передачи знания студентам, сколько способом самовыражения, раскрывавшим их мировоззренческие позиции по широкому кругу вопросов, далеко выходящих за пределы учебной программы. Такие лекции воспитывали не узких специалистов, а именно «всеобщих историков», стремившихся осмыслить общие закономерности развития как своей науки, так и самого исторического процесса.

Такое отношение к университетскому преподаванию, если обращаться к истокам Томской историографической школы, было присуще и А. И. Неусыхину, который сумел в изменившихся исторических условиях сохранить российскую традицию университетского образования. Характеризуя педагогическое мастерство своего учителя, А. И. Данилов писал: «Будучи предельно насыщенными по своему научному содержанию, убедительными и яркими, лекции А. И. Неусыхина, руководимые им занятия по своему значению для студентов далеко выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в формировании исторического мышления будущих преподавателей средней и высшей школы...»²⁶.

Таковыми же были лекции самого Александра Ивановича. Для многих поколений студентов они являлись эталоном лекционного мастерства не просто потому, что сообщали некоторую сумму исторических или историографических знаний, но, прежде всего, вследствие того, что они раскрывали его яркую индивидуальность, формировали историческое мышление и мировидение слушателя. Думается, эта традиция сохраняется в нашем преподавании и поныне.

Культ университетской лекции не исчерпывал своеобразие отечественной академической культуры, обладание которой американский историк Дж. Энтин считает великим преимуществом России перед другими странами. Перечисляя ее элементы (дух семинара Ранке со свойственными ему высокими стандартами

²⁶ Данилов А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог // Средние века. Вып. 32. М., 1969. С. 11-12.

эрудиции, строгость критического анализа источников и специальной литературы и т. п.), он с немалым удивлением пишет, что эти нормы, лежавшие глубже доктрины классовой борьбы, как это ни странно, выжили в годы Советской власти»²⁷.

Но так ли это странно? Таким ли уж неодолимым, как это представляется американскому ученому, было противоречие между отечественной академической культурой и «доктриной классовой борьбы»? В действительности, приверженность марксизму не только не исключала, но и прямо предполагала необходимость овладения высокой исследовательской техникой, коль скоро это учение претендовало на научное познание прошлого и поэтому нуждалось для своего эффективного применения в соответствующем уровне профессиональной подготовки историков. Другое дело, что целые отрасли советской исторической науки, подобно истории КПСС или новейшей истории, были предельно идеологизированы и политизированы. Но чем дальше уходила исследовательская проблематика от современности, тем больше ее изучение было свободно от конъюнктурной заданности, тем непредубежденнее становился научный поиск и тем настоятельнее делалось обращение к отечественной академической традиции, столь богатой, в частности, в изучении и преподавании истории средних веков.

А. И. Данилов являлся продолжателем этой традиции. Получив блестящую аспирантскую подготовку в МИФЛИ — МГУ, приобретя навыки критического анализа раннесредневековых текстов и специальной литературы, он сразу же по приезде в Томск попытался создать из числа специализировавшихся по средним векам студентов некое подобие модифицированного, конечно, «семинара Ранке». Попытку эту едва ли можно считать удачной. Слишком слаба была общеисторическая и лингвистическая подготовка тогдашних томских студентов. Но навсегда осталась в памяти та несколько наивная настойчивость, с какой молодой питомец МГУ стремился в одночасье внедрить на томской почве десятилетиями складывавшийся в столичном университете опыт семинарских занятий со средневековыми текстами.

²⁷ Энтин Дж. Взгляд со стороны: о состоянии и перспективах российской историографии // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 191.

Гораздо успешнее оказалась вторая попытка, осуществленная Александром Ивановичем в 1960-е гг., когда он создал неформальный историографический семинар, объединявший студентов старших курсов, аспирантов и кандидатов наук. Говоря современным языком, это был блестяще организованный мастер-класс историографического исследования. Сегодня в это трудно поверить, но при огромной его занятости как ректора и общественного деятеля он находил время для продолжительных вечерних индивидуальных консультаций с каждым из своих учеников у себя на квартире, нередко завершая их длительными прогулками по городу. Эта индивидуальная работа сочеталась с коллективным обсуждением общих историографических и методологических проблем исторической науки. Это был творчески переосмысленный Александром Ивановичем применительно к задачам историографического исследования педагогический опыт своего учителя.

Над даниловским семинаром витал, позволю так выразиться, дух семинара Ранке. Я имею в виду целенаправленное следование строгим канонам историографического исследования с особым акцентом на общенаучную подготовку. Какими бы конкретными темами ни занимались его ученики, А. И. Данилов ставил своей целью воспитание у них подлинной академической культуры, включающей широкую историческую и историографическую эрудицию как необходимую предпосылку решения конкретной исследовательской задачи. Выполненные под его руководством кандидатские и докторские диссертации были посвящены изучению исторических направлений и школ, а также взглядов отдельных историков, фокусировавших в своем творчестве ведущие тенденции развития исторической мысли, и при всем различии стилистики отдельных авторов, отражавшей их творческую индивидуальность, обладали некоторым содержательным единством. Недаром фрагменты этих диссертаций, публиковавшиеся на страницах основанного А. И. Даниловым периодического сборника, сразу же привлекли внимание специалистов, заговоривших о Томской историографической школе.

Пожалуй, впервые это понятие сформулировал и обосновал в своей аналитической статье «Работы томских историков в области методологии истории и историографии» видный польский методолог

лог А. Ф. Грабский, не скрывавший удивления самим фактом создания А. И. Даниловым такого сборника, ставшего для него, по его собственному признанию, «настоящим сюрпризом». «То обстоятельство, — продолжал он, — что в томской научной среде могло появиться такое амбициозное периодическое издание, самым лестным образом свидетельствует о господствующей там интеллектуальной атмосфере. Не будет преувеличением сказать, что многие университеты со значительно более старыми традициями не смогли бы отважиться на подобное издание»²⁸.

После обстоятельного анализа опубликованных в 3-м и 4-м выпусках сборника статей польский ученый формулировал примечательный вывод концептуального характера. Указав на наличие в них некоторых общих черт, он резюмировал: «Авторы стремятся понять предмет историографии как прежде всего историю исторической мысли в ее разных, главным образом общественно-политических и идеолого-философских, условиях развития, продолжая тем самым наилучшие традиции русских и советских историографических исследований». Перечислив другие особенности методологии томских историков, как-то — преимущественный интерес к теоретическим и методологическим концепциям и общим систематическим взглядам на те или иные исторические явления различных направлений и отдельных ученых, широту их исследовательской проблематики и т. п., А. Ф. Грабский заключал: «Создается впечатление, что мы имеем дело с серьезной Томской школой историков историографии, группирующейся вокруг известного исследователя и педагога, развивающейся в атмосфере добросовестной работы и творческой дискуссии в стремлении к возможно наилучшему изучению самых трудных проблем современной историографии»²⁹.

Представляется, что именитый польский ученый, продолжавший и далее с благожелательным вниманием следить за трудами томских историков, сумел достаточно рано проницательно разглядеть своеобразие Томской историографической школы, выражавшееся в предмете и методологии исследования и, что не менее

²⁸ *Grabski A. F.* Prace historykow tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii // *Historyka*. 1972. Т. III. S. 117.

²⁹ *Ibid.* S. 127.

важно, увидеть в ней органическое звено в общей цепи развития отечественной историко-теоретической мысли.

Таков был главный результат работы созданного А. И. Даниловым семинара, заложившего традицию, которая в разных формах получила развитие в последующей практике школы. Показательным, но не единственным, примером служит организованный И. Ю. Николаевой методологический семинар, в котором много лет работают наряду со студентами аспиранты и преподаватели томских вузов, эффективно применяющие на разнообразном российском и западноевропейском материале предложенную Ириной Юрьевной технологию исторического исследования, основанную на междисциплинарном синтезе. Не останавливаясь на ее характеристике, сошлюсь на докторскую диссертацию и монографию И. Ю. Николаевой, где эта технология, фокусируемая на бессознательном, получила разностороннее теоретико-методологическое обоснование и убедительную верификацию в предпринятом автором исследовании широкого круга исторических проблем от харизмы Меровингов до специфики модернизационных процессов в России³⁰.

Многолетние исследования И. Ю. Николаевой знаменуют новый прорыв в развитии Томской историографической школы. Произошло существенное расширение ее исследовательского пространства и обогащение методологического инструментария для его освоения. Переосмыслено само понятие методологического (междисциплинарного) синтеза как ключевое в современной гуманитарии, позволяющее выстроить взыскуемую поколениями исследователей новую парадигму истории. Я не думаю, что предлагаемое Ириной Юрьевной решение является единственно возможным, так как процесс познания бесконечен, но, безусловно, оно является одним из самых перспективных в современной науке, открывающим новое направление методологических поисков.

Проблематика бессознательного весьма далека от сферы научных интересов основателя Томской историографической школы. Однако, очерчивая общие контуры ее трансформации, мы вправе говорить о преемственности как ее формообразующей черте. Ис-

³⁰ См.: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

ходной является заданная А. И. Даниловым высокая планка, которая предполагает неустанное стремление к научной истине, ведущее к поступательному расширению области методологических и историографических поисков, и закономерно включает в себя «самокритику» школы, систематический пересмотр ее теоретико-методологических оснований в соответствии с изменяющимися социальными и научными реалиями. При этом остается главное. В модифицированном виде сохраняются такие фундаментальные характеристики школы, как органическая связь методологических, историографических и конкретно-исторических исследований, их актуализация, акцентирование социальности исторического познания, сочетание макро- и микроанализа историографических и исторических явлений, эпистемологический оптимизм, обширные профессиональные связи, в особенности с научными и научно-образовательными центрами Москвы.

Ныне Томская историографическая школа насчитывает в своем составе уже несколько поколений исследователей, пролагающих собственный путь в науке, руководствуясь заложенными ее основоположником научными и моральными стандартами. Состоявшаяся в Томске в мае 2006 года Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А. И. Данилова, ставшая данью нашей благодарности Учителю, продемонстрировала научный потенциал созданной им школы, ее крепнущие связи с московскими и региональными научными и научно-образовательными центрами в постановке и решении актуальных задач исторического познания.

С. Б. КРИХ (Омск)

«РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА*

Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики.

И. Сталин

Нельзя сказать, что теория «революции рабов» как одной из причин падения античного общества является вовсе неисследованным сюжетом в отечественной историографии — её невозможно обойти при объяснении взглядов советской исторической науки на сущность рабовладельческого строя, равно как и на проблему падения Римской империи и перехода от античности к средним векам. И всё-таки, при изложении этой теории в последующих работах допускались разного рода искажения, связанные с тем, что ранний этап советской историографии (20–40-е гг. XX в.) отнюдь не был периодом легкого и безболезненного усвоения марксистской парадигмы. И по сей день сохранилось в значительной мере неосознанное представление, будто марксизм как готовая схема последовательной смены пяти общественно-экономических формаций уже существовал, пусть не в реальности, так хотя бы в «свёрнутом», скрытом от исследователя виде, и советским историкам требовалось только раскрыть этот истинный вариант, постепенно отвергая все неверные пути. Поэтому характеристика научного этапа 20–40-х гг. нередко сводилась к описанию овладения советской наукой «теоретическим наследством марксизма»¹.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-2561.2005.6.

¹ *Кац А. Л.* Проблема падения Римской империи в советской историографии // ВДИ. 1967. 2. С. 212. История развития науки в 20–30-е гг. XX в. более всего «приглажена» в труде М. М. Слонимского, где проблема «революции рабов» подана на уровне справки. См.: *Слонимский М. М.* Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970. С. 59, 287. Современное восприятие и обработка былых стереотипов хорошо видны на примере студенческих работ. См., напр. *Сизикова Л. С.* Восстание Спартака в отечественной

Мы полагаем, что направление формирования советской исторической науки в целом и изучения советскими историками античного общества в частности не были заранее predetermined, уже по той простой причине, что марксизм как таковой в первой трети XX в. еще не был в полном смысле приспособлен для объяснения мировой истории. Это была лишь теоретическая конструкция исторического процесса, мало насыщенная историческими фактами, и, что еще важнее, допускающая весьма вольное толкование именно в теоретическом плане². Нет необходимости повторять, что Маркс оставил очень немного замечаний, касающихся исторического процесса за пределами Европы, и лишь отчасти коснулся процессов, проходивших в докапиталистической Европе, поэтому при всем желании (или скорее необходимости) советских историков видеть перед собой всеобъемлющую схему, она не была таковой. Перед нами не процесс постижения марксизма, а скорее процесс создания «своего» марксизма, отвечающего требованиям внутреннего устройства отечественной науки и внешнего давления государственной власти; иными словами, перед нами процесс формирования науки как социального института.

С одной стороны, к началу 1930-х гг. советская наука уже пришла к некоторому определению своего статуса: после 1928 г. было покончено с относительной самостоятельностью Академии Наук, фактически еще дореволюционной по своему составу, и теперь ведущую роль играла Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). В это же время подходили к развязке и первые дискуссии в советской науке, начинало устанавливаться более-менее внятное единообразие. Во-первых, все большие обороты набирала критика теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского, во-вторых, в отношении древнего мира, была очень быстро (после 1933 г.) свернута дискуссия об азиатском

историографии XX в. // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы VI Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск, 2005. С. 67-69. Отказ от диамата в системе исторического образования привёл к чему угодно, только не к отказу от прежних объяснений.

² Теоретическое наследие дореволюционного русского марксизма было отвергнуто. См. *Леонтьева О. Б.* Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004. С. 196.

способе производства. Общим в том и в другом случае было стремление к четкому разделению общественно-экономических формаций и к энергичному отрицанию принципиальной возможности смешанных формаций; прежде всего это выразилось в фактическом запрете распространять капиталистические отношения на период ранее XVI века и находить феодальные отношения в странах Древнего Востока³.

С другой стороны, многие аспекты обращения с марксистской теорией оставались невыясненными. Прежде всего, работа историка очень сильно зависела от политической моды в стране, которая все еще оказывалась переменчивой, и часто приходилось сегодня ругать то, что хвалилось буквально вчера. За одно десятилетие активное издание работ Карла Каутского сменилось их яростным отрицанием⁴, в троцкизме был обвинен М. Н. Покровский, очень скоро оказался не в почете и, казалось бы, неуязвимый и опекаемый властью Н. Я. Марр. В этих условиях нервозность ученых, их страх за свою жизнь и жизнь близких создавали условия для жесткой взаимной критики (которая служила хотя бы относительным средством самозащиты) и для повышенного внимания к любым намекам со стороны власти. Из историков античного общества особенно сильным ударам подверглись С. И. Ковалев, В. С. Сергеев, А. И. Тюменев, которым теперь пришлось встать в оправдательную позицию⁵. Можно сказать, что хотя с лояльностью к власти советская историческая наука в это время давно определилась, как правильно показать свою лояльность было пока неизвестно, поэтому историки сами начинали искать твердые и четкие теории, конст-

³ Известную роль в складывании такого подхода сыграла лекция Ленина «О государстве», впервые опубликованная в 1929 г., где процесс смены формаций был обрисован в русле жёсткой последовательности. См. *Ленин В. И. О государстве* // Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1963. С. 70, 76 и сл.

⁴ Насколько нападки такого рода были обязательными, прекрасно демонстрирует следующий пассаж: «теория, выдвинутая Каутским, послужила оружием для тех противников пролетариата, которые пытались прикинуться сторонниками пролетариата для того, чтобы разрушить его ряды и бороться всеми формами и способами против пролетарской диктатуры» (*Недельский В. И. Революция рабов и происхождение христианства*. М.-Л., 1936. С. 4).

⁵ Тональность упреков могла быть очень неприятной: «Точку зрения Ростовцева в СССР до последнего времени протаскивал «историк» Ковалев» (*Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената* // ВДИ. 1938. 3 (4). С. 135).

руировать некий марксистский канон, придерживаясь которого, можно было бы рассчитывать на безопасность.

Теория «революции рабов» сыграла роль одного из ключевых моментов в этом обретении канона. Толчком к выдвижению этой теории послужила речь Сталина, произнесенная им в феврале 1933 года на съезде колхозников-ударников. В начале речи Сталин заявил, что выступать он не собирался, и говорит только по настоячивым просьбам участников съезда, а после кратко обрисовал мировую историю: в целом в марксистском духе, как путь через череду неудавшихся революций трудящихся к последней социалистической революции, завершившейся успехом. Он, в частности, мельком обронил и следующие слова: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»⁶.

Как писал несколько позже С. И. Ковалев: «Значение выступления тов. Сталина было чрезвычайно велико и для древней истории, потому что оно заставило историков-античников пересмотреть старую концепцию гибели античного общества и отказаться от тех сильнейших пережитков каутскианства, которые лежали в основе этой концепции»⁷. А. В. Мишулин неоднократно подчеркивал прямое влияние речи Сталина на появление его работы о Спартаке⁸. Таким образом, вне зависимости от того, следует ли нам признать непосредственное влияние власти на науку в этом вопросе⁹, нужно

⁶ Сталин И. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 447. Эта цитата стала популярнейшей в трудах советских историков античности в 1930-е годы.

⁷ Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936. С. 164.

⁸ Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936. С. 5. Подчеркнем, что работы А. В. Мишулина о Спартаке издавались большими тиражами и были рассчитаны на массового читателя.

⁹ Признавая, вслед за В. Л. Поповой, внутреннюю закономерность в развитии советской наукой тезиса о «революции рабов», мы не можем согласиться с тем, что внешнее воздействие играло лишь роль *раздражителя*, более аргументированной и взвешенной представляется точка зрения А. А. Формозова: хотя самого Сталина мало интересовала древняя история, общая партийная линия проводилась и здесь, причём совершенно сознательно. См.: Попова В. Л. Некоторые вопросы решения перехода от античности к средним векам в совет-

отметить изначальную обязанность советской науки признавать и хвалить такое влияние.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на пленуме ГАИМК в мае 1933 года вопрос о «революции рабов» стал центральным. С. И. Ковалев, ранее упрекаемый в подражании буржуазным теориям и особенно теории М. И. Ростовцева о социальной революции III века в Римской империи, теперь заявил, что его «социальная революция» и есть «революция рабов», и что падение Римской империи произошло в два этапа — в результате рабских восстаний конца республики и кризиса III века. О. О. Крюгер поддержал идею, отметив, что революционерами можно считать также Катилину и Секста Помпея, который привлекал рабов на свою сторону; А. В. Мишулин говорил о Спартаке как умелом бойце за свой класс. С учетом восстаний рабов была сконструирована схема истории античного общества, которая уже тогда вызвала много упреков как из-за слабого использования источников, вольного обращения с рядом фактов, так и из-за своей парадоксальности: согласно этой схеме, после этапа разложения общинного строя в VII–VI вв. до н. э. и недолгого этапа стабильности в V в. до н. э., наступила эпоха разложения рабовладельческого строя с IV в. до н. э. по IV в. н. э. В любом случае, с этого времени описание «революции рабов» приобрело решающее значение в изложении истории античного общества¹⁰.

На примере анализа позиции С. И. Ковалева видно, что выдвигание теории «революции рабов» в известной мере соответствовало состоянию советской историографии античности. В свое время нам приходилось говорить о влиянии концепции кризиса III века

ской историографии 30-х – нач. 50-х гг. // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1982. С. 113-114; *Формозов А. А.* ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 167-186.

¹⁰ На наш взгляд, будет упрощением полагать, что теорию «революции рабов» создали С. И. Ковалев и А. В. Мишулин, как это делает В. Д. Неронова: происходившее имело очень мало сходства со свободным предложением новой теории. См.: *Неронова В. Д.* Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973. С. 134; *Она же.* Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992. С. 78. В последней работе автор признаёт определяющую роль сталинского высказывания.

М. И. Ростовцева на советскую историографию¹¹; следует добавить, что идущая от Э. Мейера идея постепенного вырождения античной цивилизации была к тому времени вполне усвоена советскими историками. Чтобы придать этой идее столь нужный марксистский оттенок, казалось, было достаточно просто заменить ростовцевскую «крестьянскую революцию» на сталинскую «революцию рабов».

Вскоре ситуация в значительной мере обострилась — оказалось, теорию мало было принять внешним образом: среди историков появляются те, кто требует наполнить концепцию конкретным содержанием; это были руководители ГАИМК, партийцы, прошедшие Институт красной профессуры. Так, А. Г. Пригожин призывал в своем докладе: «Недостаточно признавать социальную революцию на словах. Надо показать, что концепция античного общества в целом действительно вытекает из понимания этой социальной революции»¹². Еще раз за курсы лекций, опубликованные в 1920-е годы, были раскритикованы С. И. Ковалев и В. С. Сергеев.

В 1934 г. ГАИМК выпускает сборник, целиком посвященный «революции рабов». Во вступительной статье, автором которой был все тот же А. Г. Пригожин, в очередной раз презрительно трактовались «модернизаторы» (начиная с Т. Моммзена), как и вся западная наука, и давались общие черты новой теории. Согласно Пригожину, на позднем этапе существования Римской империи вместе с рабами против рабовладельческого строя выступают крестьяне, колонны, ремесленники и солдаты, которые все более рекрутируются из числа варваров; революция характеризуется сочетанием борьбы рабов и варварских вторжений: «социальная революция в античности полностью реализовалась в результате варваризации Римской империи, основной предпосылкой которой были разрушения, нанесенные рабскими революциями строю античного общества»¹³. Известно, что в рамках марксистской теории революции мо-

¹¹ См. Крих С. Б. М. И. Ростовцев и марксизм // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Материалы VI межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2003. С. 94-105.

¹² Пригожин А. Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933. С. 99.

¹³ Пригожин А. Г. Гибель античного мира и проблема социальной революции в античности (вступительная статья) // Известия ГАИМК. Вып. 76. Л., 1934. С. 23.

гут заканчиваться либо переустройством общества в результате победы одного класса, либо взаимным ослаблением и уничтожением антагонистических классов; в случае с революцией, отмечавшей конец рабовладельческого общества, Пригожин считает возможным говорить о «совместной гибели»¹⁴. С. И. Ковалев выступает с идеей двух этапов революции: во II–I вв. до н. э., и в III–V вв. н. э., предлагая считать обе смутные эпохи в римской истории единым процессом, лишь временно приостановленным стабилизацией эпохи Флавиев и Антонинов¹⁵.

Принимая идею революции в античном обществе, советские историки вставали на очень скользкий путь противоречий и натяжек. Прежде всего, нужно было хотя бы в общих чертах (так как ссылки на скудость источников, конечно, не были достаточным доводом) обрисовать сам ход предполагаемой революции. Естественно, что рабские войны II–I вв. до н. э., а именно оба сицилийских восстания и восстание Спартака, должны были стать в такой *теории* поворотным моментом в развитии древнего мира¹⁶. С. И. Ковалев попытался изменить принцип периодизации римской истории: так, переход от республики к империи он объяснял необходимостью со стороны рабовладельцев подавить революцию рабов, а поэтому 36-й год до н. э., когда было разрушено «государство рабов и пиратов» Секста Помпея, должен считаться окончанием первой фазы социальной революции и фактической гранью периода, — борьбу же Октавиана и Антония Ковалев полагал «только несущественным заключительным эпизодом»¹⁷.

А. В. Мишулин исходил из тезиса, что рабы были единственным подлинно революционным классом античного общества, и по-

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Ковалев С. И. Проблема социальной революции в античном обществе // Там же. С. 58. Ср. *Он же*. Экономика античного общества // Краткое введение в историю докапиталистических формаций. М.-Л., 1934. С. 97: «Военная власть императоров на два столетия задержала развитие классовой борьбы и приостановила распад античного общества».

¹⁶ Не следует, однако, вслед за Д. В. Малашкиным отождествлять понимание восстаний II–I вв. до н. э. как социальной революции с проблемой «революции рабов» в целом. См.: Малашкин Д. В. Как «отмирала» теория «революции рабов» // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 65–69.

¹⁷ Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. С. 165.

этому только они были зачинщиками всех антирабовладельческих выступлений. Если Мишулин объяснял раскол в лагере Спартака классовыми разногласиями между революционными рабами и их временными попутчиками — мелкими крестьянами¹⁸, то С. И. Ковалев занимал более осторожную позицию, говоря об этнической подоплеке раскола¹⁹. В целом у Ковалева наблюдается желание нарисовать сложную картину социальной революции, коснувшись не только противоречий между рабами и рабовладельцами, но богатыми и бедными, гражданами и негражданами в период кризиса римской республики, хотя, конечно, он тоже вынужден признавать главной борьбу классов²⁰. Таким образом, можно заметить, что даже в тяжелые периоды советские историки нередко стремились к написанию не всегда простой и не всегда однозначной исторической картины; и все-таки, как только возникала необходимость четкого выбора между концепцией и фактами, неизбежно и *a priori* побеждала концепция.

Это хорошо видно на примере описания советскими историками второй фазы «революции рабов». Как известно, после восстания Спартака античный мир не знал крупных рабских восстаний на протяжении всех последующих столетий своего существования, и это представляло обозначенную выше проблему «непокорности» фактов. Мысль о временной стабилизации Римской империи в период правления Флавиев и Антонинов помогала лишь отчасти, теория настоятельно требовала найти ожесточенную классовую борьбу в III–V вв. н.э.

Таким образом, автоматически приходилось считать проявлениями классовой борьбы любые зафиксированные источниками беспорядки в Римской империи — будь то действия разбойничьей шайки Буллы в правление Септимия Севера или восстание работников монетного двора при Аврелиане (SHA. Aurel., 38, 2-4). Бунт монетариев в Риме, собственно, был вызван узкогрупповыми интересами: принятое Аврелианом решение децентрализовать чеканку монеты лишало их отчасти работы, отчасти возможности злоупотреблять своим положением. У В. С. Сергеева это событие приобре-

¹⁸ См.: Мишулин А. Революции рабов и падение римской республики. М., 1936. С. 93 и сл.; Он же. Спартаковское восстание. С. 134-141.

¹⁹ Ковалев С. И. История античного общества... С. 201.

²⁰ Там же. С. 166-167.

тает черты осознанного выступления против невыгодной низам населения монетной политики²¹.

Особое внимание советских историков привлекало правление императора Максимиана, понимаемое как революционная диктатура представителя низов общества, свергнутого рабовладельцами (эта оценка в своем первоначальном виде принадлежала, опять же, М. И. Ростовцеву)²². Поскольку упоминаний о рабских восстаниях катастрофически не хватало, говорилось о «войне рабов» на Сицилии в правление Галлиена, несмотря на то, что единственное упоминание об этом событии в *Scriptores Historiae Augustae* ясно сформулировано как *quasi servile bellum* (Gall., 4, 9). Апогеем революционных событий III века считалось восстание багаудов в Галлии, после которого наступила последняя стабилизация империи при Диоклетиане и Константине, закончившаяся вторжением варваров и падением рабовладельческого строя.

Но и при таком изложении истории роль рабов в революционном процессе выглядела всё ещё весьма непрезентабельно: если они и участвовали в большинстве из указанных событий, то наряду со свободными работниками. Тогда был использован тезис о нерентабельности рабского труда, объясняемой незаинтересованностью рабов в результатах собственной деятельности, что заставляло хозяев переводить их на положение колонов, и, соответственно, сближало рабов и лично свободных, но жестоко эксплуатируемых представителей свободного населения. Ненависть всех этих слоев

²¹ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. II. С. 636-637. Тут же употреблен термин «стачка».

²² «Правление Максимиана имело уже, по-видимому, определенную социальную направленность. Его правление можно рассматривать как реакцию низов на попытку власти в царствование Александра Севера сблизиться с сенатом» (Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935. С. 269); «Хотя античные историки и пытаются представить правление Максимиана рядом бессмысленных жестокостей, однако в том терроре, который действительно проводился им, заметна определенная классовая линия» (Недельский В. И. Указ. соч. С. 46). Эта трактовка очень скоро вызвала отрицательную реакцию среди самих советских историков. См.: Мишина З. Указ. соч. С. 133-146. Несколько ранее С. И. Ковалев скорректировал свою позицию, согласно которой Максимиан, конечно, не являлся революционером, но его правление объективно ослабляло правящие верхи. Популярный впоследствии довод.

населения к угнетавшему их государству, опасения бедняков самим попасть в рабство заставляли их выступать единым фронтом, поддерживая несших им свободу варваров, и образовывать целые «проварварские партии» из крестьян и ремесленников²³; как отмечал С. И. Ковалев, появление у рабов союзников в лице колонов и бедняков являлось отличительной чертой второй фазы революции рабов и причиной ее победы.²⁴ Вторил ему А. И. Тюменев: «революционное движение низов, с одной стороны, и германская иммиграция, — с другой, и выступают прежде всего во время кризиса III в., в дальнейшем все более сливаясь между собою в один революционный поток, смыывающий шаткое здание империи»²⁵.

Тем не менее, даже в таком виде теория, по сути, не закрепились, поскольку ее непротиворечивое применение при рассмотрении конкретных проблем развития античного общества было невозможным. Нам нет необходимости давать развернутую критику «революции рабов», так как изъяны теории были известны большинству советских историков изначально, и, играя по принятым правилам, они в то же время искали пути для более сложной трактовки социально-экономических отношений в древности. Так что совершенно ясно, почему в тех же самых работах содержатся высказывания совсем иного рода: так, А. И. Тюменев все-таки признает, что рабы не играли решающей роли в движениях низов в поздний период римской истории,²⁶ пытается сгладить утверждение о союзе низов населения и варваров, делая акцент на внутренней (иными словами, скорее теоретической, нежели действительной) связи между двумя движениями и на прогрессивной роли германской общины²⁷. В. С. Сергеев пытается корректировать тезис перенесением акцента на колонатные отношения²⁸. Поэтому,

²³ Пригожин А. Г. Гибель античного мира... С. 21. Напомним, что именно А. Г. Пригожин обрушивался с самыми яростными нападками на «модернизаторов и сторонников цикличности исторического процесса».

²⁴ Ковалев С. И. Экономика античного общества. С. 97. Ср.: Мишулин А. Революции рабов и падение римской республики. С. 12.

²⁵ Тюменев А. И. Указ. соч. С. 265-266.

²⁶ Там же. С. 267.

²⁷ Там же. С. 265, 279.

²⁸ Сергеев В. С. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи // ВДИ. 1938. 3(4). С. 131. Также см. интересный с точки

хотя во введении к вышедшей в 1937 г. «Истории древнего мира» и содержалось упоминание о революции рабов, объяснение падения рабовладельческого строя никак не было связано с этой теорией²⁹.

Во второй половине 1940-х годов, когда постепенно стало ясно, что власти нисколько не интересуются проблемой «революции рабов», теория была удачно забыта³⁰. Историки обратились к другим вариантам марксистских объяснений упадка древнего мира, С. И. Ковалев и Е. М. Штаерман разработали совершенно иную концепцию кризиса III века в Римской империи и всех сопутствующих и последующих событий³¹. О некогда обязательной теории теперь говорят, что в последнее время термин «революция рабов и колонов» по отношению к восстаниям багаудов, агонистиков и т. д. не применяется³², или даже признают, что её рождению способствовали «пе-

зрения стремления хотя бы к относительной сложности, и притом совершенно бессильный логически, пассаж в «Очерках по истории древнего Рима»: «Взятый в целом, колонат по сравнению с рабством, тоже взятый в целом, являлся прогрессивной социально-экономической формой...» (Сергеев В. С. Очерки... Ч. II. С. 604. Возможно, эта фраза представляет собой аллюзию на известное предисловие «К критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 7. «В общих чертах» и «взятый в целом» — это любимые характеристики прогресса в советской историографии.

²⁹ История древнего мира. Т. 1. Древний Восток. Под ред. С. И. Ковалева. М., 1937. С. 18-19.

³⁰ А. Л. Кац (Указ. соч. С. 218) считает, что переломным моментом в отказе от концепции «революции рабов» были «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева, который якобы не использовал самого термина и ссылаясь на то, что эта проблема еще недостаточно изучена. Уточним, что у В. С. Сергеева (Очерки по истории древнего Рима. Ч. II. С. 761) ясно сказано о «революции рабов и колонов» как причине распада Западной Римской империи, а слова о недостаточной изученности относятся не к «революции рабов», а к проблеме перехода к феодализму. Уже в период общей непопулярности теории видоизменённое понятие «революции рабов» встречается у Н. А. Машкина. См.: Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1949. С. 587, 632-634, 636.

³¹ См.: Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. 2; Она же. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

³² Корсунский А. Р. Движение багаудов // ВДИ. 1957. 4. С. 72.

режитки вульгарного социологизаторства и догматическое восприятие некоторых отдельных высказываний И. В. Сталина»³³. Дискуссия о характере перехода от античности к средним векам шаг за шагом избавила советскую историографию от многих стереотипов, сложившихся в период создания теории «революции рабов»³⁴.

Все-таки нельзя сказать, будто единственной судьбой этой теории в советской историографии было её отвержение. Несмотря на понимание противоречий в самой теории и на ясно данное объяснение её происхождения влиянием со стороны властных структур³⁵, советская историография в своих поздних оценках не могла не учитывать факта продолжающегося существования всё тех же структур. Таким образом, в советской исторической науке сложилась ситуация, когда концепции быстро навязывались, но медленно изживались, обрастая вариациями и трактовками. С одной стороны, это демонстрирует способность науки как социального института трансформировать внешние импульсы, превращая их во внутренние интенции; с другой — показывает, как опасно давление на науку, потому что его последствий не может предвидеть ни власть, ни сами ученые.

Тезис о «революции рабов» сыграл свою роль и в формировании методологии советской историографии: оказывалось, во-первых, что «правильное» понимание истории не только возможно, но уже достигнуто³⁶, во-вторых, что историка можно сравнительно быстро и безболезненно *переучить*, заставить поменять свои взгляды так, чтобы они соответствовали заранее известным «правильным»³⁷.

³³ Ковалев С. И. Сорок лет советской историографии по Древнему Риму // ВДИ. 1957. 3. С. 45-46.

³⁴ Замечание В. Д. Нероновой, что миф о «революции рабов» был отброшен после XX съезда КПСС, вряд ли следует понимать слишком буквально. Хотя редакционная статья в «Вестнике древней истории» за 1957 г. и дала критику теории как «не подкреплённой фактами», сам термин употреблялся даже в 1960-е годы. См.: Неронова В. Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. С. 92; За глубокое овладение теоретическим наследием Ленина // ВДИ. 1957. 1. С. 12.

³⁵ См.: Кац А. Л. Указ. соч. С. 218: «Так факты подгонялись под заранее заданную концепцию».

³⁶ «Несмотря на достаточное количество исторического материала история античности не получила *правильного* (курсив мой. — С. К.) освещения в буржуазной историографии» (Мишулин А. В. Революции рабов... С. 3).

³⁷ Спустя несколько десятилетий эту трагическую историю отказа от сво-

Внедрение теории «революции рабов» не было результатом одного только воздействия свыше, и все-таки последствия этого внедрения объяснимы в большей мере внешним влиянием. Именно данная теория определила особенности изучения античного общества в советской историографии. К этому относится, во-первых, ограничение свободы в трактовке кризиса III века и истории поздней Римской империи, что, вероятно, предопределило слабый интерес к этой проблеме в советской науке об античности³⁸. Во-вторых, на весь оставшийся период главенства марксистской парадигмы советская историческая наука не смогла избавиться от двух принципиальных тезисов при анализе античной истории, несмотря на четкое понимание их внутренней нелогичности. Первый тезис заключался в устаревшем, восходящем еще к А. Валлону представлении о разлагающей роли рабского труда и о нетрудовой психологии свободного населения в Римской империи³⁹. Второй — тезис о решающей трансформирующей роли варварского завоевания, переродившего, вольно или невольно, Римскую империю⁴⁰.

их воззрений можно было подавать в радужных тонах: «В последующие годы В. С. Сергеев успешно преодолел влияние модернизаторской концепции и стал крупным историком-марксистом»; «С. И. Ковалев был одним из первых советских ученых, сумевших преодолеть влияние модернизаторской тенденции и теории циклизма. Он стал выдающимся историком-марксистом» (*Слонимский М. М.* Указ. соч. С. 27, 29).

³⁸ Таким образом, особенное внимание советских медиевистов к поздней античности можно отчасти объяснить действием своеобразного компенсаторного механизма в науке. См., напр.: *Сюзюмов М. Я.* Закономерный переход к феодализму и синтез // *Античная древность и средние века*. Сб. 12. Свердловск, 1975. С. 33-53.

³⁹ Этот тезис был оспорен очень поздно и только отчасти. См.: *Кузищин В. И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 57-58.

⁴⁰ См.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 215, 218. Интересная работа С. Э. Крапивенского, в которой отказ от ряда устаревших положений сочетался со стремлением сохранить понимание революции в марксистском смысле, осталась незамеченной, в том числе из-за казуистики. См.: *Крапивенский С. Э.* Переход к феодализму как социальная революция // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 5. Томск, 1967. С. 52-75.

М. И. БАЦЕР (Петрозаводск)

ТОУНИ ИЛИ КЕРРИДЖ? ДВЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ XVI ВЕКА

Становление аграрного капитализма в Англии конца XV–XVI вв., впервые констатированное с помощью гуманистической терминологии в «Утопии» Томаса Мора, было подвергнуто социологическому анализу в знаменитой 24-й главе первого тома «Капитала» К. Маркса. Английская деревня времен Тюдоров нашла своего историка в лице левого лейбориста, фабианца Ричарда Генри Тоуни, несомненно, опиравшегося в своей работе «Аграрная проблема в XVI веке»¹ на социологические выкладки Маркса не в меньшей степени, чем на документальные источники по экономической истории Англии XVI в. (он был публикатором трёхтомного сборника этих документов²).

Р. Г. Тоуни известен у нас прежде всего как зачинатель дискуссии о социальных предпосылках Английской революции середины XVII века, широко известной среди историков как «спор о джентри», лидером которого на его первом этапе (1941–1954 гг.) он и являлся³. Соответствующие работы М. Вебера и Р. Г. Тоуни стали отправной точкой дискуссии о раннем протестантизме, продолжающейся уже около ста лет⁴. Английские манор и община, их разложение, социальная дифференциация крестьянства, воздействие «коммерческих сил» на деревенское общество и, конечно же, знаменитые огоражи-

¹ *Tawney R. H. The Agrarian Problem in the XVI century. L., 1912.*

² *Tudor Economic Documents / Ed. by R. H. Tawney and E. Power. V. I–III. L., 1924.*

³ См. об этом: *Бацер М. И. «Спор о джентри» в современной английской историографии // Новая и новейшая история. Саратов, 1977. Вып. 3; Его же. Социальная природа Английской революции XVII в. в интерпретации участников «спора о джентри». Саратов, 1980. Вып. 6; Его же. От нарратива к теории. Англо-американская историография Английской революции XVII в. // Новая и новейшая история. 1997. № 5.*

⁴ См.: *Бацер М. И. «Тезис Вебера — Тоуни» и его критики. // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985.*

вания стали предметом исследования в трудах Р. Г. Тоуни и русского историка А. Н. Савина, опубликованных в начале XX в.

Тоуни фактически принял в своей книге 1912 года тезис Маркса о формировании в Англии конца XV–XVI вв. буржуазного нового дворянства⁵. При этом английский историк опирался на самостоятельный анализ колоссальной источниковой базы, подробно рассматривая различные пути и способы огораживаний, приводивших к массовой эвекции (сгону держателей с земли) и депопуляции (обезлюдению) английской деревни.

Манориальная статистика Тоуни, положенная им в основу концепции о «возвышении джентри», была методологически и методически ошибочной. Тем не менее, критика ошибочных положений, содержащихся в статьях о «возвышении джентри», не может поставить под сомнение заслуги Р. Г. Тоуни перед наукой. Он известен и как автор глубоких монографических исследований⁶, и как глава научной школы специалистов по истории экономического развития Англии XVI–XVIII вв. Многие ученики Тоуни — Тирск, Хоскинс, Финберг, Керридж — внесли существенный вклад в разработку этого круга вопросов. В советской специальной литературе особое внимание уделялось выводам и статистическим выкладкам Э. Керриджа, говорилось и о развитии им идей Тоуни⁷. Однако время внесло свои коррективы. Вот мнение самого Керриджа: «Никто не отрицает, что Тоуни был великим человеком, но благодаря этому величию он ввёл целое поколение изучающих историю в печальное заблуждение»⁸.

⁵ Однако советский автор В. Ф. Семёнов отмечал ещё в конце 1940-х гг., что наиболее принятые в марксистской литературе термины, вроде «феодалный способ производства», «капиталистический способ производства», «первоначальное накопление», «насильственная экспроприация народных масс» и т. п., Тоуни принимать упорно отказывается (*Семёнов В. Ф.* Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М. – Л., 1949. С.41).

⁶ *The Agrarian Problem in the XVI century.* L., 1912; *Religion and the Rise of Capitalism. A Historical Study.* L., 1926; *Business and Politics under James I.* Cambridge, 1958.

⁷ *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958. С.88; *Лавровский В. М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966. С.24–26; *Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967. С. 47, 49.

⁸ *Kerridge E.* Agrarian problems in the sixteenth century and after. L., 1969. P. 15.

Именно в преодолении «заблуждений» учителя увидел свою миссию ученик. Полная идентичность объектов исследования носит программный характер, что ещё резче подчеркнуто нарочитым сходством заглавий. Но на этом сходство кончается. Книга Керриджа — это до предела насыщенный юридической терминологией компактный памфлет против того, что он назвал «социалистической догмой»⁹ во взглядах на «аграрные проблемы шестнадцатого века». Английский историк принципиально отказался рассматривать эти проблемы как социальные. Он решительно отверг концепцию Тоуни как «клевету на капитализм», а свою собственную оценил как восстановление исторической справедливости, хотя на самом деле речь может идти лишь о восстановлении в правах полузабытых апологетических мифов.

Манор, по мнению Керриджа, был «в некотором смысле микроскопом английского общества, ибо «разве каждый манор не маленький *commonwealth*, где держатели являются членами, земля — телом и лорд — головой?»¹⁰. Вся книга представляет собой проекцию этой средневековой метафоры на социально-экономическую ситуацию, создавшуюся в Англии XVI столетия. Э. Керридж анализирует не реальные общественные отношения той эпохи, а её юридическое самосознание, становясь при этом почти всецело на позиции Кока и Нордена, видных публицистов буржуазно-дворянского лагеря. Воззрения Кока допускают весьма различные истолкования. Его «Институции» были в руках Лильберна весомым аргументом в пользу обновления общественной жизни на началах законности. В руках Керриджа они стали доказательством неизменности этой жизни. Но *commonwealth* в XVI в. — синоним абсолютной монархии, лорды маноров — прообраз абсолютных монархов. Кому же приходилось им диктовать свою волю? Зависимому населению, прежде всего — держателям «по воле лорда и обычаю манора». М. А. Барг справедливо отмечал в этой связи, что «во-первых, воля лорда сплошь и рядом закреплялась в «обычае» манора, а во-вторых, в самом «обычае» оставалось достаточно простора для проявления «новой воли» лорда»¹¹.

⁹ Ibid. P. 15.

¹⁰ Ibid. P. 31.

¹¹ Барг М. А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII в. М., 1967. С. 46.

Э. Керридж придерживался иного мнения. Он полагал, что лорд манора был подобием конституционно ограниченного монарха. Манориальные обычаи становятся гарантией тождества реальности и законности, уверенность в существовании которого при Тюдорах и стала предпосылкой анализа. «Все действительное — разумно», — мог бы заявить английский историк. Но рационализм ему чужд. Поэтому он избирает другой вариант — «всё действительное исторически оправданно», — подключаясь тем самым к традиции консервативного романтизма Бёрка и Савиньи, которые, по мнению Маркса, пытались узаконить «...подлость сегодняшнего дня подлостью дня вчерашнего...»¹².

Э. Керридж делает далеко идущие социальные обобщения, вдохновлённые не юридической реальностью XVI века, а вполне современной системой ценностей и установок: «Утверждать, что капитализм основывал своё процветание на несправедливых экспроприациях — это чудовищная и злонамеренная клевета»¹³. Тем не менее, старое английское право с его крайним консерватизмом стало для историка богатым арсеналом аргументов. Предполагаемая «незыблемость» юридических институтов должна была служить гарантией гармоничности общественных отношений. Но конструируемый Э. Керриджем гуманный капитализм — простое товарное производство, личностные социальные связи, господство права — является сколком с «феодалного богатства» Англии времён канцлера Фортеस्कью¹⁴, то есть не является капитализмом. Классовая дифференциация джентри — процесс, обусловленный не юридически, — выпадает из поля зрения Керриджа. Даже самый термин “джентри” ни разу не появляется на страницах книги. Английская революция не может быть интерпретирована с этих позиций не только как межформационная грань, но и просто как социальный конфликт. Рассматриваемая концепция направлена прежде всего против таких фундаментальных категорий диалектического историзма как «первоначальное накопление капитала» и «аграрная революция». Керридж пытается доказать, что это — идеологические фантомы.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 416.

¹³ Kerrige E. Op. cit. P. 93.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 729.

Что определяло судьбы английского крестьянства — диалектика экономического развития или формальная логика чисто юридической процедуры? С целью опровержения первой фальсифицируется вторая: «...Р. Г. Тоуни создал силой воображения картину карьеры безжалостного и беспощадного аграрного капитализма, который непочтительно выбил из седла несчастное крестьянство без каких-либо помех со стороны общего права, как если бы имелся один закон для богатых, а другой для бедных»¹⁵. Но, выбирая «равенство перед законом», крестьянин XVI в. мог выбрать только социальное неравенство.

Согласно Э. Керриджу, и помещики, и крестьяне тяготились существовавшей системой правового регулирования их взаимоотношений. Помещики считали её слишком жёсткой, крестьяне — слишком гибкой, но это не мешало и тем, и другим наслаждаться её преимуществами. Керридж с самого начала отказывается рассматривать манориальную курию, «сердце манора»¹⁶, как «орудие внеэкономического принуждения»¹⁷ крестьянства лордами маноров. Для него манориальная курия — прежде всего воплощение правосудия, независимая судебная инстанция, где дела решались «к общей выгоде лордов и держателей»¹⁸. Признание самого факта эксплуатации человека человеком является, по мнению Керриджа, «печальным недоразумением»¹⁹.

Знаменательно, что экспроприация, производимая на «законном», юридическом основании, находит в Керридже убежденного адвоката. Он преисполнен уважения к «священной» частной собственности лендлордов и совершенно непримирим к любым попыткам покушения на неё. «В западной Англии и повсюду, где копигольд был *for lives*, родители иногда называли всех своих детей так же, как себя. Томас и Анна Смит, например, могли иметь трёх сыновей, названных Томас, и трёх дочерей по имени Анна. Таким путём они надеялись протащить ребёнка в родительское владение и ещё одного ребёнка во владение другого родителя, таким образом уклоняясь от уплаты нового *lease of life*. Только наложение герiotов и строжайший надзор могли разрушить такие мошеннические намере-

¹⁵ *Kerrige E.* Op. cit. P. 15.

¹⁶ *Ibid.* P. 24.

¹⁷ *Баце М. А.* Народные низы... С. 54.

¹⁸ *Kerrige E.* Op. cit. P. 77.

¹⁹ *Ibid.* P. 15.

ния. «Обычники», которые делали нечто подобное, заслуживали конфискации всех их держаний за вероломство. Однако они могли, если желали, под достаточно благовидным предложением обратиться с ходатайством в Палату Прошений или Канцлерский суд»²⁰.

«Пламенеющий язык крови и огня»²¹ неадекватно переводится Керриджем на язык компромиссных сделок между лендлордами и держателями. Историк готов допустить, что в отдельных случаях принцип справедливости нарушался: «изменение могло доставить некоторое случайное незначительное преимущество лендлорду»²². И не удивительно: ведь речь идёт о «ковенантах» (соглашениях), заключаемых в обход юридических норм даже обычного права (*customary law*). Произвольные соглашения действительно «могли быть более эффективными», но лишь для помещиков. Несмотря на это, Керридж выводит прямо пропорциональную зависимость между ростом экспроприаций и ростом благосостояния арендаторов: «...в той мере, в какой это принуждение обременяло сидящего на земле держателя, оно в дальнейшем обеспечивало права и собственность его наследников»²³. Политика, приведшая к ликвидации крестьянства как класса, объявляется средством защиты классовых интересов трудящихся: «Если даже индивиду был нанесён ущерб, весь класс держателей выигрывал»²⁴.

Таким образом, подлинная проблематика аграрной истории Англии «в шестнадцатом веке и впоследствии» оказалась за пределами текста книги Э. Керриджа, сохранив, правда, своё место в контексте современной исторической науки.

Э. Керридж чётко очертил контур теоретической модели, которую он намеревался разрушить: «То, что обычно рассматривается как аграрные проблемы XVI века и дальнейшего времени, — это эвикция копигольдеров, депопуляция сельской местности, развитие огораживаний и конверсия пашни в пастбище. Эти проблемы, по общему мнению, были взаимосвязаны. Конверсия в пастбище рассматривается как имевшая место на огороженных полях и вызывав-

²⁰ Ibid. P. 81.

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 727.

²² Kerridge E. Op. cit. P. 83.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem.

шая депопуляцию в основном посредством сгона с земли незащищенных копигольдеров»²⁵.

Керридж очень хорошо понимал, что именно представление о юридической, экономической и социальной нестабильности копигольда лежит в основе традиционной схемы аграрного переворота. Чтобы опровергнуть эту схему, Керридж направил все усилия на дискредитацию классической концепции копигольда. В качестве альтернативы была выдвинута архаическая концепция зависимого держания, восходящая к «юридическим вывескам» XV в.²⁶

Керридж искусственно растягивает «золотой век» английского крестьянства до времён Бэкона, Кока и Нордена, чьи утверждения о стабильности копигольда и благополучии копигольдеров представляются ему неопровержимыми. Между тем, эти утверждения, по мнению большинства современных учёных, противоречат не только противоположным высказываниям. Вся интеллектуальная жизнь эпохи Тюдоров не может быть понята без учёта социального, политического и нравственного протеста, который был ответом английского общества на жестокость и разрушительные последствия аграрного переворота.

С критикой существующих общественных отношений выступали гуманист и противник Реформации Т. Мор, гуманист и сторонник Реформации Т. Старки, крестьянин, монах, а затем торговец, автор «Жалобы парламенту Англии» Г. Бринклоу, анонимные авторы поэмы «Глас народа — глас божий», епископ и мученик Х. Латимер, типограф и публицист Р. Кроули, мастер обличительной сатиры Ф. Стэббс, священник и экономист Ф. Тридж²⁷. И всё-таки, именно Бэкон, Кок и Норден — крупнейшие публицисты буржуазно-дворянского лагеря — зафиксировали возникновение нового социально-исторического феномена, привилегированного копигольда, хотя процесс постепенного растворения в системе лендлордизма экспроприруемой массы крестьян не привлёк их внимания.

Керридж абсолютизирует данные приемлемых для него источников, распространяя привилегии буржуазно-дворянских копигольдеров на всю совокупность обычных держателей. Речь идёт

²⁵ Ibid. P.15.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728–729.

²⁷ Семёнов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.–Л., 1949.

прежде всего о юридических гарантиях. «Безопасность копигольда была юридически доказана, но даже в противном случае она должна быть прямо выведена из того хорошо известного факта, что рыцари, сквайры и другие джентльмены разбирали как наследственные, так и срочные копигольды; они не делали бы так, найдись эти владения в опасности»²⁸. Э. Керридж не учитывает, что юридическая вывеска копигольда в XVI–XVII вв. скорее скрывала, чем демонстрировала социально-экономическую реальность. В действительности безопасность копигольда зависела от экономического положения держателя, а не наоборот; от активного участия лендлорда в развитии буржуазных общественных отношений, предполагавших эвикцию (сгон с земли) бедняков как необходимое условие своего утверждения. Э. Керриджу нельзя отказать в известного рода изобретательности при подборе аргументов: «Для того, чтобы быть изгнанным, собственнику наследственного владения по общему праву было достаточно набрать вооруженную банду, снять колёса у телеги, опрокинуть тяжело нагруженную повозку или жать чужую пшеницу. Можно составить каталог таких изгнаний и создать впечатление, что свободные держатели постоянно находились под угрозой эвикции, но это будет иллюзией»²⁹.

Вопреки любым иллюзиям подобная логика требует рассмотрения самого копигольда как уголовного преступления против верховной собственности лендлордов. Гаррисон, автор «Описания Британии» (1578 г.), писал, что лорды «стремятся обратить своих бедных держателей почти в полное рабство и нищету, ежедневно изобретают новые средства и применяют старые, чтобы сократить сроки держания, удвоить или утроить, а иногда и в семь раз поднять файлы за допуск к держанию, принуждают их также расплачиваться за каждый пустяк штрафом и отбирают их держания»³⁰. Положение массы обычных держателей, рядовых «граждан» английского манора XVI–XVII вв. стало как бы прообразом политического статуса граждан «Левиафана» Т. Гоббса, которым приходилось нести ответственность за все действия своего суверена, причем перед ним самим. По определению К. Маркса, «отцы тепе-

²⁸ Kerrige E. Op. cit. P. 76.

²⁹ Ibid. P. 82.

³⁰ Цит. по: Семёнов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.–Л., 1949.

решного рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов»³¹. Механизм этого превращения является, как показал Маркс, и механизмом превращения феодального общества в буржуазное.

Естественно, Керридж не мог обойти молчанием вопрос об огораживаниях, поставленный ещё Томасом Мором и остающийся одним из центральных для историков, изучающих генезис современных экономических отношений. Керридж и здесь пытается сказать «новое слово», явственно опираясь при этом на выводы западных социологов начала XX в. об эволюционном «перерастании» феодализма в капитализм. Необходимо вернуться к исходной коллизии, чтобы определить меру преемственности интересующих нас идей.

Характерная для XIX века абсолютизация роли огораживаний в межформационных процессах стала предметом оживлённых дискуссий в западной исторической литературе конца XIX – начала XX в. Следует подчеркнуть, что само представление об огораживаниях как движущей силе социально-экономических изменений XVI–XVII вв. не было ни поколеблено, ни даже поставлено под сомнение. Напротив, оно оказалось чрезвычайно удобным в силу количественной природы основного параметра — территории — и вытекающей отсюда статистической неопределённости, в зависимости от истолкования которой попал статус теории так называемого первоначального накопления капитала. Статистический скептицизм Э. Гэя и В. Зомбарта, низводящих значение огораживаний до уровня несущественных эпизодов, объективно был направлен не только против действительно уязвимых статистических выкладок М. Эшли и Д. Лидема, но и против учения о революционном характере смены способов производства. Дискуссия привела к распространению обеих точек зрения — и восходящей к работам Эшли, и высказанной Гэем. Заметный перевес был обеспечен противникам крайностей после того, как в 1912 г. Р. Г. Тоуни опубликовал свой классический труд об аграрной проблеме, демонстрирующий основательное знакомство с марксизмом.

Запоздалые возражения Э. Керриджа воспроизводили логику мышления «от огораживаний», которые он окончательно гуманизировал, поставив в зависимость от «безопасности копигольда», то

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 744.

есть перевернув действительное отношение. В результате огораживания — бич английского крестьянства — были представлены как форма «обмена землёй между лордами и держателями»³², как доказательство гармонии классовых интересов.

Выход из тупика неопределённости был найден в процессе изучения документов, опубликованных самим Э. Керриджем в 1953 г. Стало ясно, что огораживания лишь вторичны по отношению к другой, более глубокой социальной реальности. Эта реальность — система допускных фэйнов. Как отмечал М. А. Барг, «допускной фэйн был самым эффективным орудием расправы лорда с копигольдерами, оружием разрушения и уничтожения крестьянского парцеллярного землевладения и хозяйства в угоду торжествующему капиталистическому предпринимательству»³³. Допускные фэйны оказались пружиной социального перерождения традиционной средневековой аграрной структуры. В этом смысле произвольные фэйны — это подвижная граница между новой экономической реальностью и старой социальной системой. Кроме того, произвольные фэйны — форма перехода от натуральной к рыночной экономике.

Проблема нетривиальна и теоретически: «Только та модель имеет теоретическое значение, которая включает в себя момент, звено, преобразующее модель систем одного класса в модель систем другого класса, — звено, которое сочетает в себе черты систем противоположных классов,.. и опосредствует, следовательно, переход от систем первого рода к системам второго рода»³⁴. Таковы и допускные фэйны. Они представляют собой один из важнейших инструментов первоначального накопления капитала.

В последние годы среди российских обществоведов наметилось возрождение интереса к теоретическому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса. Сопоставление двух интерпретаций аграрной проблемы XVI века ещё раз демонстрирует эвристическое значение исторических идей Маркса, фактически подтверждавшихся таким классиком британской исторической науки XX века как Ричард Генри Тоуни.

³² *Kerrige E.* Op. cit. P. 99.

³³ *Барг М. А.* Народные низы... С. 48.

³⁴ *Оруджев З. М.* Диалектика как система. М., 1973. С. 73-74.

М. С. ПЕТРОВА

ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МАКРОБИЯ НА ПРИМЕРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И НАТУРФИЛОСОФСКИХ ГЛАВ КОММЕНТАРИЯ НА 'СОН СЦИПИОНА'

Латинский автор Макробий Феодосий (fl. V в.)¹ не является оригинальным в смысле создания философских учений². При написании *Комментария на 'Сон Сципиона'* (в котором основное место занимают рассуждения об индивидуальной душе, неразрывно связанные с учением о мироздании³) его первичным материалом служили работы греков. По этой причине, при изучении интеллектуальной традиции Поздней Античности, представляется важным не только выявить те тексты, которые Макробий использовал при изложении представлений об устройстве мира и о нисхождении отдельной души, бытовавшие в его эпоху, но и показать, что именно

¹ Перечень исследований на русском языке о Макробии и о его творческом наследии см.: Петрова М. С., «Макробий и его метод цитирования латинских авторов», *Диалог со временем* (далее, *ДсВ*) (М.: УРСС, 2001), вып. 7, с. 169, примеч. 2; также см. Петрова М. С., «О литературных жанрах Поздней античности (на примере произведений Макробия)», *ДсВ* (М.: УРСС, 2003), вып. 10, с. 332-340.

² Об оригинальности Макробия как латинского автора см. Петрова М. С., «Макробий и его метод...», с. 169-183.

³ Об основных положениях Макробиева учения об индивидуальной душе и о мироздании см. Петрова М. С. «Макробий и его метод...», с. 172 и 179-180; Она же, «Макробий о душе», *Историко-философский ежегодник* (далее *ИФЕ*) '96 (М.: Мартис, 1996), с. 65-68; Она же, «Природа мира в *Комментарии на 'Сон Сципиона'* Макробия», *Философия природы в Античности и в Средние века* (М.: Прогресс-Традиция, 2000) (далее *ФП*), с. 361-366. Наш комментированный перевод рассматриваемых глав *Комментария* (Кн. I, гл. 9-14 и 17; Кн. II, гл. 12-13 и 17) см. в: *ИФЕ* '95, с. 221-230; *ИФЕ* '96 (М.: Наука, 1997), с. 68-97, или см. *ФП*, с. 371-414; (Кн. I, гл. 1-4) см. в: *ИФЕ* '2000 (М.: Наука, 2002), с. 45-61. Латинский текст см. *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis*, ed. I. Willis (Lipsiae, 1963) (далее, Willis).

и как Макробий заимствует из них, насколько он трансформирует полученное знание, точно ли он передает и излагает его. Мы попытаемся определить круг авторов, которым следовал Макробий, укажем на использованные им сочинения, а также выскажем предположения о тех работах, которые Макробий мог читать⁴.

* * *

I

ТЕКСТЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАКРОБИЕМ ЯВНО И ОПОСРЕДОВАННО, А ТАКЖЕ ОКАЗАВШИЕ НА НЕГО ДОКТРИНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ

Макробий и Платон

Среди авторитетных греческих философов, тексты которых Макробий использует, Платон занимает первое место. В *Комментарии* наш автор привлекает материал из диалогов *Федон*, *Федр*, *Горгий*, *Тимей* и трактатов *Государство* и *Законы*⁵. Ниже мы укажем на эти места.

⁴ В настоящей статье будут учтены результаты наиболее значимых работ по этой теме: Н. Linke. "Über Macrobius' Kommentar zu Ciceros Somnium Scipionis", *Philologische Abhandlungen, M. Hertz zum 70. Geburtstag* (Berlin, 1888), p. 240-256; К. Mras, "Macrobius' Kommentar zu Ciceros Somnium", *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Jahrg.* (Berlin, 1933), p. 232-286; P. Courcelle, *Les lettres grecques en occident de Macrobie à Cassiodore* (Paris, 1943) [далее, Courcelle (1943)], p. 20-36, а также перевод этого исследования на английский язык: P. Courcelle, *Late Latin writers and their Greek sources*, trans. by H. E. Wedeck (Cambridge, 1969) [далее, Courcelle (1969)], p. 13-47; J. Flamant, *Macrobie et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle* (Leiden: E. J. Brill, 1977), p. 148-171, 305-350, 382-484, 485-680, 628-636; *Macrobius, Commentary on the 'Dream of Scipio'*, introd., trans. and notes by W. H. Stahl (New-York / London, 1952), p. 3-65; S. Gersh, *Middle platonism and neoplatonism, the latin tradition* (Notre Dame, 1986), v. II, p. 502-522; *Macrobio, Commento al Somnium Scipionis*, Introduzione, testo, traduzione e note a cura di Mario Regali, Biblioteca di studi antichi 38, Lib. I – II (Pisa: Giardini editori, 1983, 1990); *Macrobie, Commentaire au songe de Scipion*, Texte établi, traduit et commenté par M. Armisen-Marchetti, T. I – II (Paris: Les Belles Lettres, 2001, 2003), T. I, p. vii-xc.

⁵ Здесь и далее оригинальные греческие тексты см. *Tesaurus Linguae Graecae*. CD-version (1999) [далее, TLG], или в соответствующих изданиях, указанных нами ниже.

Федон:

62ас; 64а; 67d — утверждение, что философия является размышлением о смерти и приготовлением к умиранию (*Comm.* I, 13, 5⁶);

79с — описание смятения, испытываемого душой при вхождении в тело (*Comm.* I, 12, 7);

110b–114с; 113d — упоминание о бессмертии души и различных местах, уготованных для нее после смерти тела (*Comm.* I, 1, 6). Здесь же Макробий ссылается на диалог **Горгий**: 523a–526d.

Федр:

245с–246а — учение о бессмертии души (*Comm.* II, 13, 6). Макробий мог вычитать это и у Цицерона, который ссылается на Платона⁷;

245с–246а — учение, что душа самодвижущаяся сущность (*Comm.* II, 15, 6).

Государство:

X, 615ab — (воспринятое через Цицерона) учение о том, что души должны претерпеть наказания за проступки, совершаемые ими во время пребывания в телах, и пройти через многие стадии очищения (*Comm.* II, 17, 3);

X, 617b — упоминание о поющих Сиренах, восседающих на вращающихся небесных сферах (*Comm.* II, 3, 1)⁸;

X, 614b–621d — упоминание о рассказе Платона об Эре, возвращенном к жизни (*Comm.* I, 1, 2 и 7).

Тимей:

22с–23с — утверждение, что мир подлежит периодическому разрушению (*Comm.* II, 10, 14);

31b–32с — описание взаимодействия элементов внутри тела мира (*Comm.* I, 6, 23-24 и I, 6, 28-31)⁹;

⁶ Здесь и далее римской цифрой обозначен номер книги *Комментария*, арабские цифры указывают, соответственно, на номер главы и абзаца.

⁷ См. Cic., *Tusc. disp.* I, 53-54; Idem, *De Rep.* VI [*Somm. Scip.*], XXV, 27. См. *Tesaurus Linguae Latinae*. CD-version (1991) [далее, TLL].

⁸ Ср. Procl., *In Remp.* 2, 236-239 — см. Proclus Diadochus, *In Platonis Rem publicam commentarii*, ed. W. Kroll, in 2 vols. (Leipzig, 1899–1901); ср. Plut., *De an.* 1029с — см. *De animae procreatione in Timaeo*, ed. C. Hubert, *Plutarchi moralia*, vol. 6. 1 (Leipzig: Teubner, 1954; repr. 1959); Porph., *Vita Pythag.* XXXI; Procl., *In Tim.* 203E — см. Proclus Diadochus, *In Platonis Timaeum commentaria*, ed. E. Diehl, in 3 vols. (Leipzig, 1903–1906).

⁹ См. пер. Т. А. Уманской (кн. I, гл. 6, фр. 1, 3-5, 7-53, 57-59), в сб.: *Знание за пределами науки* (М.: Республика, 1996), с. 282-288.

34c–35a¹⁰ — замечание о сущности души, делимой и неделимой, *Сотт.* I, 12, 6;

35b–36b — анализ числовой структуры применительно к Мировой душе, *Сотт.* I, 6, 2; I, 6, 4; I, 6, 45; II, 2, 1; II, 2, 14–15; II, 2, 20; II, 2, 22;

39b — о соотношении скоростей движения планет со скоростью света Солнца, *Сотт.* I, 20, 2.

Законы:

X, 894bc (до 895a) — рассуждение о различных видах движения души и телесного мира, *Сотт.* II, 15, 25.

На основании рассмотренных выше текстов можно заключить, что между сочинениями Платона и Макробия имеются явные параллели и везде латинский автор, будучи последователем греческого философа, следует его мысли. В одних случаях Макробий цитирует философа (в переводе с греческого) — таких заимствований немного: три из *Тимея* (I, 6, 28–31; I, 20, 2; II, 2, 15) и одно из *Законов* (II, 15, 25). В других случаях Макробий близко к тексту пересказывает его слова. Так происходит с остальными отрывками из *Тимея* (I, 6, 2; I, 6, 4; I, 6, 23–24; I, 6, 45; I, 12, 6; II, 2, 1; II, 2, 14; II, 2, 20; II, 2, 22; II, 10, 14), строками из *Федона* (I, 13, 5; I, 12, 7), *Федра* (II, 15, 6), *Горгия* (I, 1, 6) и *Государства* (I, 7, 1; II, 3, 1).

Макробий часто упоминает имя Платона (как в рассмотренных нами фрагментах *Комментария*: I, 1, 7; I, 6, 2; I, 6, 23–24; I, 6, 28–31; I, 6, 45; I, 12, 6–7; I, 13, 5; I, 20, 2; II, 2, 1; II, 2, 14–15; II, 2, 20; II, 2, 22; II, 3, 1; II, 10, 14; II, 13, 6; II, 15, 6; II, 15, 25, так и во многих других¹¹), что свидетельствует о том, что латинский автор считает себя его продолжателем. Этим же объясняется и неоднократное упоминание названий сочинений греческого мыслителя: *Государства* (II, 3, 1), *Законов* (II, 15, 25), диалогов *Федр* (II, 13, 6), *Тимей* (I, 6, 2 и I, 6, 4, I, 6, 23–24 и I, 6, 28–31, I, 6, 45; I, 12, 6; I, 20, 2; II, 2, 14; II, 2, 22; II, 10, 14), *Федон* (I, 13, 5; I, 12, 7; I, 1, 6) и *Горгий* (I, 1, 6). Лишь изредка, ссылаясь на диалог *Тимей*, Макробий опу-

¹⁰ У Платона (см. Plat., *Tim.* 35a) душа есть промежуточная сущность, полученная путем смешения делимого и неделимого. Высшая божественная часть души — неделима, проста и неизменяема (как и божество — вечно, неделимо, неизменно). Одновременно душа распространяется по телам, которые делимы. Таким образом, душа также может быть делима, если рассматривать ее в аспекте телесного.

¹¹ См. Willis, *Index Scriptorum*, p. 176–177.

кает его титул (II, 2, 1; II, 2, 20) и не упоминает имени философа (I, 6, 4), что, впрочем, могло быть вызвано либо желанием избежать повторов в собственных ссылках на Платона, либо использованием его текстов через посредство других авторов.

Возможно, какие-то сочинения Платона Макробий читал внимательно, а какие-то только просматривал. В первом случае, излагая учение о мироздании и числовой структуре мира, Макробий заимствует материал из весьма обширной части *Тимея* (22с–39b). Когда он говорит о двух смертях: отдельной души и живого существа¹² (I, 13, 5); о бессмертии души (I, 1, 6); ее смятении при вхождении в тело (I, 12, 7) — то использует *Федон* (62a–113d). Это не случайно. Указанные тексты могли интересовать Макробия прежде всего в доктринальном плане, так как *Тимей* посвящен природе мира, *Федон* — природе души. Во втором случае Макробий использует лишь небольшие и нужные ему отрывки из Платоновых сочинений. Так, чтобы упомянуть о бессмертии Мировой души (II, 13, 6) и ее самодвижущейся сущности (II, 15, 6), ему понадобилось только одно место из *Федра* (245с–246a), в несколько абзацев. То же относится и к *Законам*. Из столь объемного, состоящего из двенадцати книг, произведения Макробий заимствует всего лишь несколько строк из десятой книги (X, 894bc), делая это для того, чтобы сказать о существовании различных видов движения (II, 15, 25). Также он поступает и с *Государством*, используя лишь малую его часть (X, 614b–621d). Так, в самом начале *Комментария* (I, 1, 2 и 7) Макробий упоминает мифологический рассказ побывавшего в загробном мире Эра, указывая на сюжетное сходство этого места *Государства* со *Сном Сципиона*, выбранного им для комментирования. В начале второй книги (II, 3, 1) Макробий пересказывает близко к исходному тексту единственный абзац из той же части Платонова сочинения (X, 617ab). Все это свидетельствует о том, что такие произведения, как *Законы* и *Государство* (возможно, из-за их социально-политической тематики), Макробий рассматривал как второстепенные для себя при написании тех частей сочинения, в которых речь шла о душе и о мироздании, выбирая из них лишь нужный материал.

Макробий использовал тексты Платона и опосредованно. В частности, он включил в свой трактат (II, 17, 3) слова Цицерона

¹² Об этом см. в *Comm.* I, 11, 1–3.

(*Somn.* XXVI, 29) о наложении наказания душам за совершаемые во время нахождения в брэнном теле проступки. Это представление восходит к учению Платона в *Государстве* (X, 615ab), в диалогах *Федр* (249ab) и *Федон* (107e, 108 de). Кроме того, ссылка Макробия (I, 1, 6) на *Федон* (107b–114c) объединена со ссылкой на *Горгий* (523a–526d), а цитата из *Федона* (62c), без указания названия диалога (I, 13, 7-8), сопровождается ссылками на более поздних по отношению к Платону авторов. Так, чуть ниже, в следующем абзаце *Комментария* (I, 13, 9) упоминается Плотин и некие рассуждения о возвращении души (*de animae reditu* — I, 13, 16), которые могут отражать название утраченного трактата Порфирия¹³. Подобное объединение имеет место и во второй книге *Комментария* (II, 3, 15), где Макробий упоминает сразу и Платоновский диалог *Тимей*, и книги Порфирия¹⁴, в которых последний разъясняет «темные места» из диалога Платона.

Таким образом, сложно отделить прямое заимствование Макробия у Платона от опосредованного¹⁵. Вполне естественно, что

¹³ Возможно, речь идет о том трактате Порфирия, который Августин в *О граде божием* (см. Aug., *De civ. dei* X, 29, 1 – X, 30) называет *De regressu animae*. Об этом см. F. Cumont, “Comment Plotin détourna Porphyre du suicide”, *Rivue des études grecques* 32 (1919), p. 113-120; Courcelle (1969), p. 37-40. Однако P. Henry не соглашается с этим утверждением. См. P. Henry, *Plotin et l'occident; Firmicus Maternus, Marius Victorinus, Saint Augustin et Macrobie* (Louvain, 1934) [далее, Henry (1934)], p. 163-182. О возможном использовании Макробием этого трактата Порфирия, см. ниже, с. 260.

¹⁴ Речь идет о работе Порфирия *Комментарий на ‘Тимея’ Платона* (*Commentarius in Timaeum*). Влияние этого произведения на Макробия было подчеркнуто в исследованиях: P. M. Shedler, *Die Philosophie des Macrobius und ihr Einfluss auf die Wissenschaft des christlichen Mittelalters* (Münster, 1916), p. 85, n. 6; Mras, p. 238-251, 261-262, 265-268, 269-273, 281-282; Courcelle (1969), p. 44.

¹⁵ Такое заключение можно подкрепить еще одним доводом: цитата из *Законов* Платона (см. Plat., *Leg.* 671b) включена Макробием и в *Сатурналии* (см. Macr., *Saturn.* II, 8, 4-8). Однако эти же строки текста Платона встречаются и в *Аттических ночах* Авла Геллия (см. Aul. Gel., *Noct. Att.* XV, 2, 3). Кроме того, в *Сатурналиях* Макробий, скорее всего, следует контексту *Застольных бесед* Плутарха (см. Macr. *Saturn.* VII, 1, 13 — Plut., *Quaest. conv.* 613d), а не *Пирю* Платона. Впрочем, все это не мешает говорить и о прямом доступе автора к оригинальным текстам и не доказывает того, что он использовал лишь тексты посредников.

латинский автор V века, каким является Макробий, читая Платона, увязывал его текст с более поздними комментариями на него. На наш взгляд, в рассмотренных выше местах *Комментария* заимствования Макробия большей частью явные.

Макробий и Аристотель

В сравнении с Платоном роль текстов Аристотеля, использованных Макробием в *Комментарии* (II, 14 – 16), весьма ограничена. Ниже мы приведём названия работ греческого философа, которым мог следовать Макробий (сам Макробий их не упоминает), и обратим внимание на контекст рассматриваемых фрагментов из сочинений обоих авторов.

В большей степени заслуживает внимание восьмая книга *Физики* (250b 10 – 267b), в которой Аристотель (критикуя приверженцев Платона, полагающих причиной движения душу, [*Phys.* 265b 30]) излагает учение о природе движения и его видах. Сам Макробий (*Сотт.* II, 14, 2-3) говорит о своём намерении точно передать эту доктрину Аристотеля¹⁶. Однако его парафраз Аристотелевой концепции¹⁷ во многом отличается от учения философа. Особенно

¹⁶ Важно заметить, что метод компоновки и составления собственного произведения характерен не только для Макробия, но и для многих других античных авторов, как греческих, так и латинских. Например, основная часть трактата Ямвлиха *Протрептик* состоит из отрывков Платоновских диалогов (гл. 5-19), которые (гл. 6-12) прерываются (сосредоточенными вокруг темы блаженства и способов его достижения) выдержками из сочинения Аристотеля, вероятно имевшего такое же название. См. Алымова Е. В., «Предисловие переводчика», в кн.: *Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти* (СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 2004), с. 13-15.

¹⁷ Следует указать, что изложение Макробия сопровождается пояснениями, имеющимися в небольшом фрагменте трактата Аристотеля *О душе* (см. *Arist., De an.* I, 3, 406ab). Так, Макробий приводит примеры из него, когда говорит о движении корабля и его пассажиров (*Arist., De an.* 406a 5-10 — *Масг., Сотт.* II, 14, 8), о движении души (*Arist. De an.* 406b 5 — *Масг. Сотт.* II, 14, 30-35). Подобным образом Макробий поступает и в другом месте *Комментария* (см. *Сотт.* II, 4, 3), говоря о палке, «...быстрое движение которой производит в воздухе высокий звук, а медленное движение — низкий. Такое же явление имеет место и в случае с лирой: туго натянутые струны дают высокий звук, а когда они ослабевают, то получается низкий звук» (перевод наш). Ср. *Arist., De an.* II, 8, 419b 20: «...для звука... необходимо... чтобы ударялись твердые тела друг о друга и о воздух. А это происходит всякий раз, когда воздух, получив удар, ос-

ярко это проявляется в перечне доказательств Стагирита, который приводит Макробий (*Comm.* II, 14, 3-35)¹⁸. Очевидно, Макробий хотел представить учение Аристотеля уязвимым для критики, которой он отводит две следующие главы *Комментария* (II, 15 – 16), заимствуя для себя материал не непосредственно у Аристотеля, а у его поздних перелагателей-критиков¹⁹, приверженцев Платона.

Мнение Аристотеля о том, что душа есть *ἐντελέχεια* тела (*De an.* II, 1, 412a, 5-20), было общим местом в эпоху Макробия. Оно включено латинским автором в число других определений души (*Comm.* I, 14, 19)²⁰. Имеется и другой пример. Так, утверждение Макробия, что только строение человеческого тела соответствует божественной природе (*Comm.* I, 14, 9), вновь отражает представление его эпохи. Оно также восходит к Аристотелю, который в трактате *О частях животных* (II, 10, 656a, 7-14) говорит о том, что из всех известных живых существ только человек причастен божественному, поскольку его голова (названная верхней частью), обращена к тому, что во вселенной находится выше, и лишь человек из всех животных стоит выпрямившись.

тается на месте и не распространяется. Поэтому, когда воздух получает быстрый и сильный удар, он производит звук» (пер. П. С. Попова).

¹⁸ Ср. Маср., *Comm.* II, 14, 4-5 — Arist., *Phys.* VIII, 3, 253a–254b; *Comm.* II, 14, 8-13 — *Phys.* VIII, 4, 254b–256a; VIII, 10, 266b и VIII, 4, 254b (ср. Arist., *De an.* I, 3, 406 а 5-10); *Comm.* II, 14, 16-21 — *Phys.* VIII, 5, 256a–258b; *Comm.* II, 14, 22-23 — *Phys.* VIII, 6, 258b–260a; *Comm.* II, 14, 24 — *Phys.* VIII, 7, 261b; *Comm.* II, 14, 25 — *Phys.* VIII, 7, 261b и 5, 257b; *Comm.* II, 14, 26 — *Phys.* VIII, 6, 259b; *Comm.* II, 14, 27 — *Phys.* VIII, 5, 256b–257b; *Comm.* II, 14, 28 — *Phys.* VIII, 5, 256ab; *Comm.* II, 14, 30-35 — *Phys.* VIII, 8, 261b–9, 266a (ср. *De an.* I, 3, 406a).

¹⁹ Подобные сочинения до нашего времени не дошли. Однако они могли быть похожи на те, которые были созданы Марием Викториним (281/91 – п. 363 гг.), который, как и Макробий, был выходцем из Африки. Сам Викторин был не только переводчиком греческих текстов на латинский язык, но и создателем латинской философской терминологии (в частности, им впервые использован греческий термин «силлогизм», который позднее был употреблен и Макробием — см. Маср., *Comm.* II, 13).

²⁰ Ср. Aetius Doxogr., *De plac.*, p. 386 (1) – 389 (8) [ap. Stobaeus, *Ant.* I, 49, 1a (1) – 1b (12)] — см. *Ioannis Stobaei anthologium*, ed. C. Wachsmuth, O. Hense (5 vols.) (Berlin: Weidmann, 1884–1912; repr. 1958), vol. I; Nemesius, *De nat. hom.* II, 2-31. Об источниках этого места см. Courcelle (1943), p. 31; Armisen-Marchetti, I, p. 173; Regali, I, p. 347-350.

Рассмотренные примеры демонстрируют опосредованную зависимость Макробия от Аристотеля. Скорее всего, Макробий пользовался некими промежуточными текстами — как «школьными», содержащими выдержки из Аристотеля²¹, так и (как было показано выше) «критическими изложениями» тех авторов-платоников, которые не были согласны с учением Стагирита. Сам же Макробий вряд ли непосредственно читал труды философа.

Макробий — Плотин и Порфирий

Следующий автор, Плотин (204–270 гг.), используется Макробием в *Комментарии* (II, 12, 7-10) для объяснения того, почему и каким образом душе приписываются человеческие действия.

Макробий цитирует трактат (I, 1, 1; 4-5 и 7) *Что такое живое существо и что такое человек* (τί τὸ ζῷον καὶ τίς ὁ ἄνθρωπος)²². Заголовок Макробий дает в переводе с греческого — *Quid animal, quid homo*²³.

При изложении классификации добродетелей (*Comm.* I, 8, 3-11) Макробий цитирует строки из трактата Плотина *О добродетелях* (I, 2, 1; 3 и 6-7), также указывая его заглавие (περὶ ἀρεθῶν) в переводе на латинский язык — *De virtutibus*.

Трактат Плотина *Об исторжении* (I, 9) Макробий использует при изложении учения о недопустимости самоубийства (*Comm.* I, 13, 9-20), вновь упоминая титул (περὶ ἐξαιωγῆς) в переводе с греческого — *De voluntaria morte*.

Строки из трактата Плотина *О небе* (II, 1, 1 и 3) Макробий цитирует (*Comm.* II, 12, 14-15) без указания заглавия (περὶ τοῦ κόσμου).

²¹ Эти тексты могли быть подобными дошедшим до нашего времени «Учебникам платоновской философии». Название «Учебник» условно, однако, оно отражает реальную тенденцию в школах позднего платонизма: представления учения Платона в виде инструктивной систематической сводки, позволяющей подойти к пониманию учений философа (см. *Учебники платоновской философии* (М.–Томск: «Водолей», 1995), с. 3-6). Очевидно, что существовали и аналогичные школьные тексты учения Аристотеля, которые ныне утрачены.

²² Напомним, что заглавия Платиновым сочинениям присвоил Порфирий, распределив их на шесть девяток — эннеад. Упомянутый Макробием — первый в перечне Порфирия (I, 1, 1).

²³ Мы полагаем, что перевод на латинский язык титулов трактатов Плотина выполнен Макробием, поскольку в более ранних латинских сочинениях такие названия не встречаются.

Парафраз *О круговращении* (II, 2, 1) введен Макробием в *Комментарий* (I, 17, 8-11) при рассмотрении вопроса о вечном круговом движении небесной сферы. Латинский титул (*περὶ τῆς κυκλοφορίας*) отсутствует.

Трактат *О том, что делают звезды* (II, 3, 3 и 10) с указанием заглавия (*εἰ ποιεῖ τὰ ἄστρα* — *Si faciunt astra*²⁴) привлечен Макробием в рассуждение о том, что положение и движение небесных тел влияют на судьбу человека (*Comm.* I, 19, 27).

Очевидно, сочинения Плотина были важны для Макробия²⁵. Свои цитаты латинский автор позаимствовал из наиболее коротких его трактатов и тех, которые Порфирий, систематизируя по собственному выбору, поставил в начале первых двух девяток (см. *Enn.* I, 1, 1; 4-5 и 7; *Enn.* I, 2, 1; 3 и 6-7; *Enn.* I, 9; *Enn.* II, 1, 1 и 3; *Enn.* II, 2, 1; *Enn.* II, 3, 3 и 10). Строка восьмой главы Макробиевого *Комментария* (I, 8, 3) зависит от текста Плотина (I, 2, 1)²⁶, а в тринадцатой главе (I, 13, 9) Макробий дает парафраз трактата *Об исторжении* (I, 9)²⁷.

²⁴ Ср. Macr. *Saturn.* I, 17, 3.

²⁵ См. Flamant, p. 500-502, 504-505; Gersh, p. 543-545. Также см. наши комментарии к переводу указанных глав (см. *выше*, прим. 3, с. 247).

²⁶ Ср. Plot. I, 2, 1: *Τοῦτο δέ, εἰ δίκαιοι καὶ ὄσιοι μετὰ φρονήσεως γυνοίμεθα κ αὶ ὅλως ἐν ἀρετῇ. Εἰ οὖν ἀρετῇ ὁμοιοῦμεθα, ἀρα ἀρετὴν ἔχοντι...* («...такое уподобление произойдет, если мы при помощи рассудительности станем справедливы и благочестивы и будем всецело пребывать в добродетели. Если же добродетель делает нас подобными [Богу], то превращает и в обладающих добродетелью», пер. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова) — Macr., *Comm.* I, 8, 3: *...solae faciunt virtutes beatum, nullaque alia quisquam via hoc nomen adipiscitur...* (...только добродетели делают [человека] блаженным, и никаким иным способом не обрести ему этого имени...).

²⁷ Р. Henry (см. Henry (1934), p. 173) указал на текстуальные параллели между соответствующими пассажами Плотина (I, 9) и Макробия (I, 13, 9), доказывающие прямое использование Макробием текста Плотина. Однако отметим, что сам Плотин, говоря об особой ситуации (например, о помешательстве) принимает самоубийство, а Макробий, напротив, вовсе исключает его. Помимо этого, Макробиева идея, согласно которой душа, насильственно исторгнутая из тела, сильнее привязывается к нему, вероятно принадлежит Порфирию (ср. Porph., *De abstin.* I, 38, 2; II, 47, 1). И на вопрос о том, следовал ли Макробий в этом месте *Комментария* тексту Плотина, возможно ответить так: если и следовал, то находился под влиянием Порфирия. При этом необходимо учитывать, что сам Макробий мог цитировать Плотина через посредство того же Порфирия.

Однако не всегда удастся установить, как Макробий использовал тексты Плотина — прямо или опосредованно. Сложность и неоднозначность решения этого вопроса хорошо демонстрирует зависящее от трактата V, 2, 1, 1-22 Плотина, озаглавленного Порфирием *О становлении и порядке того, что после первичного* (περὶ γενέσεως καὶ τάξεως τῶν μετὰ τὸ πρῶτον), Макробиево изложение учения о трех первых началах: Бог (Prima Causa) – Ум – Душа (Comm. I, 14, 6-7).

*Комментарий I, 14, 6-7 и
Эннеада V, 2, 1, 1-22*

С одной стороны, имеющиеся в обоих текстах лингвистические и доктринальные параллели указывают на прямую зависимость Макробия от Плотина V, 2, 1-21²⁸:

Macr., Comm. I, 14,	Plot., Enn. V, 2,
6: unus omnium... princeps et origo	1, 1: ἀρχὴ γὰρ πάντων
6: superabundanti maiestatis fecunditate... creavit	1, 8-9: οὖν ὑπερεππύη καὶ τὸ ὑπερπλήρες αὐτοῦ πεποίηκεν
6: qua patrem inspicit	1, 10: πρὸς αὐτὸ βλέπον
7: patrem qua intuetur induitur	1, 19-20: ἐκεῖ μὲν οὖν βλέπουσα, ὅθεν ἐγένετο, πληροῦται
7: regrediente respectu	1, 20: προελθοῦσα δὲ εἰς κίνησιν ἄλλην καὶ ἐναντίαν

С другой стороны, при рассмотрении указанного отрывка Макробиевого *Комментария* (I, 14, 7) есть немалые основания говорить об использовании латинским автором дополнительных, более поздних, источников, в которых могли быть изложены те же теории Плотина²⁹. Так, Макробиева концепция души, имеющей разум, чувственное восприятие и способность роста, может быть основана не только на упомянутом трактате Плотина (V, 2, 1, 1-22), но и на других его текстах³⁰. Более того, в этом месте *Комментария* учение латинского автора существенно отклоняется от доктри-

²⁸ См. Henry (1934), p. 187-190; Gersh, p. 518-519 (n. 135).

²⁹ См. Henry (1934), p. 187-190; Gersh, p. 543-544.

³⁰ На дополнительные параллели между Плотиним и Макробием указал S. Gersh. См. Gersh, p. 539 (n. 208); 540-541 (n. 218).

ны Плотина. Это свидетельствует о том, что Макробий интерпретировал слова греческого мыслителя или в свете собственных представлений, или через посредство какого-то другого автора, например, Нумения³¹. Но вероятнее всего, здесь Макробий следовал какому-то другому источнику, в котором учение Плотина и тексты Нумения были объединены³². Быть может, этим источником послужили сочинения упомянутого выше Порфирия, поскольку последний знал работы и того, и другого³³. Сами же Порфириево тек-

³¹ См. Gersh, p. 538, 542-545; J. Bidez, *Vie de Porphyre, Le philosophe néoplatonicien* (Ghent, 1913), p. 132-133; P. Hadot, *Porphyre et Victorinus* (Paris, 1968), p. 87-88. О зависимости Макробия от Нумения см. *ниже*, с. 267-269.

³² См. Gersh, p. 520 (n. 140); R. Beutler, "Porphyrios", *Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft* [далее, *PRkA*] (Stuttgart, 1953), 303; W. Theiler, *Die chaldäischen Orakel und die Hymnen des Synesios* (Halle, 1942), p. 97-100.

³³ О сравнении текстов Плотина, Порфирия и Макробия см. Mras, p. 251-253; 257-258; 260, 262, 273-274; 281-283; Henry (1934), p. 146-192; Courcelle (1943), p. 26-28; Courcelle (1969), p. 32-47; Flamant, p. 399-400; 455-457; 568-573; 590-592; 607-608; 634-635; Stahl, p. 28-29, 36-38; Gersh, p. 508-509 (n. 90-92). Наиболее интересные точки зрения следующие: 1) К. Mras полагает, что главными источниками Макробия были произведения Порфирия и Плотина. Это доказывается следующим: а) Макробий переводит с греческого заголовки, присвоенные Порфирием трактатам Плотина (*Comm.* I, 8, 5; I, 19, 27 и II, 12, 7); б) личная оценка Макробием Плотина как автора «немногословного» (*parcus verborum* — *Comm.* II, 12, 7); в) указания Макробия на различия во взглядах Плотина и Порфирия в отношении вселения человеческой души в тела (*Comm.* I, 9, 5). 2) Р. Henry доказывает влияние Плотина посредством сравнения *Comm.* II, 12 и *Enn.* I, 1 и I, 2, рассматривая указанный пассаж Макробия как перевод текста Плотина. При этом он (также, как и Mras) замечает, что Макробий сам переводит с греческого данные заглавия трактатов Плотина и обращает внимание на оценку Макробием стиля Плотина. Впрочем, анализируя гл. 8 из первой книги, он приходит к выводу, что заимствования сделаны уже у Порфирия, а не у Плотина. 3) Р. Courcelle соглашается с К. Mras и Р. Henry в том, что Макробий внимательно читал Плотина. Однако при рассмотрении *Comm.* I, 13, он подчеркивает, что Макробий заимствует именно у Порфирия. В доказательство он приводит пассаж из трактата Августина *О граде Божием* (см. Aug., *De civ dei* X, 29, 1 и X, 30), в котором Августин пересказывает Порфириево трактат *О возвращении души (De regressu animae)*. Р. Courcelle указывает, что это то же самое место, что и у Макробия и последний заимствует у Порфирия. Разница лишь в названиях трактата: у Макробия — *De animae reditu*, у Августина — *De regressu animae*. В отношении цитаты из

сты, на основании которых Макробий мог обсуждать те же самые темы (и которые, соответственно, могли бы помочь определить его источник) в большинстве случаев утрачены.

Следующий пример подтверждает возможность именно опосредованного использования Макробием текстов Плотина. Так, латинский автор приводит более разработанную классификацию добродетелей (*Comm.* I, 8), по сравнению с таковой у Плотина (I, 2). И в этом месте своего *Комментария* Макробий несомненно следовал Порфириевым *Отправным положениям к умопостигаемому* (*Sent.* XXXII [34])³⁴.

Действительно, сам Плотин вначале говорит только о двух уровнях добродетелей (I, 2, 1-2), противопоставляя «гражданские» более высоким, «очищающим» (I, 2, 3). Затем он, не называя это третьим и четвертым уровнями, рассуждает о том, какой вид приобретают добродетели у человека полностью очистившегося (I, 2, 4-5), и описывает то, что в душе является добродетелью, а в уме — уже не добродетелью, но ее прообразом (I, 2, 6-7) (при этом Плотин дает определения тому, что Порфирий впоследствии назовет «умными» добродетелями и «добродетелями-образцами»). Порфирий (*Sent.* XXXII [34]) дает четкую четверичную классификацию, которую и использует Макробий³⁵. И это единственный случай, когда имеется возможность сравнить тексты Плотина и Порфирия, касающиеся одного и того же вопроса.

Итак, включение Макробием титулов трактатов Плотина в различные места *Комментария*, наличие параллелей между двумя авторами при обсуждении первых начал свидетельствуют о прямом заимствовании Макробием у Плотина. В то же время, есть немало причин говорить и об опосредованном использовании Макробием

Федона, Р. Courcelle полагает, что Макробий читал Порфириевы *Комментарии* на 'Федона' (или *De regressu animae*), в которых должны были содержаться выдержки из Платона. Очевидно, все суждения относительно прямого и непрямого заимствования Макробием у названных выше греческих авторов имеют предположительный характер.

³⁴ См. *Sententiae ad intelligibilia ducentes*, ed. E. Lamberz, *Porphyrus sententiae ad intelligibilia ducentes* (Leipzig: Teubner, 1975). Комментированный перевод В. В. Петрова см. *ИФЕ* 95, с. 233-247.

³⁵ См. Петров В. В., «К публикации фрагментов из *Отправных положений к умопостигаемому* Порфирия», *ИФЕ* 95, с. 231-233, также см. с. 240-241.

текстов Плотина, например, через Порфирия, а также о следовании латинским автором более поздним источникам, утраченным ныне, в которых могли быть изложены и объяснены теории Плотина.

Макробий — Порфирий и Плотин

*Комментарий I, 14, 6-7 и
тексты Порфирия*

На вопрос о степени зависимости Макробия от Порфирия в рассмотренном выше отрывке из *Комментария I, 14, 6-7* при изложении учения Плотина о трех началах, возможно ответить так: текстуальные параллели между Порфирием и Макробием в этом месте отсутствуют. По этой причине в рассмотренных выше фразах влияние Плотина на Макробия кажется более вероятным, а Порфирия — менее вероятным³⁶, хотя сам Порфирий в своих *Отправных положениях* близко следует Плотину (фактически его текст является парафразом Плотина). Но следует также принимать во внимание и то, что в других работах (например таких, как *De regressu animae*³⁷), которые Макробий мог использовать в указанном месте *Комментария*, сам Порфирий в чем-то отклоняется от доктрины Плотина, сочетая свои теософские идеи, взятые из *Халдейских оракулов*, с теми знаниями, которые сам он воспринял от своего учителя³⁸.

У Макробия есть и прямые заимствования у Порфирия. Так, когда латинский автор говорит о различиях между истинным и ложным в снах (I, 3, 17), он, упомянув имя Порфирия, цитирует его текст и называет свой греческий источник «Комментарием». Вероятно, здесь идет речь о (сохранившихся в отрывках) толкованиях Порфирием текстов Гомера, озаглавленных *Гомеровы вопросы*³⁹. Этот текст⁴⁰ Макробий читал очень внимательно, о чем свидетельствуют последние абзацы упомянутой главы (I, 3, 18-20⁴¹).

³⁶ См. Gersh, p. 545-546.

³⁷ См. *выше*, примеч. 13 (с. 252) и 33 (с. 258-259).

³⁸ См. Gersh, p. 545-546; Theiler, p. 7-9.

³⁹ См. Mras, p. 238; Beutler, "Porphyrios", *PRkA*, 299.

⁴⁰ См. *Porphyrii quaestionum Homericarum ad Odysseam pertinentium reliquiae*, ed. H. Schrader (Leipzig: Teubner, 1890), p. 1-134.

⁴¹ В отличие от издателя латинского текста (см. Willis, p. 12), мы считаем, что и далее, в абзаце 20, Макробий, вставив в текст цитату из Вергилия

Следующее заимствование у Порфирия Макробий делает из его *Комментария на 'Тимей'*⁴². Оно касается учения о том, что в основе одушевленных субстанций лежат математические структуры (*Comm.* II, 3, 15 — *In Tim.* fr. 72)⁴³. А из Порфириевой *Жизни Плотина* (14) Макробий вполне мог позаимствовать характеристику для Плотина — *paucus verborum* (*Comm.* II, 12, 7-8)⁴⁴. Кроме того, параллели между Макробием и Плотиним встречаются при изложении материала о мистическом смысле числа четыре (*Comm.* I, 6, 41 — *Vita Pythag.* 20, 27, 14-21)⁴⁵ и при философском рассуждении о боге Либере, отождествлявшемся в эпоху Макробия с Вак-

(*Aep.* II, 604-606), продолжает цитировать слова Порфирия из утраченного *Комментария*. Такой вывод следует не только из содержания абзаца (20) рассматриваемой главы, но и согласуется с методом цитирования Макробием латинских авторов и использования им греческих источников.

⁴² Макробий указывает только титул этого (утраченного ныне) сочинения.

⁴³ Это место из Порфирия цитирует Прокл. См. Procl., *In Tim.* 205E.

⁴⁴ О характеристике "paucus verborum" см. Flamant, p. 571-573; A. C. Lloyd, "The Later Neoplatonists", *The Cambridge History of Later Greek and early Medieval Philosophy*, ed. A. H. Armstrong (Cambridge, 1967), p. 287-293; A. Smith, *Porphyry's Place in the Neoplatonic Tradition. A Study of Post-Plotinian Neoplatonism* (Hague, 1974), p. 5-6; 47 (п. 10). Здесь интересно заметить то, что отдельные фразы Порфирия (далее они подчеркнуты нами) вполне характеризуют и Макробия (с учетом его принадлежности к латинской традиции). Ср. Porph., *Vita Plot.* 14: «Писал [Плотин] обычно напряженно и остроумно, с такой краткостью (*Ἐν δὲ τῷ γράφειν σύντομος...*), что мыслей было больше, чем слов, и очень многое излагал с божественным вдохновением и страстью, скорее возбуждая чувства, нежели сообщая мысль. В сочинениях его присутствуют скрытно и стоические положения, и перипатетические, особенно же много аристотелевских, относящихся к метафизике; не укрывалась от него никакая проблема ни из геометрии, ни из арифметики, ни из механики, ни из оптики, ни из музыки, хотя сам он этими предметами никогда не занимался. При занятиях читались ученые записки или из Севера, или Крония, или Нумена, или Гая, или Аттика, а из перипатетиков — Аспасия, Александра, Адраста и прочих, кого случится. Но из всего этого он ничего не вычитывал прямо, а всегда по-своему, с переработкой и ссылаясь в исследованиях на мнения Аммония; а потом, быстро насытившись чтением и в немногих словах уделив внимание глубоким проблемам, он вставал с места. И когда ему однажды прочли что-то из книги *О началах* Лонгина Филархея, он сказал: "Филолог Лонгин хороший, философ же никакой!"... (пер. М. Л. Гаспарова).

⁴⁵ См. Courcelle (1969), p. 36-37.

хом (*Comm.* I, 12, 7-12 — *In Phaed.* 84, 21 – 85, 25⁴⁶). О зависимости Макробия от Порфирия при изложении классификации добродетелей уже было сказано выше⁴⁷.

Ниже приводится перечень работ Порфирия⁴⁸, которые Макробий мог использовать при написании рассматриваемых нами разделов *Комментария*. Указаны лишь те работы, в отношении которых установлено текстуальное или смысловое совпадение:

Porph.	Мастр.
<i>Quaestionum Homericarum ad Odysseam pertinentium reliquiae</i>	<i>Comm.</i> I, 3
<i>In Platonis Politeia commentaria</i>	<i>Comm.</i> I, 1, 6-7; I, 2; I, 3; I, 12, 3
<i>Sententiae ad intelligibilia ducentes</i>	<i>Comm.</i> I, 8, 3-12
<i>Peri Stygos</i>	<i>Comm.</i> I, 9, 5; I, 10 – I, 12 (в основном)
<i>De antro nympharum</i>	<i>Comm.</i> I, 12, 1-2
<i>In Platonis Phaedonem commentaria</i>	<i>Comm.</i> I, 12, 7
<i>De regressu animae</i>	<i>Comm.</i> I, 13; I, 14, 19-20
<i>In Platonis Timaeum commentaria</i>	<i>Comm.</i> I, 11, 3-11; I, 12, 12; I, 12, 14; I, 17, 14
<i>Peri agalmaton</i>	<i>Comm.</i> I, 17, 15
<i>Peri psyches</i>	<i>Comm.</i> II, 13, 9-16; II, 13, 26; II, 15, 6-10

⁴⁶ Этот фрагмент сохранился у Олимпиодора. См. *In Platonis Phaedonem commentaria* (ed. L. G. Westerink); *The Greek commentaries on Plato's Phaedo*; vol. 1: *Olympiodorus* (Amsterdam: North-Holland, 1976). Также см. Beutler, "Porphyrios", *PRkA*, 280; Courcelle (1969), p. 42.

⁴⁷ Об использовании Макробием текстов Порфирия свидетельствуют и *Сатурналии*. Так, Макробий (см. *Saturn.* I, 17, 70), ссылаясь на Порфирия, говорит о том, что Минерва обозначает силу Солнца, дающего способность разума человеческим умам. С большой степенью вероятности можно предположить, что в этом месте *Сатурналий* Макробий заимствует из работы Порфирия, озаглавленной *Солнце*. Такое предположение основано на аналогичной ссылке Сервия, имеющей место в его *Комментарии на 'Буколики'*. В этом месте, тематически схожем с упомянутым пассажем из Макробиевых *Сатурналий* (I, 17, 70), Сервий не только упоминает имя Порфирия, но и приводит название его работы — *Sol.* См. Serv., *In Bucol.* 5, 66: *Sed constat secundum Porphyrii librum, quem Solem appellavit...* См. Courcelle (1969), p. 30-31; Flamant, p. 655-668.

⁴⁸ См. Stahl, p. 34-35 (с учетом анализа выводов, полученных К. Mras, P. Henry, P. Courcelle). См. также Beutler, "Porphyrios", *PRkA*, 279-313.

Свидетельства опосредованного использования Макробием текстов Порфирия таковы. Во-первых, в *Комментарии* на ‘Сон Сципиона’ (I, 2, 4-18) содержатся приводимые Порфирием опровержения эпикурейцами Платоновского учения о назначении мифа. Схожий источник цитируется Проклом (современником Макробия) в его *Комментарии* на ‘Государство’ Платона (II, 105, 24-109, 3)⁴⁹. Во-вторых, описание Макробия (*Сотт.* II, 10, 5-16) творческой и неизменяемой природы мира, восходящее к работам Порфирия, также встречается у Прокла в *Комментарии* на ‘Тимей’ (I, 382, 12-383, 1) и у более позднего, по сравнению с Макробием, автора — Иоанна Филопона (fl. 540–560 гг.), в сочинении *О вечности мира против Прокла* (*De aeternitate mundi* VI, 14, 164, 18–168, 6)⁵⁰, что может свидетельствовать об общем для всех них источнике.

Таким образом, несмотря на то, что Макробий не часто упоминает имя Порфирия (е. г. *Сотт.* I, 8, 5 и I, 19, 27), его заимствования из Порфириевых работ весьма обширны⁵¹. При этом также сложно (как и в случае с Плотиним) разделить прямые заимствования Макробия у Порфирия от опосредованных, что связано с тем, что большая часть текстов Порфирия утрачена⁵².

При рассмотрении вопроса о возможном доктринальном влиянии Порфирия на Макробия следует обратить внимание на то место из *Комментария* (I, 6, 8), в котором Макробий описывает монаду и которое, применительно к первопринципам, возможно интерпретировать двумя способами.

Так, слова Макробия:

...ad summum refertur deum eiusque intellectum a sequentium numero rerum et potestatum sequestrat, —

⁴⁹ См. Mras, p. 236-237; Courcelle (1969), p. 34; Flamant, p. 159-162.

⁵⁰ См. Mras, p. 269-273; A. Sodano, “Quid Macrobius de mundi aeternitate senserit quibusque fontibus usus sit”, *L’Antiquité classique* 32 (1963), p. 54-55; Péripin, p. 86-89; Flamant, p. 629-633.

⁵¹ Похожим образом Макробий поступает и с латинскими текстами, например, с Лукрецием. См. нашу статью «Макробий и его метод...», с. 176-179.

⁵² См. Courcelle (1969), p. 32-44. Современные исследователи традиционно подчеркивают зависимость Макробия от Порфирия. Это происходит еще и по той причине, что временной промежуток между Порфирием (который умер в 305–306 гг.) и Макробием составляет чуть более ста лет и необходимость в посреднике могла отсутствовать.

с одной стороны, можно понять так:

...она [Монада] обращена к высшему Богу и отделяет его ум от числа вещей и сил, следующих за ним⁵³.

Согласно такой интерпретации первый принцип может быть классифицирован как Ум; в результате чего первое и второе начала объединяются⁵⁴.

Такое важное отличие Макробия от философской системы Плотина могло иметь соответствия в каких-то текстах Порфирия⁵⁵, а также в сочинениях римского комментатора Мария Викторина⁵⁶ и греческого философа Синесия из Кирены (365/70 – 413/4), находившихся под влиянием Порфирия. Возможно, это своеобразие трактовки Макробием первопринципов отражает результат Порфириевых попыток интерпретировать *Халдейские оракулы* в рамках теории Плотина. При этом Порфирий мог обратиться и к текстам Нумения⁵⁷.

С другой стороны, эти строки можно понимать иначе, а именно:

...она [Монада] обращена к высшему Богу и отделяет [наше] понимание его [самого] от [понимания] числа вещей и сил, следующих за ним,

поскольку словосочетание *eiusque intellectum*⁵⁸ может означать и «его понимание», т. е. «ум Бога» и наше «понимание его», т. е. мысль о Боге. Таким образом, в этом месте Макробиевского *Комментария* (I, 6, 8-9)⁵⁹ можно прочитать:

⁵³ См. Theiler, p. 6-7; Flamant, p. 330-331.

⁵⁴ Согласно учению Плотина, только второе начало может быть названо Умом (*νοῦς*).

⁵⁵ Относящиеся к этому вопросу тексты Порфирия могли быть: *De regressu animae* и *Commentarius in Parmenidem*. См. Hadot, p. 461-478; Gersh, p. 547 (n. 239).

⁵⁶ См. выше, примеч. 19 (с. 254).

⁵⁷ В *Халдейских Оракулах* и в текстах Нумения первые два начала относились к уму. См. Hadot, p. 98, 122-140, 255-272, 482-485; Gersh, p. 547 (n. 240).

⁵⁸ См. Gersh, p. 525, 547.

⁵⁹ См. Macr., *Comm.* I, 6, 8-9: haec monas initium finisque omnium, neque ipsa principii aut finis sciens, ad summum refertur deum eiusque intellectum a sequentium numero rerum et potestatum sequestrat, nec in inferiore post deum gradu frustra eam desideraveris. haec illa est mens ex summo enata deo, quae vices

Эта Монада, будучи началом и концом всех [вещей], сама не знает ни начала, ни конца; она обращена к высшему Богу и отделяет [наше] понимание его [самого] от [понимания] числа вещей и сил, следующих за ним; и не напрасно ты желаешь отвести ей низшую после Бога ступень. Ведь она есть Ум, рожденный от высшего божества, она, неподверженная действию времени, всегда пребывает в той единственной вечности, сосуществуя с ней; и поскольку она неисчислима, хотя является единицей, однако сама она творит из себя и в себе содержит бесчисленные виды родов [вещей]. В самом деле, поразмыслив, ты обнаружишь, что эта Монада соотносима с Душой [Мировой]. Ведь Душе чуждо соприкосновение с материальной сумятицей [чувственного мира]...

Согласно такой интерпретации первое начало не может быть понято в качестве Ума. И тогда сохраняется разделение между первым и вторым первопринципами⁶⁰.

Поскольку у Макробия это единственное место, которое, скорее всего, отражает формулировку Порфирия, и при этом имеет место двусмысленность, не следует говорить о доктринальном влиянии Порфирия на Макробия. По всей видимости, при заимствовании этого пассажа у греческого автора, Макробий не вдавался в тонкие различия между началами.

Макробий — пс.-Ямвлих и Никомах из Герасы

Непосредственное отношение к Макробиевому изложению учения о трех началах, лежащих в основе мироздания, имеет аритмологический раздел *Комментария на 'Сон Сципиона'* (I, 5 – 6)⁶¹. Для его написания Макробий, скорее всего, использовал приписы-

temporum nesciens in uno semper quod adest consistit aevo, cumque utpote una non sit ipsa numerabilis, innumeras tamen generum species et de se creat et intra se continet. inde quoque aciem paululum cogitationis inclinans hanc monada reperies ad animam referri. anima enim aliena a silvestris contagione materiae, tantum se auctori suo ac sibi debens, simplicem sortita naturam, cum se animandae immensitate universitatis infundat, nullum init tamen cum sua unitate divortium. vides ut haec monas orta a prima rerum causa usque ad animam ubique integra et semper individua continuationem potestatis obtineat.

⁶⁰ См. Gersh, p. 547.

⁶¹ См. F. Robbins, "The Tradition of Greek Arithmology", *Classical Philology* 16 (1921), p. 97-123; Mras, p. 238-251; Flamant, 307-308; 348-349.

ваемый греческому философу Ямвлиху (fl. III в.) трактат *Теологумены арифметики*⁶². Отдельные утверждения Макробия представляют собой латинский перевод определений из *Теологумен*. Кроме того, порядок изложения у Макробия тот же, что и у пс.-Ямвлиха. Для примера укажем на те места из работ обоих авторов, в которых говорится:

	Macr., <i>Comm.</i> I, 6,	ps.-Iambl., <i>Theol. arithm.</i>
— о монаде, как о мужском и женском [начале];	7: ...mas idem et femina...	(p. 4, 1): ...ἀρσενὸθῆλυν...
— о промежуточном между элементами, в данном случае между воздухом и огнем, который называется Покорностью;	36-39: ...intersitia... inter aerem vero et ignem Oboedientia...	(p. 67, 2-4; 10): ...αἰ μεταξύττητες... μεταξὺ δὲ ἀέρος καὶ πυρὸς Πειθώ...
— о числе «семь», которое у древних называлось <i>σεπτὰς</i> [священным], которым именем греки выражали свое почтение этому числу.	45: ...apud veteres enim <i>σεπτὰς</i> vocitabatur, quod Graeco nomine testabatur venerationem debitam numero...	(p. 57, 13-15): ...τὴν ἑπτὰσα οἱ Πυθαγόρειοι... σεβασμοῦ φασιν ἀξίαν· ἀμέλει σεπτάδα προσηγόρευον αὐτήν... ⁶³

На вопрос, следует ли Макробий только пс.-Ямвлиху, или же оба автора используют один и тот же более ранний источник⁶⁴, не представляется возможным ответить однозначно. Сравнение двух текстов позволяет сделать лишь предварительные выводы. Действи-

⁶² См. [Iamblichi] *theologoumena arithmeticae*, ed. V. de Falco (Leipzig: Teubner, 1922), или см. TLG. См. также пер. В. В. Бибихина, в кн.: Лосев А. Ф., *История античной эстетики*. Т. 7. *Последние века* (М.: «Искусство», 1980), с. 480-508.

⁶³ См. Flamant, p. 308-309; Gersh, p. 514 (n. 114). Возможно, у Макробия имеется еще одно заимствование у пс.-Ямвлиха (*Comm.* I, 6, 65-76 — *Theol. Arithm.*, p. 62, 8-21; 68, 7) — там, где он говорит о соотношении числа 7 с этапами развития человека.

⁶⁴ Этот вопрос не раз обсуждался исследователями. В частности, ряд текстуальных совпадений показаны Н. Linke: *Quaestiones de Macrobiani 'Saturnaliorum' fontibus*, Diss. (Breslay, 1880), p. 46-51; Gersh, p. 513-514.

тельно, с одной стороны, в Макробиевом *Комментарии* имеется ряд положений, содержащихся в *Теологуменах*, но с другой стороны, материал изложен Макробием более полно по сравнению с трактатом пс.-Ямвлиха. Таким образом, вполне вероятно, что Макробий использовал ранние тексты (один или два), объединенные позднее в один. Если допустить, что это так, то подобная работа, по всей видимости, принадлежала Никомаху из Герасы (ок. 100 н. э.), чей трактат по аритмологии мог лечь в основу для рассуждений Макробия⁶⁵.

Макробий и Нумений

Среди греческих авторов, у которых Макробий, скорее всего, заимствует опосредованно, важное место занимает упомянутый выше Нумений. Макробий обращается к нему при обсуждении темы нисхождения души с небес (*Сомн.* I, 11, 10 – I, 12, 18). Однако он не упоминает ни имени философа, ни названий его работ.

Вывод о заимствовании Макробием у Нумения, который соединяет мифологию Гомера (*Od.* XIII, 102-112; XXIV, 12-13), философию Платона (*Resp.* X, 614b – 621d) и астрологию, возможно сделать на основании анализа схожих мест, имеющих в тексте самого Макробия (*Сомн.* I, 11, 10 – I, 12, 18), а также Порфирия (*О пещере нимф* 21 – 24⁶⁶ и 28⁶⁷) и Прокла (*Комментарий на 'Государство'* II, 128, 26 – 130, 14; II, 131, 8-14⁶⁸), что подразумевает наличие общего источника, которым и мог быть Нумений.

Отдельные (реконструируемые) положения учения Нумения (fr. 31-32 и fr. 35)⁶⁹, отчасти воспринятые Макробием (*Сомн.* I, 12, 1-4), таковы:

⁶⁵ См. M. L. d'Ooge, F. E. Robbins, L. C. Karpinsky, *Nicomachus of Gerasa, Introduction to Arithmetic with Studies in Greek Arithmetic* (N. Y., 1926), p. 83 sqq.

⁶⁶ Num., fr. 31. См. Numénius, *Fragments*, ed. É. des Places (Paris: Les Belles Lettres, 1973), p. 81-83.

⁶⁷ Ibid., fr. 32, p. 83.

⁶⁸ Ibid., fr. 35, p. 85-87.

⁶⁹ Все исследователи соглашаются с тем, что Макробий использовал тексты Нумения при изложении учения о нисхождении души. Однако их мнения в отношении деталей этого заимствования различны. См. H. de Ley, *Macrobius and Numenius. A Study of Macrobius, 'In Somn.'* I, c. 12 (Bruxelles, 1972), p. 15-61. На русском языке см. Мельников С. А., *Философские воззрения Нумения Аппамейского* (М.: Издат. «Современные тетради», 2003), с. 110-113.

- На небе есть две особые области: это созвездие Рака на севере и созвездие Козерога на юге (ср. *Comm.* I, 12, 1-4); через них души, соответственно, нисходят [на Землю] и восходят [обратно на небо]⁷⁰.
- И Рак, и Козерог ограничивают Млечный Путь с двух сторон.
- И Рак, и Козерог являются двумя тропиками Солнца; точки летнего и зимнего солнцестояния называются «воротами солнца (ἡλίου πύλαι)»⁷¹.
- Существует соотношение между созвездиями Зодиака и планетами, в зависимости от их различного расстояния от Земли⁷².
- Освобожденные от телесной оболочки души собираются вдоль Млечного пути, который ограничивается с двух концов созвездиями Рака и Козерога, что называется «царством сновидений (δῆμος ὀνείρων)».

Очевидно, имеется достаточно схожих положений между учением Нумения и натурфилософскими и психологическими разделами из *Комментария* Макробия. Но на вопрос, заимствовал ли Макробий у Нумения прямо или опосредованно, следуя его поздним перелагателям, не представляется возможным дать ответ⁷³. На наш взгляд, здесь имеет место именно опосредованное заимствование, поскольку в учении Нумения содержатся моменты, отсутствующие в *Комментарии* Макробия⁷⁴. Более достоверным пред-

⁷⁰ Эти идеи содержатся во всех трех фрагментах (31, 32 и 35) Нумения. Они основаны на текстах Гомера (*Od.* XIII, 102-112; XXIV, 12-13 — см. примеч. 71). Учение Нумения также включает в себя отдельные положения, заимствованные им из текста Платона (*Resp.* X, 614b – 621d), которых нет у Макробия, а именно: 1) место Судьи для освобожденных от телесных оболочек душ находится между небом (т. е. сферой неподвижных звезд) и подлежащим миром (семь планетарных сфер)... 2) путешествие освободившейся души длится 12 дней от центра Земли (т. е. через саму землю, воду, воздух и семь планетарных сфер) к сфере неподвижных звезд.

⁷¹ Эти идеи, основанные на двух отрывках из *Одиссеи* Гомера (см. *Od.* XIII, 109-112; XXIV, 12-13), содержатся во всех указанных фрагментах (31, 32 и 35) Нумения, реконструированных по текстам Порфирия и Прокла. См. Gersh, p. 590-592. См. также E. A. Leemans, *Studie over den Wijsgeer Numenius van Apamea met Uitgave der Fragmenten* (Brussel, 1937), p. 147-152.

⁷² Это имеет место лишь во втором фрагменте (32) Нумения.

⁷³ См. Gersh, p. 592; также см. p. 516-517 (n. 129), 518 (n. 130-131).

⁷⁴ Более точный ответ требует дополнительного исследования. В частно-

ставляется влияние текстов Нумения на Макробия в доктринальном отношении, на что указывает сюжетное сходство.

Макробий и Плутарх⁷⁵

Плутарх (46–119) и его тексты несомненно оказали на Макробия влияние⁷⁶. Здесь речь пойдет о двух естественнонаучных трактатах — *О первичном холоде* и *О лике, видимом на диске Луны*⁷⁷.

Так, при описании земли, отторгнутой на край мира и представляющей собой сгусток льда (*Comm.* I, 22, 6)⁷⁸, Макробий, скорее всего, обращался к трактату Плутарха *О первичном холоде* (19

сти, необходимо определить, излагает ли Макробий это учение, опираясь лишь на текст Нумения, и не следует ли он работам Порфирия. Если Макробий использует тексты Порфирия, то какие именно: только трактат *О пещере нимф* (см. Mras, p. 255; J. Pépin, “La fortune du ‘De Antro Nympharum’ de Porphyre en Occident”, *Plotino e il Neoplatonismo in Oriente in Occidente* (Roma, 1974), p. 527-530) или еще и *Комментарии на ‘Государство’* (см. H. de Ley, p. 15-25; Flamant, p. 552) и *Комментарий на ‘Тимей’* (Leemans, p. 47-48; Elferink, p. 4-5; 40), которые были хорошо известны латинскому автору (об использовании Макробием всех упомянутых сочинений см. Sourcelle (1969), p. 41-42). Однако этот вопрос не может быть решен однозначно из-за отсутствия самих текстов Нумения, фрагменты которых реконструированы по сочинениям поздних авторов, в числе которых и сам Макробий.

⁷⁵ В основе настоящего раздела лежит часть нашего доклада, посвященного анализу источников психологического сюжета Макробиевого *Комментария*, прочитанного в 1998 г. в Великобритании (г. Лидс).

⁷⁶ Подтверждением тому, что тексты Плутарха оказали на Макробия значительное влияние служит и тот факт, что VII книга *Сатурналий* содержит множество заимствований из *Застольных бесед* (несмотря на то, что имя Плутарха Макробий упоминает в ней только один раз — см. *Saturn.* VII, 3, 24).

⁷⁷ Комментированные переводы указанных трактатов см. *ФП*, с. 103-121 и 132-183. Также см. Рожанский И. Д., «Физические воззрения Плутарха», *ФП*, с. 91-102; Петрова М. С., «Природа души и мира в диалоге Плутарха ‘О лике, видимом на диске Луны’», *ФП*, с. 122-131.

⁷⁸ См. *Macr. Comm.* I, 22, 6: ...iam vero quod de omni silvestri tumultu vastum, impenetrabile, densetum, ex defaecatis abrasum resedit elementis, haesit in imo, quod demersum est stringente perpetuo gelu, quod eliminatum in ultimam mundi partem longinquitas solis coacervavit... (...от всего материального беспорядка остался мертвый, непроницаемый сгусток, выпавший вниз осадок от очистившихся элементов, погруженный в оцепенение вечной мерзлоты. Выброшенный в крайний предел мира, он скопился в силу удаленности от солнца. То, что затвердело подобным образом, получило название Земли... — перевод наш).

[953E – 954])⁷⁹, в котором изложено, почему это происходит. К тому же, представление о том, что стихия земли — субстанция холода, до Плутарха не встречается⁸⁰.

В *Comm.* I, 11, 4-11 Макробий приводит различные платонические теории о границах царства смерти. В частности, он говорит о двух группах платоников, одни из которых полагали, что преисподняя находится между Луной и Землей (I, 11, 6), что Луна — граница жизни и смерти (I, 11, 5), на которой есть пристанище для душ (I, 11, 7) и что Луна дает телам способность роста (I, 11, 7; I, 12, 14); другие — считали, что Луна — это иная Земля (I, 11, 8). Сам Макробий не излагает такие представления подробно и приводит лишь выводы, дабы, как сам говорит, не вызвать отвращения пространным изложением (I, 11, 7).

При написании этого раздела *Комментария* Макробий, вероятно, следовал диалогу Плутарха *О лике, видимом на диске Луны*. Это произведение Плутарха (единственное из ныне известных греческих работ на эту тему) могло послужить одним из источников Макробия⁸¹. К тому же, в упомянутой работе Плутарха приводятся именно такие «пространные рассуждения», которых стремится избежать Макробий.

* * *

⁷⁹ Ср. Plut., *De primo frig.* 953E: ὅθεν ἢ μὲν ἐν βάθει γῆ πάγος ἐστὶν ὡς εἰπεῖν καὶ κρύσταλλος ἅπασα ἃ τὸ γὰρ ψυχρὸν ἄκρατον οἰκουρεῖ καὶ ἀμάλακτον ἀπεωσμένον ἐκεῖ τοῦ αἰθέρος ἀπωτάτωρ («Именно поэтому на большой глубине земля оказывается... сплошной скалой и льдом, потому, что там обитает неодолимый жестокий холод, отстоящий дальше всего от [области] эфира», пер. И. Д. Рожанского).

⁸⁰ См. W. Helmbold, “Introduction, in *On the Principle of Cold*”, *Plutarch's Moralia* XII (Cambridge, MA, Harvard University Press, 1984), p. 227.

⁸¹ Положения, которые мог использовать Макробий таковы: Луна — существо одушевленное и производящее (*De facie* 943F); возможное существование обитателей на Луне (*Ibid.*, 940CD); нахождение Луны между Солнцем и Землей, смешанная природа Луны (*Ibid.*, 943E); последнее место Земли [во вселенной], ее подчиненное положение (*Ibid.*, 945C); Земля — отстой и подонки вселенной (*Ibid.*, 940E); Луна — Земля, Аид и Тартар — на Земле (*Ibid.*, 940F). См. *De facie in orbe lunae*, ed. M. Pohlenz, *Plutarchi moralia*, vol. 5. 3 (Leipzig: Teubner, 1960).

Таким образом, из греческих авторов у Макробия, при написании рассматриваемых здесь разделов *Комментария*, на первый план выступают Платон, Плотин, Порфирий, пс.-Ямвлих, Никомах из Герасы и Нумений. Как было показано, отделить прямые заимствования, сделанные Макробию у них, от опосредованных не представляется возможным. И это связано не только с тем, что время жизни Макробия и Платона разделяет промежуток в девять столетий, но и с тем, что многие сочинения его последователей, более близких Макробию хронологически, дошли до нас либо во фрагментах, либо не дошли вовсе. Очевидно одно: Макробий, будучи платоником и придерживаясь этой традиции, пытался следовать мысли Платона, находясь под его влиянием. При этом особенности и тонкости учения самого Платона, а также уточнения и пояснения мысли философа, сделанные его приверженцами (например, Плотин и Порфирием), Макробия не интересовали. По этой же причине Макробий не использует тексты Аристотеля и, говоря о его учении, привлекает лишь школьные или критические переложения его работ.

Как представляется, в большинстве случаев Макробий поверхностно читал или просматривал греческие тексты, что было типичным для римских интеллектуалов, в отличие от настоящего философствования греков, живших и работавших в одно и то же с Макробию время⁸². Сказанное выше не отменяет значимости Макробия как энциклопедиста и транслятора греческого знания в эпоху Поздней Римской империи, а его сочинение свидетельствует о существовании стойкой интеллектуальной традиции, которую можно назвать «латинской». При этом Макробий не был слепым и бездумным имитатором. Его оригинальность и самостоятельность проявляются, помимо прочего, и в том, с какой легкостью он соединяет разнородные источники, приспособляя их для целей своего изложения и облекая в доходчивую форму.

Говоря о существовании латинской традиции, направленной на упрощение, конспективное изложение и популяризирование греческого знания, следует учитывать большое число доступных в ту эпоху для римлян греческих текстов, служивших им интеллекту-

⁸² В пример можно привести метод работы Прокла, составившего *Комментарий на 'Тимей'* примерно в одно и то же время с Макробию.

альным фоном. Можно предположить, что в *Комментарии* Макробий часто опускал детали той или иной греческой концепции не только по причине нежелания вызвать скуку у читателя пространным изложением того или иного учения (е. г. I, 11, 7; II, 12, 8), но и потому, что рассматриваемые им теории были хорошо известны в его время.

Применительно к отмеченному выше интересен *Комментарий на пифагорейские 'Золотые стихи'*⁸³ ученого-философа Гиерокла (fl. перв. пол. V в.), принадлежащего к Александрийской школе. Это произведение можно позиционировать и в качестве разъясняющего мысль латинского автора.

II⁸⁴

ТЕКСТЫ, РАЗЪЯСНЯЮЩИЕ МЫСЛЬ МАКРОБИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГИЕРОКЛА)

Прежде, чем говорить о сочинении Гиерокла применительно к изложению Макробия, следует напомнить, что оба автора — и Макробий, и Гиерокл — современники и язычники. Сочинения обоих являются комментариями⁸⁵, и оба автора принадлежат одной интеллектуальной традиции.

Предметом нашего рассмотрения являются тематически схожие фрагменты (этика, метемпсихоз, природа мира и человека) из

⁸³ См. *In aureum carmen*, ed. F. G. Köhler, *Hieroclis in aureum Pythagoreorum carmen commentarius* (Stuttgart: Teubner, 1974). При цитировании текста Гиерокла использован перевод И. Ю. Петер.

⁸⁴ В основу настоящего раздела положены материалы нашего доклада «Совпадение или заимствование: Гиерокл и Макробий», прочитанного на конференции в 2000 г. См. *Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. 20-22 ноября 2000 г.* (М.: ИВИ РАН, 2000), с. 48-53.

⁸⁵ Отметим, что в Античности традиционно комментировались либо тексты, авторы которых рассматривались как носители божественной мудрости — Гомер, Платон, Ямвлих), либо тексты авторитетные с точки зрения человеческой мудрости (Аристотель, Плотин). Гиерокл комментирует пифагорейские *Золотые стихи*, которые относятся к сакральной литературе. На этом фоне Макробиев *Комментарий* выглядит необычно, так как для комментирования им выбрано светское произведение Цицерона — автора авторитетного, но не наделенного в традиции божественной мудростью. При этом методы у Макробия те же, что присущи комментаторам сакральных текстов.

их текстов. Выявленные в данном случае смысловые параллели не следует рассматривать как общие места, присущие многим греческим авторам, поскольку здесь становится важным то, как оба автора строят свое изложение и каким образом они компонуют материал⁸⁶. Кроме того, немалый интерес представляют и детали той или иной концепции.

Этика

В этической части и у Гиерокла, и у Макробия сильна стоическая составляющая. Оба автора рассматривают четыре основные добродетели (Масг. I, 8, 4-11; Нieg. 35), ориентируя читателя на праведный образ жизни. Цель праведности — уподобление богу (Нieg. 5) и обретение истинного блаженства (Масг. I, 8, 12). Только добродетели могут помочь в этом (Масг. I, 8, 3; Нieg. 5).

Как было показано выше, для латинского автора, каким является Макробий, характерны упрощение и конспективность греческого знания. Он лишь излагает классификацию добродетелей и перечисляет их свойства в каждом из классов, кратко говоря об их пользе (Масг. I, 8, 5-10). Гиерокл, напротив, дает подробное описание того, каким принципам надлежит следовать человеку в стремлении к праведному образу жизни; описывает функции благоразумия и его преимущества (Нieg. 63) над неразумием.

Оба автора говорят о том, что гражданские добродетели делают человека и благородным (Нieg. 6), и блаженным (Масг. I, 8, 12), указывая на пути и способ достижения этого, ориентируя читателя на познание самого себя (Масг. I, 9, 2; Нieg. 107). У Гиерокла познавшие себя освобождаются от смертных страстей (Нieg. 107); но если познать существующее так, как оно создано самим богом, то возможно достичь божественного подобия (Нieg. 94). По Макробию, блаженным может стать лишь тот, кто, познавая самого себя (Масг. I, 9, 2), обращается к своему первоисточнику и началу (Масг. I, 9, 3).

И Макробий, и Гиерокл полагают, что далеко не всем людям возможно уподобиться богу и достичь блаженства. У Гиерокла лю-

⁸⁶ Например, и у Гиерокла, и у Макробия этическая часть, т. е. учение о добродетелях и их видах, служит своеобразным вступлением к изложению учений о переселении души и о природе мира.

безен богу только мудрец, который жертвует собой и превращает душу в божественный образ, готовит свой ум, как храм, для принятия божественного света — все это свойственно лишь прошедшей очищение разумной душе (Ниг. 13). У Макробия «очищающие» добродетели присущи лишь тем, кто способен к восприятию божественного (Масг. I, 8, 8), т. е. философам, поскольку только они являются блаженными (Масг. I, 8, 3). Оба автора полагают необходимым следовать добродетелям, которые нужны для того, чтобы удержаться от пороков (Ниг. 34). Для них совесть — судья, терзающая за проступки, она приводит каждого к бегству от постыдного, ограждает от пороков (Ниг. 34), именно она изводит и истязает за допущенное злодеяние (Масг. I, 9, 12).

Метемпсихоз

Учения Макробия и Гиерокла о перемене отдельной душой разных тел также во многом перекликаются. У обоих авторов они содержат элементы пифагорейской доктрины, которые восприняты каждым из них через чтение промежуточных авторов: у Гиерокла — только греческих, у Макробия — еще и латинских.

И Макробий, и Гиерокл говорят о том, что душа имеет отношение к божественному началу, она есть бог (или подобна богу). У Гиерокла человеческие души — смертные боги, ибо они то погибают для блаженной жизни, оставляя бога и отправляясь в изгнание, то оживают для блаженства, возвращаясь к нему (Ниг. 9). У Макробия отдельная душа подобна творцу, отчего она именуется богом (Масг. II, 12, 11). Оба автора считают, что душа бессмертна и существует вечно.

Гиерокл пишет, что «...душа не умирает вместе с телом ...не рождается вместе с телом, она неподвластна рождению и смерти, она бессмертна ...и существовала всегда. Она — произведение бога-творца, относится к тем созданиям, которым присуще божественное подобие» (Ниг. 55). По Макробию душа также чужда какой-либо смертности (Масг. II, 12, 10); она никогда не останавливается в своем движении (Масг. I, 17, 8-9); она — бессмертна (Масг. I, 12, 17).

И Макробий, и Гиерокл полагают, что душа — правитель тела. Гиерокл говорит о том, что она держит в руках свое тело и обращает его к истине, чтобы целиком посвятить себя созерцанию божест-

венного и обрести божественное подобие (Ниег. 115). Макробий же указывает, что душа сама правит телом, подражая правящему миром богу (Масг. II, 12, 10).

Оба комментатора пишут о возвращении человека (точнее, его души) к своему началу. Согласно Гиероклу, войти в род богов можно лишь тому, кто обрел истину и добродетель в душе и чистоту в духовной оболочке души. Такой человек возвращается к идее первоначального состояния, вновь обретая себя через соединение с истинным разумом, познав вселенную и открыв, насколько это в его силах, творца всего этого мира (Ниег. 119). Согласно Макробию, душа, полностью оттертая от загрязнений порока и восстановившись в целостности, вернется от тела обратно к свету нескончаемой жизни (Масг. I, 12, 17).

О природе мира и человека

Говоря о мироздании, оба автора утверждают, что основа всего — Бог. Однако у Макробия в основе мира лежит три начала: Бог — Ум — Душа, у Гиерокла лишь одно — Единый Бог (Природа)⁸⁷. Сама же структура мира, по сравнению с Макробием, у Гиерокла не столь сложная, поскольку вне мира у него только Бог. Для Гиерокла важна Природа, образовавшая видимый мир в соответствии с божественной мерой, посредством пропорций, и сделавшая его подобным самой себе (Ниег. 94). У Макробия Бог, который и является, и называется первопричиной, — единственный родоначальник того, что создано (Масг. I, 15, 5).

Оба комментатора говорят о вечном движении неба (и души) и о земле, неподвижной и находящейся в центре вселенной. По Гиероклу, Природа сообщила небу постоянное движение, даровав ему круговорот всех его частей. Земле она придала устойчивость и значение центра. И небо, и земля получили благодаря Природе отпечаток божественного подобия (Ниег. 94-95). Согласно Макробию, тело небес всегда находится в движении, оно не может остановиться (Масг. I, 17, 8-9); в центре вселенной (Масг. I, 17, 4) находится земля (Масг. I, 22, 6).

⁸⁷ Здесь Гиерокл (чьи убеждения схожи с представлениями тех авторов, которые могут быть причислены к средним платоникам) следует своим предшественникам. Возможно, он (как и Макробий) также был знаком с сочинением Плутарха *О лике* (943F – 945C), поскольку вводит только Единого Бога.

И Макробий, и Гиерокл пишут о световидном теле души, его приращениях и очищениях. У Макробия отдельная душа, соскальзывающая с зодиака и Млечного пути к низлежащим сферам, окутывается приращениями светового тела (Масг. I, 12, 13), приобретающая тем самым различные качества или начатки (Масг. I, 12, 14). У Гиерокла очищение разумной души способствует очищению световидной (*αἰγροειδές*) оболочки (Нieg. 113).

Учение о личности у Гиерокла выражено гораздо сильнее, по сравнению с Макробием. Человек занимает у него одно из главных мест. У Макробия, напротив, человек является лишь одним из звеньев в мировой цепи. Оба автора указывают на двойственную природу человека: божественную и брeнную. Гиерокл пишет о том, что человек — последний из высших существ и первый из низших (Нieg. 95). По своей сущности он выше всей земной и смертной природы, поскольку способен обратиться к богу, уничтожить забвение высшего воспоминанием о нем, исправить бегство от высшего мира обращением к нему (Нieg. 96). Именно из-за такой природной двойственности сущность человека устремляется то к божественному, то к звериному подобию (Нieg. 100). По Макробию, смертные человеческие тела лишь в малой степени соответствуют божественному Уму (Масг. I, 14, 9). Само же тело представляет собой, с одной стороны, осадок божественного, с другой — первую субстанцию живого (Масг. I, 12, 15). После смерти тела душа освобождается, но не всегда может вернуться к божественному началу (Масг. I, 9, 5).

* * *

Схожесть доктринальных положений при комментировании совершенно разных произведений позволяет говорить не только о знакомстве и использовании Макробием и Гиероклом одних и тех же источников, но и о том, что трактовка пифагорейского учения, принятая обоими комментаторами, в сочетании с платоническими и стоическими элементами, были типичны для эпохи, в которую они жили. Оба автора, используя в своих сочинениях сакральные и авторитетные тексты, трактуют их согласно собственному видению и согласно тем представлениям, которые сложились в V веке нашей эры.

М. Р. БЕЛОУСОВ (Казань)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРЕВА ДВОРА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

НА МАТЕРИАЛЕ ПОМЕТ БОЯРСКИХ СПИСКОВ
1645–1667 ГОДОВ

Государев двор — ядро политической системы Российского государства конца XV – начала XVIII в. Его структуру и персональный состав невозможно изучить без обращения к делопроизводственным документам и, в особенности, документам Разрядного приказа¹ — основного учреждения, регулировавшего назначения на службу. В число таких документов входят боярские списки², представляющие собой списки членов Государева двора с регулярно вносившимися сведениями об их пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности, которые, будучи документами текущего оперативного учета членов двора, составлялись в Московском столе Разрядного приказа ежегодно, причем по нескольку в течение года. В дальнейшем каждый боярский список, пополняясь новыми сведениями, активно функционировал в приказном делопроизводстве от нескольких месяцев до двух лет. По-

¹ На необходимость исследования приказной документации конца XV–XVII вв. — периода образования и развития единого и централизованного Русского государства — при изучении «господствующего класса феодалов» указывал В. И. Буганов, отмечавший, что значение делопроизводственного материала «сильно возрастает... со второй четверти XVII в., так как в ходе иностранной интервенции начала столетия и огромного московского пожара 1626 г. большая часть приказной документации предыдущего времени погибла». См.: *Буганов В. И.* От редактора // Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа: В 2 ч. / Сост., подгот. текста и вступ. ст. С. П. Мордовиной, А. Л. Станиславского; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1979. Ч. 1. С. 3.

² Самый ранний из боярских списков относится к 1577 г. См.: *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 38–39. Боярские списки хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Разрядного приказа (РГАДА. — Ф. 210).

этому в основном (первоначальном) тексте списков множество помет, вставок (приписок) и исправлений, что делает эти списки бесценным источником при изучении самых разнообразных вопросов социальной и политической истории XVII в. Функционирование боярских списков как самостоятельного вида делопроизводственных документов является важным свидетельством возрастания роли Государева двора в последней четверти XVI в. и, соответственно, назревшей в то время необходимости строгого учёта всех изменений, происходивших в его структуре и составе.

Предметом исследования настоящей статьи является отражение биографической информации и служебной деятельности членов Государева двора России в пометах боярских списков 1645–1667 гг.³ — периода складывания абсолютной монархии. Все использованные списки представляют собой расклеенные столбцы. Сставы, как правило, не имеют дьяческих скреп⁴. Существовало несколько типов боярских списков. Так, согласно А. Л. Станиславскому, охарактеризовавшему списки 20-х гг. XVII в., можно выделить «подлинные» списки и «наличные»⁵. «Подлинные» списки

³ РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9 (столбцы Московского стола): ед. хр. 202, столп. 2, л. 1 (список 7154 г.), ед. хр. 202, столп. 3 (7154 г.), ед. хр. 1103, столп. 4, лл. 27-139 (7156 г.), ед. хр. 1103, столп. 4, лл. 11-26 (7156 г.), ед. хр. 216, лл. I, 380-383, 1-114 (7156 г.), ед. хр. 1106, столп. 3 (7158 г.), ед. хр. 245, лл. 1-135 (7160 г.), ед. хр. 1131, столп. 4 (7161 г.), ед. хр. 1133, столп. 3 (7161 г.), ед. хр. 233, лл. I, 240-385 (7161 г.), ед. хр. 1102, столп. 2 (7162 г.), ед. хр. 269, лл. 142-271 (7162–7163 гг.), ед. хр. 1140, столп. 1 (7165 г.), ед. хр. 1069, столп. 2 (7167 г.), ед. хр. 202, столп. 2, лл. 2-82 (7168-7169 гг.), ед. хр. 1140, столп. 2 (7169 г.), ед. хр. 338, столп. 5 (7169–7170 гг.), ед. хр. 342, столп. 1 (7170 г.), ед. хр. 1102, столп. 3 (7171 г.), ед. хр. 355, столп. 3 (7172 г.), ед. хр. 359, столп. 1 (7172 г.), ед. хр. 356, столп. 2 (7172 г.), ед. хр. 360, столп. 1 (7172 г.), ед. хр. 357, столп. 2 (7172 г.), ед. хр. 678, столп. 2, лл. 1-2, 9-12, 18-113 (7174 г.), ед. хр. 678, столп. 2, лл. 3-8, 13-17 (7174 г.), ед. хр. 379, столп. 2 (7174 г.), ед. хр. 1152 (7175 г.), ед. хр. 387, столп. 2 (7175 г.), ед. хр. 253 (7176 г.), ед. хр. 386, столп. 4 (7176 г.).

⁴ Как отмечает А. Л. Станиславский, и «известные боярские списки XVI–первой трети XVII в. не имеют дьяческих заверений... что связано, вероятно, с их характером «внутренних» документов Разрядного приказа» (см.: *Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 127*). Лишь один боярский список столбцовой формы имеет скрепу дьяка — это «наличный» список июля 7156/1648 г. (ед. хр. 216, лл. 1-114).

⁵ *Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве... С. 126-127, 137-139.*

фиксируют состав двора полностью: в них перечисляются думные и дворцовые чины, стольники, стряпчие, дворяне московские и дьяки. Что касается «наличных» списков, то в них Государев двор, за исключением Боярской думы, разделялся на три части — «половины»: «московскую», «отпускную» и «служебную» (в последней записывались дворовые люди, находившиеся на службе не в Москве, а в других городах или дальних посылках). Каждая половина в свою очередь делилась на чиновные перечни стольников, стряпчих, дворян московских и дьяков. За период 1645–1667 гг. списков, охарактеризованных А. Л. Станиславским как «наличные», мы не обнаружили. «Наличные» списки второй половины 40-х – 60-х гг. XVII в. на «половины» не делятся, но включают в себя лишь чиновные перечни. Мы, в соответствии с заголовками боярских списков⁶, называем «наличными»: 1) те из них, которые, по определению А. Л. Станиславского и С. П. Мордовиной, являются «московскими»⁷, как список марта 7172 г. (ед. хр. 360, столп. 1), и 2) те, которые включают всех дворцовых людей, за исключением находившихся на службе вне Москвы, как списки 7154 (ед. хр. 202, столп. 3), 7156 гг. (ед. хр. 1103, столп. 4) и т. д.⁸.

Наряду с «подлинными» и «наличными» списками в 50–60-х гг. XVII в. существовал ещё один тип боярских списков, представленный списками июня 7161 г. и декабря 7174 г. Несмотря на то, что заголовки этих списков не сохранились, мы считаем, что они относятся к особому, «половинному», типу. Об этом свидетельствует сопоставление двух помет, сделанных в «подлинном» и «наличном» боярских списках 7161 г. Согласно первой из них, проставленной при имени дворянина московского кн. А. О. Касаткина-Ростовского

⁶ См., например, «Список бояр, и околничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 174-го году с июля налицо» [ед. хр. 379, столп. 2, л. 1] и т. п.

⁷ См.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Боярские списки конца XVI – начала XVII века как исторический источник // Советские архивы. 1973. № 2. С. 93, 94. «Московским» назван боярский список 1598–1599 гг., в который «вошли только лица, служившие в Москве в конце 1598 года».

⁸ А. Л. Станиславский исследовал один такой список — 7138/1630 г., указав, что он «не совсем обычен по составу» и «близок по характеру к московско-отпускной части боярских списков» 7133 и 7134 гг. (см.: Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве... С. 145-146) — здесь имеются в виду так называемые «половинные» боярские списки, о которых см. ниже.

в «подлинном» боярском списке 7161 (1652/53) г. (ед. хр. 1133, столп. 3, л. 101), князь, отчество которого в «подлинных» (см. ед. хр. 1106, столп. 3, л. 103; ед. хр. 245, л. 109) и «наличном» (см. ед. хр. 1131, столп. 4, л. 107) списках было записано как «княж Осипов сын», «в половинном» значился «княж Богдановым сыном».

В другой помете, сделанной на обороте первого листа перечня дворян московских «наличного» списка 7161 (1652/53) г., указано, что «161-го февраля в 8 день прислан в Разряд был розных половин списо<к>» (ед. хр. 1131, столп. 4, л. 49 об.). Этот список «розных половин», присланный в Разрядный приказ 8 февраля 1653 г., до настоящего времени не выявлен⁹.

К типу «половинных» боярских списков можно отнести список июня 7161/1653 г. (ед. хр. 233, лл. 240-385)¹⁰. Этот список существенно отличается и от «подлинных», и от «наличных» списков 40–60-х гг. XVII в. Каждый его чиновный перечень, в том числе перечни бояр и окольных, разделён на две «половины» — «московскую» и «служебно-отпускную». В «московских» половинах чиновных перечней выделяются «ести», «больные» и «нетчики». Кроме того, отдельно записываются рейтары, дворяне, за которых служат их дети, и т. д. В «служебно-отпускной» половине перечня дворян московских особо выделены лица, находившиеся на размежевании границ.

По нашему мнению, «половинные» списки официально (в заголовках) назывались «наличными», — в описи Архива Разрядного приказа 1668 г. указаны лишь «подлинные» и «наличные» списки¹¹; «половинные» же списки по структуре ближе к «наличным» спискам 1620-х гг., чем к «подлинным». По всей видимости, после того, как

⁹ Возможно, им является не изученный нами боярский список 7161 г. (ед. хр. 234, лл. 458-579). См.: «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». М., 1899. Кн. 11. С. 109.

¹⁰ Этот список не является тем, что был прислан в Разряд 8 февраля 1653 г., поскольку кн. А. О.(Б). Касаткин-Ростовский в него не записан. Последнему есть простое объяснение: из анализа содержания «половинного» списка следует, что составлен он был не ранее середины июня 7161 г., а, по всей видимости, к этому времени князь, согласно «подлинному» списку 7161 г. (ед. хр. 1133, столп. 3, л. 101), «умре».

¹¹ Описи Архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 87-91.

«наличные» списки в своем большинстве перестали включать в свой состав «служебную половину» (это произошло в начале 1630-х гг.¹²), в отношении некоторых «наличных» же списков, в которых дворовые люди по-прежнему расписывались в том числе и «по службам», в делопроизводственной практике стал употребляться термин «половинные». Тем не менее, в заголовках по традиции сохранялось слово «налицо».

А. Л. Станиславскому «половинный» тип боярских списков известен не был, однако подобные списки довольно близки к тем спискам, о которых исследователь говорит как о «занимающих промежуточное положение между “подлинными” и “наличными”»¹³ (в этих списках две «половины» — единая московско-отпускная и служебная)¹⁴. Основное отличие «половинных» списков, исследованных нами, от списков 7133 и 7134 гг., изученных А. Л. Станиславским, заключается в том, что в последних «московско-отпускная» и «служебная» половины состоят из чиновных перечней (стольников, стряпчих и т. д.), а в «половинных» списках — наоборот: каждый чиновный перечень, как было сказано, делится на «московскую» и «служебно-отпускную» половины.

«Подлинные» боярские списки, насколько можно судить, составлялись ежегодно (исключением является «подлинный» список 7162–7163 гг., функционировавший в делопроизводстве два года), обычно по одному на год, реже — по два (в 7158 (?), 7172, 7175 (?), 7176 гг.). «Наличные» списки составлялись в течение года несколько раз (видимо, не менее трёх), иногда действовали параллельно два «наличных» списка (например, января 7156 г.). О периодичности составления «половинных» списков на основании имеющихся материалов судить трудно.

Боярские списки, как указано выше, являются списками членов Государева двора. В середине XVII в. в структуре Государева двора выделяются следующие чины¹⁵:

¹² Павлов А. П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. // Россия XV–XVIII столетий: Сб. научных статей. Юбилейное издание. Волгоград; СПб., 2001. С. 158.

¹³ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве... С. 144.

¹⁴ А. Л. Станиславскому не было известно их название, поскольку заголовки изученных им списков 7133 и 7134 гг. не сохранились.

¹⁵ См.: Кошелева О. Е. Слово историка // Государев двор в России (конец XV – начало XVIII вв.): Каталог книжной выставки. М., 1997. С. 4-7.

- 1) думные (бояре, окольниковые, думные дворяне, думные дьяки);
- 2) дворцовые (кравчий, казначей, постельничий, печатник, стряпчий с ключом, московский ловчий, ясельничий);
- 3) московские (стольники, стряпчие (с платьем), дворяне московские, а также жильцы);
- 4) дьяки.

Структура боярских списков в общем виде следующая. Заголовки источников содержат указания на делопроизводственную форму («Список...»), состав и последовательность чиновных перечней («...бояр, и окольниковых, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диоков...»), дату («...нынешнего 154-го году с июня...») и тип списка («...налицо»). Основной текст боярского списка состоит из чиновных перечней, каждый из которых имеет подзаголовок. Порядок расположения чиновных перечней был довольно устойчивым. Так, во второй половине 40-х – 60-х гг. XVII в. чины заносились в боярские списки в следующей последовательности: бояре, окольниковые, кравчий, казначей, постельничий, думные дворяне, печатник, думные дьяки, стряпчий с ключом, московский ловчий, ясельничий, стольники, стряпчие, дворяне московские (подзаголовок — «Дворяне»), «иноземцы служат с московскими дворяны» (в «наличном» списке июня 7154 г. (л. 72) — «иноземцы новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с московскими дворяны с 130-го году»¹⁶), дьяки. Перечисление служилых людей в чиновных перечнях, как правило, соответствует «стажу» их службы в чине, иными словами, обычно соблюдается последовательность записи, зафиксированная перечнями вновь пожалованных в чины.

Таким образом, структура боярских списков 1645–1667 гг. в целом отражает структуру Государева двора (с 1630-х гг. в боярских списках не было перечней жильцов, которые учитывались в жилецких списках).

Численность персонального состава чинов Государева двора, за исключением дворян московских, судя по боярским спискам и сметным росписям военных сил, в 30-х – 60-х гг. XVII в. росла.

¹⁶ Ср.: в Боярской книге 1639 г. аналогичный подзаголовок перечня — «Иноземцы новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с 130 году». См.: Боярская книга 1639 г. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999. С. 208 (л. 518).

Так, бояр в 1632 г. было 14 чел., в 1651 г. — 29 чел., в 1662/63 г. — 26 чел.; окольничих: в 1632 г. — 7 чел., в 1651 г. — 25 чел., в 1662/63 г. — 28 чел.; думных дворян: в 1632 г. — 1 чел., в 1651 г. — 5 чел., в 1662/63 г. — 10 чел.; думных дьяков: в 1632 г. — 2 чел., в 1651 г. — 3 чел., в 1662/63 г. — 3 чел.; стольников в 1632 г. было 286 чел., в 1651 г. — 420 чел., в 1662/63 г. — 420 чел.; стряпчих: в 1632 г. — 100 чел., в 1651 г. — 314 чел., в 1662/63 г. — 545 чел.; дворян московских: в 1632 г. — 947 чел., в 1651 г. — 1364 чел. (с иноземцами и отставными), в 1662/63 г. — 765 чел.; дьяков: в 1632 г. — 86 чел., в 1651 г. — 86 чел., в 1662/63 г. — 132 чел.¹⁷

Структура «подлинных», «наличных» и «половинных» боярских списков отражена в таблицах 1–3.

Таким образом, структура каждого типа боярских списков не была статичной, раз и навсегда определённой, но отражала эволюцию делопроизводственной практики Разрядного приказа, особенности учёта различных категорий служилых людей и — в конечном счёте — реальные процессы развития Государева двора в период складывания абсолютной монархии в России.

«Подлинные» боярские списки содержат большое количество помет (в «наличных» списках их значительно меньше, что обусловлено самим характером этого источника: в них включались лишь члены двора, находившиеся в Москве «налицо», а значит, не было необходимости отмечать их местонахождение, «посылки» и т. д.¹⁸).

¹⁷ Численность чинов за 1632 и 1651 гг. приводится по статье Я. Е. Водарского (см.: *Водарский Я. Е.* Численность, состав и размещение дворянства в первой половине XVII в. // *Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в.* М., 1989(1990). С. 121), численность московских чинов за 1662/63 г. — по работе С. Б. Веселовского (см.: *Веселовский С. Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. М., 1911. С. 5), остальные подсчёты наши (по «подлинному» списку 1717 г.; численность бояр в 1662/63 г. подсчитана по Дворцовым разрядам).

¹⁸ С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский, признавая, что пометы в боярских списках представляют «самостоятельный интерес», отмечают важную особенность «московского» (или, по терминологии, принятой в настоящей работе, «наличного») списка 1598–1599 гг., заключающуюся в том, что в сравнении с другими боярскими списками (имеются в виду «подлинные») в нём меньше помет, поскольку они «вносились в него, главным образом, когда

Пометы можно условно разделить на два типа.

Пометы I типа имеют содержательный характер, т. е. характеризуют лиц, включённых в боярский список.

Пометы I типа располагаются в тексте боярского списка: а) на левом поле; б) между строк (как правило, над помечаемым текстом; но если помета не умещается полностью над основным текстом, то её продолжение записывается под ним); в) справа от текстовой записи¹⁹. Бóльшая часть помет располагается на поле листа слева от основного текста. Между строк, как правило, помещаются наиболее крупные пометы (представляющие собой распространённые предложения или даже состоящие из нескольких предложений), а также пометы, относящиеся к одному из служилых людей—братьев, записанному в перечень вместе с другим братом (другими братьями). Реже пометы помещаются справа от основного текста (главным образом, в случаях записей об «отставлении» служилого человека от службы или о службе вместо указанного лица его сына или племянника, причём последние пометы (о службе сына или племянника), переходя в новый список, записываются уже как основной текст, но по своей сущности не теряют характера помет).

Пометы I типа можно классифицировать по содержанию:

1. Биографические — 1) о смерти («умре», «убит», «утоп», «згорел»); 2) о непригодности к службе («болен», «стар», «хром», «слеп», «глух», «дряхл», «без руки», «без ноги», «ранен», «хвор», «увечен», «от раны увечен», «беден», «беден и худ», «мал», «розбойники секли»); 3) о пожаловании в чин (о повышении чина), понижении в чине, лишении чина; 4) об отставлении от службы или от дальней службы; 5) о пострижении в монахи; 6) о ссылке и возвращении из неё; 7) о нахождении «под началом», «в тюрьме» и «за приставом»; 8) о взятии в плен или нахождении в плену; 9) о неизвестности местонахождения («без вести», «пропал без вести»); 10) о нахождении «в розслаблень»; 11) о количестве крестьянских и боярьских дворов, об отсутствии таковых, об отсутствии поместья и

служилый человек выезжал из Москвы, т. е. выбывал из списка» (см.: *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Боярские списки конца XVI – начала XVII века... С. 93-94), что вполне соответствует нашему наблюдению.

¹⁹ Как указывает А. Л. Станиславский, пометы «в XVI – первой трети XVII в. писались чаще над строкой, реже — на левом поле» (см.: *Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве... С. 128).

вотчины; 12) о местопребывании больных и отставных дворян московских; 13) об измене; 14) о неприведении ко кресту («креста не целовал»); 15) об ошибочной записи несуществующих лиц;

2. О служебной деятельности — 1) о посылке на воеводство, о пребывании на воеводстве (в т. ч. с отцом) или о перемене с воеводства, о возвращении с воеводства («приехал»); 2) о посылке на полковую службу и пребывании на службе с полком (в т. ч. с отцом), об отправлении «на службу» и нахождении «на службе» (без указания места службы, — полковая служба); 3) об участии в боях («Конотопского», «Гансев[ского]», «Сапегина бою», «Быхов[ского]»); 4) о службе в Новгородском, Белгородском и Севском полках, в полку в Одоеве; 5) о посылке в посольство, на посольскую «розмену» и на размежевание границ, пребывании в посольстве и на размежевании границ; 6) о службе в приказе (приказным судьей); 7) о службе «за государынею»; 8) о посылке в «письмо» и «на межеванье» или нахождении в «письме» и «на межеванье»; 9) о работе над составлением писцовых книг («у книг»); 10) об «отсылке» и возвращении из неё; 11) о службе «в сыску» и возвращении из него; 12) о службе в рейтарах и в «начальных людях» у рейтар; 13) о службе в головах и полковниках у стрельцов или «у стрельцов»; 14) о службе в головах у пушкарей; 15) о службе в «полковниках» и «полуполковниках», «у салдат» («у салдат капитон»), «у драгунов», «у пехоты»; 16) о службе «у житниц» и «у хлеба» («у стрелецкого хлеба»); 17) о службе в объезжих головах («в объезде»); 18) о службе «у понахид»; 19) о службе «у тюрем» («у тюрем в дворских»); 20) о службе «у крюка»; 21) о службе в «шатерничих»; 22) о службе «в ыстопничих»; 23) о службе в переводчиках; 24) о принадлежности к комнатным и походным стольникам, о пожаловании «в комнату» дворян московских; 25) о нахождении «на Москве»; 26) о службе вместо служилого человека его сына, племянника или даточных людей; 27) о службе у патриарха и казанского митрополита; 28) о количестве людей «з боем» и о службе даточных; 29) о чети, определяющей срок службы члена Государева двора в Москве («1», «2», «3», «4»); 30) об «отпуске» и возвращении из него; 31) о службе в приставах у грузинского царя, послов, посланников, мурз, царевичей, купцов; 32) о службе «у государя царевича»; 33) об отпуске на службу за границу; 34) о невысылке на службу; 35) об участии и не-

участии в смотрах служилых людей («есть» и «нет», «на конном смотре был», «в ево место на конном смотре был сын»); 36) о нахождении «у дела» («железного», «кирпичного», «городового», «счётного», «у переписки», «у иконописцев» и т. п.).

Пометы II типа характеризуют работу писца с текстом боярского списка, т. е. имеют рабочий характер (главным образом, это проверка писцом правильности внесения в перечень или нахождения в нём служилого человека — члена Государева двора). Так, писцы помечали текст словами: «чисто» («чисть»), «почернён», написан (также — «пис[ать]») в списке «выше» или «ниже», написан «вдвое», или «2-ж», «написать по списку всех», «писан с ыноземцы», «писан ниже с отставными», «писан з братом вместе», «писан в службе», «писаны выше, под крестом все» (т. е. все служилые люди, отмеченные в перечне вновь пожалованных знаком «+», приписаны в чиновный перечень выше, — см. ед. хр. 1106, столп. 3, лл. 109-110), «+», «справитца» и т. п. Помета «чисто», в отличие от других помет II типа, может относиться не только к основному тексту, но и к другой помете. Так, при имени стряпчего П. Ю. Арсеньева в «подлинном» боярском списке 7158 г. (ед. хр. 1106, столп. 3, л. 35) была сделана помета «з братом на Хотмыжском». Затем, видимо после возвращения П. Ю. Арсеньева, её вычеркнули, пометив при этом словом «чис[то]»²⁰. Пометы II типа расположены, как правило, на левом поле или над основным текстом у левого поля.

Ниже мы на примере некоторых видов помет I типа рассмотрим отражение в боярских списках биографической информации и сведений о служебной деятельности членов Государева двора и выявим степень достоверности этих данных.

Пометы о смерти

Данная группа помет представлена в боярских списках довольно широко. Пометы о смерти членов двора имеются в большинстве списков рассматриваемого периода, как в «подлинных», так и в «наличных».

²⁰ Аналогичные примеры: в «подлинном» списке 7169 г. при имени дворянина московского И. Ф. Замыцкого (ед. хр. 1140, столп. 2, л. 63) помета «чис[то]» относится к зачёркнутой помете «на службе»; в «подлинном» боярском списке 7170 г. помета «чис[то]» при имени стряпчего И. Д. Хомякова (ед. хр. 342, столп. 1, л. 60) относится к вычеркнутой помете «в Севском».

Так, в «наличном» боярском списке января 7156 (1648) г. помет о смерти — «умре» — 26, причём все они относятся к дворянам московским.

В «подлинном» боярском списке 7158 (1650) г. 31 помета о смерти, в т. ч. 28 помет «умре» и 3 пометы «убит». Распределение их по чинам таково: согласно пометам, умерло 4 стольника, 5 стряпчих, 11 дворян московских (ещё 3 убиты), 3 иноземца, 2 отставных дворянина и 3 дьяка.

В «подлинном» боярском списке 7160 (1651/52) г. 72 пометы о смерти, в том числе 69 помет «умре», 2 пометы «утоп на море» и 1 помета «в пожар згорел». Распределение записей о смерти по чинам следующее: умерли 1 боярин, 1 окольник, 6 стольников, 4 стряпчих, 45 дворян московских (также 1 «в пожар згорел» и 1 «утоп на море»²¹), 2 иноземца, 8 отставных дворян и 2 дьяка (ещё 1 «утоп на море»²²).

Очень часто пометы о смерти содержат дату. Например, в боярском списке 7160 г. при имени стольника кн. В. А. Голицына (л. 4) приписана помета: «160-го генваря в 21 день умре»²³. Следует, однако, иметь в виду, что год смерти, указанный в помете, не всегда является таковым в реальности. Так, если в «подлинном» списке сентября 7172 г. при имени кн. А. И. Болховского (л. 99) сделана помета «172-го умре, сказ[ал] сын князь Иван», то в «наличном» боярском списке сентября 7172 г. (л. 46) — «171-го умре, сказ[ал] сын князь Иван». Очевидно, год, указанный в помете, означает время, когда о смерти служилого человека стало известно составителям боярского списка. Поэтому, вероятно, полностью доверять можно лишь тем пометам, содержащим исключительно год смерти, которые сделаны при именах думных, дворцовых чинов и, видимо, стольников, лично известных служащим Разрядного приказа.

Пометы о смерти в ряде случаев содержат указания на источник информации. Например, как уже отмечалось выше, в «подлинном» боярском списке сентября 7172 г. при имени дворянина московского кн. А. И. Болховского (л. 99) сделана помета: «172-го умре, сказ[ал] сын князь Иван»; в «подлинном» списке 7172 (1663/64) г.

²¹ И. Л. Пустынников (л. 88: «послан был на Соловки и утоп на море»).

²² Г. Леонтьев (л. 134: «на Соловки», «утоп на море»).

²³ Чаще датированные пометы содержат лишь год смерти.

при имени стольника Е. А. Бутурлина (л. 25) сделаны пометы: «в полону», «и 172-го, по челобитной отца ево, под Конотопом убит» [вычеркнут из перечня]; в том же боярском списке при имени стряпчего А. Дзенгилевского (л. 42) сделаны пометы: «на службе», «и, по смотру в полку, умре».

Иногда указывается причина смерти (в «наличном» боярском списке 7168–7169 гг. при имени дворянина московского В. Т. Засецкого (л. 59) сделана помета: «умре в моровое поветрие, сказ[али] у смотру»; в «подлинном» списке 7170 г. при имени стольника кн. М. Ю. Шаховского (л. 20) сделана помета: «во 169-м году от воровских людей убит»; в «подлинном» списке 7171 г. при имени иноземца В. И. Яновского (л. 129) сделана помета: «171-го от разбойник убит»), а также место гибели (в «наличном» списке 7168–7169 гг. при имени дворянина московского кн. И. Ч. Шейдякова (л. 51) сделана помета: «убит под Быховом»; в «подлинном» списке 7162–7163 гг. при имени дворянина московского Д. И. Зубова (л. 210) сделана помета: «убит на приступе под Смоленском»; в «подлинном» списке 7165 г. при имени стряпчего в рейтарской службе С. В. Кутузова (л. 53) сделана помета: «убит на Дрожиполе»).

Пометы о смерти, сделанные в «наличных» списках по результатам смотров служилых людей, подчас не учитывались при составлении следующего по времени «подлинного» списка. Так, в «наличном» боярском списке 7168–7169 гг. были сделаны пометы о смерти при именах следующих дворян московских: С. О. Засецкого (л. 58: «умре, у смотру сказал Иван Засецкой»), В. Т. Засецкого (л. 59: «умре в моровое поветрие, сказ[али] у смотру»), П. И. Головнина (л. 73: «умр[е]»), И. И. Хвостова (л. 76: «умр[е]»), после чего всех их вычеркнули из списка. Однако все они записаны в «подлинных» списках 7169, 7170, 7171 и сентября 7172 гг.²⁴ Лишь в «подлинном» боярском списке 7172 (1663/64) г. при именах указанных лиц появились пометы о смерти: при имени С. О. Засецкого (лл. 73-74) — «и у смотру сказ[али], умре», В. Т. Засецкого (л. 75) — «и у смотру сказ[али], умре», П. И. Головнина (л. 89) — «172-го декабря 26 день

²⁴ Ед. хр. 1140, столп. 2, лл. 64, 65, 80, 83; ед. хр. 342, столп. 1, лл. 85, 86, 99, 102; ед. хр. 1102, столп. 3, лл. 85, 86, 100, 105; ед. хр. 355, столп. 3, лл. 73, 74, 87, 91. При имени И. И. Хвостова в «подлинном» списке сентября 7172 г. (л. 91) сделана помета «172-го умре».

у смотру сказ[али], умре», И. И. Хвостова (л. 95) — «172-го умре». Таким образом, умершие к 7168–7169 гг. члены двора продолжали значиться в перечнях дворян московских более трёх лет, до тех пор пока на смотрах 7172 г. не была вторично установлена их смерть. Следовательно, «наличные» боярские списки более оперативно, чем «подлинные», фиксировали изменения в составе Государева двора.

Пометы о непригодности к службе

К пометам о непригодности к службе относятся пометы «болен» («бол»), «слеп», «хром», «глух», «стар», «дряхл», «без руки», «хвор», «ранен», «увечен» и др. Эта группа помет представлена как в «подлинных» боярских списках, так и в «наличных».

Так, в «наличном» боярском списке января 7156 г. 86 помет о непригодности к службе, в т. ч. 65 помет «болен» (и «бол»), 10 — «слеп», 3 — «хром», 2 — «глух», 2 — «дряхл», 2 — «без руки», 1 — «стар», 1 — «ранен». Количество помет в чиновных перечнях следующее: 5 помет в перечне стольников, 3 — стряпчих, 77 — дворян московских и 1 помета в перечне дьяков. Столь существенное преобладание помет о непригодности к службе в перечне дворян московских по сравнению с другими чиновными группами можно объяснить тем, что, во-первых, средний возраст дворян был значительно выше, чем у представителей других чинов (пожалования в дворяне производились после многолетней службы в других чинах, иной раз — даже в нескольких), во-вторых, именно дворяне московские, а не стольники и стряпчие, несли, главным образом, опасную полковую службу, и в-третьих, количество дворян московских значительно превышает численность представителей других чинов.

В «подлинном» боярском списке 7158 г. 22 пометы о непригодности к службе, в т. ч. 12 помет «бол» (болен), 6 — «слеп», 2 — «хром», 1 — «без руки», 1 — «дряхл». По чинам соотношение таково: 3 пометы в перечне стольников, 2 — стряпчих и 17 — дворян московских. Видимо, в списке 7158 г. непригодность к службе отражена в пометах не полностью. В пользу такого вывода свидетельствуют итоги сопоставления помет о непригодности к службе в боярских списках 7156 и 7160 гг. Так, идентичные пометы в обоих списках, отсутствующие, однако, в боярском списке 7158 г., обнаруживаются при именах 5 дворян московских²⁵.

²⁵ Из указанных 5 идентичных помет 4 — это пометы «болен» и «бол»

В «подлинном» боярском списке 7160 г. 44 пометы о непригодности к службе, в т. ч. 19 помет «болен» (и «бол»), 10 — «стар», 7 — «хром», 5 — «слеп», 2 — «без руки», 1 — «дрякл». В перечне стольников 1 помета, стряпчих — 1, дворян московских — 42 пометы. Впервые (по сравнению со списками января 7156 и 7158 гг.) в боярском списке 7160 г. две пометы о непригодности к службе вычеркнуты (пометы «бол» при именах дворян московских Б. И. Плещеева (л. 58) и А. О. Прончищева (л. 62))²⁶.

Пометы о непригодности к службе взаимосвязаны с пометами об «отставлении» от службы. Так, при имени дворянина московского И. Большого И. Колычова (ед. хр. 245, л. 54) проставлены две пометы: «хром» и «160-го в августе, по челобитной, за старость и за увечье от службы отставлен»; при имени дворянина В. В. Кирикрейского (там же, л. 74) также сделаны две пометы: «бол[ен]» и «160-го в марте для болезни от службы отставлен»; при имени дворянина П. О. Ходырева (там же, л. 106) вновь две пометы: «бол[ен]» и «160-го в феврале, по челобитной, для старости и увечья Патрекей от службы отставлен». Во всех трёх случаях налицо причинно-следственная связь между увечьем (болезнью) и последовавшим «отставлением» от службы, о чём и сообщают пометы²⁷. Иногда даже при отсутствии пометы о непригодности к службе помета об «отставлении» содержит информацию о причине «отставления». Например, такого рода сведения включены в пометы при именах дворян московских Е. В. Кузенева (там же, л. 75): «159-го марта в 17 день для старости

(при именах дворян Ф. С. Плещеева, Б. Г. Пушкина, П. И. Секерина, Б. И. Комынина) и 1 — «стар» (при имени кн. С. И. Шелешпальского) (см.: ед. хр. 1103, столп. 4, лл. 71, 75, 76; ед. хр. 245, лл. 55, 60, 57).

²⁶ Обращает на себя внимание значительное превышение количества помет о непригодности к службе в «наличном» списке января 7156 г. над их числом в «подлинных» списках 7158 и 7160 гг. Возможно, это объясняется тем, что в список 7156 г. включены стольники, стряпчие и дворяне московские, «которые были во 155-м году на государеве службе на Ливнах», где, по-видимому, и получили увечья, о которых свидетельствуют многочисленные пометы «болен».

²⁷ Ср.: в перечне дворян московских «наличного» списка января 7156 г. при имени И. С. Колтовского (л. 75) сделаны две пометы — о непригодности к службе («слеп») и об «отставлении» («156-го году для старости отставлен»), — которые, как видим, хотя и не противоречат одна другой, но и не имеют причинно-следственной связи: в одной помете указано на «слепоту» дворянина, а в другой причиной его «отставления» названа «старость».

и увечья от службы отставлен», — а также Я. М. Кутузова (там же, л. 86): «160-го в генваре, по челобитной, для старости от службы отставлен».

Пометы о непригодности к службе взаимосвязаны и с пометами о смерти. Так, в перечне дворян московских «наличного» списка января 7156 г. при именах Н. И. Огарева (л. 80), С. С. Пушкина (л. 115) и С. А. Татьянина (л. 121) были приписаны пометы «бол[ен]»; затем появились новые пометы — «умре», после чего Н. И. Огарева и С. С. Пушкина вычеркнули из списка. В перечне дворян списка 7160 г. подобного рода примеров больше. Так, при имени кн. Н. М. Мецецкого (л. 53) сделаны пометы «бол[ен]» «и умре», Ф. С. Бунакова (л. 70) — пометы «бол[ен]», «умер», С. В. Дивова (л. 73) — «стар» «и умер», С. П. Челюсткина (л. 79) — «бол[ен]», «умре», С. К. Дохтурова (л. 107) — «стар», «постригся» «и умре» (все умершие были вычеркнуты из боярского списка).

Обнаруживается также взаимосвязь различных видов помет о непригодности к службе. Например, при имени дворянина О. И. Желябужского в боярском списке января 7156 г. (л. 94) проставлены две пометы — «ранен», «хром», — причинно-следственная связь между которыми очевидна.

Пометы о количестве крестьянских и бобыльских дворов, об отсутствии поместья и вотчины

А. Н. Медушевский, анализируя боярские списки 1700–1713 гг., отметил ценность сведений «о численности дворов в общих списках стольников, стряпчих и дворян» и указал, что «они позволяют судить об имущественной дифференциации по числу дворов»²⁸. В исследованных нами боярских списках пометы о количестве дворов и об отсутствии поместья и вотчины впервые были сделаны при именах членов Государева двора в «подлинном» списке 7174 г. Также такие пометы имеются в «наличном» боярском списке июля 7174 г. «Наличный» «именной» список сентября 7176 г. (ед. хр. 253) содержит информацию о количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах членов двора и об отсутствии поместий и вотчин у значительного числа дворовых

²⁸ Медушевский А. Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. // Археологический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 160.

(эти сведения написаны как основной текст). Боярский «именной» список содержит также указания на источники сведений о числе дворов. Служилые люди указывали количество дворов в своих «сказках»: «У смотру за болезнью не был, а, по его скаске, будет он на государеве службе на коне, 3 лошади простых, людей з боем 15 ч., а в поместьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских 787 д[воров]» (при имени дворянина московского кн. М. В. Прозоровского, л. 155); «На коне, да лошадь проста, з боем 3 ч., поместья нет, служит з годового денежного жалованья, а почему годового жалованья, того в скаске не написано...» (при имени дворянина московского кн. А. А. Макидонского, л. 157). Очевидно, на многих «сказках» были сделаны пометы, обязывающие служилых людей увеличить количество «людей з боем» в соответствии с числом принадлежавших им дворов, а в иных случаях — оставить его без изменения: «Иван Федоров сын Пушкин. В збруе на коне, 2 лошади простых, людей з боем 3 ч., а в поместьях и в вотчинах крестьянских 218 д[воров]...», [помета на левом поле:] «По помете, прибавить 5 ч.» (л. 12); «Иван Иванов сын Ляпунов. На коне, 2 лошади простых, з боем 3 ч., в поместье и в вотчине крестьянских 83 д[вора]», [помета на левом поле:] «По помете, быть против прежнего 4 ч.» (л. 18); «Князь Иван Большой княж Микифоров сын Белоселской. На коне, лошадь проста, поместья и вотчин нет», [помета на левом поле:] «По помете, быть по прежнему 2 ч[еловека]м» (л. 16).

В случаях отсутствия вновь поданных «сказок» составители «именного» списка заносили в него сведения из «сказок», поданных в 7161–7162 гг., обязательно делая соответствующую оговорку в форме пометы на левом поле: «Иван Володимеров сын Бутурлин. На коне, людей з боем 2 ч., в поместье крестьян 10 д[воров]», [помета на левом поле:] «из скаски 162-го» (л. 55); «Иван Артемьев сын Воейков. На коне, лошадь проста, в поместье крестьян 16 д[воров]», [помета на левом поле:] «161-го» (л. 57).

Таким образом, источниками сведений о количестве дворов являлись для «наличного» «именного» списка сентября 7176 г. как старые, 7161–7162 гг., так и вновь поданные перед смотром служилых людей «сказки». Только этим можно объяснить наличие в боярском списке указаний на «сказки» 7161 и 7162 гг. как на источник сведений — в одних случаях — и отсутствие каких-либо ссылок на

источник либо ссылки на «сказки» без указания года их подачи — в других. Такой вывод подтверждается также сопоставительным анализом текста «наличного» «именного» списка с «наличным» списком июля 7174/1666 г. (ед. хр. 379, столп. 2) (см. таблицу 4).

Как видим, количество дворов, указанное при имени М. И. Еропкина в «наличном» списке 7174 г., не совпадает с числом принадлежащих ему дворов в «именном» списке 7176 г. При имени И. П. Лихарева в списке 7174 г. количество дворов не указано, а согласно списку 7176 г., ему принадлежали 22 двора. Количество же дворов, принадлежавших кн. Б. Д. Шейдякову, в обоих списках одинаковое. Примечательно, что в первых двух случаях составители «именного» списка ссылаются на «сказки» служилых людей, не указывая при этом года их подачи, в третьем же случае специально оговорено, что сведения приведены по «скаске 162-го году». А поскольку в обоих списках количество дворов, принадлежавших кн. Б. Д. Шейдякову, одно и то же, то следует признать, что в «наличном» списке 7174 г. количество дворов у служилых людей указывалось на основании «сказок» 7162 г. Ко времени же составления списка сентября 7176 г. были уже поданы (правда, как видим, не всеми членами двора) новые «сказки». Этим объясняются как несоответствия в количестве дворов при именах М. И. Еропкина и И. П. Лихарева в списках 7174 и 7176 гг., так и то, что при ссылках на эти «сказки» составители «именного» списка не указывают года их подачи (вновь поданные «сказки» находились в текущем делопроизводстве, были хорошо известны подьячим Разрядного приказа, а потому и не требовалось делать ссылок на них). В общем же нами установлено, что расхождений между количеством дворов, показанным, согласно пометам «именного» списка, в «сказках» 7161–7162 гг., с одной стороны, и числом дворов при именах служилых людей в «наличном» и — особенно — «подлинном» списках 7174 г., с другой, практически нет, тогда как сведения «именного» списка 7176 г. о количестве дворов, приведённые без указания на их источник или без указания года подачи «сказок», во многих случаях существенно отличаются от данных «подлинного» и «наличного» списков 7174 г.

Цель, которую преследовали в Разрядном приказе, указывая в боярских списках обеспеченность служилых людей поместьями и

вотчинами, очевидна: по количеству крестьянских и бобыльских дворов определялось число «людей с боем», выставлявшихся членами Государева двора на полковую службу (см. в «наличном» «именном» списке сентября 7176 г. текст при имени А. И. Чирикова (л. 26): «на коне, 2 лошади простых, з боем 2 ч., в поместье крестьян 70 д[воров]», [помета:] «<в> сыск; <п>рибавить <...> [оторвано. — М. Б.] ч. з земель»; при имени Л. А. Вельяминова (л. 27): «на коне, лошадь проста, в поместье крестьянских 12 дворов, быть з земель одному человеку», и т. д.). Необходимо заметить, что во всех трёх боярских списках сведения о количестве дворов и отсутствии поместий и вотчин приводятся при именах стольников, стряпчих, дворян московских и иноземцев, причём у многих служилых людей не указано ни число дворов, ни отсутствие поместья и вотчины. Пометы о количестве дворов и отсутствии поместий и вотчин у дьяков сделаны лишь в «наличном» списке июля 7174 г.

Для анализа имущественной дифференциации среди членов Государева двора А. Н. Медушевский применил, немного изменив, группировку, разработанную Я. Е. Водарским при изучении количества владельцев и крепостных дворов по «сказкам» 1700 г.²⁹ Мы также проанализируем имущественную дифференциацию стольников, стряпчих, дворян московских, иноземцев и дьяков, применив метод группировки Я. Е. Водарского, дополнительно введя по примеру А. Н. Медушевского нулевую группу (но, в отличие от А. Н. Медушевского, приводящего в нулевой группе численность дворовых, у которых количество дворов не указано, мы выделяем две нулевые группы — первую, аналогичную нулевой группе А. Н. Медушевского, и вторую, в которой указано число служилых людей, не имеющих поместий и вотчин). Результаты группировки стольников, стряпчих, дворян московских, иноземцев и дьяков по пометам о количестве дворов и отсутствии поместий и вотчин отражены в таблицах 5–9 (см. ниже).

Как видим, наибольшая обеспеченность крепостными дворами была у стольников: судя по данным «подлинного» 7174 г. и «на-

²⁹ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 71; Медушевский А. Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. С. 160; Он же. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994(1993). С. 217-219.

личного» «именного» сентября 7176 г. списков, в среднем на одного владельца приходилось около 70 дворов; в «наличном» списке июля 7174 г. записаны, в отличие от предыдущих, имена наиболее богатых лиц — комнатных стольников (у И. В. Бутурлина 1293 двора, у М. И. Морозова — 587, Н. И. Шереметева — 560, кн. Ю. М. Одоевского — 519), и поэтому средняя обеспеченность стольников крестьянскими и бобыльскими дворами здесь намного выше — около 125 дворов на владельца. Обеспеченность дворян московских крепостными дворами по исследуемым источникам колеблется в пределах 39-46 дворов на одного владельца. Средняя обеспеченность стряпчих по боярским спискам 7174–7176 гг. составляет около 36-41 двора на владельца. Обеспеченность крепостными дворами дьяков существенно ниже: около 25 дворов на одного владельца. Таким образом, обеспеченность служилых людей крестьянскими и бобыльскими дворами вполне соответствует иерархии чинов Государева двора: наиболее близкие к царю и, в основной массе, лично ему известные стольники, происходившие из видных родов, были значительно богаче дворян московских и стряпчих, большая часть которых не могла сравниться со стольниками по своему происхождению и службам предков. Среди дьяков же, происходивших из мелкопоместного дворянства и неслужилых сословий, было очень много лиц, вообще не имевших поместий и вотчин.

Пометы о воеводстве

С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский, анализируя боярские списки конца XVI – начала XVII в., отмечали, что пометы в них «в противоположность разрядам безразличны к «честности» службы. Главное внимание уделено [в списках.. — М. Б.] местонахождению членов государева двора. Отсюда основные различия между разрядными записями и пометами в боярских списках: в первых обычно точно указывается должность того или иного лица (воевода, голова <...>), во вторых — указание на должность необязательно»³⁰. Данное наблюдение верно и по отношению к боярским спискам 1645–1667 гг.: лишь в очень редких случаях в пометах о службе в горо-

³⁰ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Вступительная статья // Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. С. 11.

дах указывалась должность — воевода или письменный голова. Поскольку подавляющая часть помет о службе в городах является пометами о службе в воеводах, мы называем эту группу пометами о воеводстве (в некоторых случаях, видимо, указанный в помете город — например, Яблонов, Белгород — являлся местом полковой службы).

Пометы исследуемой группы преобладают в «подлинных» боярских списках. Так, в списке 7158 г. таких помет 182, в списке 7160 г. — 239, а в «подлинном» списке 7161 г. — 207. В боярском списке 7162–7163 гг. помет о воеводстве 223, в списке 7165 г. — 101 (значительная часть списка утрачена), в «подлинном» списке 7169 г. — 136. В связи с этим необходимо отметить, что, как указывает Н. Ф. Демидова, «общее количество воевод менялось в зависимости от числа уездов (и воевод в каждом из них) и обычно не намного превышало цифру 150 чел.»³¹. В «наличных» списках помет о воеводстве немного, что обусловлено характером списков (в «наличные» списки не заносились имена лиц, пребывавших вне Москвы, и в первую очередь — на воеводстве). Так, в «наличном» списке января 7156 г. 16 помет о воеводстве. Причём многие из них являются пометами *о посылке на воеводство*, а не *о пребывании на воеводстве* (см., например, пометы при именах Я. М. Толочанова (л. 39) — «в Недрыгалов», кн. Я. А. Шелешпальского (л. 53) — «сказ[али], в Темников», и др.). В «наличном» списке 7162 г. 2 пометы о воеводстве, одна из них — помета о посылке на воеводство (при имени И. Ф. Еропкина (л. 44) — «в Вязму»).

Кроме помет о посылке на воеводство и пребывании на воеводстве делались и пометы *о перемене с воеводства* и *возвращении с воеводства*. Так, в «подлинном» списке 7162–7163 гг. при имени А. Я. Дашкова (л. 156) сделаны пометы «Ондрей в Свяжску» [помета зачёркнута], «перемянен», при имени кн. Н. И. Белосельского (л. 202) — пометы «в Кайгородке» [помета зачёркнута] и «перемянен», при имени И. А. Францбекова (л. 202) — пометы «на Уфе» [помета зачёркнута] и «перемянен». Уникальной (единственной в своём роде) является помета о невозвращении служилого человека с воеводства: в «наличном» боярском списке июня 7175 г. при имени Л. А.

³¹ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 214.

Плещеева (л. 55) сделана помета «из Астрахани не бывал»³². Таким образом, всё разнообразие помет о воеводстве способствовало оперативному учёту немосковских служб членов двора.

Пометы о воеводстве в сибирских городах и острогах в боярских списках до 7172 г. включительно, как правило, не содержат указания на город (острог), в котором член двора находился на воеводстве. Такие пометы имеют краткую формулу — «в Сибири» («в Сибирь»). Исключения довольно редки: так, в «наличном» списке января 7156 г. при имени Д. А. Францбекова (л. 79) сделаны пометы «сказ[али], на Лену» и «в Сибирь на Лену» (термин «на Лену» («на Лене») означал пребывание в Якутске³³); в «подлинном» списке 7158 г. при имени Я. Н. Лихарева (л. 7) сделана помета «в Сибири на Березове», при имени Д. А. Францбекова (л. 54) — помета «на Лене», при имени К. О. Супонева (л. 58) — «на Лене», при имени Г. И. Бутурлина (л. 78) — «на Тару» (для сравнения: в списке 24 пометы «в Сибири», «в Сибирь», «в Сибири с отцом»), и т. д. Лишь в «подлинном» списке 7174 г. на основании специальной пометы дьяка (л. 84) были указаны города и остроги, в которых находились сибирские воеводы: «В сем списку над имяны подписать, справясь допряма, хто куды послан или хто отколе съехали и сколь давно...». Действительно, при именах лиц, находившихся на воеводстве в сибирских городах, помимо типичной пометы «в Сибири», переходившей из списка в список, были сделаны пометы, указывающие их точное местопребывание. Так, рядом с пометой «в Сибири» при имени И. И. Панина (л. 19) появилась и другая — «на Пелыми», при именах: кн. Ф. Н. Мещерского (л. 21) — помета «в Томском», Л. Н. Доможирова (л. 23) — «с отцом в Кузнецком», И. В. Бутурлина (л. 34) — «был в Томску и 173-го там и умре», И. И. Лодыгина (л. 38) — «на Тюмени», Н. Б. Доможирова (л. 40) — «в Кузнецком», М. Д. Павлова (л. 53) — «на Тюмени», А. М. Беклемишева (л. 61) — «в Туринском», И. Ф. Монастырёва (л. 61) — «в

³² В перечнях дьяков «подлинных» боярских списков 7160, 7161 и 7162-7163 гг. сделаны подзаголовки «Диоки ж были в городех и из городов переменены, а к Москве не бывали», под которыми записаны по нескольку дьяков (ед. хр. 245, л. 135; ед. хр. 1133, столп. 3, л. 131; ед. хр. 269, л. 265).

³³ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 281.

Кузнецком». Кроме того, при именах лиц, вновь отправленных в сибирские города и остроги, уже не стали делать пометы «в Сибири», но указали точное местопребывание: при имени К. А. Яковлева (л. 10) сделана помета «велено быть в Енисейском», при именах: С. О. Аничкова (л. 25) — помета «в Ылимском остроге», кн. Г. С. Козловского (л. 49а) — помета «в Сургуте». В «подлинном» списке 7175 г. из 26 помет о сибирской службе лишь 5 не уточняют конкретное местопребывание («в Сибири» и «в Сибири с отцом»), а 21 указывает на конкретный город или острог: «в Тоболску» (лл. 3, 5, 31), «в Томском» (лл. 3, 9, 30), «в Нарымском» (л. 4), «на Верхотулье» (л. 5) и т. д. В «подлинном» списке 7176 (1667) г. 5 помет «в Сибири», 2 — «в Тоболску» (лл. 3, 5), 1 — «на Верхотулье» (л. 10). Остальные пометы этого списка о сибирской службе состоят из двух элементов: первый указывает на пребывание «в Сибири», а второй — на конкретный город или острог («в Сибири в Томском» — лл. 3, 11, 24; «в Сибири в Енисейском» — л. 17; «в Сибири на Пелыни» — л. 24, и т. д.). Вероятно, такая «двусоставность» этих помет объясняется тем, что служилые люди подчинялись Разрядному приказу, а сибирские города — Сибирскому приказу: поэтому Разрядный приказ скорее интересовало не столько точное место службы, сколько пребывание члена двора в городе, находившемся в ведении Сибирского приказа³⁴. Именно с этой целью подьячие так старательно указывали на пребывание служилого человека «в Сибири», подчас не утруждая себя дальнейшей детализацией сведений (показателем чего являются боярские списки 7156–

³⁴ О. В. Новохатко, исследовавшая Записные книги Московского стола Разрядного приказа, при анализе росписей воевод по городам отметила, что сибирские города до 1634 г. «были подчинены приказу Казанского дворца [в 1634 г. (по Н. Ф. Демидовой, в 1637 г. — см.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 26) сибирские города переданы в ведение Сибирского приказа, выделившегося из Приказа Казанского дворца. — М. Б.], но воеводы в них, как и в города, ведомые некоторыми другими приказами, назначались через Разряд». Особо подчёркивает исследовательница, что «подчинение одного города одновременно двум или даже трём приказам было обычным явлением в течение всего XVII в. и исходило из территориально-отраслевого принципа строения приказной системы» (см.: Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001(2000). С. 60-62).

7172 г.). Вообще, надо заметить, что такой стиль работы — без детализации — характерен не только при указании назначений сибирских воевод, но и при фиксации в боярских списках других служб членов двора, ведавшихся не Разрядным приказом: нередко нахождение служилых людей в посольствах отмечалось лаконичными пометами «с послы» или «в посольстве» без обозначения местопребывания; аналогично вносились сведения о периодических «отсылках» из других приказов — например, «во Дворце у дела», «отослан ис Пушкарского» и т. п. А. Л. Станиславский объясняет «недостаточную осведомлённость ряда помет в боярских списках... тем, что в Разрядном приказе могли и не знать о местонахождении дворовых, получавших назначения из других приказов». Как указывает учёный, «лишь в 1661 г. контроль за службой дворовых был полностью централизован в Разряде. По указу 1661 г. всем приказам предписывалось извещать Разрядный приказ о назначениях дворовых: «Стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и дворян и детей боярских городовых, и иных чинов каких служилых людей, которые службу в Розряде ведомы, и о тех присылать в Розряд памяти, а бес присылки в Розряд никого никуды никаких для дел не посылать»³⁵.

О. В. Новохатко при анализе Записной книги Московского стола 7155/1646–1647 г. отметила, что в ней присутствует роспись дворцовых сёл, управлявшихся, «видимо, сразу тремя приказами — Большого Дворца, Казанским и Разрядом... В эту группу входят «стародубские» сёла и дворцовые сёла Казанского уезда»³⁶. В боярских списках также есть пометы о воеводстве служилых людей в дворцовых, в том числе стародубских, шацких и т. д., сёлах (см.: в «подлинном» списке 7161 г. при имени А. А. Шепелева (л. 104) сделана помета «в стародубские села»; в «подлинном» списке 7174 г. при имени Д. Г. Тютчева (л. 56) сделана помета «из Дворца на приказ в Кашинской уезд в село Кимру» [«из Дворца» зачёркнуто]; в «подлинном» списке 7174 г. при имени И. С. Романчукова (л. 66) сделана помета «из Дворца в шацких селех воевода»; в «подлинном» списке 7175 г. при имени Д. И. Ступишина (л. 23) сделана помета «в Казани в Кукарской волости»; в том же списке при имени

³⁵ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 71.

³⁶ Новохатко О. В. Записные книги... С. 67.

Д. Ф. Племянникова (л. 24) сделана помета «в дворцовом селе Мурашкине»).

Безусловно, уникальными с фактической стороны являются пометы о пребывании служилых людей на воеводстве с отцом и — реже — с другими родственниками. Сведений, отражённых в этих пометах, не содержится ни в Записных книгах Московского стола, ни в Дворцовых разрядах. Так, например, в «подлинном» списке 7158 г. указаны следующие случаи совместного пребывания отцов и сыновей на воеводстве: И. И. Вельяминов (л. 10) — «с отцом в Колском», кн. Ф. С. Шаховской (л. 11) — «с отцом в Сибири», А. И. Безобразов (л. 20) — «с отцом в Астарахани», кн. В. М. Щетинин (л. 20) — «с отцом на Терке», Ф. И. Головленков (л. 20) — «с отцом» (его отец был «у Соли», л. 58), М. И. Соковнин (л. 21) — «с отцом на Вятке», Д. И. Исленьев (л. 23) — «с отцом на Усерде» и т. д. Пометы о пребывании служилых людей на воеводстве с другими родственниками не столь многочисленны. Так, в «подлинном» списке 7158 г. сделаны следующие пометы: при имени кн. А. А. Козловского (л. 17) — «в Яблоне з братом», при имени П. Ю. Арсеньева (л. 35) — «з братом на Хотмыжском», при имени кн. Т. М. Волконского³⁷ (л. 97) — «на Усмони з братом»; в «половинном» списке 7161 г. помета сделана при имени С. В. Нащокина (л. 370) — «в Сибири с Микифором» (имеется в виду Н. О. Нащокин); в «подлинном» списке 7176 (1667) г. помета проставлена при имени кн. Ю. Г. Волконского (л. 34) — «в Чернигове з дядею». Иногда в пометах о пребывании на воеводстве с отцом опускались (не указывались) либо место пребывания (в этом случае помета сокращалась до вида — «с отцом», см. примеры выше), либо, напротив, указание на пребывание «с *отцом*» (например, в «подлинном» списке 7160 г. при именах С. П. и Д. П. Исуповых (л. 16) сделана помета «в Трубоческу», но такая же помета — «в Трубческу» — проставлена и при имени их отца П. С. Исупова (л. 75); показательно, что в «подлинном» списке 7158 г. помета при именах братьев Исуповых (л. 31) более точна — «с отцом в Трубоческу»). Очевидно, пребывание служилых людей на воеводстве со старшими род-

³⁷ Помета ошибочно сделана при имени кн. И. П. Волконского, который записан в перечне дворян московских строкой ниже кн. Т. М. Волконского.

ственниками было вызвано практической необходимостью получения опыта административной деятельности, что в дальнейшем способствовало успешности самостоятельной службы в местных государственных учреждениях.

В отличие от Записных книг Московского стола, в пометах о воеводстве в боярских списках не указывались дата назначения воеводы, документы, с которыми он отправлялся к месту службы, имя прежнего воеводы. Пометы о назначении на воеводство, о пребывании на воеводстве, о перемене с воеводства и о возвращении с воеводства лаконичны: «велено быть в Сибири в Томском», «в Муроме», «был в Володимере; переменен», «приехал». О. В. Новохатко указывает, что «обычный установленный срок воеводства был два года»³⁸, причём «двухлетний срок воеводства был обычным для всех городов и сохранялся до конца XVII в. Исключение было сделано только в 1695 г. для сибирских городов в связи с их удалённостью от центра» (срок увеличивался до 4–6 лет)³⁹. Однако, насколько можно судить по пометам боярских списков (например, при имени Д. А. Францбекова), и в середине XVII в. воеводы в сибирских городах находились значительно более продолжительное время, чем два года. О. В. Новохатко отмечает, что «в записных разрядных книгах до начала 40-х годов XVII в. записывались указания старому воеводе о его дальнейшей службе», причём «иногда новое назначение воеводе давалось и без вызова его в Москву»⁴⁰. Пометы в боярских списках косвенно подтверждают последнее. Так, в «наличном» списке июля 7174 г. при именах кн. П. Меньшого С. Прозоровского (л. 8) и А. Я. Дашкова (л. 11) сделаны пометы «с Казани в Белгород». Очевидно, новые назначения без возвращения в Москву получили также и следующие лица: И. Ф. Акинфов (в «подлинном» списке 7165 г. (л. 49) сделаны пометы «в Белегороде»

³⁸ Н. Ф. Демидова отмечает, что «срок пребывания на воеводстве был ограничен тремя годами, но бывало, что он продолжался больше, иногда меньше. Случалось, что воевода находился на службе два срока» (см.: Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 214).

³⁹ Новохатко О. В. Записные книги... С. 72, 74.

⁴⁰ Там же. С. 87–88.

(зачёркнута) и «в Астарахань»), Д. В. Хитрово (в «подлинном» списке 7167 г. (л. 6) сделаны пометы «в Свяжску» (зачёркнута) и «на Самаре»), О. Ф. Болтин (в «подлинном» списке 7170 г. (л. 84) сделаны пометы «в Смоленску» (зачёркнута) и «в Быхове») и др.

Как отмечает О. В. Новохатко, в соответствии с указом царя Алексея Михайловича от 3 мая 1661 г. «в целях поощрения и материальной поддержки раненых и вышедших из плена служилых людей, а также для того, чтобы годные к полковой службе не отсиживались в тылу», многие вновь назначенные городовыми воеводами члены двора являлись ранеными и «полоняниками», и поэтому «почти все новые назначения, замены, сделанные в 1661 г., имеют [в Записных книгах. — М. Б.] формулировки «за рану», «за полное терпенье»⁴¹. Видимо, данный указ нашёл косвенное отражение в пометах боярских списков. Так, в «подлинном» списке 7170 г. при имени Л. Б. Секерина (л. 73) сделана помета «за рану вместо воеводства отпущон в деревню». Следовательно, несмотря на то что «в 1661 г. было предписано определять в воеводы только людей, непригодных к военной службе»⁴², для восстановления здоровья из-за полученных «ран» некоторых членов двора отправляли на отдых «в деревню», а не в местные государственные учреждения. Но, судя по приведённой помете, отпуск в деревню являлся исключением из правила, установленного царским указом.

Пометы о службе в приказах (приказными судьями)

Количество приказов общегосударственной компетенции и дворцовых, по подсчётам Н. Ф. Демидовой, составляло: в 1646 г. — 34, в 1656 г. — 36, в 1664 г. — 40⁴³. Поскольку «в XVII в. стало правилом положение, при котором судьи приказов назначались из наиболее знатных фамилий»⁴⁴, то помет о службе членов двора в приказах (приказными судьями) довольно много как в «подлинных», так и в «наличных» боярских списках 7154–7176 гг. Однако такие пометы в подавляющем большинстве списков (за исключением одного) делались исключительно при именах служилых лю-

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата... С. 213.

⁴³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России... С. 23.

⁴⁴ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата... С. 212.

дей московских чинов⁴⁵. Лишь в «подлинном» боярском списке 7160 г. пометы о службе в приказных судьях сделаны также при именах бояр и окольных. Пометы о службе в приказах, как правило, не указывают должность лица («судья»)⁴⁶, но ограничиваются лишь названием приказа (например, «на Казенном»), причём в списках 7154–7172 гг. пометы о службе во Владимирском и Московском Судных приказах за редкими исключениями имели общий вид — «в Судном». Для установления достоверности приводимых боярскими списками сведений о службе членов Государева двора в приказах сопоставим их с данными справочника С. К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века»⁴⁷ (см. таблицу 10). Это позволит также выявить пробелы в работе С. К. Богоявленского.

Характеризуя «сословный принцип родовитости» при назначении на должность приказного судьи, Н. Ф. Демидова отметила, что «для того чтобы избежать местнических споров, начальниками судных приказов (т. е. судьёй и его товарищем) в один приказ назначались родственники»⁴⁸. К этому необходимо добавить, что, судя по пометам боярских списков, нередко в Судные Владимирский и Московский приказы одновременно назначались близкие родственники, чаще всего — братья, причём в Судный Владимирский — старший, а в Судный Московский — младший (см. выше: И. С. и М. С. Исленьевы в 7158 г.; О. М. и Н. М. Беклемишевы в 7158–7160 гг.; И. Б. и А. Б. Комынины в 7160/61 гг.; М. В. и Н. В. Кафтыревы в 7161 г.; Н. В. и Я. В. Кафтыревы в 7161–7165 гг.; В. Я. и

⁴⁵ В перечнях приказных дьяков «подлинных» боярских списков 7158–7162/7163 гг. названия приказов выполняют роль подзаголовков. В последующих «подлинных» списках наименования приказов при именах дьяков не указываются. Лишь в «подлинном» списке 7172 (1663/64) г. при имени дьяка П. Коптева (л. 123) сделана помета «у книгопечатного дела» и при имени дьяка Ф. Михайлова (л. 125) сделана помета «у тайных дел». В «половинном» 7161 г. и «наличных» боярских списках названия приказов при именах дьяков не отмечались (лишь в перечне дьяков «не у дел» «наличного» списка июня 7154 г. при имени дьяка М. Патрикеева (л. 77) сделана помета «в Помесном»).

⁴⁶ Нам известен единственный случай указания должности в помете о службе в приказе (при имени В. К. Селифонтова (л. 97) в «подлинном» списке 7172 (1663/64) г. сделана помета «в Дворцовом Судном судья»).

⁴⁷ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

⁴⁸ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата... С. 212.

С. З. Дашковы в 7168/69–7169/70 гг.; А. Н. и С. Н. Киреевские в 7169/70 гг.; И. Я. и В. Я. Колтовские в 7170 г.). Очевидно, этим преследовалась та же цель — не допустить местнических споров. «Время пребывания судьи во главе приказа не было ограничено, — указывает Н. Ф. Демидова. — Иногда оно продолжалось 11–15 лет. Однако чаще наблюдалась быстрая смена судей, примерно через два – три года»⁴⁹. Данное наблюдение подтверждается и уточняется боярскими списками. Так, по пометам, И. П. Матюшкин служил на Казенном дворе в 7154–7162/63 гг. (его служба в Приказе Большой казны — не на Казенном дворе — с 7143 до 7170 г. отмечена С. К. Богоявленским; однако в списках 7165–7170 гг. помет о службе И. П. Матюшкина «на Казенном» нет, поскольку 1 января 7162/1654 г. его пожаловали в думные дворяне, а при именах думных людей в боярских списках пометы о службе в приказах не делались), Я. И. Загряжский служил в Каменном приказе в 7160–7172 гг., Д. К. Булгаков находился в Конюшенном приказе в 7158–7176 гг. (по С. К. Богоявленскому, в 7157–7184 гг.), А. И. Нестеров — в Оружейном приказе в 7168/69–7175 гг., И. И. Стрешнев — в Приказе Холопьяго суда в 7170–7176 гг. (по С. К. Богоявленскому, до 7182 г.), С. В. Ларионов — в Земском приказе в 7170–7176 гг. (по С. К. Богоявленскому, до 7180 г.). Таким образом, служба в приказных судьях и их товарищах иной раз длилась до 27 лет. Но большинство членов двора служили в приказах непрерывно не более двух — четырёх лет (некоторые — до года). Случалось, что члены двора служили в приказах повторно (см. выше: И. С. Исленьев — в Судном Владимирском приказе в 7158 и 7174/75 гг., А. М. Рчинов — на Денежном дворе в 7168/69 и 7171–7174 гг.). Что касается чиновного состава служивших в приказах дворовых, то, помимо думных людей и дьяков, приказными судьями и их товарищами являлись в основном дворяне московские (судья по пометам, в 7154–7176 гг. 43 человека). Стольников и стряпчих на данных должностях было немного (17 стольников и 6 стряпчих).

Сопоставление помет боярских списков о службе членов Государева двора в приказах (приказными судьями) с данными справочника С. К. Богоявленского показывает достоверность сведений, приводимых в пометах (установлено одно расхождение: по

⁴⁹ Там же.

С. К. Богоявленскому, И. П. Матюшкин служил в Приказе Большой казны, а судья по пометам, — на Казенном дворе), и позволяет в определённой степени восполнить пробелы в справочнике и уточнить некоторые его датировки. Так, С. В. Щепин-Волынский и С. П. Нарбеков у С. К. Богоявленского впервые упоминаются на Земском дворе 16.11.7154, однако пометы «на Земском» сделаны при их именах уже в «наличном» списке июня 7154 г. Кн. Е. Ф. Мышецкий служил, по С. К. Богоявленскому, в Судном Московском приказе 11.12.7154 – 20.03.7156, однако пометы «в Судном» сделаны при его имени в списках июня 7154 — июля 7156 г. Служба Ф. А. Алябьева в Каменном приказе отмечена в справочнике впервые 11.08.7156, но помета «в Каменом» сделана при его имени уже в «наличном» списке января 7156 г. Окольничий Ф. В. Бутурлин, по данным С. К. Богоявленского, был судьёй Судного Московского приказа 7.03.7161, но при его имени в «подлинном» списке 7160 г. уже сделана помета «в Судном». Окольничий П. П. Головин, согласно справочнику, являлся судьёй Челобитного приказа 5.10 – 6.06.7161, однако в списке 7160 г. при его имени уже имеется помета «в Челобитном». Служба П. М. Пушкина в Судном Московском приказе у С. К. Богоявленского вообще не отмечена. По данным справочника, А. Б. Комынин находился в Судном Московском приказе 7.03.7161, тогда как при его имени уже в «подлинном» боярском списке 7160 г. сделана помета «в Судном». Я. И. Загряжский служил в Каменном приказе, как указано у С. К. Богоявленского, в марте 7161–7162, 7164, 7166–7172 гг., однако пометы «в Каменом» сделаны при его имени в боярских списках 7160–7172 гг., в том числе в «подлинных» списках 7162–7163 и 7165 гг. Службы М. В. Кафтырева в Судном приказе и на Денежном дворе в справочнике не зафиксированы, равно как и службы Ю. В. Телепнева в Оружейном приказе, С. М. Бахтеева и Ф. М. Рчинова на Денежном дворе, А. М. Рчинова на Денежном дворе в 7168/69 гг. По данным С. К. Богоявленского, С. З. Дашков и кн. М. С. Шаховской находились в Судном Московском приказе 22.12.7169, однако пометы «в Судном» сделаны при имени Дашкова в «наличных» списках 7168–7169 и 7169–7170 гг., а при имени кн. Шаховского в «наличном» списке 7169–7170 гг. Служба А. Ф. Болтина в Конюшенном приказе в справочнике не отмечена.

По С. К. Богоявленскому, А. М. Рчинов служил на Денежном дворе в 7173 г., но пометы «на Денежном» сделаны при его имени в списках 7171–7174 гг.; Д. К. Дерябин находился на Денежном дворе в 7172 г., однако при его имени в списках 7172–7175 гг. сделаны пометы «на Денежном». В. К. Селифонтов впервые упоминается в справочнике судьёй Судного Дворцового приказа 15.09.7173, но при его имени в «подлинном» списке 7172 (1663/64) г. уже сделана помета «в Дворцовом Судном судья». Согласно С. К. Богоявленскому, П. С. Коптев находился на Печатном дворе до 7173 г.⁵⁰, однако пометы «на Печатном» сделаны при его имени в «подлинном» 7174 г. и «наличном» июля 7174 г. списках. И. С. Хитрово впервые упоминается у С. К. Богоявленского в Хлебном приказе 24.06.7176, однако пометы «в Хлебном» при его имени сделаны уже в «наличных» списках июня 7175 и сентября 7176 г. («именном»). Таким образом, пометы боярских списков корректируют имеющиеся в нашем распоряжении сведения по хронологии службы ряда лиц в московских приказах и дают информацию о приказной службе некоторых членов двора, не известной по другим источникам.

* * *

Итак, пометы боярских списков 1645–1667 гг. отражают особенности этих источников как оперативно-учётных документов, фиксировавших структуру, состав и служебную деятельность членов Государева двора. Пометы дают важные биографические сведения и сведения о службе дворовых людей. По ним можно проследить их перемещения по чиновной лестнице, служебные назначения, получить сведения об их пригодности к службе и, наконец, об их смерти. Многие сведения помет уникальны. Содержание помет боярских списков имеет высокую степень достоверности, а это значит, что у исследователей есть все основания привлекать боярские списки для решения конкретных исторических проблем.

⁵⁰ В справочнике С. Б. Веселовского П. С. Коптев значится дьяком Печатного приказа в 1663/64–1664/65 гг. (см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / Под ред. В. И. Буганова и Б. В. Левшина. М., 1975. С. 260).

ТАБЛИЦА 1. СТРУКТУРА «ПОДЛИННЫХ» БОЯРСКИХ СПИСКОВ

БОЯРСКИЙ СПИСОК «ПОДЛИННЫЙ» ЧИНЫ	7158 Г. (ЕД. ХР. 1106, СТОЛП. 3)	7160 Г. (ЕД. ХР. 245, ЛЛ. 1-135)	7161 Г. (ЕД. ХР. 1133, СТОЛП. 3)	7162-7163 ГГ. (ЕД. ХР. 269, ЛЛ. 142-271)	7165 Г. (ЕД. ХР. 1140, СТОЛП. 1)	7167 Г. (ЕД. ХР. 1069, СТОЛП. 2)	7169 Г. (ЕД. ХР. 1140, СТОЛП. 2)	7170 Г. (ЕД. ХР. 342, СТОЛП. 1)	7171 Г. (ЕД. ХР. 1102, СТОЛП. 3)	7172 Г., СЕНТЯБРЬ (ЕД. ХР. 355, СТОЛП. 3)	7172 Г., НОЯБРЬ (ЕД. ХР. 356, СТОЛП. 2)	7174 Г. (ЕД. ХР. 678, СТОЛП. 2, ЛЛ. 1-2, 9-12, 18-113)	7175 Г. (ЕД. ХР. 1152)	7176 Г. (ЕД. ХР. 386, СТОЛП. 4)
бояре	-	+	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
окольничие	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	+	-
кравчий	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+
казначей	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+
постельничий	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+
думные дворяне	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	+
печатник	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
думные дьяки	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	+
стряпчий с ключом	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	+
ясельничий	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
московский ловчий	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	+

отставные стольники	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-
отставной стряпчий	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
отставные дворяне мос- ковские	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+	+	-	-	
дворяне московские, отставлен- ные в ... году	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дворяне мос- ковские, от- ставленные от дальней служ- бы	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дьяки по при- казам	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дьяки по го- родам	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дьяки «не у дел»	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дьяки (об- щий пере- чень)	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-	
вновь пожа- лованные в дьяки	+	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-

ТАБЛИЦА 2. СТРУКТУРА «НАЛИЧНЫХ» БОЯРСКИХ СПИСКОВ

БОЯРСКИЙ СПИСОК «НАЛИЧНЫЙ» / ЧИНЫ	7154 Г., МАРТ (ЕД. ХР. 202, СТОЛП. 2, Л. 1)	7154 Г., ИЮНЬ (ЕД. ХР. 202, СТОЛП. 3)	7156 Г., ЯНВАРЬ (ЕД. ХР. 1103, СТОЛП. 4, ЛЛ. 27-139)	7156 Г., ЯНВАРЬ (ЕД. ХР. 1103, СТОЛП. 4, ЛЛ. 11-26)	7156 Г., ИЮЛЬ (ЕД. ХР. 216, ЛЛ. 380-383, 1-114)	7161 Г., СЕНТЯБРЬ (ЕД. ХР. 1131, СТОЛП. 4)	7162 Г., ОКТЯБРЬ (ЕД. ХР. 1102, СТОЛП. 2)	7168-7169 ГГ. (ЕД. ХР. 202, СТОЛП. 2, ЛЛ. 2-82)	7169-7170 ГГ. (ЕД. ХР. 338, СТОЛП. 5)	7172 Г., СЕНТЯБРЬ (ЕД. ХР. 359, СТОЛП. 1)	7172 Г., МАРТ (ЕД. ХР. 360, СТОЛП. 1)	7172 Г., ИЮЛЬ (ЕД. ХР. 357, СТОЛП. 2)	7174 Г., ИЮЛЬ (ЕД. ХР. 379, СТОЛП. 2)	7175 Г., ИЮНЬ (ЕД. ХР. 387, СТОЛП. 2)
бояре	+	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+
окольничие	-	+	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
кравчий	-	+	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
казначей	-	-	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
постельничий	-	+	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
думные дворяне	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
печатник	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
думные дьяки	-	+	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
стряпчий с ключом	-	+	-	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+

дворяне московские	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
иноземцы	-	+	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+
дворяне московские «больны»	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
дворяне московские «в нетех»	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
дьяки (общий перечень)	-	- ¹	- ²	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
дьяки в приказах	-	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
дьяки в отсылке	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
дьяки «не у дел»	-	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-

¹ Заголовок перечня — «Диоки» (л. 74), но при сопоставлении с перечнем «диоков по приказом» боярского списка июля 7156 г. (ед. хр. 216, л. 95) выяснено, что и этот перечень — приказные дьяки, поэтому в настоящей таблице они указаны под рубрикой «дьяки в приказах».

² Заголовок перечня — «Диаки» (л. 137), но при сопоставлении с перечнем «диоков по приказом» боярского списка июля 7156 г. (ед. хр. 216, л. 95) выяснено, что и этот перечень — приказные дьяки, поэтому в настоящей таблице они указаны под рубрикой «дьяки в приказах».

³ Заголовок перечня — «Диаки» (л. 78), однако при сопоставлении его с перечнем дьяков «подлинного» списка 7174 г. (ед. хр. 678, столп. 2, лл. 109-113) выяснено, что в перечне «наличного» списка указаны не все дьяки, при именах которых в «подлинном» списке отсутствуют пометы, свидетельствующие об их пребывании вне Москвы; видимо, в перечень дьяков «наличного» списка не включены также дьяки «не у дел».

ТАБЛИЦА 3. СТРУКТУРА «ПОЛОВИННЫХ» БОЯРСКИХ СПИСКОВ

ЧИНЫ БОЯРСКИЙ СПИСОК «ПОЛОВИННЫЙ»	7161 Г., ИЮНЬ (ЕД. ХР. 233, ЛЛ. 240-385)	7174 Г., ДЕКАБРЬ (ЕД. ХР. 678, СТОЛП. 2, ЛЛ. 3-8, 13-17)
бояре «налицо»	+	–
бояре «на службах»	+	–
окольничие «налицо»	+	–
окольничие «на службах»	+	–
кравчий	+	–
казначей	+	–
постельничий	+	–
думные дворяне	+	–
думные дьяки	+	–
стряпчий с ключом	+	–
московский ловчий	+	–
стольники «в естех»	+	–
стольники «больны»	+	–
стольники «в нетех»	+	–
стольники «были на службе в полках и на посольстве з бояры и воеводы»	–	+
стольники «в городех в воеводах, и в отсылке, и в отпуске»	+	–
стольники «ныне в городех в воеводах и в отсылках»	–	+
стольники в рейтарской службе	+	–
стряпчие	+	–

стряпчие «больны»	+	–
стряпчие «в нетех»	+	–
стряпчие «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску»	+	–
стряпчие в рейтарской службе	+	–
дворяне московские	+	–
дворяне «из больных»	+	–
дворяне «из нетчиков»	+	–
дворяне, «за которых для старости и увечья велено служить детям их и племянником»	+	–
дворяне «из больных в чети росписаны, а у государева смотру не были»	+	–
дворяне «больны», «у государева смотру не были»	+	–
дворяне – «нетчики»	+	–
дворяне в рейтарском строе	+	–
дворяне «в головах стрелецких»	+	–
дворяне «в Ыноземском приказе в полковниках»	+	–
дворяне «в городех в воеводах, и у всяких государевых дел, и в отсылке, и в отпуску»	+	–
дворяне «на неметцком рубеже на межеванье»	+	–
отставные дворяне московские	+	–
иноземцы	+	–
дьяки в приказах	+	–
дьяки «не у дел»	+	–
дьяки в отсылке	+	–

ТАБЛИЦА 4. СОПОСТАВЛЕНИЕ «НАЛИЧНОГО» СПИСКА ИЮЛЯ 7174 ГОДА
И «НАЛИЧНОГО» «ИМЕННОГО» СПИСКА СЕНТЯБРЯ 7176 ГОДА⁴

«НАЛИЧНЫЙ» СПИСОК ИЮЛЯ 7174 Г. (Л. 15)	«НАЛИЧНЫЙ» «ИМЕННОЙ» СПИСОК СЕНТЯБРЯ 7176 Г. (Л. 17)
«Михайло Иванов сын Еропкин», [помета на левом поле:] «44»	«Михайло Иванов сын Еропкин. На коне, 2 лошади простых, людей з боем 8 ч., а, по ево скаске, в пом<е>стьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских 120 д[воров]»
«Иван Петров сын Лихарев»	«Иван Петров сын Лихарев. На коне, да конь прост, людей з боем 4 ч., а, по ево скаске, в поместьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских 22 д[вора]»
«Князь Борис княж Дмитреев сын Шейдяков», [помета на левом поле:] «68»	«Князь Борис княж Дмитреев сын Шейдяков. На коне, лошедь проста, людей з боем 4 ч., а, по ево скаске, в поместье и в вотчинах крестьян 68 д[воров]», [помета на левом поле:] «из скаски 162-го году»

ТАБЛИЦА 5. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВОРОВ У СТОЛЬНИКОВ В 7174–7176 ГОДОВ

Группа (в скобках– число дво- ров)	«Подлинный» список 7174 г.		«Наличный» список июля 7174 г.		«Наличный» «именной» список сентября 7176 г.					
	чел.	дворов	чел.	дворов	чел. (для «0» групп и числи- теля в строке «Всего»), оди- ночных владе- льцев	у них дворов	Совместных владельцев (в скобках – чис- ло владений)	у них дворов	Итого	
									чел. (для «0» групп и числителя в стро- ке «Всего»), вла- дельцев (в скобках владений)	дво- ров

⁴ Порядок перечисления дворовых в «наличных» списках в таблице сохранён.

0 ¹ (кол-во дворов не указано)	44	–	162	–	43	–	–	–	43	–
0 ² (поместий и вотчин нет)	–	–	1	–	25	–	–	–	25	–
I (1-5)	–	–	1	5	3	11	–	–	3 (3)	11
II (6-25)	5	74	27	457	36	631	3 (1)	18	39 (37)	649
III (26-125)	25	1546	97	6204	115	7723	9 (4)	158	124 (119)	7881
IV (126-250)	2	310	34	6340	19	3149	7 (3)	475	26 (22)	3624
V (251-500)	1	350	12	3959	3	910	–	–	3 (3)	910
VI (501-1250)	–	–	7	4239	1	509	–	–	1 (1)	509
VII (свыше 1250)	–	–	1	1293	–	–	–	–	–	–
количество дворов не ясно (лист оборван)	–	–	1	?	4	?	–	–	4 (4)	?
Всего ⁵	77/ 33	2280	343/ 179	22497	249/ 177	12933	19 ⁶ (8)	651	268/ 196 ⁷ (185)	13584

⁵ В строке «Всего» в столбцах «чел.» и «чел., владельцев» в числителе дроби указано общее количество лиц, а в знаменателе — число лиц, у которых приведена численность крепостных дворов (т. е. лиц I–VII групп).

⁶ Из них 8 стольников, в том числе 3 учтены и как одиночные владельцы.

⁷ Фактически 265/193 человека; из 193 владельцев — 182 стольника (см. предыдущее примечание).

ТАБЛИЦА 6. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВОРОВ У СТЯПЧИХ В 7174–7176 ГГ.

Группа (в скобках – число дворов)	«Подлинный» список 7174 г.		«Наличный» список июля 7174 г.		«Наличный» «именной» список сентября 7176 г.					
	чел.	дворов	чел.	дворов	чел. (для «0» групп и числителя в строке «Всего»), одиночных владельцев	у них дворов	совместных владельцев (в скобках – число владений)	у них дворов	Итого	
									чел. (для «0» групп и числителя в строке «Всего»), владельцев (в скобках – владений)	дворов
0 ¹ (кол-во дворов не указано)	84	–	260	–	150	–	–	–	150	–
0 ² (поместий и вотчин нет)	–	–	–	–	40	–	–	–	40	–
I (1-5)	5	22	11	46	24	90	–	–	24 (24)	90
II (6-25)	47	693,5	111	1703	149	2355,5	7 (2)	35	156 (151)	2390,5
III (26-125)	76	4152	123	6773	151	8033	14 (6)	396	165 (157)	8429
IV (126-250)	3	508	8	1300	9	1580	5 (1)	140	14 (10)	1720
V (251-500)	–	–	1	360	1	360	–	–	1 (1)	360
Всего ⁸	215/ 131	5375,5	514/ 254	10182	524/ 334	12418,5	26 ⁹ (9)	571	550/ 360 ¹⁰ (343)	12989,5

⁸ В строке «Всего» в столбцах «чел.» и «чел., владельцев» в числителе дроби указано общее количество лиц, а в знаменателе — число лиц, у которых приведена численность крепостных дворов (т. е. лиц I–V групп).

⁹ Из них 10 стряпчих, в том числе у двоих одно совместное владение.

¹⁰ Из 360 владельцев — 344 стряпчих (см. предыдущее примечание).

ТАБЛИЦА 7. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВОРОВ У ДВОРЯН МОСКОВСКИХ В 7174–7176 ГГ.

Группа (в скобках – число дворов)	«Подлинный» список 7174 г.		«Наличный» список июля 7174 г.		«Наличный» «именной» список сентября 7176 г.					
	чел.	дворов	чел.	дворов	чел. (для «0» групп и числителя в строке «Всего»), одиночных владельцев	у них дворов	совместных владельцев (в скобках – число владений)	у них дворов	Итого	
									чел. (для «0» групп и числителя в строке «Всего»), владельцев (в скобках – владений)	дворов
0 ¹ (кол-во дворов не указано)	347	–	229	–	285	–	–	–	285	–
0 ² (поместий и вотчин нет)	1	–	–	–	15	–	–	–	15	–
I (1-5)	14	52	10	37	14	58	–	–	14 (14)	58
II (6-25,5)	155	2325	121	1818	116	1733,5	2 (1)	19	118 (117)	1752,5
III (26-125)	212	11554,3	106	5340	101	5203,3	2 (1)	32	103 (102)	5235,3
IV (126-250)	15	2429	6	881	7	1058	–	–	7 (7)	1058
V (251-500)	3	870	1	270	1	290	–	–	1 (1)	290
VI (501-1250)	2	1294	2	1294	2	1294	–	–	2 (2)	1294
кол-во дворов не ясно (лист оборван)	1	?	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего ¹¹	750/ 401	18524,3	475/ 246	9640	541/ 241	9636,8	4 ¹² (2)	51	545/ 245 ¹³ (243)	9687,8

¹¹ В строке «Всего» в столбцах «чел.» и «чел., владельцев» в числителе дроби указано общее количество лиц, а в знаменателе — число лиц, у которых приведена численность крепостных дворов (т. е. лиц I–VI групп).

¹² Из них 2 дворянина московских, оба учтены и как одиночные владельцы.

ТАБЛИЦА 8. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВОРОВ У ИНОЗЕМЦЕВ В 7174–7176 ГГ.

Группа (в скобках – число дворов)	«Подлинный» список 7174 г.		«Наличный» список июля 7174 г.		«Наличный» «именной» список сентября 7176 г.	
	чел.	дворов	чел.	дворов	чел.	дворов
0 ¹ (количество дворов не указано)	30	–	22	–	19	–
0 ² (поместий и вотчин нет)	–	–	–	–	5	–
I (1-5)	1	1	1	1	1	1
II (6-25)	2	38	2	38	2	38
III (26-125)	1	53	1	53	1	53
Всего ¹⁴	34/4	92	26/4	92	28/4	92

ТАБЛИЦА 9. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВОРОВ У ДЬЯКОВ В 7174 ГОДУ

Группа (в скобках – число дворов)	«Наличный» список июля 7174 г.	
	чел.	дворов
0 ¹ (кол-во дворов не указано)	4	–
0 ² (поместий и вотчин нет; пустое поместье)	27	–
I (1-5)	7	23

¹³ Фактически 543/243 человека; из 243 владельцев — 241 дворянин московский (см. предыдущее примечание).

¹⁴ В строке «Всего» в столбцах «чел.» в числителе дроби указано общее количество лиц, а в знаменателе — число лиц, у которых приведена численность крепостных дворов (т. е. лиц I–III групп).

II (6-25)	11	137
III (26-125)	13	503
IV (126-250)	1	142
Всего ¹⁵	63/32	805

ТАБЛИЦА 10. СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОМЕТ БОЯРСКИХ СПИСКОВ О СЛУЖБЕ ЧЛЕНОВ ДВОРА В ПРИКАЗАХ С ДАННЫМИ СПРАВОЧНИКА С. К. БОГОЯВЛЕНСКОГО «ПРИКАЗНЫЕ СУДЬИ XVII ВЕКА»

Служилые люди	Боярские списки	Справочник С. К. Богоявленского
Ф. В. Бутурлин, дворянин московский	«наличный» июня 7154 г., л. 30: «в Новой чети» [зачёркнут]	Новая четь, 8.04.7152 – 20.10.7155, 3.04.7156 (с. 89, 239)
Т. Д. Лодыгин, дворянин московский	«наличный» июня 7154 г., л. 30: «в Большом приходе» «наличный» января 7156 г., л. 71: «в Большом» «наличный» июля 7156 г., л. 42: «в Большом приходе»	Приказ Большого Прихода, 24.03.7152 – до 2.12.7157 (с. 33, 269)
С. В. Щепин-Волынский, дворянин московский	«наличный» июня 7154 г., л. 32: «на Земском»	Земский двор, 16.11.7154 – 22.07.7155 (с. 47, 244)
И. П. Матюшкин, дворянин московский	«наличный» июня 7154 г., л. 33: «на Казенном» «наличный» января 7156 г., л. 75: «на Казеном»	Приказ Большой Казны, с 27.11.7143 – 31.05.7170 (с. 24-26, 273)

¹⁵ В строке «Всего» в столбце «чел.» в числителе дроби указано общее количество лиц, а в знаменателе — число лиц, у которых приведена численность крепостных дворов (т. е. лиц I–IV групп).

	<p>«наличный» июля 7156 г., л. 100: «на Казенном» «подлинный» 7158 г., л. 51: «на Казенном» «подлинный» 7160 г., л. 60: «на Казенном» «наличный» сентября 7161 г., л. 53: «на Казенном» «подлинный» 7161 г., л. 52: «на Казенном» «половинный» июня 7161 г., л. 303: «на Казенном» «наличный» октября 7162 г., л. 44: «на Казенном» «подлинный» 7162–7163 гг., л. 200: «на Казенном» [зачёркнут]</p>	
кн. Е. Ф. Мышецкий, дворянин московский	<p>«наличный» июня 7154 г., л. 35: «в Судном» «наличный» января 7156 г., л. 76: «в Судном» «наличный» июля 7156 г., л. 47: «в Судном»</p>	Судный Московский приказ, 11.12.7154 –20.03.7156 (с. 184, 277)
кн. Ф. А. Шелешпальский, дворянин московский	<p>«наличный» июня 7154 г., л. 37: «в Холопье» «наличный» января 7156 г., л. 78: «в Холопье» «наличный» июля 7156 г., л. 49: «в Холопье» [помета зачёркнута]</p>	Холопий приказ, 18.08.7153 – 31.07.7156 (с. 205-206, 311)
П. Ф. Соковнин, дворянин московский	<p>«наличный» июня 7154 г., л. 39: «в Каменом»</p>	Каменный приказ, с 3.12.7149 – 3.01.7156 (с. 74, 296)

	«наличный» января 7156 г., л. 80: «в Каменом» [помета зачёркнута]	
С. П. Нарбеков, дворянин московский	«наличный» июня 7154 г., л. 47: «на Земском» [зачёркнут]	Земский двор, 16.11.7154 – 5.10.7155 (с. 47, 277)
Л. С. Плещеев, дворянин московский	«наличный» января 7156 г., л. 73: «на Земском»	Земский двор, с 15.08.7155 – до 2.06.7156 (с. 47, 284)
Ф. А. Алябьев, дворянин московский	«наличный» января 7156 г., л. 80: «в Каменом» «наличный» июля 7156 г., л. 51: «в Каменом» «подлинный» 7158 г., л. 55: «в Каменном» «подлинный» 7160 г., л. 62: «в Каменном был и умре» [зачёркнут]	Каменный приказ, 11.08.7156 – 11.12.7160 (с. 74-75, 233)
И. Ф. Соковнин, дворянин московский	«наличный» января 7156 г., л. 87: «на Земском» «наличный» июля 7156 г., л. 56: «на Земском» «подлинный» 7158 г., л. 59: «на Земском» [помета зачёркнута]	Земский двор, 22.02.7155 – 3.05.7158 (с. 47-48, 296)
М. П. Волынский, дворянин московский	«наличный» июля 7156 г., л. 42: «на Земском»	Земский двор, 22.07.7156 – до 2.12.7157 (с. 47-48, 244)
кн. И. Меньшой Ф. Шаховской, дворянин московский	«наличный» июля 7156 г., л. 47: «в Розбойном» «подлинный» 7158 г., л. 52: «в Розбойном» «подлинный» 7160 г., л. 57: «в Розбойном» «подлинный» 7161 г., л. 53: «в Розбойном»	Разбойный приказ, 18.07.7156 – 30.12.7162 (с. 140-141, 310)

	«наличный» октября 7162 г., л. 44: «в Розбойном» «подлинный» 7162-7163 гг., л. 200: «в Розбойном»	
А. А. Зиновьев, дворянин московский	«наличный» июля 7156 г., л. 58: «в Судном»	Судный Московский приказ, с 5.08.7156 – 17.07.7157 (с. 184, 255)
кн. Т. И. Щербатый, стольник	«подлинный» 7158 г., л. 3: «в Судном в Московском приказе»	Судный Московский приказ, с 21.06.7157 – 16.09.7159 (с. 184, 313)
М. С. Исленьев, стольник	«подлинный» 7158 г., л. 9: «в Судном Московском» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, с 25.07.7157 – до 22.04.7158 (с. 184, 258)
кн. И. Б. Приемков-Ростовский, дворянин московский	«подлинный» 7158 г., л. 49: «на Земском дворе»	Земский двор, с 18.07.7157 – 7.04.7159 (с. 48, 287)
И. С. Исленьев, дворянин московский	«подлинный» 7158 г., л. 56: «в Судном Володимерском» [помета зачёркнута]	Судный Владимирский приказ, с 2.06.7157 – до 22.04.7158 (с. 173, 258)
О. М. Беклемишев, дворянин московский	«подлинный» 7158 г., л. 59: «в Судном» «подлинный» 7160 г., л. 68: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Владимирский приказ, с 22.04.7158 – 18.03.7160 (с. 173-174, 236)
Н. М. Беклемишев, дворянин московский	«подлинный» 7158 г., л. 59: «в Судном» «подлинный» 7160 г., л. 68: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, с 22.04.7158 – 19.03.7160 (с. 184, 236)
Я. И. Загряжский, дворянин московский	«подлинный» 7158 г., л. 71: «на Земском»	Земский двор, 29.05.7158 – 7.04.7159 (с. 48, 254)
В. П. Шереметев, боярин	«подлинный» 7160 г., л. 6: «в Судном»	Судный Владимирский приказ, с 22.04.7158 – 13.01.7161 (с. 173-174, 311)
кн. Ю. А. Долгорукий, боярин	«подлинный» 7160 г., л. 6: ««в Пуш>карском»	Пушкарский приказ, 1.12.7159 – 25.02.7162, 12.01.7164 – 30.04.7166, 8.02.7168 – 30.09.7170 (с. 135-136, 250)
Б. М. Хитрово, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 1: «на Земском»	Земский двор, 9.07.7159 – 20.12.7164

		(с. 48, 307)
И. А. Милославский, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 1: «в Ямском»	Ямской приказ, 10.07.7157 – 26.01.7171 (с. 224-225, 274)
С. Г. Пушкин, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 2: «в Челобитном»	Челобитный приказ, 28.08.7159 – 28.11.7160 (с. 219, 290)
кн. И. И. Лобанов-Ростовский, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 2: «в Устюжской»	Устюжская четь, с 21.06.7157 – 6.07.7161 (с. 199-200, 269)
Ф. В. Бутурлин, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 2: «в Судном»	Судный Московский приказ, 7.03.7161 (с. 184, 239)
М. А. Ртищев, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 2: «в Новой чети» [помета зачёркнута]	Новая четь, с 29.08.7158 – 27.06.7160 (с. 89-90, 292)
П. П. Головин, окольный	«подлинный» 7160 г., л. 2: «в Челобитном»	Челобитный приказ, 5.10 – 6.06.7161 (с. 219, 246)
П. М. Пушкин, стольник	«подлинный» 7160 г., л. 9: «в Судном Московском»	–
И. Б. Комынин, стольник	«подлинный» 7160 г., л. 11: «в Судном» «наличный» сентября 7161 г., л. 18: «<в> Судном» «подлинный» 7161 г., л. 12: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Владимирский приказ, 5.08.7160 – 25.01.7161 (с. 174, 259)
А. Б. Комынин, стольник	«подлинный» 7160 г., л. 12: «в Судном» «наличный» сентября 7161 г., л. 19: «в Судном» «подлинный» 7161 г., л. 13: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, 7.03.7161 (с. 184, 259)
Я. И. Загряжский, дворянин московский	«подлинный» 7160 г., л. 78: «в Каменом» «наличный» сентября 7161 г., л. 70: «в Каменом» «подлинный» 7161 г., л. 70: «в Каменом» «половинный» июня 7161 г., л. 316:	Каменный приказ, 03.7161–7162, 7164, 7166–7172 (с. 75, 254)

	<p>«в Каменном» «наличный» октября 7162 г., л. 55: «в Каменом» «подлинный» 7162-7163 гг., л. 217: «в Каменом» «подлинный» 7165 г., л. 89: «в Каменом» «подлинный» 7167 г., л. 36: «в Каменом приказе» «наличный» 7168-7169 гг., л. 56: «в Каменом приказе» «подлинный» 7169 г., л. 63: «в Каменом» «наличный» 7169–7170 гг., л. 62: «в Каменом» «подлинный» 7170 г., л. 83: «в Каменом» «подлинный» 7171 г., л. 83: «в Каменом» «подлинный» сентября 7172 г., л. 72: «в Каменом» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 71: «в Каменом»</p>	
А. В. Сонин, дворянин московский	<p>«подлинный» 7160 г., л. 95: «на Земском» «наличный» сентября 7161 г., л. 94: «на Земском» «подлинный» 7161 г., л. 89: «на Земском» «подлинный» 7162–7163 гг., л. 233: «на Земском»</p>	Земский двор, 9.07.7159 – 2.05.7162 (с. 48, 297)
М. В. Кафтырев, дворянин московский	<p>«подлинный» 7161 г., л. 62: «в Судном» [помета зачёркнута]</p>	–
Н. В. Кафтырев, дворянин московский	«подлинный» 7161 г., л. 62: «в Судном»	Судный Владимирский приказ, с

	«половинный» июня 7161 г., л. 309: «в Судном» «наличный» октября 7162 г., л. 51: «в Судном» «подлинный» 7162-7163 гг., л. 216а: «в Судном» «подлинный» 7165 г., л. 47: «в Судном»	31.03.7161, 7165 – до 11.05.7166 (с. 174, 260); Судный Московский приказ, с 23.01.7165 (с. 185, 260)
Ю. В. Телепнев, дворянин московский	«подлинный» 7161 г., л. 65: «в Оружейном» «половинный» июня 7161 г., л. 311: «в Оружейной» «наличный» октября 7162 г., л. 53: «в Оружейном» «подлинный» 7162–7163 гг., л. 221: «в Оружейном» [помета зачёркнута]	–
Д. К. Булгаков, дьяк (7158-61), дворянин московский (7161-76)	«подлинный» 7158 г., л. 120: «в Конюшенном» «подлинный» 7160 г., л. 130: «в Конюшенном приказе» «подлинный» 7161 г., л. 128: «в Конюшенном», л. 106: «в Конюшенном» «половинный» июня 7161 г., л. 345: «в Конюшенном» «подлинный» 7162–7163 гг., л. 225: «в Конюшенном» «подлинный» 7165 г., л. 65: «в Конюшенном» «подлинный» 7167 г., л. 62: «в Конюшенном»	Конюшенный приказ, с 3.12.7157 – 15.03.7184 (с. 78-79, 238)

	<p>«наличный» 7168–7169 гг., л. 72: «в Конюшенном приказе» «подлинный» 7169 г., л. 79: «в Конюшенном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 74: «в Конюшенном» «подлинный» 7170 г., л. 98: «в Конюшенном» «подлинный» 7171 г., л. 99: «в Конюшенном» «подлинный» сентября 7172 г., л. 86: «в Конюшенном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 88: «в Конюшенном» «наличный» июля 7174 г., л. 59: «в Конюшенном» «подлинный» 7175 г., л. 71: «в Конюшенном» «наличный» июня 7175 г., л. 109: «в Конюшенном» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 186: «в Конюшенном» [sic] [зачёркнут] «подлинный» 7176 (1667) г., л. 67: «в Конюшенном»</p>	
Я. В. Кафтырев, дворянин московский	<p>«половинный» июня 7161 г., л. 327: «в Судном» «наличный» октября 7162 г., л. 51: «в Судном» «подлинный» 7162–7163 гг., л. 215:</p>	Судный Московский приказ, с 31.03.7161 – 7162, с 3.03.7165 – 11.05.7166 (с. 184-185, 260)

	«в Судном» «подлинный» 7165 г., л. 47: «в Судном»	
Д. П. Волынский, дворянин московский	«подлинный» 7162–7163 гг., л. 199: «в Холопье» «подлинный» 7165 г., л. 41: «у Холопья суда» «подлинный» 7167 г., л. 25: «у Холопья суда» [помета зачёркнута]	Холопий приказ, 29.09.7162 – до 13.04.7167 (с. 206, 244)
М. Ж. Квашнин, дворянин московский	«подлинный» 7165 г., л. 41: «в Судном»	Судный Московский приказ, с 3.03.7165 – до 7.04.7166 (с. 185, 260)
М. В. Кафтырев, дворянин московский	«подлинный» 7165 г., л. 49: «на Денежном дворе»	–
С. М. Бахтеев, стряпчий	«подлинный» 7167 г., л. 16: «на Денежном дворе» «наличный» 7168-7169 гг., л. 25: «на Денежном дворе»	–
Ф. М. Рчинов, стряпчий	«подлинный» 7167 г., л. 17: «на Денежном дворе»	–
М. П. Волынский, дворянин московский	«подлинный» 7167 г., л. 24: «в Судном»	Судный Московский приказ, с 15.03.7167 – 15.05.7168 (с. 185, 244)
Г. Б. Нащокин, дворянин московский	«подлинный» 7167 г., л. 28: «в Приказе Холопья суда» «наличный» 7168–7169 гг., л. 51: «у Холопья суда» «подлинный» 7169 г., л. 57: «у Холопья суда» «наличный» 7169–7170 гг., л. 57: «в Холопье» «подлинный» 7170 г., л. 78: «в Холопье» [помета зачёркнута]	Холопий приказ, с 13.04.7167 – 1.09.7170 (с. 206-207, 277)

Р. В. Жуков, дворянин московский	«подлинный» 7167 г., л. 58: «в Земском»	Земский двор, 8.03.7163 – 20.12.7164, 29.04.7166 – 28.05.7167 (с. 48-49, 254)
В. Я. Дашков, стольник	«наличный» 7168–7169 гг., л. 7: «в Судном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 13: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, с 17.11.7167 – 6.09.7169 (с. 185, 249); Судный Владимирский приказ, с 6.06.7168 – до 20.06.7169 (с. 174, 249)
А. И. Нестеров, стольник	«наличный» 7168–7169 гг., л. 21: «в Оружейном» «подлинный» 7169 г., л. 83а: «в Оружейном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 28: «в Оружейном» «подлинный» 7170 г., л. 32: «в Оружейном» «подлинный» 7171 г., л. 18: «в Оружейном» «подлинный» сентября 7172 г., л. 31: «в Оружейном» «наличный» сентября 7172 г., лл. 21-22: «в Оружейном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 23: «в Оружейном» «наличный» марта 7172 г., л. 16: «в Оружейном» «наличный» июля 7172 г., л. 12: «в Оружейном» «наличный» июля 7174 г., л. 19: «в Оружейном» «подлинный» 7175 г., л. 15: «в Оружейном»	Оружейный приказ, с 28.03.7168 – 19.02.7176 (с. 97, 279)
А. М. Рчинов, стряпчий	«наличный» 7168-7169 гг., л. 25: «на	–

	Денежном дворе» [помета зачёркнута]	
И. К. Безобразов, дворянин московский	«наличный» 7168–7169 гг., л. 51: «в Разбойном» «подлинный» 7169 г., л. 57: «в Розбойном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 57: «в Розбойном» «подлинный» 7170 г., л. 78: «в Розбойном» «подлинный» 7171 г., л. 78: «в Розбойном» «подлинный» сентября 7172 г., л. 66: «в Розбойном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 66: «в Розбойном»	Разбойный приказ, с 17.03.7167 – 31.12.7173 (с. 141-142, 235)
С. З. Дашков, дворянин московский	«наличный» 7168–7169 гг., л. 68: «в Судном приказе» «наличный» 7169–7170 гг., л. 71: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, 22.12.7169 (с. 185, 249)
А. Н. Киреевский, дворянин московский	«подлинный» 7169 г., л. 63: «в Судном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 62: «в Судном» «подлинный» 7170 г., л. 83: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Владимирский приказ, с 20.06.7169 – до 23.05.7170 (с. 174, 260)
С. Н. Киреевский, дворянин московский	«подлинный» 7169 г., л. 63: «в Судном» «наличный» 7169–7170 гг., л. 62: «в Судном» «подлинный» 7170 г., л. 83: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, 20.06.7169 – до 18.05.7170 (с. 185, 260)
М. Б. Клешнин, стольник	«наличный» 7169–7170 гг., л. 13: «на Денежном»	Денежный двор, до 9.01.7169 (с. 43, 261)

кн. М. С. Шаховской, дворянин московский	«наличный» 7169–7170 г., л. 56: «в Судном»	Судный Московский приказ, 22.12.7169 (с. 185, 310)
А. Ф. Болтин, дворянин московский	«наличный» 7169–7170 г., л. 63: «в Конюшенном» [помета зачёркнута]	–
И. Я. Колтовский, стольник	«подлинный» 7170 г., л. 12: «в Судном»	Судный Владимирский приказ, с 23.05.7170 – 15.05.7171 (с. 174-175, 262)
В. Я. Колтовский, стольник	«подлинный» 7170 г., л. 16: «в Судном» [помета зачёркнута]	Судный Московский приказ, с 05.7170 (с. 185, 262)
И. И. Стрешнев, стольник	«подлинный» 7170 г., л. 23: «у Холопья суда» «подлинный» 7171 г., л. 29: «в Холопье» «подлинный» сентября 7172 г., л. 15а: «в Холопье» «наличный» сентября 7172 г., л. 14: «в Холопье» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 12: «в Холопье» «наличный» марта 7172 г., л. 16: «в Холопье» «наличный» июля 7172 г., л. 10: «в Холопье» «наличный» июля 7174 г., л. 13: «в Холопье» «подлинный» 7175 г., л. 8: «в Приказе Холопья суда» «наличный» июня 7175 г., л. 57: «в Холопье» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 10: «в Холопье»	Холопий приказ, с 18.05.7170 – 17.07.7182 (с. 207, 298)
С. В. Ларионов, дворянин московский	«подлинный» 7170 г., л. 88: «в Земском»	Земский двор, с 07.7170 – 11.07.7180

	<p>«подлинный» 7171 г., л. 88: «в Земском» «подлинный» сентября 7172 г., л. 76: «в Земском» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 78: «в Земском» «подлинный» 7174 г., л. 55: «в Земском» «наличный» июля 7174 г., л. 54: «в Земском» «подлинный» 7175 г., л. 63: «в Земском» «наличный» июня 7175 г., л. 104: «в Земском» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 166: «в Земском» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 60: «в Земском»</p>	(с. 49, 267)
А. М. Рчинов, стряпчий	<p>«подлинный» 7171 г., л. 37: «на Денежном» «подлинный» сентября 7172 г., л. 39: «на Денежном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 31: «на Денежном» «наличный» июля 7172 г., л. 16: «на Денежном» «подлинный» 7174 г., л. 19: «на Денежном» [помета зачёркнута]</p>	Денежный двор, 7173 (с. 293)
Г. Б. Нащокин, дворянин московский	<p>«подлинный» сентября 7172 г., л. 66: «в Ямском» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 66: «в Ямском» [помета зачёркнута]</p>	Ямской приказ, с 5.07.7171 – 27.04.7175 (с. 225, 277)
И. Ф. Акинфов, дворянин московский	<p>«подлинный» сентября 7172 г., л. 68: «в Ыноземском»</p>	Иноземский приказ, с 18.07.7170 – 10.7175 (с. 56, 231); Рейтарский приказ, с

	«подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 67: «в Рейтарском» «подлинный» 7174 г., л. 38: «в Ыноземском»	18.07.7170, 28.02.7174 (с. 150, 231)
Ф. О. Елизаров, дворянин московский	«подлинный» сентября 7172 г., л. 71: «в Хлебном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 71: «в Хлебном» «подлинный» 7174 г., л. 41: «в Хлебном» «подлинный» 7175 г., л. 59: «за государынею и в Хлебном» [«и в Хлебном» зачёркнуто]	Хлебный приказ, 13.08.7171 – 7173(7174) (с. 202, 252)
Д. К. Дерябин, дворянин московский	«подлинный» сентября 7172 г., л. 100: «на Денежном» «подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 103: «на Денежном» «подлинный» 7174 г., л. 80: «<н>а Денежном» «наличный» июля 7174 г., л. 68: «на Денежном» «подлинный» 7175 г., л. 83: «на Денежном» «наличный» июня 7175 г., л. 117: «на Денежном»	Денежный двор, 7172, 7183 (с. 43)
кн. М. С. Прозоровский, стольник	«наличный» сентября 7172 г., л. 6: «в Судном»	Судный Московский приказ, с 5.08.7171 (с. 186, 288)
В. К. Селифонтов, дворянин московский	«подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 97: «в Дворцовом Судном судья» «подлинный» 7174 г., л. 71: «<в> Д<во>рцовом Судном приказе»	Судный Дворцовый приказ, 15.09.7173 – 7178 (с. 178-179, 295)

	«наличный» июля 7174 г., л. 63: «в Судном Дворцовом» «подлинный» 7175 г., л. 78: «в Дворцовом Судном» «наличный» июня 7175 г., л. 113: «в Дворцовом Судном» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 204: «в Судном Дворцовом» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 72: «во Дворцовом Судном»	
П. С. Коптев, дьяк (7172), дворянин московский (7174)	«подлинный» 7172 (1663/64) г., л. 123: «у книгопечатного дела» «подлинный» 7174 г., л. 59: «на Печатном» «наличный» июля 7174 г., л. 55: «на Печатном»	Печатный двор (Приказ Печатных книг), 7172 – 7173 (с. 118, 263)
В. И. Бастанов, стряпчий	«подлинный» 7174 г., лл. 19-20: «в Судном Московском» «наличный» июля 7174 г., л. 23: «в Судном Московском» «подлинный» 7175 г., л. 29: «в Судном Московском» «наличный» июня 7175 г., л. 69: «в Судном Московском» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 56: «в Судном Московском» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 87: «в Судном Московском»	Судный Московский приказ, 27.01.7173 –17.11.7180 (с. 186-187, 235)
С. Г. Свиньин, стряпчий	«подлинный» 7174 г., л. 25: «в Розбойном» «наличный» июля 7174 г., л. 27:	Разбойный приказ, 24.04.7173 – 16.03.7182 (с. 142, 294)

	«в Розбойном» «подлинный» 7175 г., л. 33: «в Розбойном» «наличный» июня 7175 г., л. 71: «в Розбойном»	
И. С. Исленьев, дворянин московский	«подлинный» 7174 г., л. 38: «в Судном Володимирском» «наличный» июля 7174 г., л. 49: «в Судном Володимирском» «подлинный» 7175 г., л. 56: «в Судном Володимирском»	Судный Владимирский приказ, 19.07.7173 – 30.05.7175 (с. 175, 258)
кн. А. М. Солнцев-Засекин, стольник	«наличный» июля 7174 г., л. 9: «в Судном Московском» «подлинный» 7175 г., л. 5: «в Судном Московском» «наличный» июня 7175 г., л. 51: «в Судном Московском» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 4: «в Судном Московском»	Судный Московский приказ, 30.05.7173 – 21.12.7178 (с. 186, 296)
И. Б. Комынин, стольник	«наличный» июля 7174 г., л. 11: «в Каменом» «подлинный» 7175 г., л. 6: «в Каменом» «наличный» июня 7175 г., л. 56: «в Каменном» [sic] «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 2а: «в Каменом» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 8: «в Каменом»	Каменный приказ, 12.08.7173 – 7174, 7176 – 28.04.7184 (с. 75-76, 259)
И. Б. Хитрово, стольник	«наличный» июля 7174 г., л. 14:	Приказ Большого Дворца, с 20.08.7173 –

	«в Приказе Большого дворца» [зачёркнут]	19.02.7178 (с. 20-21, 307)
Ф. П. Соковнин, стольник	«подлинный» 7175 г., л. 9: «у Государыни Царицы» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 11: «у Великие Государыни Царицы в Мастерской»	Царицына Мастерская палата, 15.02.7175 – 12.04.7178 (с. 211, 296)
кн. С. И. Козловский, дворянин московский	«подлинный» 7175 г., л. 55: «в Рейтарском и в Ыноземском» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 157: «в Ыноземском» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 53: «в Ыноземском»	Рейтарский приказ, с 24.05.7175 – 13.10.7177 (с. 150-151, 262); Иноземский приказ, с 24.05.7175 – 11.12.7177 (с. 56, 262)
И. С. Хитрово, стольник	«наличный» июня 7175 г., л. 59: «в Хлебном» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 17: «в Хлебном» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 12: «в Хлебном»	Хлебный приказ, 24.06.7176 – 9.05.7178 (с. 202, 307)
В. Д. Овцын, дворянин московский	«наличный» июня 7175 г., л. 102: «в Судном Володимерском приказе» «наличный» «именной» сентября 7176 г., л. 161: «в Судном Володимерском» «подлинный» 7176 (1667) г., л. 57: «в Судном Володимерском»	Судный Владимирский приказ, с 1.06.7175 – 15.11.7180 (с. 175-176, 280)
Н. И. Шереметев, стольник	«подлинный» 7176 (1667) г., л. 3: «а ныне в Судном Володимерском»	Судный Владимирский приказ, 08.7174 – 15.11.7180 (с. 175, 311)

Ю. Я. Вин

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

...неразложимые в терминах объектных содержаний, “качества” разложимы в терминах матриц (матричных состояний и матричных структур) человеческого эксперимента и предметно-деятельного бытия “монадо-существ”, в сложном структурном единстве и сращении (симбиозе) с которыми находятся реальные живые существа. Нужен язык описания таких “существ”.

М. К. Мамардашвили

Анализ понятий и терминов исторических источников предполагает решение ряда конкретных задач в области семиотики языка, которая, в свою очередь, непосредственно связана с теорией информации, что позволяет переходить от статических аспектов анализа знаковых систем к динамическим¹. К этим задачам относятся унификация значений лексики различных языков, которой препятствуют как скрытые, так и легко различимые расхождения, обусловленные этнонациональной спецификой.

Сама по себе указанная проблема хорошо знакома многим поколениям лингвистов и философов. Еще С. Н. Булгаков подчеркивал, что сравнительное изучение грамматики должно раскрыть перед нами не только многообразие ее форм, но и грамматические эквиваленты, этимологические и синтаксические, для выражения одних и тех же смысловых, в частности логических, функций. Практически, считал философ, эти эквиваленты “отлично” ощущаются и ищутся при всяком переводе с одного языка на другой, причем это тем поучительнее, чем дальше отходят языки один от другого².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 05-06-80132а).

¹ Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998. С. 139-140.

² Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 177.

Знатоки языка и интеллектуалы нынешнего времени, к которым принадлежит Ю. С. Степанов, в числе хорошо известных примеров этнокультурных различий значений лексики называют, в частности, слово “человек”, существующее во всех индоевропейских языках. Если в древнегреческом и древнеиндийском языках оно является производным от корня со значением “смертный”, то в латинском и литовском — “земляной”³.

Подобные расхождения находятся в поле зрения многих современных исследователей языка, которые, однако, преодолевают выявляемые лексические противоречия самыми различными путями. В ряду тех зарубежных ученых, которые признают глубокую связь между лексическими явлениями и жизнью общества, предлагается, как это делает, к примеру, А. Вежбицкая, разрабатывать “культурные сценарии”, иначе говоря — изучать подсознательно действующую культурную парадигму поведения, раскрывающую способы мышления, изъявления чувств, совершения поступков⁴. Одновременно для анализа обиходного поведения человека, который позволял бы объяснять природу его взаимодействия и взаимопонимания с другими людьми, создана концепция семантических примитивов и лексических универсалий, которые представляют собой универсальные человеческие понятия в виде строго ограниченного круга простейших языковых элементов, называемых также “элементарными концептами”⁵. Они, как некий языковой субстрат, положены в основу естественного семантического метаязыка, который призван служить описанию значений лексики изучаемых языков⁶. Наряду с этим решение задач культуры с помощью анализа лексики рекомендуется осуществлять посредством исчисления частотности и опирающегося на него выявления “ключевых

³ Степанов Ю. С. Язык и метод... С. 63 и далее; *Она же*. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 65-66.

⁴ См.: Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 123-124 и далее, 132, 159-160 и далее; *Она же*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 653-654.

⁵ Вежбицкая А. Семантические универсалии... С. 11 и далее, 134 и далее, 140-141, 172-173 и далее, 296-299; *Она же*. Сопоставление культур... С. 19-21, 161, 227-228.

⁶ См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии... С. 28-31 и далее, 171 и далее, 228-229, 293-295.

слов” — якобы наиболее важных и показательных отдельных словоупотреблений⁷. Безусловно от подобных рекомендаций остается сделать только один-два шага в сторону квантативной лингвистики, теории и практики информационно-поисковых систем, различным видам контент-анализа и другим методам прикладной лингвистики⁸.

Как бы широко ни были распространены описанные приемы исследования лексики, они вряд ли удовлетворят профессиональные интересы специалистов, обращающихся к изучению категориальной картины мира человека исторического прошлого посредством социокультурных концептов. Напомним, что в современной науке они противопоставляются абстрактным категориям и формализованным понятиям как выражение субъективного отношения к фактам ментальной культуры⁹. Согласно Ю. С. Степанову, концепты культуры, входящие в состав культурно-семиотических рядов, соединяют отдельные представления в единое целое¹⁰. Ученый определяет концепты в качестве основной ячейки культуры в ментальном мире человека¹¹. В то же время в когнитивных науках “концепт” обозначает единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающих знание и опыт человека. С этой точки зрения представления о концепте опираются на его интерпретацию как оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка человеческого мозга с присущей его психике картиной мира. Концепт идентифицируется с основной единицей хранения и передачи информации, которая в различных языках получает словесное воплощение в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов. Будучи гибкими и изменяющимися

⁷ Там же. С. 278-284.

⁸ См.: Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

⁹ Подробнее см.: Микешина Л. А. Философия познания: Полемиические главы. М., 2002. С. 502 и далее.

¹⁰ Степанов Ю. С. Язык и метод... С. 80 и далее.

¹¹ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 43-45 и далее. Критический отклик на интерпретацию термина “концепт” в первом издании названного труда Ю. С. Степанова (М., 1997) см.: Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 30-31.

единицами, концепты организуются иерархически и составляют семантические сети, претворяемые человеческой памятью. Особо подчеркивается объективная потребность современного исследователя в воссоздании концептов, которая обусловлена их неразрывной связью с процессами его собственного мышления и познания¹².

Будучи единицами ментальной информации, концепты выступают в качестве разного типа образов, представлений, понятий или их объединений, таких, как гештальты, пропозиции, фреймы и так далее. Они рождаются в процессе восприятия мира, в актах познания, отображая и обобщая человеческий опыт и осмысливаемую действительность. Роль языка при этом заключается в объективизации результатов того, как понят мир, как он воспринят в сознании¹³. Его содержательными единицами выступают концепты¹⁴. Они предстают в содержательных формах образа, понятия и символа. Так или иначе, концепты, формируя языковую картину мира, реализуются с помощью лексем¹⁵.

Наглядным подтверждением тому служит анализ системы категорий Аристотеля, который проделал Ю. С. Степанов. Ученый неоспоримо показывает видимую разницу в их понимании и отличия интерпретации, обусловленные логико-грамматическими особенностями греческого и латинского языков¹⁶. Даже самое понятие “категория”, как и восходящие к нему греческие и латинские словоформы, дают основания не просто для лингвистического анализа, а для философских размышлений над сущностью человеческой природы¹⁷. Аналогичным образом повод для веских суждений об историческом процессе освоения пространства мира и одновременно происходившего процесса создания ментального, логическо-

¹² Микешина Л. А. *Философия познания...* С. 506-507.

¹³ Кубрякова Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* М., 2004. С. 57, 93, 317.

¹⁴ Кубрякова Е. С. *Язык и знание...* С. 164.

¹⁵ Хроленко А. Т. *Лингвокультуроведение.* Курск, 2001. С. 25-29, 135.

¹⁶ Степанов Ю. С. *Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика.* М., 2002. С. 130-132 и далее; *Он же.* *Язык и метод...* С. 196 и далее; 542-543 и далее.

¹⁷ Степанов Ю. С. *Имена...* С. 120-121, 150 сл.; *Он же.* *Язык и метод...* С. 208-209, 543 и далее.

го мира дают наблюдения над формированием концептов «Мир как то место, где живем мы, “свой”» и «Мир — Вселенная, Универсум»¹⁸. Правда, разница культурной, социолингвистической и семантической коннотации способна исказить подлинную картину действительности, а потому отождествление значения понятий и терминов разных национальных языков вызывает возражения¹⁹. При всех сомнениях на этот счет такая процедура находит оправдание, в особенности если она ориентирована на изыскание всевозможных реально происходящих сдвигов и специфики исторического развития языковой культуры разных народов.

Справедливости ради необходимо указать на неоспоримость заключения теории языкознания о том, что ощутимые различия систем понятий в различных языках обусловлены не только разницей значений лексических десигнатов в разных языках. Определенные различия наблюдаются также в системах понятий, принадлежащих к одному языку. Выявляемые расхождения объясняются различиями между понятиями и выраженными ими значениями²⁰. Тем не менее, обнаруживаемые в процессе анализа лексики различия носят принципиальный характер, что делает актуальным структурное сопоставление понятийно-терминологических систем, складывающихся в различных языковых средах²¹.

Методология современной лингвистики предлагает самый широкий спектр приемов и способов изучения лексических явлений, которые могут найти приложение к решению задачи систематизации аутентичных понятий и терминов различных языков²². Сама по себе указанная задача, выдвигаемая на первый план в связи с анализом понятий и терминов византийского права, настоятельно требует контекстного сопоставления номинативных значений соот-

¹⁸ Степанов Ю. С. Язык и метод... С. 662 и далее; *Он же*. Константы... С. 216 сл.; 223 и далее.

¹⁹ Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986. С. 109-110. Общую характеристику коннотации см.: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 92-94; Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение. С. 88-89 и далее.

²⁰ Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 96 и далее.

²¹ Гринев С. В. Введение в терминоведение. М., 1993. С. 228-229, 279-280.

²² Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 51 и далее.

ветствующих лексических единиц, которые использовались византийцами в законодательных и юридических памятниках, написанных на латинском и греческом языках, а также известны в славянских рецепциях. Вполне допустимым средством, равно как и непосредственным результатом осуществления такой процедуры может стать построение сначала — фрейма, а затем — лексической матрицы, то есть математически выраженного алгоритма внутреннего строения и организации системы соответствий латинских, греческих и старославянских аутентичных понятий и терминов с учетом их значений, дистрибуции и функционирования в соответствующих языках²³. Залогом успешной реализации этого замысла служит интуитивная очевидность языкового родства латинского, греческого и славянского языков. Выявление в них регулярных лексических соответствий оправдывает их формализацию в рамках сравнительно-исторического метода, с давних пор ставшего опорой сравнительного языкознания²⁴.

Обращение в связи с поставленной задачей к теории фреймов основано на том, что они, передавая наиболее существенные черты понятийной структуры, рассматриваются как средство обеспечения внутрисистемной организации информации, которую заключает в себе язык²⁵. В лингвистике фреймом называют структуру знаний, представляющую информацию об определенном фрагменте человеческого опыта. Фрейм состоит из слотов, соответствующих отдельным элементам воспринимаемого объекта. Слоты отображают

²³ Вин Ю. Я. Диалог социального и культурного в информационном исследовании аутентичных понятий и терминов византийских источников. Ч. 2 // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. М., 2004. С. 191-194; *Он же*. От концепции к высокой технологии (междисциплинарный аспект исторического исследования понятий и терминов исторических источников) // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после “постмодерна”. М., 2005. С. 96-98; *Он же*. Информационная технология исследований аутентичных понятий и терминов византийского права: программный модуль определения информационной близости // Информационный бюллетень Ассоциации “История и компьютер”. М.; Тамбов, 2006. № 34. С. 38-39.

²⁴ Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001. С. 48.

²⁵ См.: Калентьева Т. Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск, 1998. С. 49-50 и далее.

информацию об его аспектах и параметрах. Фрейм обычно представляют в виде таблицы, столбцы и строки которой соответствуют слотам²⁶. В частности, примером могут служить фреймы соответствий между русским, латинским и греческим языками, а также санскритом, примененные в целях реконструкции их фонетики²⁷.

Лексический фрейм, включающий сведения о понятиях и терминах различных естественных языков, которые сопоставляются, исходя из “эквивалентного” номинативного значения, в отдельных своих слотах будет репрезентировать соответствующие ему латинские, греческие и славянские понятия на уровне ключевых слов или лексем (См. Табл. 1). При этом специального внимания потребует семантика синонимичных понятий и терминов, отображение которых может быть представлено двояким образом. В первом варианте фиксации синонимов, исходя из “эквивалентного” значения, синонимичные понятия и термины каждого естественного языка репрезентируются в соответствующих слотах фрейма совокупно. К примеру, в одном слоте лексического фрейма с соответствующим значением будут сосредоточены все словоупотребления латинской лексики, в другом — греческие, в третьем — славянские понятия и термины (См. Табл. 2а). Правда, тогда в ходе машинного анализа текста семантическая своеобычность отдельных лексических единиц каждого естественного языка при их унифицированной фиксации в одном слоте окажется полностью утрирована, поскольку этот способ организации синонимов независимо от естественного языка текста и семантических нюансов, присущих каждому из его лексических элементов, равносителен их полному отождествлению без надлежащей дифференциации, что неизбежно вызовет потерю данных о возможных семантических расхождениях отдельных понятий и терминов. Поэтому следует прибегнуть к построению расширенного фрейма, где каждый семантический ряд будет представлен в отдельном фрейме с фиксацией разных ключевых слов одного естественного языка порознь в отдельном слоте соответствующего фрейма. К сожалению, в этом случае при их соотношении равнозначных понятий и терминов одного и того же естественного языка

²⁶ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика... С. 65.

²⁷ Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику... С. 112-113.

с разными лексическими единицами других языков неизбежны повторения, которые в ходе машинного анализа текста будут интерпретироваться как синонимичные, но отличные друг от друга лексические единицы (См. Табл. 2б).

Подобные расширенные фреймы могут использоваться для организации семантических рядов, последовательно представляющих через ключевые слова и лексемы также равнозначные латинские, греческие и старославянские понятия и термины (См. Табл. 3). И в данном случае они располагаются согласно выраженному на русском языке номинативному значению данного ряда. Иначе говоря, он выстраивается, исходя, если можно так сказать, из “эквивалентного” значения, присущего ключевому слову или определенной лексеме в составе ключевого поля соответствующего ключевого слова. Структура фрейма предусматривает сопряжение латинских, греческих и славянских лексических эквивалентов, обусловленное значением слова, которое в конечном счете соотносится с его контекстным, или ситуационным, употреблением. В этом статусе могут использоваться как номинативные формы имен существительных и прилагательных, так и глаголы с отглагольными именами или даже наречия²⁸. При этом установление “эквивалентного” номинативного значения для ключевых слов трех естественных языков с целью их объединения в семантический ряд в составе лексического фрейма сопровождается абберрацией, согласно которой в процессе машинного анализа роль ключевого слова выполняет назначенная в этом качестве “эквивалентная” лексическая единица, тогда как собственно ключевое слово естественного языка, выступая в определенном значении, приобретает статус лексемы, иначе говоря обладающего однозначностью инварианта соответствующей лексической единицы естественного языка²⁹.

²⁸ Подробнее см.: *Вин Ю. Я.* В поисках новых методов изучения социальной информации понятий и терминов византийских источников: Первые наблюдения // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. М., 2004. С. 116-146.

²⁹ Обоснование указанных понятий см.: *Вин Ю. Я., Кондратьев Д. Е.* Инфологическая модель блока понятий и терминов // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. М., 2004. С. 201.

Непосредственным предназначением описанного фрейма станет создание лексической матрицы, то есть математически выраженной системы языковых элементов, которая призвана фиксировать логико-грамматические связи понятий и терминов в качестве эталонов определенного их номинативного значения. Заимствование специального термина математики и экономических наук (“матрица”) в рамках разрабатываемой концепции отнюдь не случайность. В указанных отраслях знаний этот термин служит для обозначения числовых компонентов в виде специальных таблиц, графов или схем, которые оказываются не только наглядной формой представления информации, но и позволяют производить счисления, отображающие взаимосвязь сопряженных явлений и процессов. Матрицы широко используются для анализа и моделирования, обеспечивая разного рода преобразования численных данных в интегральные сети³⁰.

Данный подход, разумеется, далек от метафоричной ссылки на матрицы, к которой прибегает Д. С. Лихачев, подразумевая переносное значение литературных шаблонов³¹. Равным образом упоминания “культурной матрицы” или “телесной”, иначе “физической матрицы”³², вряд ли удовлетворят исследователя языковых систем. Даже идентификация “матрицы” даже с человеческой памятью оказывается бесполезной без модельных построений данных и их должной формализации³³. В этом плане хрестоматийным примером может служить построение матриц в процессе формализации и кодирования естественного языка, в том числе фонетических и классификационных матриц³⁴. К использованию принципов действия “матрицы” фактически пришли самые выдающиеся лингвисты³⁵. В их числе — А. А. Зализняк, который проделал анализ грамматиче-

³⁰ Например, см.: Гантмахер Ф. Р. Теория матриц. М., 1988; Шатихин Л. Г. Структурные матрицы и их применение для исследования систем. М., 1991; Голуб Дж., Ван Лоун Ч. Матричные вычисления. М., 1999.

³¹ Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 3. С. 428.

³² Carruthers M. J. *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, 1993. P. 47, 58.

³³ Ср.: Carruthers M. J. *The Book of Memory...* P. 192-193.

³⁴ См.: Хомский Н., Миллер Д. Введение в формальный анализ естественных языков. М., 2003. С. 13 и далее; 48-49, 50-51 и далее.

³⁵ Подробнее см.: Гаспаров Б. М. Язык... С. 210-211.

ского ударения, предприняв построение матриц³⁶. В конечном итоге, матрицы стали широко используемым аналитическим приемом языковедов, обращенных к исследованию лексикостатики и генеалогической классификации языков³⁷. И хотя, в отличие от представителей точных наук, гуманитарии считают матрицы недостаточно наглядным средством анализа языка, в них лингвисты признают удобный способ систематизации лексики по определенным классам, который позволяет на основе данных о частотности объединения тех или иных слов выстраивать модели их многоаспектного сходства³⁸.

Разумеется, матричный метод востребован и разработчиками информационных систем, моделирующими процессы мышления, сознания и искусственного интеллекта. Так, Э. Ханзак употребил названный термин для описания механизма формирования “понятия”, которое ученый считает проекцией значения на сознание³⁹. С этих позиций “матрица” определена как область данных “значения”, которая координирует доступ к признакам, обуславливающим значение слова и кодировку складывающихся образов, ведущих, в свою очередь, к восприятию его смысла в сознании человека⁴⁰.

Описанные функции прототипа побуждают обратиться к обозначению “матрица” и для характеристики тех языковых элементов, которые должны стать исходными данными в деле разработки алгоритмов анализа семантического поля исторического источника⁴¹. Построение интегральной по своим функциям лексической матрицы в рамках названной концепции опирается на создание иерархизированных структур понятий и терминов, которые предусматривают следование принципу установления значения слова с учетом его валентностей в изучаемом контексте и выявления там

³⁶ Зализняк А. А. “Русское именное словоизменение”... С. 181 и далее.

³⁷ Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику... С. 81 и далее: особенно 94; 96 и далее: особенно 102-103.

³⁸ Фрумкина Р. М., Михеева А. В., Мостовая А. Д., Рюмина Н. А. Семантика и категоризация. М., 1991. С. 65-66 и далее, 135.

³⁹ Ханзак Э. Значение, понятие, имя. Иваново, 1995. С. 30-31 и далее.

⁴⁰ Там же. С. 45-47, 80 и далее.

⁴¹ Подробнее см.: Вин Ю. Я., Гриднева А. Ю., Кондратьев Д. Е., Тихонова О. В. Концепция семантического поля исторического источника (проект информационного исследования) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 84-99.

образуемых анализируемым словом синтагм — словосочетаний с присущими им собственными логикой и смыслом⁴². Оставляя в стороне обсуждение проблемы допустимости “одновременного” анализа значения слов и их синтагматических словосочетаний, нужно обратить внимание, что ее решение пролегает по пути формализации многозначных слов в определенном их значении⁴³. Для этого предусматривается использование лексических иерархий двух типов.

Первая иерархизированная лексическая структура, получившая название “Семасия” (См. Табл. 4), призвана устанавливать значение вычленимого в изучаемом контексте слова через определение присущих ему валентностей и контекстной дистрибуции. Указанную структуру в качестве ее отдельных компонентов образуют лексико-грамматические категориальные элементы, формируемые представленными в языке изучаемых текстов лексическими единицами — такими, как имена существительные, прилагательные, глаголы и отглагольные имена, наречия, которые в их совокупности также можно представить в виде графов, опосредующих их синтаксические и прагматические отношения. И это, в свою очередь, служит посылкой построения дифференцирующих данную структуру матриц, которые сделают возможным реализации методологического принципа “прямой вычислимости” отношений, раскрывающих корреляцию между грамматической или синтаксической формой и ее значением⁴⁴.

Вторая структура, которой присвоено название “Полигlossия” (См. Табл. 5), репрезентирует номинативные значения понятий и терминов латинского, греческого и славянского языков, которые поставлены в соответствие с предметно-проблемными полями с помощью ключевых понятий или концептов с воспроизведением их названий. Каждое из включенных в данную структуру латинское, греческое или славянское понятие представлено ключевым словом и относящимися к нему словоформами. При этом путем индексации фиксируются их логико-грамматические функции в анализируемых

⁴² Вин Ю. Я., Кондратьев Д. Е. Инфолингвистическая модель... С. 201-202 слл.

⁴³ Будагов Р. А. Язык и речь в кругозоре человека. М., 2000. С. 39-40, 105-106 и далее.

⁴⁴ Подробнее см.: Кибрик А. Е. Константы и переменные языка... С. 271.

контекстах. Само по себе сочленение понятий разных языков воедино означает построение лексического фрейма, а одновременное отображение языковых функций составляющих его лексических единиц по сути превращает его в граф. Тем самым делается возможной, как представляют разработчики описанных структур, трансформация созданного посредством соединения различных понятийно-лексических компонентов графа в системную матрицу.

С изложенных позиций принципиальной задачей очевидно станет разработка понятийно-терминологической лексической матрицы, призванной содействовать построению и анализу информационно-поискового образа изучаемых документов с учетом выявленных семантических особенностей лексики путем ее организации в расширенных фреймах. Лексическая матрица включит данные об употребляющихся в текстах исторических источников понятиях и терминах. Не пытаясь предугадать заранее конечные результаты наших концептуальных построений, хотелось бы сделать некоторые предположения о возможной математической модели структуры лексической матрицы. Эта модель, отдельными компонентами которой будут служить численные данные о грамматических и синтаксических параметрах лексических единиц в структурах первого и второго видов, должна отобразить данные о вхождении относящихся к соответствующим понятиям и терминам словоупотреблениям в исследуемый контекст. В частности, матричные данные опираются на регистрацию количества словоформ данного ключевого слова и тяготеющих к ним лексем в определенном лексическом значении. Подобным образом подлежат формализации также сведения об известных в данном контексте валентностях анализируемых ключевых слов и лексем. При этом следует учитывать и тот факт, что структура валентностей ключевых слов и лексем окажется усложнена функциональным соотношением отдельных лексических единиц.

Разумеется, организацию этих данных и предложения о способах реализации функциональных свойств выстраиваемой лексической матрицы предстоит внести специалистам соответствующих научных отраслей знаний. Не предваряя их решения, нужно указать на принципиальные параметры лексической матрицы и ее предназначение.

МОДЕЛЬ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
(ЛЕКСИЧЕСКОЙ) МАТРИЦЫ

$$\begin{array}{c} \left| \begin{array}{ccccc} a_k & a_n & a_{igr} & a_v & a_{lx} \\ b_k & b_n & b_{igr} & b_v & b_{lx} \\ c_k & c_n & c_{igr} & c_v & c_{lx} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_k & x_n & x_{igr} & x_v & x_{lx} \end{array} \right| \end{array}$$

где a , b , c ... x — лексические единицы, уровень которых (ключевое слово, лексема, словоформа) определяется функционально с его обозначением посредством индексации;

a_k и так далее — шаблон численных данных ключевого слова лексической единицы a и так далее; шаблон ключевого слова призван интегрировать данные о числе учтенных в изучаемых текстах словоформ, лексем и тому подобные сведения о лексической единице a и так далее;

a_n и так далее — число вхождений в текст лексической единицы a и так далее;

a_{igr} и так далее — численные данные логико-грамматических функций лексической единицы a и так далее;

a_v и так далее — численные данные структуры валентностей лексической единицы a и так далее;

a_{lx} и так далее — численные данные значений лексической единицы a и так далее.

В полном соответствии с функциональным предназначением лежащей в основе математической матрицы, служащей путем счисления ее элементов для построения моделей процессов и явлений, ее лексический аналог, как можно надеяться, выступит эффективным инструментом систематизации и моделирования структуры аутентичных понятий и терминов.

Успешное претворение этого плана обусловлено допускаемой возможностью формализации структуры и системы о понятиях и терминах. Как известно, в математике такая возможность реализуется, с одной стороны, признанием справедливости аксиом теории множеств, с другой — теории значения и указания в языке, то есть

опирается на проблему понимания в языке⁴⁵. Это положение дополняет требование разделить вопросы о “значении математического языка” и “языка вообще” — то есть порознь рассматривать философию математики и философию языка⁴⁶. Их размежевание открывает путь к тому, чтобы “математизированная теория”, как выражается специалист, заняв место философских рассуждений⁴⁷, благодаря интерпретации формализованных объектов стала источником для выводов историков о социальном знании. В этом плане лексическую матрицу допустимо сопоставить с так называемой мета-моделью языка. Помимо прочих одна из основных функций последней, как известно, заключается в структурировании наподобие некоего специального фильтра социального опыта. В мета-модели языка видят набор инструкций, указывающих на особенности мышления носителя языка, которые очерчивают его позитивный опыт⁴⁸.

Конечно, совпадение с мета-моделью языка проектируемой лексической матрицы может быть лишь частичным, в особенности если она игнорирует подлинное разнообразие значений слова, возникающих и меняющихся в каждом случае его употребления⁴⁹. Информационные задачи матрицы языковых элементов должны быть нацелены на реконструкцию логико-грамматических особенностей лексики и словоупотребления, которые будут сочтены адекватно распознаваемыми признаками “эквивалентного” номинативного значения. Структуру лексической матрицы, в соответствии с настоящим замыслом, образуют перечни ключевых слов, соответствующих словоформ, которые сочетаются с анализируемой лексемой в контексте источника. Благодаря тому лексическая матрица без сомнения станет эффективным инструментом реконструкции информационно-поискового образа анализируемых исторических источников. Лексические матрицы, интегрируя данные различных исторических документов, позволят не просто сопоставлять их содержание в целом, как и содержание их отдельных разделов с точки зрения состава и значений лексики, представляющей в докумен-

⁴⁵ Целищев В. В. Философия математики. Новосибирск, 2002. Ч. I. С. 152.

⁴⁶ Там же. С. 166-167.

⁴⁷ Там же. С. 185 и далее.

⁴⁸ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 233, 244.

⁴⁹ См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии... С. 304-305.

тах соответствующие понятия и термины. Нет сомнения в том, что включенные в матрицы данные целесообразно также использовать для построения моделей социокультурных концептов, которая послужат оценке их сходства и отличий в разных языковых системах — латыни, греческого и славянского языков.

Реконструкция социокультурных концептов в виде фрагментов лексических матриц самым определенным образом отвечает актуальным задачам современной гуманитарной науки, включая историю и стоящим перед ней проблемам исследования понятийно-категориального аппарата исторических источников. Каждая лексическая матрица станет средством описания с помощью информационно-поискового образа документов семантического поля источников. В свою очередь уточнение его дистрибутивных особенностей путем фиксации синтагматических образований будет служить определению исторического содержания входящих в текст того или иного источника аутентичных понятий и терминов.

Вполне возможно, что создание подобных языковых эталонов, осуществляемое путем расширения и преобразования лежащего в основе матрицы фрейма, столкнется со фактами неоднозначности понятий и терминов, не позволяющими делать определенных выводов об “эквивалентном значении” лексики исторического источника. Примерами могут служить, скажем, обозначения времени — как естественно-природного феномена, периодичности, сроков. В каждом из языков, будь то латинский, греческий или славянский, способы выражения названных аспектов этого явления отличает глубокая синонимичность, сочетающаяся с сопряженностью присущих каждой словесной форме разных значений. Даже обозначение отношений господства и подчинения, заключаемое в титулах византийских правовых памятников наподобие обращению “господин”, оказывается многоплановым словоупотреблением, отягощенным различными синонимичными коннотациями и грамматическими конструкциями. Точно также неоспоримая синонимия свойственна лексике разных языков, выражающей представления о работе, труде, роде профессиональных занятий. В противоположность тому множество указаний на “железо” и соответствующие тому понятия в историческом прошлом, охватывая равным образом и способы обозначения металлического сырья, и произведенной из

него продукции, в виду их лапидарности обнаруживают чрезвычайную неопределенность. Названное слово в конечном итоге столетиями использовалось не только для описания рудных месторождений, но и самых разнообразных изделий — от сошника до отдельных деталей воинских доспехов и кандалов.

Особым фактором сопоставления лексики исторических источников следует признать изменения ее содержания, обусловленные временными и связанными с тем социокультурными различиями. Их можно наблюдать даже для лексических единиц, имеющих общее происхождение на многочисленных примерах так называемых структур повседневности. Скажем, такова эволюция греческого “пифоса” из обозначения вкапываемого в землю сосуда определенной специфичной формы, предназначенного для хранения жидкостей, к емкостям иного вида и применения. Существенные социокультурные сдвиги при этом ведут к замене и обновлению самых устоявшихся терминов. В результате указанный греческий термин в славянской рецепции уступает свое место славянской “бочке” или “кадке”, а веками известное “точило” для изготовления винного сула, по-гречески — “линос” (ληνός), как показывает сравнение соответствующих версий византийского “Земледельческого закона” с древнеславянскими “Книгами законными”, превращается в “квасильню”, тогда как вместо этого экстравагантного обозначения правомерно было бы ожидать употребления, вероятно, понятия “корыто”.

Важно подчеркнуть, что построение иерархических лексических структур с использованием сведений памятников письменности прошлого, написанных на различных естественных языках, немислимо без внимания к семантическим абберациям, которыми изобилуют древнейшие рецепции и переводы. Примером тому может служить понятие “помышление” в 71 статье воспроизводимой в «Книгах законных» славянской версии Земледельческого закона. В свое время А. И. Срезневский в «Словаре древнерусского языка», скрупулезно систематизировав значения указанного понятия, опустил данный образчик его употребления, где оно обретает семантику обозначения “подозрения”. Вопреки названному ученому к этому примеру обратились составители 17 тома академического «Словаря русского языка X–VII вв.», которые мотивировали свой выбор ссыл-

кой на греческий прототип, где фигурирует понятие “ὑπόψια” — буквально “подозрение”. Однако в таком случае в тексте указанной статьи «Книг законных» следовало бы ожидать соответствующее греческому эквиваленту словоупотребление “*подозрѣнник*”, поскольку славянское понятие “*пмышленик*” эквивалентно греческому “ὑπόνοια”, образованному от основы со значением “мысль”, а не “зрение”, как предполагает греческий оригинал этой статьи. Словом, реконструируя систему значений понятий и терминов, включаемых в информационно-поисковые структуры, нельзя обойти стороной наиболее гибкие и динамичные способы их построения.

Именно в этом свете создание лексической матрицы представляется наиболее надежным средством системного анализа понятий и терминов, которое сделает возможным уточнение их значений и установление их сходства, или, наоборот, выявление делающих неприемлемым их сопоставление различий в зависимости от контекстных сопоставлений. К тому же лексическая матрица, предназначение которой обусловлено сравнением аутентичных понятий и терминов разных источников, выступит способом моделирования, не исключая в то же самое время приемов, допустим таких, как когнитивное картирование, качественного анализа изучаемых явлений. В любом случае информационный анализ письменных исторических свидетельств целесообразно проводить по пути разработки семантической сети, построенной на основе реконструкции структуры аутентичных понятий и терминов. Исходные данные для функционирования такой сети дадут результаты контекстного анализа и обобщающего синтеза состава семантических рядов с помощью описанных фреймов и лексической матрицы. Несомненно одно, построение понятийно-терминологической лексической матрицы как компоненты разрабатываемой информационной технологии исторического исследования отвечает главной его цели — организации гуманитарного знания с опорой на аналитические принципы и методы точных наук. И тогда полученные данные, должно сказать с уверенностью, сформируют новые знания и будут способствовать адекватному раскрытию в изучаемых языковых явлениях присущих им имплицитно свойств, которые отображают социальное и идейное содержание аутентичных понятий и терминов.

ТАБЛИЦА 1. МОДЕЛЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

Русский язык Эквивалентное значение	Латинский язык Ключевое сло- во/ Лексема	Греческий язык Ключевое слово / Лексема	Старославянский язык Ключевое слово / Лексема
---	---	---	--

ТАБЛИЦА 2А. МОДЕЛЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФРЕЙМА С УНИФИКАЦИЕЙ
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ОДНОГО ЯЗЫКА

Эквивалентное значение	Латинский язык	Греческий язык	Старославянский язык
поле	ager arvum campus seges	ἀγρός	земля лѣсто нива селище село

ТАБЛИЦА 2Б. МОДЕЛЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФРЕЙМА С ДИФФЕРЕНЦИАЦИЕЙ
КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В РАЗНЫХ СЛОТАХ РАСШИРЕННОГО
ФРЕЙМА

Эквивалентное значение	Латинский язык	Греческий язык	Старославянский язык
поле	ager	ἀγρός	земля
поле	arvum	ἀγρός	лѣсто
поле	campus	ἀγρός	нива
поле	seges	ἀγρός	селище
поле	ager	ἀγρός	село

ТАБЛИЦА 3. СЕΜΑΝТИЧЕСКИЕ РЯДЫ АУТЕНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ,
ГРЕЧЕСКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИ-
НОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ТИ-
ТУЛОВ “ДИГЕСТ”, КОДЕКСА ЮСТИНИАНА, “ВАСИЛИК” И
“ПАНДЕКТОВ” НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

ключевое слово или лексема / понятие или термин			
ЭКВИВАЛЕНТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ЛАТИНСКОЕ	ГРЕЧЕСКОЕ	СЛАВЯНСКОЕ
благосостояние / имущество	[bonum] / bona	περιουσία	Долъ
достояние / имущество	[bonum] / bona	ὑπαρξις	прѣбывание
вещь / предмет	res	πρᾶγμα	вещь

ТАБЛИЦА 4. СЕГМЕНТ “СЕМАСИИ” С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АУТЕНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ, ГРЕЧЕСКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ “ДИГЕСТ”, КОДЕКСА И НОВЕЛЛ ЮСТИНИАНА, “ВАСИЛИК” И “КНИГ ЗАКОННЫХ”

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО	СЛОВОФОРМЫ
ЛАТИНСКОЕ	
Ager	Ager
ПРОИЗВОДНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ	для имен прилагательных, глаголов и отглагольных имен
ЛЕКСЕМЫ	ИДЕНТИФИКАЦИЯ
Ager	Грамм. форма: Имя существит.; Регистр: Ключевое слово; Значение: “поле, пашня”
СИНТАГМЫ	ПРИМЕРЫ КОНТЕКСТА
ager emphyteuticarius ager vectigalis	ager vectigalis , id est emphyteuticarius ager vectigalis
ГРЕЧЕСКОЕ	
ἀγρός	ἀγρός , ἀγροῦ , ἀγρόν , ἀγρῶν , ἀγροῖς
ПРОИЗВОДНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ	для имен прилагательных, глаголов и отглагольных имен
ЛЕКСЕМЫ	ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ἀγρός	Грамм. форма: Имя существит.; Регистр: Ключевое слово; Значение: “поле, пашня”
СИНТАГМЫ	ПРИМЕРЫ КОНТЕКСТА
ἀγρός ἀγροικικός ἀγρός δεσποτικός ἐμφυτευτικάριος ἀγρός ἀγρός ιδιωτικός	ἀγρῶν πολιτικῶν καὶ ἀγροικικῶν ἀγρῶν καὶ ἀλοῶν δεσποτικῶν καὶ ιδιωτικῶν ἐμφυτευτικαρίων ἀγρῶν ἀγρῶν καὶ ἀλοῶν δεσποτικῶν καὶ ιδιωτικῶν
СЛАВЯНСКОЕ	
Нива	НИВА, НИВУ, НИВЫ, НИВЬ, НИВЪ
ПРОИЗВОДНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ	для имен прилагательных, глаголов и отглагольных имен
ЛЕКСЕМЫ	ИДЕНТИФИКАЦИЯ
Нива	Грамм. форма: Имя существит.; Регистр: Ключевое слово; Значение: “поле, пашня”
СИНТАГМЫ	ПРИМЕРЫ КОНТЕКСТА
нива своѧ нива ѹюжага	свою ниву своѧ нивы нивъ свонѹ ѹюжни нивы ѹюжна нивы

ТАБЛИЦА 5. СЕГМЕНТ “ПОЛИГЛОССИИ” С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АУТЕНТИЧНЫХ ЛАТИНСКИХ, ГРЕЧЕСКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ТИТУЛОВ “ДИГЕСТ”, КОДЕКСА И НОВЕЛЛ ЮСТИНИАНА, “ВАСИЛИК” И “КНИГ ЗАКОННЫХ”

ПРОБЛЕМНОЕ И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ		КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ИЛИ КОНЦЕПТ НАЗВАНИЕ	
I.3	ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО	ЗЕМЛЕДЕЛИЕ – ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ	
НОМИНАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ ИЗУЧАЕМОГО ИСТОЧНИКА			
ЛАТИНСКАЯ		agricultura – agricola	
ГРЕЧЕСКАЯ		γεωργία - γεωργός	
СЛАВЯНСКАЯ		земледѣланиѣ - земледѣлецъ	
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО / СЛОВОФОРМЫ / ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ			
НОМИНАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ		ЗЕМЛЕДЕЛИЕ	
ЛАТИНСКОЕ	agricultura	agricultura agriculturam	S O
ГРЕЧЕСКОЕ	γεωργία	γεωργία γεωργίαν	S O
СЛАВЯНСКОЕ	земледѣланиѣ	земледѣланиѣ земледѣланиѣ	S O
НОМИНАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ		ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ	
ЛАТИНСКОЕ	agricola	agricola agricolam	S O
ГРЕЧЕСКОЕ	γεωργός	γεωργός γεωργόν	S O
СЛАВЯНСКОЕ	земледѣлецъ	земледѣлецъ земледѣлца	S O

Ю. Г. МУРИН

ПОЧЕМУ ТИГР НЕ ПРЫГНУЛ?

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕПИСКЕ И ВСТРЕЧАМ
М. А. ШОЛОХОВА И И. В. СТАЛИНА
В 1930-Х ГОДАХ

Впервые о переписке Шолохова и Сталина упомянул Н. С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры и искусства 8 марта 1963 года: «...Наш уважаемый Михаил Александрович Шолохов весной 1933 года поднял свой голос протеста против того произвола, который творился в то время на Дону. Недавно в архивах были обнаружены два письма Михаила Александровича Шолохова Сталину и ответы Сталина на эти письма»¹. В каких архивах были обнаружены эти уникальные документы, Никита Сергеевич не сказал. Поэтому в перестроечные годы публиковали и осторожно цитировали письма Шолохова от 4 и 16 апреля 1933 г., а также две телеграммы Сталина и его письмо Шолохову от 6 мая 1933 г. без ссылок на точное место хранения документов.

Дело, содержащее переписку Шолохова и Сталина, хранилось в личном фонде вождя в недоступном тогда для исследователей кремлевском архиве, вошедшем впоследствии в состав Архива Президента РФ². Постепенно исторические документы Президентского архива стали публиковаться в печати (в журналах «Родина», «Источник» и др.).

До появления документов в печати исследователи могли судить об отношениях Шолохова со Сталиным только на основании переписки, упомянутой Н. С. Хрущевым, а также по воспоминаниям свидетелей событий или со слов самого писателя³.

¹ «Правда», 10.III.1963 г.

² Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 827. Опубликовано в сборнике документов: Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М.: Раритет, 1997.

³ Соколов В. Как Сталин Шолохова на Политбюро вызывал // «Известия», 10. IX. 1994.

Журналист Лев Колодный в очерке «Тигр, который не прыгнул» писал: «...Шолохову Сталин казался тигром с желтыми глазами ... готовым в любую минуту прыгнуть. Почему не прыгнул? Быть может, ответ на этот вопрос есть в архивах?»⁴.

Благожелательное отношение Сталина к Шолохову определилось после прочтения им в 1932 г. романа «Поднятая целина». В письме Сталина Кагановичу из Сочи от 7 июня 1932 года наряду с различными служебными распоряжениями имеется следующее высказывание: «В «Новом мире» печатается новый роман «Поднятая целина». Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему»⁵.

Хлебозаготовки 1932–1933 гг.

1932–1933 годы относятся к трагическим событиям нашей истории, когда наряду с тяжелыми погодными условиями и в результате насильственной коллективизации в ряде регионов страны (Украина, Северный Кавказ и др.) произошло резкое снижение сельскохозяйственного производства. Тем не менее местные власти по указанию ЦК ВКП(б) и СНК СССР должны были безоговорочно выполнять план хлебозаготовок, не останавливаясь перед применением характерных мер к задолжникам.

Письма Шолохова Сталину от 4 и 16 апреля 1933 г. на примере Вешенского и Верхне-Донского районов Северо-Кавказского края документально фиксируют события, связанные с хлебозаготовками конца 1932 — начала 1933 года. Писатель в качестве свидетеля событий показывает, как представители и уполномоченные крайкома партии инструктируют районных руководителей на проведение хлебозаготовок.

Так, в Вешенской появляется представитель крайкома Г. Ф. Овчинников и дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»⁶ Согласно этой установке к задолжникам стали

⁴ Колодный Л. Тигр, который не прыгнул // «Московская правда», 14, 17 августа 1991 г.

⁵ АПРФ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 99. Л. 58-60.

⁶ Писатель и вождь. С. 58.

применяться различные карательные меры: массовые аресты, конфискация имущества, выселение семей из домов на улицу. В результате зимой 1932-1933 годов в 20-ти градусный мороз 1090 семей оказались под открытым небом. В станице начался голод. С инструкторской проверкой в Вешенскую приезжает второй секретарь крайкома Н. Н. Зимин, который требует у заготовителей усиления репрессий по отношению к задолжникам. К характеристикам Г. Ф. Овчинникова и Н. Н. Зимины мы еще вернемся.

Одновременно Шолохов уведомлял Сталина, что слухи об извращении линии партии дошли до крайкома, руководство которого «ведет линию на привлечение к ответственности «стрелочников», а не вдохновителей перегибов — Н. Н. Зимины, Г. Ф. Овчинникова, В. И. Шарипова и др. В заключение Шолохов просит Сталина прислать комиссию для проверки изложенных фактов. На каждое письмо Шолохова Сталин ответил телеграммой. В телеграмме от 16.IV.33 г. Сталин запросил количество необходимой помощи голодающим. В телеграмме от 22 апреля 1933 г. Сталин уведомлял не только об отпуске запрошенного количества зерна, но даже о выделении дополнительной помощи.

В письме от 6 мая 1933 г. Сталин подвел итоги переписки:

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, которую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную ар-

мию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин
6.V.33 г.»⁷.

В соответствии с решением Политбюро от 23 апреля 1933 г. в Вешенский район с проверкой выехал М. Ф. Шкирятов. Биографическая справка: М. Ф. Шкирятов (1883–1954) — в партии с 1906 г. В 1933 г. член ЦКК ВКП(б) и коллегии наркомата РКК. Еще до приезда Шкирятова некоторые из участников хлебозаготовок («стрелочники») были наказаны в советском и судебном порядке.

Так, 8 февраля 1933 г. на бюро Вешенского райкома был исключен из партии, обезоружен и посажен под арест руководитель агитколонны А. А. Плоткин. Другой руководитель агитколонны А. А. Пашинский был приговорен к расстрелу 9 мая 1933 г. на показательном процессе выездной сессии крайсуда. Так круто обошлись краевые власти с отдельными перегибщиками в районе.

Шкирятов находился в Вешенском районе с 8 по 20 мая 1933 г., а 28 мая направил Сталину записку о результатах расследования по письму Шолохова. Шкирятов полностью подтвердил «правильность письма тов. Шолохова в ЦК ВКП(б)». «Проверка показала, — говорилось в записке, — что перегибы в период проведения хлебозаготовок (декабрь 32 г. — январь 33 г.) приняли массовый характер, в особенности в работе агитколонн, методами грубого администрирования и командования, что привело к незаконным массовым выселениям из домов как единоличников, так и колхозников, особенно исключенных из колхозов, к проведению массовых арестов и изъятию всего имущества колхозников». Так что записке Шкирятова можно полностью доверять.

⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 549. Л. 194.

К записке был приложен проект постановления Политбюро ЦК, где, в частности, рекомендовалось: «...8 бывш[их] руководителей агитколонн — тов. Пашинского (чл. ВКП(б) с 30 г., служащий) и Плоткина (чл. ВКП(б) с 1926 г., рабочий) за незаконное выселение из домов и изъятие всего имущества колхозников, и за неприятие мер борьбы с этими фактами — исключить из рядов ВКП(б)»⁸.

Сообщение Шкирятова о командировке в Вешенскую было заслушано на Политбюро в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова 2 июля 1933 г. На заседание были приглашены: Зимин, Овчинников, Плоткин, Пашинский и Шолохов. Обсуждение сообщения Шкирятова продолжалось два часа.

4 июля 1933 г. те же лица вновь были приглашены в кабинет Сталина и ознакомлены с принятым постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О Вешенском районе». В постановлении говорилось:

«Заслушав сообщение т. Шкирятова о перегибах в Вешенском районе в связи с хлебозаготовками и опросив тт. Зимина (второй секретарь крайкома), Овчинникова (уполномоченный крайкома в Вешенском районе), Плоткина (районный работник), Пашинского (районный работник) и Шолохова (свидетель), ЦК ВКП(б) находит, что главная ответственность за перегибы, а именно — за массовое изгнание колхозников из домов и запрещение другим колхозникам приютить на ночь изгнанных на улице колхозников, — падает на крайком, который не принял своевременно мер для прекращения, не говоря уже о предупреждении этих перегибов, и прежде всего — на второго секретаря крайкома т. Зимина, который, приехав в Вешенский район и ознакомившись с творившимися там безобразиями, не только не обуздал т. Овчинникова, инициатора перегибов, и районных работников — исполнителей воли т. Овчинникова, а, наоборот, стал их накручивать и подстегивать в духе дальнейшего проведения перегибов. ЦК считает, что совершенно правильная и абсолютно необходима политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе, благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны крайкома.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Указать крайкому на недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных.

2. Снять т. Зимина с поста второго секретаря крайкома и направить его в распоряжение ЦК ВКП(б).

⁸ Там же. Л. 3-9.

3. Объявить строгий выговор т. Овчинникову, снять его с поста секретаря Ростовского горкома и воспретить ему на год работу в деревне.

4. Объявить строгий выговор с предупреждением тт. Плоткину и Пашинскому и воспретить им работу в Вешенском районе.

5. Все другие меры наказания, вынесенные партийными и советскими органами в отношении тт. Плоткина и Пашинского, считать аннулированными.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»⁹.

В свою очередь, Верховный суд РСФСР определением от 7 июля 1933 г. отменил приговор в отношении Пашинского и других лиц.

Заметим, что Сталин не счел нужным пригласить на заседание члена ЦК ВКП(б), первого секретаря Северо-Кавказского крайкома партии Б. П. Шеболдаева.

Биографическая справка: Б. П. Шеболдаев (1845–1937), член партии с 1914 г. В 1917 г. зам. председателя Военно-революционного комитета Кавказской армии, в 1918 г. зам. наркомвоенмора Бакинской коммуны. С 1920 г. на партийной работе в Дагестане, Туркестане. С 1928 г. секретарь Нижневолжского, с 1931 г. Северо-Кавказского, с 1934 г. Азово-Черноморского крайкомов, с 1937 г. Курского обкома, член ЦКК с 1927 г., с 1930 г. — член ЦК ВКП(б). В 1937 г. освобожден от должности, на июньском (1937) Пленуме ЦК исключен из состава ЦК и из партии. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в декабре 1937 г. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.

В упомянутом очерке Льва Колодного так описана встреча с одним из героев тех событий А. А. Плоткиным:

«Известный на Дону Андрей Плоткин, судовой механик, присланный организовывать колхозы, с которого Шолохов писал образ Давыдова в «Поднятой целине», рассказал мне на днях, как в 1933 году его исключили из партии и привлекли к суду по статье 58, пункт 14 («контрреволюционный саботаж»).

Остался бы писатель в стороне от заведенного на Плоткина «дела», и не смог бы мне Андрей Андронович рассказать о встречах Шолохова со Сталиным».

⁹ Там же. Л. 10.

Несомненно, что речь идет о двух заседаниях Политбюро 2 и 4 июля 1933 г., о которых говорилось выше.

«...Из Кремля вышел Плоткин (пишет Лев Колодный), восстановленный в правах. То был не последний случай, когда Шолохов спас от гибели вешенских руководителей». (См. прим. 4).

Биографическая справка: Або Аронович (имя и отчество по документам) Плоткин, 1906 г. рождения, член партии с 1926 г. В составе 25 тысяч коммунистов был направлен партийными органами в Вешенский район Северо-Кавказского края для содействия в проведении коллективизации. С 1930 по 1932 г. и с 1934 по 1936 г. А. А. Плоткин работал председателем колхоза им. С. М. Буденного. С 1932 по 1933 г. он был председателем Вешенского райколхозсоюза. В ранге уполномоченного района и руководителя агитколонны участвовал в хлебозаготовках.

Как участвовал в хлебозаготовках А. А. Плоткин, отмечено в письме Шолохова Сталину от 4 апреля 1933 г.:

«...В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет — сам застрелю!» Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и, когда шелкнул боек, упал в обмороке»¹⁰.

А вот что натворил другой участник хлебозаготовок — А. А. Пашинский, также амнистированный Сталиным. Биографическая справка: А. А. Пашинский, 1906 г. рождения, член ВКП(б) с 1930 г., в 1930–1933 гг. зам. директора совхоза в Кашарах, с 1933 по 1934 г. директор этого совхоза. В 1934 г. директор свиновхоза им. Яковлева Ейского района. В ранге руководителя агитколонны участвовал в хлебозаготовках.

Из письма Шолохова Сталину от 4 апреля 1933 г.:

¹⁰ Писатель и вождь. С. 49-50.

«...В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (чечевицы) и приказал не выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский, при допросах в штабе колонны принуждали пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, пшеницей и керосином»¹¹.

Итак, исполнителям приказов крайкома А. А. Пашинскому и А. А. Плоткину наказания были снижены. Вдохновители перегибов, представители крайкома Зимин и Овчинников, были сняты со своих постов и переведены на другую работу.

Биографическая справка: Г. Ф. Овчинников, 1893 г. рождения, член партии с 1918 г., в 1928–1930 гг. секретарь Вольского окружкома партии Нижне-Волжского края. В 1930 г. командирован на курсы марксизма-ленинизма, в феврале 1932 г. направлен в распоряжение Северо-Кавказского крайкома партии, где работал секретарем парткома завода «Сельмаш», а с 1933 г. секретарем Ростовского горкома партии. Далее биографические данные отсутствуют. Известно, что ровно через три года наказание, вынесенное Политбюро 4 июля 1933 г., было снято тем же Политбюро. Однако в 1937 г. Г. Ф. Овчинников был арестован и расстрелян как враг народа.

В письме Сталину Шолохов со слов очевидцев передает рассказ Овчинникова о методах своей «работы» по хлебозаготовкам в Нижневолжском крае:

«В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК (Окружной комитет) Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16-й Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко и спрашивает у Шеболдаева: “А кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить”. “А вот он, секретарь Вольского ОК”, — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. “Ах, вот как! — гово-

¹¹ Там же. С. 52.

рит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне...” Но после конференции на совещании и секретарями крайкомов Молотов заявил: “Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять, даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое”. После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!¹².

Здесь Шолохов прямо указывает, что указания о покровительстве перегибщикам исходили от Политбюро в лице Молотова. В результате чего еще в 1929 г. всесильный председатель Верховного суда при ВЦИК Н. В. Крыленко не смог привлечь к суду активного организатора перегибов в хлебозаготовках, каким был Г. Ф. Овчинников.

Далее о другом представителе крайкома, участнике заседания Политбюро.

Биографическая справка:

Н. Н. Зимин (1895–1945), член партии с 1915 г., с декабря 1932 по июль 1933 г. второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1933–1934 гг. — зам. начальника Политуправления НКПС, в 1934–1935 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б), в 1935–1937 гг. зам. наркома, начальник Политуправления НКПС, в 1937–1938 гг. — первый секретарь Ярославского обкома партии. Биографические сведения за 1938–1945 гг. отсутствуют.

Все приведенные документальные свидетельства и факты позволили мне задать самому себе и читателям очерка Льва Колодного вопрос: «Так кто же вы, А. А. Плоткин — жертва или участник беззаконий?» Этот вопрос можно отнести и к другим упомянутым лицам.

Лев Колодный не согласился с такой постановкой вопроса, опубликовав свои возражения в том же номере газеты «Московская правда» от 30 сентября 1992 года. Основное возражение: абсолютно неправильна однозначная постановка вопроса ИЛИ — ИЛИ. В подтверждение того, что «не все так однозначно», Лев Колодный упоминает Екатерину II, Е. Пугачева, В. Ленина и даже бывшего мэра Москвы Гавриила Попова, для обоснования своего тезиса о том, что «гений и злодейство, гений и порок совместимы».

¹² Там же. С. 43-44.

Я согласен с уважаемым Львом Колодным, что в человеке есть положительные и отрицательные черты, присущие и рядовым гражданам, и историческим личностям. Но люди, стоящие на вершине власти, играют судьбами всего народа. Рядовые же граждане в силу своего положения, партийной или военной дисциплины должны выполнять указания высокопоставленных должностных лиц.

В нашем случае А. А. Плоткин в силу партийной дисциплины, без рассуждений, слепо исполнял преступные установки крайкома партии в лице его представителей Овчинникова и Зимина. А чьи установки выполняли представители крайкома? А. А. Плоткина скорее можно назвать одним из заложников, руками которых тоталитарный режим осуществлял репрессии. Одни из них (такие как Плоткин) искренне верили, что выполняют волю партии. Другие рядовые исполнители участвовали в репрессиях из-за трусости, ложной убежденности в правоте партийного руководителя или собственных шкурных интересов.

В свою очередь, крайком вынужден был пойти на такого рода беззакония в силу жестких директивных установок по заготовкам хлеба со стороны ЦК ВКП(б) в лице самого Сталина.

Еще летом 1932 года, находясь на отдыхе в Сочи, Сталин получил записку секретаря Северо-Кавказского крайкома партии Б. П. Шеболдаева, в которой содержалась просьба о сокращении плана хлебозаготовок на 1932 г. в связи с неурожаем и тяжелыми погодными условиями уборки. Из письма Шолохова Сталину от 4 апреля 1933 г.: «В августе в течение трех недель шли дожди. Они погубили десятки тысяч центнеров хлеба»¹³.

Известно, что постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» колхозам и единоличным хозяйствам Северного Кавказа план был снижен со 154 млн. пудов в 1931 г. до 136 млн. пудов в 1932 г. Однако снижение оказалось недостаточным, что и заставило крайком вновь обратиться к Сталину с просьбой о новом пересмотре плана хлебозаготовок. На записку Шеболдаева последовал резкий телеграфный ответ Сталина. 22 августа 1932 г. Сталин направляет Шеболдаеву телеграмму, рукописный текст которой хранится в его личном фонде:

¹³ Там же. С. 36.

«Ростов на Дону крайком Шеболдаеву
Копия Москва ЦК ВКП Кагановичу

Вашу записку о сокращении плана получил и отослал в ЦК. Поддержать вас не могу ввиду плохой работы края в области хлебозаготовок. Если пережившая засуху Средняя Волга сдала в третьей пятидневке 4 миллиона пудов, а ваш край не сдал и двух миллионов, то это значит, что крайком сдрейфил перед трудностями и сдал позиции апостолам самотека, либо крайком дипломатничает и старается вести ЦК за нос. Согласитесь, что я не могу вас поддержать в такого рода работе. Сталин»¹⁴.

Затем на Северный Кавказ выезжала комиссия во главе с Л. М. Кагановичем, а 4 ноября 1932 г. было принято совместное постановление Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) «О проведении чистки сельских парторганизаций Северо-Кавказского края», где говорилось, что «чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных». Постановлением утверждалась комиссия по чистке во главе со Шкирятовым.

По указанию Сталина 14 декабря 1932 г. было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области», определившее жесткие сроки (к 10–15 января 1933 г.) завершения хлебозаготовок на Северном Кавказе под личную ответственность руководителей крайкомов и крайисполкомов. Одновременно местным партийным организациям поручалось вести решительную борьбу с теми, кто «саботировал» хлебозаготовки, «не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них».

Это было последним серьезным предупреждением руководителям крайкома, которые понимали, что спасти свои головы они могут только за счет ужесточения принудительных мер по изъятию запасов хлеба у колхозников и единоличников.

Шеболдаев и Овчинников уже имели опыт такого рода «работы» в Нижне-Волжском крае в 1928 г. Даже в выступлении на XVI Всесоюзной партийной конференции 27 апреля 1929 г. Ше-

¹⁴ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 79. Л. 51. (На телеграмме проставлен № 102 и дата: 22/8. 32 г.).

болдаев, полемизируя с кандидатом в члены ЦК ВКП(б) В. В. Ломинадзе, пытался обосновать необходимость чрезвычайных мер, проводившихся в период хлебозаготовок.

Однако на пути чрезвычайных мер, осуществлявшихся в Северо-Кавказском крае, встал М. А. Шолохов, к письмам которого прислушался Сталин. Ретивые руководители были остановлены вождем, а голодающие вешенцы получили хлеб.

Это была не единственная помощь, оказанная Сталиным Вешенскому району

В 1940 г. вновь сложилось тяжелое положение с хлебозаготовками в Северодонских районах Ростовской области. Шолохов обращается к Сталину с просьбой о встрече. Такая встреча состоялась 23 августа 1940 г., а 19 ноября 1940 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлением СНК СССР с колхозов Вешенского района была списана задолженность прошлых лет в размере 3350 тонн, произведена скидка с плана обязательных поставок 1940 г. в размере 320 тонн и отсрочена натуроплата на будущий год в размере 40 тонн¹⁵.

Репрессии 1937–1938 гг.

Другая часть писем Шолохова Сталину касается периода репрессий 1937–1938 гг., когда волна арестов достигла Вешенской.

Положение усугублялось тем, что руководство крайкома в лице Шеболдаева не желало исправлять ошибки, допущенные в 1932–1933 гг. в результате перегибов. В Шолохове они видели серьезного противника, который имел возможность напрямую обращаться к Сталину с разоблачением ошибок руководителей края.

По указанию крайкома органы НКВД с целью сбора компромата стали осуществлять тайную слежку за Шолоховым и его сторонниками, прослушивать телефонные переговоры, рассылать анонимки. Затем среди ближайших друзей Шолохова начались аресты.

В конце 1936 г. происходит смена руководства края. В Ростове появляется новый первый секретарь крайкома партии — Е. Г. Евдокимов.

Биографическая справка: Е. Г. Евдокимов (1891–1940/1941), член партии с 1918 г., участник вооруженного восстания в Москве в 1917 г. С 1918 г. в Красной армии, с 1919 г. занимал руководящие

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 549. Л. 180.

должности в Особом отделе Юго-Западного фронта. За заслуги в борьбе с контрреволюцией награжден двумя орденами Красного Знамени, в 1931–1933 гг. полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии. Решением Политбюро от мая 1934 г. назначен первым секретарем Северо-Кавказского (Азово-Черноморского) крайкома партии. С января 1937 г. приступил к работе в крайкоме. В 1937 г. первый секретарь Ростовского обкома партии. С мая 1938 г. заместитель наркома водного транспорта, наркомом которого в апреле 1938 г. был назначен Н. И. Ежов. Репрессирован в 1940 г., по другим данным в 1941 г. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.

С прибытием нового первого секретаря крайкома негативное отношение к писателю не изменилось. В июне 1937 г. НКВД арестовывает секретаря Вешенского райкома ВКП(б) П. К. Лугового и председателя Вешенского райисполкома Логачева. Следователи стали усиленно выбивать у арестованных компрометирующие показания на Шолохова.

19 июня 1937 г. Шолохов отправляется в Москву и не может добиться приема у Сталина. По возвращении в Вешенскую Шолохов решается на своеобразный протест, отказавшись от поездки в июне в составе делегации на 2-й Международный антифашистский конгресс писателей в Испании.

В сентябре у Шолохова побывал генеральный секретарь Союза писателей В. Ставский. В секретном письме Сталину от 16 сентября Ставский сообщил о «тревожном» поведении Шолохова в связи с арестами его друзей. На записке Сталин пишет поручение Ставскому о вызове Шолохова в Москву для разговора.

25 сентября в течение полутора часов Шолохов беседует со Сталиным в присутствии Молотова и Ежова, а в ноябре того же 1937 г. Луговой, Красюков и Логачев были освобождены, восстановлены в партии и на прежней работе.

Освобожденные земляки поведали Шолохову о преступных методах следствия по выбиванию из арестованных нужных сведений.

В письме Сталину от 16 февраля 1938 г. Шолохов сообщает о многочисленных фактах незаконных действий следователей и подчеркивает:

«Т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен; этот метод приводил и неизбежно будет приводить к ошибкам.

Тех, которым подчинены следователи, интересует только одно: дал ли подследственный показания, движется ли дело». В заключение письма Шолохов просит Сталина: вновь «прислать по проверке дел арестованных М. Ф. Шкирятова и кого-нибудь из заместителей Ежова». Далее автор письма просит: «И пусть они (члены комиссии. — *Ред.*), знакомясь с ростовскими делами, хорошенько присмотрятся к Евдокимову! Он хитер — эта старая, хромя лиса! Зубы съел на чекистской работе, и чтобы он не видел вражеской работы со всех сторон облепивших его Пивоварова, Кравцова, Шацкого, Ларина, Семякина, Шестовой, Лукина, Касилова и др.? Не верится, т. Сталин! Но если Евдокимов не враг, а просто глубокая шляпа, то неужто такой руководитель нужен нашей области, где крайне сложна политическая обстановка, где так много напаскудили враги»¹⁶.

На документе резолюция Сталина: «Т. Ежову».

Проверкой фактов, изложенных в письме Шолохова, как и в 1933 г. занимался Шкирятов, но на этот раз вместе с представителем НКВД Цесарским.

Биографическая справка: В. Е. Цесарский. В марте — мае 1938 г. начальник IV отдела Главного управления НКВД СССР, в мае — сентябре 1938 г. начальник УНКВД по Московской области, с 13 сентября 1938 г. начальник Ухта-Ижемского лагеря.

В записке от 23 мая 1938 г. Шкирятов и Цесарский доложили Сталину и Ежову о результатах проверки письма Шолохова. Проверявшие указали, что в Вешенском районе в 1937–1938 гг. было арестовано 185 человек. Члены комиссии спросили у Шолохова: «Настаивает ли он на проверке всех дел арестованных и осужденных по кулацко-белогвардейской операции, произведенной в 1937–1938 гг.». Шолохов признал, что «не берет под сомнение все произведенные в Вешенском районе аресты», назвав 10 фамилий лиц, дела которых нужно проверить¹⁷. Восстановленный в должности секретарь Вешенского райкома партии Луговой добавил к этому списку еще 7 лиц. Из 17 арестованных и осужденных комиссия сочла возможным освободить только трех. Ссылаясь на показания ряда арестованных, комиссия отметила, что какое-либо насилие над ними не проводилось. Комиссия не нашла подтверждения

¹⁶ Писатель и вождь. С. 102, 104-105.

¹⁷ Там же. С. 109-127.

травли Шолохова со стороны местных органов НКВД. В записке ничего не говорилось о роли в этих делах первого секретаря Ростовского обкома Е. Г. Евдокимова. Он был освобожден от должности и назначен заместителем наркома водного транспорта СССР.

Таким образом, скрывая масштабы репрессий и стараясь выгородить виновных, комиссия не подтвердила очевидные факты, приведенные Шолоховым, признав, однако, что «имели место лишь отдельные ошибки, которые мы исправили». Комиссия посчитала нецелесообразным привлекать к ответственности работников НКВД.

Почувствовав свою безнаказанность, местные органы НКВД не прекратили собирать сведения о «контрреволюционной» деятельности писателя Шолохова. Шолохов вновь отправляется в Москву и через Поскребышева передает Сталину коротенькую записку от 16 октября 1938 г. с просьбой о встрече¹⁸. Состоялись две встречи — одна 23 октября, другая 31 октября 1938 г.

Стенограммы и другие документы о встречах Шолохова со Сталиным в октябре 1938 г. в архиве Политбюро не обнаружены. Скорее всего их не существовало. События тех дней можно восстановить с помощью журнала записей посетителей кабинета Сталина и воспоминаний участников встречи.

Сталин принял Шолохова 23 октября 1938 г. в 18.30 и беседовал с ним наедине до 19 часов. В 19 часов в кабинет Сталина вызван Ежов, через 20 минут Шолохов уходит, а Ежов остается до половины девятого¹⁹.

Видимо, Шолохов рассказал Сталину об И. С. Погорелове, которому органами НКВД было поручено войти в доверие к Шолохову и нелегально собрать на него компрометирующие материалы с целью дальнейшего ареста. Погорелов честно признался Луговому и Шолохову о провокационном задании НКВД. Выслушав Шолохова, Сталин поручил Ежову срочно в течение недели разобраться с этим вопросом и пригласить лиц, имеющих отношение к «делу Шолохова», заведенному органами НКВД.

Заседание членов Политбюро с участием Сталина, Молотова, Кагановича, Маленкова состоялось 31 октября 1938 г. В журнале посетителей кабинета Сталина секретарь записал время появления участников:

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 77.

Маленков — 13.55, Молотов — 14.05, Каганович — 14.25.

Ежов — 16.05.

Шолохов, Погорелов, Луговой — 16.15.

Гречухин, Щавелев, Коган, Лудищев — 16.15²⁰.

Ежов вышел раньше остальных приглашенных, чтобы, видимо, доложить, что все приглашенные прибыли за исключением Шолохова.

Обратимся к воспоминаниям, записанным со слов Шолохова в 1954 г. сотрудником «Литературной газеты» В. Соколовым:

«Весной 1938 г. я опять написал Сталину. Нас всех в бюро райкома было 9 человек. Двоих посадили чуть раньше, а тут еще двоих взяли. Мария Петровна (жена М. А. Шолохова) говорит мне: “Ты, Миша, следующий. Дальше откладывать нельзя. Пиши письмо и сам вези Поскребышеву. Дождись ответа в гостинице, сюда без них не возвращайся”. Так и поступил: приехал в Москву, письмо на Старой площади передал как положено, остановился в “Гранд-отеле”. Жду день, два. Неделя проходит. Телефон молчит. Тоска невыносимая, в голове прикидываю: пан или пропал? Написал все, как было: знаю обоих ребят еще по гражданской, вместе за бандой Фомина гонялись. И вдруг уже под вечер звонок — Саша Фадеев. Не знаю, как разыскал: что же, сукин сын, от друзей прячешься или совсем заматерел? Я ему признался, зачем в Москве и чего жду. А он своим тенорком подхохотывает: самое время поужинать, как классики советовали, в “Яре”, с цыганами.

Я не сразу согласился, думаю, вдруг ответ сегодня, а я прогуляю. Но Фадеев тоже мужик настойчивый. А что, думаю, так даже и не посидим напоследок, не выпьем на дорожку дальнюю, а хотя бы и близкую от “Гранд-отеля” до Лубянки — рукой подать. Договорились встретиться прямо в ресторане — это где нынче гостиница “Советская”.

Загудели крепко, Сашу в Москве многие любили, узнавали, подсаживались, мужик молодой, хоть и седой уже, красивый. Болтаем — душа нараспашку, мне даже хорошо стало, забыл про свои мысли. А тут через весь зал прямехонько к нашему столику мэтр мчится и сразу к Фадееву: подскажи, где Шолохов, очень срочно нужен. Саша знакомит нас, а тот заикаться начал: «К те-лефо-ну». Шагаю к нему за загородку, трубка лежит, дожидается. Не успел к уху приложить, а оттуда громовым матом: “Где шляетесь, развлекаетесь, — Поскребышев. — Политбюро третий час с тобой разбирается! Выходи к подъезду

²⁰ Там же. Л. 77 об.

сразу, машина уже дожидается”.

Приехали в Кремль и вприпрыжку вверх, к Поскребышеву. А тот головы не поднимает: “Нализался, шут гороховый”, — и подталкивает к какой-то дверце, а там ванная, и сразу под душ. Чуть не кипяток, а вроде бы полегчало. Когда из-под душа меня Поскребышев вытолкнул, чувствую из флакончика на меня чем-то прыскает, лимоном пахнет. Я подштанники натянул, он протягивает новенькую гимнастерку с белоснежным целлюлоидным воротничком.

Из ванной он уже тянет к большой двери и впихивает в кабинет, который я до этого только в кино видел. Паркет блестит, ковровая дорожка от двери к столу буквой “Т”. Смотрю, за столом ко мне лицом — сплошь военные. Генералы. Или, как они тогда с ромбами и нашивками назывались, комбриги или комиссары какого-то ранга. Вглядываюсь — ни одного знакомого лица. Впрочем, одного узнал, самый маленький, без нашивок, в такой гимнастерке, как у меня. Личность знакомая, на всех стенках красовался: лисья морда среди “ежовых рукавиц”.

Так! Значит, и нарком здесь.

А напротив их генеральского ряда, спиной ко мне штатские, двоих уже по затылку признал, наши, вешенские. Между ними стул пустой, аккуратно напротив Ежова. Сообразил: мне оставили. Грохнулся, была не была. На столе между нами и генералами какие-то карты, раскрашенные картоны.

Я прислушиваюсь, чего говорит стоящий воинский начальник и чего он карандашом по картам водит. Начинаю соображать: речь идет о контрреволюционном заговоре белоказаков на Дону, где заговорщики решили выделиться в самостоятельную казачью республику, запаслись оружием в амбарах и переворот подготовили, как раз ко времени хлебозаготовок. А в будущие свои президенты рассчитывают тов. Шолохова. Меня аж подбросило на стуле.

Оглядываюсь, кому это он все докладывает? Тем, что во главе стола, за перекладиной этого самого “Т”. Их я уже точно по портретам узнаю. Политбюро в полном составе. Одно кресло, как мой стул давеча, пустое. А где же усатый? Только тут стал прислушиваться, кто-то за нашей спиной вышагивает, тихо по ковру, едва слышно. Заглядываю через плечо, точно он, как есть, трубочкой размахивает и шагает от перекладины до двери, потом обратно. Вдруг совсем притихли шаги, остановился как раз за моей спиной, посапывает, потягивает ноздрями. И как пророк с неба: “Говорят, много пьете, товарищ Шолохов?” А я, не вставая со страху, подбородок на кулаке, отрезал, не думая: “От такой жизни запьешь, товарищ Сталин”. Слышу, опять зашагал. А за перекладиной не все гладко: вижу, Молотов паль-

цами усики разглаживает, улыбку скрывает, а Каганович с ним рядом под стол нагнулся, будто шнурок завязывает, плечи над столом подпрыгивают. Кажется, пронесло!»²¹

В рассказе Шолохова опущено развитие темы после вопроса Сталина к писателю.

В очерке Л. Колодного «Тигр, который не прыгнул» эта сцена излагается так:

«— Говорят, товарищ Шолохов, вы, Михаил Александрович, много пьете, — сказал вождь во время разбирательства шолоховского “дела”.

— От такой жизни запьешь, товарищ Сталин...

— Что вы имеете в виду? — спросил вождь».

В ответ Шолохов рассказывает анекдот:

— Бежит заяц, встречает его волк и спрашивает: «Ты чего бежишь?» Заяц отвечает: «Как — что? Бегу, потому что ловят и подковывают». Волк говорит: «Так ловят и подковывают не зайцев, а верблюдов». Заяц ему отвечает: «Поймают, подкуют, тогда докажи, что ты не верблюд»²².

В записи В. Соколова рассказ Шолохова заканчивается так:

«Сталин к креслу подходит, садится крепко, до конца и головой кивает: “что же, будем решать, товарищи”. Пауза. “А вы свободны...” Все в минуту головы вывернули, смотрят, куда его палец показывает. А пальца нет! Генералы поднимаются и как по линейке, через левое плечо, к двери потянулись. А мы, вешенские, засуетились и пустились догонять, а когда поравнялись, сдержали себя, не спешили первыми в дверь выскочить, так и тянулись с минуту, как гуси, углом к солнцу.

Слышу сзади тот же голос с акцентом: “Нет, вы останьтесь”, — оглядываемся разом, где палец, кого возвращает.

Оказалось, Ежова с генералами... А мы вмиг у Поскребышева в предбаннике. Вижу, ребятам всем — и тем, кого с Лубянки привезли, и кто из Вешек приехал, — билеты на поезд приготовлены, а для меня записка в гостиницу с распоряжением “без срока”... Но я особенно задерживаться не стал, утром позвонил Фадееву, а днем отправился назад, к Марье Петровне»²³.

²¹ Соколов В. Как Сталин Шолохова на Политбюро вызывал // «Известия», 10. IX. 1994.

²² Колодный Л. Тигр, который не прыгнул // «Московская правда», 14, 17 августа 1991 г.

²³ Соколов В. Как Сталин Шолохова на Политбюро вызывал // «Известия», 10. IX. 1994.

Необходимо отметить, концовка заседания Политбюро и уход всех приглашенных во главе с Ежовым записаны в журнале посетителей одинаково — 18.35. Члены Политбюро оставались в кабинете Сталина до 19.20.

Ряд подробностей этого заседания содержится в воспоминаниях его участников — П. К. Лугового и И. С. Погорелова.

Из воспоминаний первого секретаря Вешенского райкома П. К. Лугового:

«Шолохов выступал два раза и несколько раз отвечал на реплики. Он сказал, что вокруг него органами НКВД, органами разведки ведется провокационная, враждебная по отношению к нему работа, что органы НКВД стряпают материалы в доказательство того, что он якобы враг народа и ведет вражескую работу. Что работники НКВД у арестованных ими людей под дулом пистолета добывают материалы, ложно свидетельствующие, что он, Шолохов, враг народа. Что такое положение дел в районе и области нетерпимо, таким путем на честных, преданных партии людей клеветают, их оговаривают, изображают врагами народа. Шолохов прямо и твердо сказал, что он просит Центральный Комитет партии оградить его от подобных актов произвола.

Сталин спросил у Когана, давали ему задание оклеветать Шолохова и давал ли он какие-либо поручения Погорелову.

Коган ответил, что такие поручения он получал от Григорьева и что они, эти поручения, были согласованы с Ежовым. Ежов встал сейчас же и сказал, что он об этом ничего не знал и таких поручений не давал.

Тогда Сталин спросил у Лудищева, что ему известно об этом. Лудищев встал, опустил руки по швам и не сказал ни да, ни нет, показав этим, что он «солдат партии»: что прикажут, то он и сделает»²⁴.

В воспоминаниях И. С. Погорелова засвидетельствовано, что Сталин 31 октября 1938 г. заявил следующее:

«Евдокимов ко мне приходил два раза и требовал санкции на арест Шолохова за то, что он разговаривает с бывшими белогвардейцами. Я Евдокимову сказал, что он ничего не понимает

²⁴ Луговой П. «С кровью и потом». Из записок секретаря райкома // Судьба Шолохова. Специальный выпуск «Литературной России». № 1. 23 мая 1990 г. С. 8.

ни в политике, ни в жизни. Как же писатель должен писать о белогвардейцах и не знать, чем они дышат?»²⁵

Из секретной записки секретаря Союза писателей В. П. Ставского Сталину от 16 сентября 1937 г.

«В крае (Ростов Дон) к Шолохову отношение крайне настроенное.

Тов. Евдокимов сказал:

— Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим!

Вместе с тем Евдокимов также и добавил:

— Если б это был не Шолохов с его именем, он давно бы у нас был арестован»²⁶.

Однако Сталин не поверил ни Шеболдаеву, ни Евдокимову, ни Ставскому, ни органам НКВД. Несомненно, охранной грамотой для Шолохова стал отзыв вождя о нем и романе «Поднятая целина», данный в письме Кагановичу в июне 1932 г. Покровительствуя Шолохову, Сталин надеялся использовать в будущем его талант для собственного возвеличивания²⁷. Вот почему «тигр не прыгнул», хотя острие его клыков и когтей испытали многие упомянутые герои писем Шолохова Сталину.

²⁵ Погорелов И. «Больше, чем друг» (отрывок из письма) // Судьба Шолохова... С. 10.

²⁶ Писатель и вождь. С. 72.

²⁷ Шолохов же в те годы верил, что все беды в стране происходят по злой воле отдельных руководителей, которые скрывают от Сталина правдивую информацию. Так, в газете «Правда» 21 декабря 1939 г. по поводу 60-летия со дня рождения вождя Шолохов писал: «...В 1933 г. враги народа из краевого руководства Азово-Черноморского края — под видом борьбы с саботажем в колхозах — лишили колхозников хлеба». Далее он указывает, что после обращения к Сталину была оказана помощь, в результате которой «тысячи честных колхозников были спасены от нужды. Люди, пытавшиеся умерить их голодом, впоследствии были расстреляны». (*Шолохов М.* О простом слове // «Правда», 21 декабря 1939 г.).

НИКОЛАЙ ГАНСОН (США)

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СССР В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ГОЛОДА

Прямо за отелем, под нашими окнами красовалась куча мусора: туда бросали дынные корки, кости, картофельные очистки, и разные иные объедки. А чуть подальше была маленькая землянка, похожая на нору суслика. И каждое утро, в ранний час, из этой дыры показывалась девочка. Босая, длинноногая, с руками, похожими на тоненькие ветки, и с грязными нечесаными волосами. Она явно не видала мыла и воды несколько лет, так что покрывалась с головы до ног корой грязи и казалась почти черной. Но когда она поднимала лицо, оно поражало своей редкостной красотой. Пожалуй, это было одно из самых красивых лиц, которые нам когда-либо случалось видеть. Она сидела на корточках, грызла арбузные корки, обсасывала уже и до нее обглоданные кости...

Джон Стейнбек. Сталинград, 1947¹

К этому наблюдению знаменитого американского писателя, оказавшегося в Советском Союзе в один из самых трудных моментов его жизни, можно, обобщая, добавить: голод поражает самых слабых и незащищенных — детей и стариков. Так и было во времена послевоенного голода 1946–1947 годов.

Поэтому изучение вопроса о детской смертности в обозначенный период имеет не только научное, но и нравственное, общечеловеческое значение, призвано сделать достоянием общества страшные факты, дабы они послужили уроками.

Среди российских историков больше и плодотворней всего обращался к истории голода 1946–1947 гг. В. Ф. Зима, посвятивший ей ряд статей и затем монографию². В центре его внимания была преступность во время голода. Автор не ставил специальной задачей рассмотрение ситуации, связанной с детьми и детскими

¹ Steinbeck J. A Russian Journal. N. Y.: Viking Press, 1948. P. 121-122.

² См.: Зима В. Ф. Голод 1946–1947 гг. в СССР: причины и последствия. М., 1996. Работы, написанные раньше (И. М. Волков, В. П. Попов, Ю. Г. Пилявец и И. М. Маковейчук, Б. Г. Бомешко), касаются интересующих нас сюжетов только вскользь.

учреждениями, равно как с и деятельностью Красного Креста. Кроме того, один из главных тезисов исследователя — о рукотворности голода 1946–1947 года, его злонамеренной организации в государственных масштабах ради упрочения власти требует, как представляется, уточнения. В этом отношении нельзя не согласиться с критической оценкой данного положения, сделанной И. М. Волковым, автором интересной статьи об историографии советской деревне послевоенного времени³.

Среди западных исследователей стоит специально назвать Майкла Элмана⁴, который в своей статье преимущественно обращает внимание на экономическую сторону вопроса. Другие авторы в основном повторяют выводы В. Ф. Зимы или характеризуют ситуацию в самом общем виде.⁵

В данной статье предпринята попытка обратиться к наименее изученным сторонам проблемы: деятельности Министерства здравоохранения СССР, связанной с учреждениями, сыгравшими большую роль в спасении детей от голодной смерти (детские дома, дома ребенка, матери и ребенка, малютки, ясли, поликлиники, больницы). Кроме того, представляется важным выявить вклад советского Красного Креста в дело оказания помощи сиротам и детям. С другой стороны, разобраться в сути государственных кампаний в связи с неурожаем и голодом, в реакции властей на эти явления. В совокупности это позволяет более глубоко выявить некоторые черты послевоенной сталинской системы власти. В качестве главных источников в статье привлечены материалы, хранящиеся в двух главных архивах России. Прежде всего, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) (фонды Красного Креста и Министерства здравоохранения, «Особая папка Сталина», где интерес представили около двух десятков больших дел, содержащих отчеты, стенограммы заседаний, приказы, постановления, официальную переписку). Кроме того, немало интерес-

³ Волков И. М. Деревня СССР 1945-1953 гг. в новейших исследованиях историков (кон. 1980-х – 1990-е гг.) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115-124.

⁴ Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlement Approach to Famines // Cambridge Journal of Economics. 2000. № 5. С. 603-630.

⁵ Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fall of the Bolshevik Revolution. Princeton, N J: University Press, 2000.

ного обнаружилось в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), особенно информационные сводки от 1946–1947 гг., сохранившие важные статистические данные и письма голодающих советских граждан.

Кроме того, большой интерес для избранной темы представляют сборники публикаций, подготовленные А. Грациози и О. Хлевнюком. В них включены переписка так называемой верхушки, письма, адресованные гражданами к представителям высшей власти, многообразные документы, отправляемые обкомами КПСС в центр, статистические данные, в том числе и по поводу голода, и др.⁶ Часть материала извлечена из более ранних публикаций⁷.

В результате войны сотни тысяч детей остались без родителей, еще больше — без отцов⁸. Многие тысячи детей стали беспризорниками, скитаясь по стране без еды, не имея крова над головой. Только Москве более 36 тысяч бездомных детей бродили по улицам в начале 1945 года⁹. Это беспокоило государство, по крайней мере потому, что создавало впечатление о Советском Союзе как стране бедняков¹⁰. В попытках преодолеть кризис государство определяло детей по семьям для усыновления или удочерения, попечительства и патроната. В течение войны примерно 600 тысяч детей нашли свой дом и родителей примерно таким образом¹¹.

Государство также стремилось расширить сеть детских учреждений. Крайняя необходимость заставила увеличить число детских домов, особенно на прежде оккупированных территориях¹². В ситуации голода 1946–1947 гг. детские дома стали важной поддержкой для самых нуждающихся, убежищем для беспризорников.

⁶ Советская жизнь: 1945–1953 / Под ред. А. Грациози и О. В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2003; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР: 1945–1953 / Под ред. А. Грациози и О. В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2002.

⁷ Возрождение: воспоминания, очерки, документы о восстановлении Ленинграда / Под ред. В. А. Ежова. Л.: Лениздат, 1977.

⁸ Harwin J. Children of the Russian State: 1917–1995. Brookfield, VE: Ashgate Publishing, 1996. P. 20.

⁹ Советская жизнь: 1945–1953. С. 19.

¹⁰ Письмо сержанта Сергеева А. А. Жданову от 23 июля 1947 г. и Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) СССР от 22 августа 1947 г. по письму сержанта Сергеева // Советская жизнь: 1945–1953. С. 36–37.

¹¹ Harwin J. Op. cit.

¹² Ibid. P. 22.

Родителям они давали надежду, что их дети избегут голодной смерти. Другие учреждения, вроде молочных кухонь и яслей, становились источниками дополнительного питания, также облегчая родительское бремя в тяжелую пору. Со своей стороны оказывали помощь больным и истощенным больницы. В большинстве случаев родители отдавали детей в какие-то учреждения или пользовались их помощью только потому, что не могли прокормить семью сами.

Как показывают отчетные документы закрытой долгие годы «Особой» папки Сталина, за четыре последних месяца 1946 года число детей, поступивших в приемники-распределители, особенно сильно увеличилось на прежде оккупированных территориях, в том числе — на Украине, в Белоруссии, и нескольких областях РСФСР¹³. В Калужской области колхозники, приютившие военных сирот, больше не могли их содержать. Иными словами, многие опекуны вынуждены были определять своих воспитанников в детские дома в надежде, что они там все-таки выживут¹⁴.

Проблемы были не только у таких детей. Когда голод стал особенно остро чувствоваться к началу 1947 года, многие отчаявшиеся родители начали подбрасывать маленьких детей, чаще всего оставляя их на ступеньках детских учреждений или больниц, особенно часто — слабеньких младенцев, и они попадали в детские дома тысячами¹⁵. По данным годового отчета одного только Днепропетровского детского дома из 159 принятых в первой половине 1947 года детей, 131 ребенок был подкинут¹⁶. Получается, что едва ли не каждый день в городе обнаруживался такой несчастный подкидыш.

Необходимость в детских домах, особенно для младенцев, обострилась из-за роста рождаемости, связанной с демобилизацией. По данным В. А. Исупова, между июнем 1945 г. и концом 1947 г. примерно 8,5 млн. солдат вернулось домой, из них около 7 млн. были демобилизованы уже к сентябрю 1946 года. В результате, коэффициент рождаемости, т. е. число родившихся в пересчете на 1000 чел. подскочил в полтора раза — с 15,9 в 1945 г. до 24,9 в 1946 г. В 1946 г. по данным Центрального статистического управления (ЦСУ) было зарегистрировано 4,1 млн. родившихся

¹³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 69.

¹⁴ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 82.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 222. Л. 8.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 221. Л. 73 б.

детей, в 1947 г. к ним добавилось еще 4,5 млн.¹⁷. Значит, только младенцев и малышей до двух-трех лет в стране насчитывалось больше 10 млн. Если учесть, что были и дети других возрастов, а все население страны составляло около 170 млн. чел., ясно, как много требовалось усилий, чтобы сохранить их жизни.

Нехватка жилой площади после войны привела к настоящей борьбе за жилплощадь. Найти какое-то пригодное для жилья здание было трудно, что сильно сдерживало рост и расширение детских домов. Тысячи семей на прежде оккупированных территориях потеряли жилье, которое было разрушено оккупантами. В 1946, и даже в 1947 гг. многие продолжали жить в землянках. По данным информационной сводки, поступившей из Орловской области, в августе 1947 г. 5450 семей по-прежнему ютились в землянках. Среди них почти треть были семьями погибших воинов или инвалидов, а также семьи, воспитывавшие круглых сирот. Подобные сведения поступали в эти годы из многих областей. Особенно катастрофическим было положение на территориях, которые долго оставались под властью немцев. Так, по Могилевским и Гомельским сводкам, в первой оставалось в землянках на начало 1946 года свыше 15 тыс. семей только военнотружущих, погибших воинов, инвалидов, в Бобруйской — более 6,5 тыс. семей, Витебской — около 4 тыс., Брестской — 1,9 тыс. семей¹⁸. А многие из тех, кто уезжал в годы войны или был мобилизован на работы, по возвращении на старые места ютились, как известно, у друзей и родственников¹⁹. Очевидно, голод сказывался на таких семьях особенно тяжело.

Что касается общественных учреждений, то острота ситуации заставила Совнарком еще в ноябре 1944 года принять специальный указ за № 1571, который приказывал возвратить все здания, включая и те, которые использовались прежде как детские заведения, их

¹⁷ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 217. В 1945 г. в СССР родилось только 2,5 млн. детей (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 169. Л. 212.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 810. Л. 182; Оп. 8. Д. 884. Л. 195; Д. 693. Л. 57-59. См. также данные о Псковской области: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 812. Л. 114.

¹⁹ Плудовская Г. М. (Егорова). Сессия созидания // Возрождение: воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда. С. 61-62 и др.

бывшим хозяевам²⁰. Но это возвращение проходило негладко, и даже через три года после опубликования указа некоторые детские помещения продолжали использоваться новыми хозяевами, чаще всего — военными.

Сложность послевоенной ситуации и неспособность чиновников своевременно выполнить указ становятся особенно ясными на примере Украины. На 1 января 1946 г. на Украине 129 зданий, принадлежавших Минздраву, все еще были заняты другими учреждениями²¹. В Днепропетровске городской гарнизон продолжал занимать детскую клинику и больницу и в июне 1946 г.²² Военные удерживали за собой постройки и в других местах. Так в Одессе, директор завода запчастей, некий А. А. Шмыгля, отказывался освободить помещение, которое было превращено в общежитие для рабочих. Он оправдывал свой отказ тем, что воинская часть продолжала занимать жилой дом, в свою очередь, предназначенный для рабочих²³.

Дело нередко доходило до вмешательства министерств и их борьбы между собой. Так, в январе 1947 года Минздрав обратился к Министерству вооруженных сил с просьбой освободить детскую клинику в злополучном Днепропетровске, занятую воинской частью. Потянулась министерская переписка. Министерство вооруженных сил отрицало факт, что клиника занята солдатами. Минздраву пришлось вторично обращаться, подробно излагая обстоятельства дела, называя имена и должности тех, в чьем ведении оставалась клиника. Но и к концу 1947 года воз оставался на прежнем месте²⁴. Еще больше добавляло неразберихи то, что детские учреждения находились под властью трех разных ведомств: Министерства здравоохранения, Министерства Просвещения и Министерства внутренних дел.

Эти обстоятельства и примеры показывают, что на местах указы из центра далеко не всегда выполнялись по мановению волшебной палочки. Местные обстоятельства в большой степени определяли, насколько быстро будут приняты надлежащие меры. Чаще всего, если здания были заняты учреждениями, подчиненными

²⁰ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 210. Л. 49.

²¹ Там же. Д. 210. Л. 87.

²² Там же. Л. 49-50.

²³ Там же. Л. 52-53.

²⁴ Там же. Д. 254. Л. 4-18.

Министерству вооруженных сил или Министерству тяжелой промышленности, они позволяли себе не считаться с просьбами Минздрава, не игравшему столь важной роли.

Несмотря на эти осложнения, отчеты Минздрава показывают, что число детских учреждений продолжало расти в течение 1946–47 гг. Так, в 1947 г. Министерство РСФСР увеличило число «койко-мест» в домах для младенцев на 2103 единицы²⁵.

На Украине в таких домах число мест увеличилось на 164% (только за первые четыре месяца 1947 года число койко-мест выросло на 5901 единицу), а в детских больницах появилось 4639 новых коек²⁶. Однако почти нигде этот рост не покрывал действительных нужд. В 1947 г. из-за «переуплотнения», как говорится в документах, в детских домах РСФСР нередко отказывали в приеме новых детей²⁷. При этом во многих детских домах Украины, в том числе, в Херсонской, Запорожской, Ворошиловградской областях на каждого ребенка приходилось в среднем от 1,0 до 1,5 кв. м общей жилой площади и только 0,75 кв. м полезной (спальни)²⁸.

В Молдавии младенцы принимались только в чрезвычайных случаях. Те, кому отказывали в приеме, занимали койки в больницах, из-за чего, в свою очередь, страдали больные²⁹. В нескольких районах детские дома отказывались принимать даже тех детей, которые направлялись Красным Крестом (такой случай, имел место, например, в городе Бельцы, где было выявлено 17 детей, не принятых с предписанием Красного Креста в детприемник)³⁰.

В 1947 г. детские дома не только в Молдавии, но и на Украине, в Белоруссии, Дагестане, а также в Орловской, Ростовской, Крымской, Смоленской, Брянской, Новгородской и Псковской областях отказывали в приеме беспризорным детям³¹.

Но не только нехватка помещений сдерживала рост детских учреждений и прием детей. Второй причиной была нехватка продук-

²⁵ Там же. Д. 222. Л. 7-8.

²⁶ Там же. Д. 210. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 222. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 185. Л. 45. Примерно такая же картина была в Кирове и других российских городах — Там же. Д. 221. Л. 101 а.; Д. 222. Л. 8, 12.

²⁹ Там же. Д. 251. Л. 12.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 970. Л. 227.

³¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 71.

тов. В Челябинске, в 1947 г. детские дома отказывались принимать детей именно поэтому³². Годом раньше из-за отсутствия молока закрылись молочные кухни в нескольких областях Украины (Киевской, Запорожской, Черниговской и других)³³. Молочные кухни в Кишиневе не получали молока больше двух месяцев, с сентября до ноября 1946 года³⁴. Перебои в снабжении продуктами в 1946 г. вынуждали закрывать детские ясли даже в украинских колхозах. Число мест в яслях, которые не подчинялись Минздраву, сократилось за неполный 1946 год почти в два раза — с 2354 до 1340 (цифры в отчетной справке даны на начало октября)³⁵. Доставка молока украинским детским учреждениям, которая и до этого шла с перебоями и не покрывала потребностей, к концу 1946 года сократилась еще больше³⁶.

В тот же период районные и областные чиновники ряда областей (Черниговской, Житомирской, Винницкой, Каменец-Подольской, Киевской и Херсонской), отвечающие за вопросы здравоохранения, отправляли многочисленные официальные письма «вверх» по служебной лестнице, вплоть до Москвы, о том, что детские учреждения, ясли, молочные кухни, сняты со снабжения³⁷. В подобной ситуации речи о росте учреждений уже не могло идти, даже существующие оказывались под большой угрозой. В течение первых десяти месяцев 1946 года колхозные ясли на Украине потеряли больше тысячи коек из-за нехватки продуктов³⁸. Подобные случаи имели место едва ли не во всех республиках СССР, от Запада до Востока, в том числе в Риге, Таллине, Фрунзе, Челябинске, где детские учреждения оказались на грани закрытия во второй половине 1947 года³⁹.

Проблемы с продовольствием, которые значительно усилились к концу 1946 года, были отчасти вызваны кампанией по экономии хлеба, которая началась в октябре. 23 сентября 1946 г. министр заготовок Б. Двинский адресовал И. В. Сталину специальное

³² ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 257. Л. 7.

³³ Там же. Оп. 21. Д. 185. Л. 11-12.

³⁴ Там же. Д. 251. Л. 12.

³⁵ Там же. Д. 210. Л. 3.

³⁶ Там же. Д. 185. Л. 16.

³⁷ Там же. Д. 210. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Там же. Оп. 23. Д. 257. Л. 5-8.

письмо, в котором указал на катастрофическое положение, связанное с неурожаем. Он настойчиво, насколько это было позволительно, призывал принять меры по экономии хлеба. Это было второе письмо такого рода. Первое Сталин получил 7 сентября, но считал, что беспокойство преждевременно. Во втором письме Б. Двинский просил ЦК КПСС взять под особый контроль заготовку зерна, подчеркивая, что только Сталин может выправить положение. Б. Двинский, дальше обрисовал ситуацию в самых черных красках: «Без Вас, — писал он, — никто не решит наболевшего вопроса о том, как жить дальше, хотя положение с ресурсами известно, ясны размеры бедствия, постигшего страну, и, следовательно, перспективы заготовок. Я боюсь, чтобы не запоздать и не очутиться перед трудностями, которые можно предотвратить или смягчить»⁴⁰.

Второе письмо заставило Сталина действовать. Политбюро издало указ об экономии хлеба. Указ (за № 380) вышел 27 сентября, т. е. через четыре дня после получения второго письма. Он предписывал принять серию мер по экономии хлеба безотлагательно, начиная с 1 октября. Министры торговли республик и заведующие отделами должны были на треть сократить расходы хлеба, выделяемого на снабжение населения по карточкам, и на две трети уменьшить выдачу хлеба из фондов в сельской местности⁴¹. Иждивенцы, а также рабочие и служащие совхозов, подсобных хозяйств и МТС, предприятий и учреждений местной промышленности, промысловой кооперации и лесоохраны, то есть практически все жители сельской местности, прежде получавшие карточки, теперь лишались права на них. Правительство отменило карточки для взрослых иждивенцев в городах, оставив их только за матерями или иными лицами, ухаживавшими за маленькими детьми, и учащимися. Более того, были ограничены объемы продажи хлеба в коммерческих магазинах⁴².

Но и этих мер казалось недостаточно. Ради еще большей экономии правительство сократило штаты в детских учреждениях и соответственно, количество отпускаемых туда продуктов. При этом план расширения сети самих детских учреждений оставался в силе, но как их обеспечить работниками в ситуации сокращения, не было

⁴⁰ Письмо Б. А. Двинского Сталину от 23 сентября 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. С. 222.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 5452. Оп. 28. Д. 1212. Л. 68-69.

⁴² Там же. Л. 225; Д. 1213. Л. 114.

понятно. Так, получив плановые цифры создания новых яслей на 1947 год, министр здравоохранения Украины П. Г. Радченко зам. министра здравоохранения СССР М. Д. Ковригиной: «План разворота яслей на 1947 год, намеченный министерством... очень велик — Украина развернуть 90.300 коек в городах и выше 46.000 в селах не сможет. Прошу Вас очень план на 1947 год по яслям уменьшить. С таким большим количеством не справимся. Положение на местах тяжелое. В связи со снижением целого ряда районов со снабжения, сельские ясли будут закрываться, и совсем не по нашей вине. Снимают со снабжения также работников детских учреждений ряда районов и города Полтавы (телеграмма)»⁴³.

Отметим вначале позицию представителей власти. Как видно, на республиканском уровне они хорошо представляли ситуацию и решались, может быть ценой собственного служебного места, на критические письма с просьбами пересмотра государственных планов. И Украина не была единственным случаем, хотя там активная деятельность местных властей особенно заметна. Получается, что сокращая снабжение населения, правительство ставило препоны выполнению собственных планов расширения сети детских учреждений, более того, вынуждало закрывать уже существовавшие. Сокращения шли и в 1947 г. Из материалов переписки между зам. министра здравоохранения СССР и председателем Госплана Н. А. Вознесенским становится ясно, что в третьем квартале этого года число детей в городских яслях существенно сократилось.

Особенно — в сильно страдавшей от голода Украине: там отменили пайки на каждого седьмого ребенка (число мест сократили с 72.000 до 61.200 чел.). Заведующие вынуждены были отказывать родителям в приеме детей⁴⁴. О том, что дети голодали, буквально вопиют больничные отчеты. Почти все дети попадали в больницы сильно истощенными. Такими же они попадали и в детские дома, если открывались места. Конечно, многие из них умирали. Так, в Днепропетровске, по данным отчета одного из детских домов, среди умерших в 1947 г. детей только 8,9% поступили в детские учреждения с нормальным весом. Иными словами, 9 из 10 детей страдали разной степенью дистрофии. Результаты были драматическими: за год умерло около трети детей из числа тех, кто поступил именно в

⁴³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 210. Записка между Л. 14-15.

⁴⁴ Там же. Оп. 23. Д. 257. Л. 14.

1947 г. Двум из трех умерших детей не успело исполниться и года жизни, то есть это как раз те, кто составлял поток родившихся по демобилизации Красной Армии⁴⁵.

Еще один показательный факт: в течение первых десяти месяцев 1947 года женщины с детьми перебирались из Украины и нескольких областей РСФСР (Смоленской, Орловской, Курской, Воронежской) в Белоруссию. Это видно из отчетов детских домов данной республики, принимавших вновь прибывших детей. Документы в один голос говорят об их истощенном состоянии. Двое из троих умирали и здесь буквально в первые две-три недели. Ясно, что их детские организмы были ослаблены до крайних пределов⁴⁶.

В других областях дети также поступали в дома ребенка ослабленными. Удручающие цифры на этот счет приведены в справке зам. министра здравоохранения РСФСР. Судя по ней, во многих местах обстоятельства были схожи с Днепропетровском. Вслед за ним, больше всего страдали дети в Симферополе и Магнитогорске. Там с нормальным весом поступал только один из 10 детей; немногим лучше дело обстояло в Краснодаре и Кемеровской области, в первом с нормальным весом было 1,5 среднестатистических ребенка на 10, во втором — 2,2. Судя по цифрам, лишь каждый четвертый ребенок имел нормальный вес в Новосибирске и Горьковской области, а в целом в западной части РСФСР страдало от недоедания 2 из 3-х детей. Также в целом благополучнее обстояло дело в его восточной части: скажем, в Омске и Алтайском крае голодало чуть больше половины всех детей, а в Кировской области ровно половина⁴⁷. Не забудем, что это данные, попавшие в официальные отчеты, при том, что строгого контроля за детской смертностью, как и за здоровьем, не существовало.

Такая же картина наблюдалась в Молдавии, в больницы которой поступало много истощенных детей: у большей половины отмечен диагноз «гипотрофия», т. е. пред-дистрофическое состояние, и половина из них (каждый четвертый ребенок) умирал с диагнозом «дистрофия», т. е. из-за голодного истощения⁴⁸. Вторую половину, очевидно, удавалось спасти.

⁴⁵ Там же. Оп. 21. Д. 221. Л. 73 б.

⁴⁶ Там же. Д. 222. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Д. 251. Л. 16.

Эти данные позволяют с большой долей уверенности предположить, что еще больше умирало детей из числа тех, которым было отказано в детских домах или медицинской помощи. Кроме того, недостаточное количество детских учреждений вело к их переуплотнению и отсюда распространению разного рода эпидемий, также становившихся причиной смерти.

Большая часть приводимых выше данных касается городов, но государственная кампания по экономии хлеба привела к снижению уровня жизни детей и в деревне. Внезапное сокращение поставок хлеба в деревню в октябре 1946 года тяжело ударило по миллионам людей всего Советского Союза. Приказ от конца сентября 1946 г. впрямую меньше коснулся колхозников, так как они и до этого времени не получали от государства продовольственных карточек. Они работали «за трудодни», и часто реально ничего не получали. Горожане же продолжали получать продовольствие по карточкам. Резко ухудшилось положение работников и специалистов, названных в начале статьи сельских и промысловых отраслей, а также деревенских служащих и интеллигенции. В их семьях паек и до названного выше приказа нередко получал только один человек, а после него многим и из этого числа было отказано.

Если посмотреть на положение деревенских учителей, то этот приказ отобрал пайки у иждивенцев, то есть чаще всего у стариков и детей. Особенно страдали семьи, в которых было несколько детей, а таких было большинство после войны. В 1947 г. существовавший тогда Центральный Комитет Начальных и средних школ РСФСР получал письма, свидетельствовавшие не просто о плохом, а об отчаянном, зачастую безнадежном положении сельских учителей и их семей. Можно привести письмо завуча маленькой сельской школы одного из районов Ленинградской области. Она писала о себе: «На иждивении имею 4 детей. Трое из них учатся. Муж погиб на фронте. В октябре на детей не дали хлебных карточек. Как быть, овощей и картофеля хватит на месяц, коммерческого хлеба и продуктов достать нельзя, что же делать? Бросить педагогическую специальность, имея стаж 11 лет. Жаль. Так обидно, работала на Урале 6 лет без отдыха, ковала победу и теперь в родном селе учителю надо помирать с голоду»⁴⁹.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 810. Л. 87.

Очевидно, подобная картина не была редкостью. По официальным данным информационной сводки от начала 1947 г., содержащей сведения о подготовке к выборам в Верховные советы республик, от 20 до 30 семей существовали на грани голода в соседней с Ленинградской Новгородской области, а также Рязанской, в Ивановской, Владимирской, и Орловской. Отчаянные слова бросила в лицо представителям высокой комиссии одна из учительниц Рязанской области, мать-одиночка, на содержании которой было шесть голодных рахитичных детей. Они пишут в отчете, что она не видит никакого выхода из создавшегося положения, говорит: «Хоть в петлю лезь»⁵⁰.

И ведь это пишет учительница, которая имела карточку, пусть и одну на большую семью. Что же было с теми семьями, которые полностью были сняты со снабжения? Нетрудно догадаться, что в них желание лезть в петлю владело едва ли не всеми взрослыми членами семьи. Не исключено, что таковое и случалось, если раньше не наступала смерть от голода.

Однако самым страшным ударом по деревне стало правительственное решение от 24 сентября 1946 г. относительно активизации заготовительной кампании. Ускорение заготовок фактически оставило деревню без хлеба. По данным В. Ф. Зимы (и других авторов), сдавалось и семенное зерно, что ставило под удар следующую посевную⁵¹. Исследователь полагает, что и в целом политика конфискации зерна несмотря не на какие обстоятельства стала главной причиной массового голода и среди колхозников⁵². В некоторых случаях судьба детей зависела от того, сумели ли их родители выполнить план заготовок. Так, в одном из колхозов имени Сталина (!) Киевской области колхозники не смогли из-за неурожая выполнить план по поставкам зерна, в результате чиновники отказались выдать хлеб, предназначенный круглым сиротам и семьям вдов, что привело к истощению 20 сирот и 8 детей в семьях матерей-одиночек⁵³.

Одной из главных организаций, которая пыталась смягчить тяжелую ситуацию и голод, было Советское общество Красного Креста и Полумесяца. В сентябре 1946 года СОКК (сокращенное самоназвание) шефствовал над детскими учреждениями, помогая

⁵⁰ Там же. Л. 88.

⁵¹ Зима В. Ф. Указ. соч. С. 29.

⁵² Там же.

⁵³ ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 972. Л. 251.

примерно 4 тыс. детских домов. Кроме того, насколько можно понять из отчетов Красного Креста, он оказывал помощь более чем 100 тыс. осиротевших семей, то есть всего от СОКК получали помощь около 600 тыс. детей⁵⁴. Работники СОКК находили разного рода организации, которые следили за воспитанием детей и помогали им материально, определяли сирот с разного рода отклонениями от здоровья в санатории и оздоровительные лагеря. В сентябре 1946 года исполнительный комитет Красного Креста предложил создать шефскую комиссию, которая организовывала бы общественную помощь сиротам, инвалидам войны и осиротевшим семьям. Предполагалось, что комиссия будет способна привлекать организации к такой работе и за пределами столицы⁵⁵.

Состав комиссии определился не сразу. Были предложения о включении туда известных лиц, в том числе детского писателя С. Я. Маршака, маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, композитора И. О. Дунаевского, а также министров, видных деятелей Красного креста, врачей и журналистов⁵⁶. Часть из них вошла в комиссию, но насколько эффективно она действовала, сказать трудно, так как не сохранилось каких-либо отчетов. Тем не менее, сам Красный Крест сумел собрать порядочные средства для поддержки голодающих сирот.

Плодотворней всего работники Красного Креста потрудились на Украине, где в результате была собрана значительная сумма — больше 4 млн. руб., что позволило на какой-то срок обеспечить питанием около 40 тыс. детей⁵⁷. Таких денег должно было хватить на хлеб в течение двух-трех месяцев. Примерно восьмую часть денег (ок. 500 тыс. руб.) Красный Крест получил от организации самодеятельных концертов, спектаклей и лекций в Днепропетровской области. На эти деньги 3000 детей кормилось около полугода⁵⁸.

В Белоруссии Красный Крест создал фонд помощи сиротам и израсходовал на их поддержку 1,5 млн. руб. в течение одного школьного года⁵⁹.

⁵⁴ Там же. Д. 875. Л. 8.

⁵⁵ Там же. Л. 8-9.

⁵⁶ Там же. Л. 10-12, 14.

⁵⁷ Там же. Д. 945. Л. 13.

⁵⁸ Там же. Л. 14.

⁵⁹ Там же.

Главное отделение Красного Креста действовало в РСФСР. Его представители настоятельно рекомендовали правительству увеличить размеры довольствия на каждого ребенка в детских домах, и, кроме этого, создать специальные дома для ослабленных детей⁶⁰. За два года, с конца войны до середины 1947 года, Красный Крест получил 32 млн. руб. от разных видов своей деятельности. Эти деньги были израсходованы на медицинскую помощь, продукты и одежду для сирот и инвалидов. В течение 1947 года на средства Красного Креста кормили горячими завтраками около 30.000 детей⁶¹. Если вспомнить, что только по Москве бродило около 36 тыс. беспризорников, станет ясно, какая большая часть детей оставалась за бортом подобной благотворительности.

Особый вопрос — как Красный Крест организовывал сбор средств, кто ему в этом помогал, и кто препятствовал. Так, на Украине внимание к делам Красного Креста проявил Никита Сергеевич Хрущев, тогда член ЦК ее компартии. Он собрал на совещание представителей КК и других организаций для обсуждения вопроса о способах сбора средств⁶². На официальном уровне сбор денег от населения на нужды Красного Креста, то есть голодающих детей и инвалидов войны, одобрил специальным постановлением от 2 июля 1947 г. Совет министров УССР⁶³. Собственно, еще до постановления по инициативе местных отделений Красного креста сбор денег уже был начат⁶⁴.

Некоторые тогдашние украинские знаменитости также активно участвовали в делах Красного Креста. Так, жившая в Киеве польская писательница Ванда Василевская кормила на свои средства восемь сирот ежедневно⁶⁵. Как уже говорилось, Красный Крест немало «зарабатывал», организуя самодеятельные выступления разного рода. Он привлекал и средства хозяйственников, возможно, немалые⁶⁶.

Однако далеко не всегда деятельность Красного Креста, равно и организация детских домов, проходила без осложнений. Как ни

⁶⁰ Там же. Л. 60.

⁶¹ Там же. Л. 110.

⁶² Там же. Д. 950. Л. 10.

⁶³ Там же. Д. 972. Л. 73.

⁶⁴ Там же. Д. 950. Л. 207-208.

⁶⁵ Там же. Д. 950. Л. 11.

⁶⁶ Там же.

странно на первый взгляд, препятствия чинились и изнутри. В конце сентября 1947 года главный бухгалтер исполкома Красного Креста М. Гойзман заявил, что сбор средств, который ведется на Украине, незаконен, поскольку для этого нужно иметь специальное разрешение (причем на каждый случай!) от Совета Министров СССР. В обоснование он привел довоенное постановление, принятое 1 июня 1935 года. Его беспокоило, что такого рода сборы не поддаются строгому контролю, а значит, могут быть израсходованы не по назначению. Он потребовал от начальника орготдела Красного Креста прекращения всех таких сборов как незаконных⁶⁷. На его официальном письме чьей-то рукой был написан «ответ»: «На Украине имеется специальное постановление Совета Министров и отменять его исполком не имеет права». Скорей всего, его написала М. А. Шаталова, тот самый начальник орготдела, или же ее заместитель. Иными словами, сбор средств на Украине продолжался, несмотря на грозное предупреждение. Продолжался за счет продажи билетов на концерты, лекции, массовые гуляния. Но исполком Красного Креста запретил сбор средств от частных лиц.

В октябре 1947 года неотложная необходимость заставила прибегнуть на той же Украине к скрытому сбору средств: с согласия партийных и государственных органов Красный Крест провел в Запорожье лотерею. Однако эта инициатива на каком-то верхнем этаже чиновной иерархии Красного Креста одобрения не получила, продажу билетов прекратили, а деньги частично перевели в общую кассу Красного Креста, частично предписали вернуть гражданам в случае их недовольства⁶⁸. В 1947 г. Центральный Комитет Красного Креста все-таки разрешил сбор средств от массовых мероприятий, но категорически запретил проводить лотереи. Более того, материалы о незаконных сборах и незаконных расходах некоторых областных комитетов Красного Креста были переданы в прокуратуру⁶⁹. Это показывает, что злоупотребления имели место, но чиновники не думали, какими способами поставить им заслон. Они боялись за свои места и торопились отменить благое начинание, а не ввести его в нужное русло.

Государственная политика не только ограничивала сбор пожертвований и тем самым деятельность Красного Креста, но и другими

⁶⁷ Там же. Д. 972. Л. 67.

⁶⁸ Там же. Л. 83, 84, 88.

⁶⁹ Там же. Д. 950. Л. 30.

способами реально уменьшала возможности обращаться за медицинской помощью. Еще в сентябре 1946 года правительство издало известное постановление Совета Министров «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁷⁰. Среди прочего оно требовало сокращения «раздутых штатов» административно-управленческого аппарата, запрещая начислять трудодни лицам, которые впрямую не имели отношения к колхозному производству. В их кругу оказались и медики, число которых на селе, и без того не очень значительное, начало катастрофически сокращаться.

Вот как выглядели результаты этой политики через год: судя по сводкам, в целом по стране в сентябре 1947 г. состав «административно-управленческого аппарата сократился почти на четверть (на 18,1%), и одновременно снято с начисления трудодней, соответственно, с оплаты по ним 200.000 человек»⁷¹. Многие медицинские работники и медсестры оказались в «черном» списке, потеряв права на «содержание и пайки», что тут же привело к закрытию колхозных медпунктов.

В некоторых регионах местные организации Красного креста, отдавая себе отчет о важности деревенских медпунктов, как для взрослых, так и особенно для детей, стремились всеми способами сохранить их в целостности. Подобные вопросы заботили и некоторые президиумы ЦК Красного Креста (Украинский, например), которые обсуждали на своих заседаниях возможные варианты сохранения медицинских кадров и помощи на селе⁷².

Однако и перед самими служащими Красного креста нередко вставали вопросы выживания. Так, в Сталинградской и Крымской областях председатели районных комитетов Красного Креста лишались хлебных карточек, о чем председатели областных комитетов ставили вопросы на совещаниях, жалуясь на недостатки кадров⁷³. Хотя и тем, у кого были карточки, нередко приходилось искать себе вторую работу. Так одно цеплялось за другое, и в целом осложняло и без того напряженную ситуацию на селе.

Самое парадоксальное, что даже назвать вещи своими именами не только по отношению к деревне, но и по отношению к горо-

⁷⁰ Там же. Д. 949. Л. 52, 64.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 812. Л. 59.

⁷² ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 949. Л. 64.

⁷³ Там же. Д. 950. Л. 105, 115, 117.

ду, руководители Красного Креста зачастую не могли. Так, на одном из совещаний областных председателей их начальник, председатель Исполкома Красного Креста С. Колесников в своем выступлении говорил: «Для Молотова, Горького, и вообще для городов с большим количеством населения особая задача заключается в том, что самая большая трудность падает на детское население. Это имеет большое значение в связи с приростом населения. Это связано с очень большими потерями детского населения»⁷⁴. Оставим в стороне лексику и синтаксис. Это особый вопрос. Но что здесь стоит в подтексте? Какую особую задачу имеет в виду главный руководитель Красного Креста? Ясно, что связанную с медицинским обслуживанием населения. И с его недостаточностью связана и смертность, и «особые трудности детей». Равно как и с голодом. Но председатель не может прямо сказать о недостаточной поддержке здравоохранения со стороны государства, равно как и о недостаточности мер по борьбе с голодом. Тем более, не заикается он относительно поспешности в деле сокращения числа медицинских работников на селе. А ведь заседание идет в июне 1947 года, одном из самых голодных месяцев, отмеченном самой высокой смертностью. Как руководитель, он понимает, что ситуация очень сложная, но единственное, на что он может уповать вслух, публично — на деятельность местных комитетов и общественности.

* * *

Попытаемся подвести некоторые итоги.

Существовавшая в 1946–1947 гг. сеть детских учреждений, вместе со спешно создаваемыми в этот период, спасла жизни многих тысяч детей. Вместе с тем, реальные потребности в такого рода учреждениях были намного, если не во много раз, больше. И не меньше детей погибло из-за того, что для них не хватило таких домов. Что касается государства и властей, то их политика была противоречивой.

С одной стороны, государство разработало впечатляющий план развертывания сети детских учреждений, с другой, нередко препятствовало их расширению и росту, во многом связывая руки Министерству здравоохранения, мало помогая ему в решении вопросов о

⁷⁴ Там же. Д. 951. Л. 143.

строительстве или возвращении зданий. Более того, взрослые работники уже существующих детских учреждений нередко лишались карточек, пайков, иных видов продовольственной помощи.

С одной стороны, ставились задачи улучшения медицинского обслуживания детей, с другой — сокращалось количество медицинских работников, особенно на селе.

С одной стороны, на Красный Крест возлагались особые надежды в деле смягчения ситуации, с другой, о самих его работниках забот было совсем мало. А главное, и Красному Кресту связывали руки и лишали многих инициатив, особенно в сборе прямых пожертвований. И остается удивляться, как в такой ситуации, его работники, которым сплошь и рядом отказывали в доверии, ухитрялись продолжать свое дело.

Противоречивый характер носила деятельность лиц, облеченных властью на республиканском, областном и районном уровнях. С одной стороны, ее представители многое пытались делать для смягчения ситуации, «сигналили» наверх, приводя доводы и данные, с другой — вынуждены были подчиняться, исполнять указы свыше. Впрочем, находились и рьяные исполнители, которые усердствовали больше, чем предписывалось.

Однако было бы неверно искать в государственной политике все причины голода. От него больше всего пострадали дети. Но ведь большое количество сирот было прямым следствием долгих четырех лет войны. Кроме того, голод совпал с началом демографического взрыва, то есть с резким скачком рождаемости, связанным с массовой демобилизацией весны-лета 1945 г., продолжавшейся и в последующие два года. Мужчины возвратились в семьи, семьи стали быстро расти. Младшие дети и стали одной из главных жертв голода.

Особый вопрос — об урожайности. Некоторые авторы полагают, что официальная статистика занизила данные об урожайности, но разного рода подсчеты все-таки показывают, что неурожай был, и значительный, особенно на Украине и в ряде центральных областей. Правда, насколько рационально государство распорядилось собранным урожаем, сказать трудно, потому что даже в самых верхних эшелонах власти, на уровне руководителей Министерств было много несогласованных действий и распоряжений⁷⁵.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 520. Л. 1.

Думается, что стоит обратить специальное внимание на сентябрь 1946 года: он во многих отношениях оказался рубежным. Если до этого времени сеть детских учреждений, пусть и не всегда гладко, но все же расширялась, и делались шаги к улучшению положения детей, то после двух сентябрьских постановлений (от 19 и 27 числа) ранее поставленные цели перестали быть достижимыми, а планы невыполнимыми. Власть сменила приоритеты: главной целью было накопление любой ценой резервов зерна, хлеба, ценой чего, со своей стороны, становится ухудшение всех (медицинских, продовольственных, материальных вообще) условий жизни детей и тех, кто работал с ними.

Поворот в политике был спешным, стихийным, он, естественно, не был согласован с прежними планами и сам не носил планового характера. Не были просчитаны более отдаленные последствия этого поворота: падение сроков и темпов посевных работ, напрямую связанное с ухудшением медицинской помощи и отсюда увеличением заболеваний в горячую пору, замедление темпов преодоления неблагоприятной демографической ситуации, вызванной войной, падение доверия к власти и отсюда интереса к колхозному производству.

Стоит отметить еще один момент: только с этого времени государство и сам Сталин стали надлежащим образом реагировать на тревожные сведения и сигналы, поступающие из регионов. Иными словами, много времени, которое позволило бы согласовать разного рода действия, продумать политику в целом, составить какой-то четкий план, было упущено. Суровые государственные меры, по сути дела, явились расплатой за неповоротливость властей, но расплачивались жертвы, а не виновники.

Однако неверно думать, что государство преднамеренно создало катастрофическую ситуацию, намеренно спровоцировало голод. Или поставило своей задачей уморить голодной смертью тысячи детей. Оно просто не смогло эффективно действовать против голода в рамках тех общегосударственных задач, которые определило в качестве самых главных, в частности, создания запасов зерна. И не поступилось стратегией, даже глядя в глаза детской смерти.

Н. Н. Родигина (Новосибирск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX ВЕКА

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАКОМЫХ СЮЖЕТОВ*

Каким концептуальным языком, при помощи какого методологического инструментария можно описать интеллектуальную рефлексию русской интеллигенции на одном из этапов модернизации социокультурных, цивилизационных, социально-политических институтов Российской империи? В рамках каких предметных и тематических полей наиболее эффективно осмысление сущностных характеристик системы ценностных ориентаций и модели мира российской интеллектуальной элиты? Какова авторская версия ответа на «вечный» вопрос о содержании понятия «интеллигенция»? Насколько целесообразны поиски универсалий в представлениях людей, имевших разную социальную (в том числе и сословную), культурную, политическую, региональную, а порой и этническую самоидентификацию? Каков набор концептов, интерпретация которых раскрывает социокультурные представления и создает «каркас» модели мира русских интеллектуалов? Насколько интерпретируемые автором представления были характерны для мыслящей России в столице и провинции? Это лишь немногие из перечня вопросов, возникающих при прочтении интригующего заглавия книги омского историка Т. А. Сабуровой, адресованной историкам, культурологам, студентам и преподавателям высших учебных заведений.

В последние десятилетия ни в историографии, ни в практике преподавания истории представления русской интеллигенции «о времени и о себе» не были периферийным сюжетом. Работы А. Безансона, Т. Виховайнен, Э. К. Виртшафтер, В. К. Кантора, Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотмана, М. Могильнер, Т. И. Печерской,

* Рецензия на монографию: Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск: Издательский дом «Наука», 2005. 306 с.

В. Г. Рыженко, С. М. Усманова и др., материалы многочисленных «интеллигентоведческих» конференций (в Москве, Иванове, Екатеринбурге, Омске) свидетельствуют об устойчивом междисциплинарном интересе к миру мыслей, чувств, образов отечественных интеллектуалов XIX столетия. Однако Т. А. Сабуровой впервые в качестве самостоятельного и самодостаточного предмета исследования выбран «комплекс социокультурных представлений русской интеллигенции XIX столетия».

Фиксируя множественность подходов к пониманию сущности интеллигенции, существующих в общественной мысли и исторической науке и зависящих от этапа развития исторического сознания, методологических пристрастий, политических убеждений, предметной специализации их авторов, Т. А. Сабурова переносит основной акцент с поисков универсального определения феномена русской интеллигенции с присущими ей социальными и культурными характеристиками на конструирование модели мира русских интеллектуалов и осмысление тех идентификационных оснований, при помощи которых думающая Россия осмысливала, репрезентировала, мифологизировала и возвеличивала себя. Приоритетное внимание сосредоточено на таких фрагментах «второй» реальности, как пространственно-временные представления, составляющие, по мнению автора, «ядро» модели мира, а также на анализе влияния социокультурных представлений на формирование социальной и культурной идентичности образованных и критически мыслящих русских. Включая свое исследование в контекст культурно-интеллектуальной истории, понимаемой как «история смыслов», Т. А. Сабурова направляет свой исследовательский интерес и на выявление основных концептов, составляющих ментальную карту русских интеллектуалов, определяющих их систему ценностей и поведенческие стратегии. К числу таких концептов она относит бинарные пары «власть» и «народ», «мысль» и «чувство», справедливо считая их системообразующими для самоидентификации русской интеллигенции XIX века. Под моделью мира понимается «структурированная система, в которой в упрощенном и концентрированном виде отражаются представления о мире, налицо взаимосвязи между отдельными элементами картины мира», это «своеобразный каркас» для картины мира (с. 45).

Автор разводит содержание понятий «модель мира» и «картина мира», которые часто употребляются как синонимичные, и подчер-

квивает продуктивность применения избранного интеллектуального конструкта (“модель мира”) для диахронного анализа, а концепта “картина мира” — как средства синхронного анализа смысловых категорий. В монографии выявлено и охарактеризовано два уровня модели мира русской интеллигенции: 1) уровень представлений о времени и пространстве (хронотопе), с одной стороны, включающий в себя ментальные установки, далеко не всегда отрефлексированные их носителями и мало зависящие от социальной принадлежности носителей, с другой же, отражающий черты, присущие культуре определенной социальной общности; 2) уровень социальной и экзистенциальной идентификации, осуществляющейся в рамках уже упомянутых полюсов “интеллигенция — власть”, “интеллигенция — народ”. Именно на втором уровне формируется мотивация деятельности интеллигенции, возникают основные поведенческие стратегии и, в конечном итоге, происходит эволюция смыслового содержания основных группообразующих понятий.

Очевидно, что набор и характеристика уровней достаточно условны и схематичны, их границы подвижны, что отчетливо осознается автором книги. Количество, содержание, варианты взаимодействия и взаимовлияния, перечень источников формирования и факторов, определяющих содержание уровней и сегментов модели мира, зависят от исследовательского ракурса, методологической приверженности, этапа профессионального становления их «конструктора», уровня развития той предметно-тематической области, с которой он себя соотносит.

Учитывая суть авторского замысла — выявить общее «ядро», единый универсальный центр в представлениях интеллигенции, вне зависимости от ее политической ориентации, сословной, национальной, региональной, поколенческой идентификации, — можно сказать, что предлагаемая исследовательская модель логична, не противоречива и достаточно продуктивна. Во-первых, *академический интерес* представляют поиски универсалий в мире идей и смыслов русских интеллектуалов. В подавляющем большинстве исследований именно политическая ангажированность, реже — профессиональная или региональная принадлежность русских интеллигентов изучаемой эпохи объявляются ключевыми детерминантами их мировоззрения и, как правило, именно названные параметры диктуют тематику значительной части работ по истории интеллигенции. Это свидетельствует о живучести мифа, созданного

во второй половине XIX века и взятого на вооружение марксистской методологией, о жесткой зависимости индивидуального мировоззрения от референтного «направления» (политического течения, «толстого» журнала, салона, кружка и прочих институтов общественного мнения). Между тем, работы специалистов по политической истории В. Я. Гросула, В. В. Зверева, В. В. Журавлева, Г. С. Игенберга, В. А. Твардовской, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтовой и др., написанные в последние десятилетия, с очевидностью демонстрируют многочисленные совпадения позиций либералов и консерваторов по многим ключевым вопросам российской жизни середины — второй половины XIX века, доказывают единство интеллектуальных истоков ведущих общественных течений пореформенной эпохи.

Во-вторых, авторская интерпретация влияния вестернизации на самоидентификационные искания русских интеллигентов XIX века имеет *мировоззренческое значение* и представляется актуальной для современных интеллектуалов, задумывающихся над своей личной и групповой идентичностью. Вопросы, адресуемые Т. А. Сабуровой к «интеллигентскому» нарративу последнего века Просвещения, выбор источников для поиска ответа на них, способы организации собственного текста в такой же степени отражают внутренний мир, исследовательскую лабораторию, тематические пристрастия автора книги, как и описанные фрагменты сконструированного ею русского интеллектуального мира/мифа. Явное присутствие автора в тексте делает его прочтение захватывающим процессом: побуждает стремление предугадать авторскую логику, провоцирует на «подстрочные» вопросы и возражения, порождает диалог с уже прочитанным текстом. Авторская рефлексия по поводу результатов и перспектив своего исследования, выбора методологических ориентиров, специфики своей работы с источниками, интерпретация трудов предшественников, без сомнения, полезна для нового поколения историков, пытающихся не только объяснить, но и понять прошлое и профессионально сформулировать к нему собственные вопросы.

Особый интерес представляют наблюдения Т. А. Сабуровой о контекстах и результатах актуализации образов античности в историческом сознании и об их влиянии на формирование поведенческих образцов у русской интеллектуальной элиты; о воздействии рецепции античности на формирование национальных образов прошлого в отечественной историографии; о мифологических основах дискуссии о «начале» и первых «культурных героях» рос-

сийской истории; о динамике и соотношении космологического и исторического восприятия времени в темпоральных представлениях русской интеллигенции XIX века; о вариантах освоения/присвоения рационалистических (модернизированных) западноевропейских культурных традиций в рамках мифологического (традиционного) сознания, характерного для русского общества.

Любопытными и в значительной степени новыми представляются выводы Т. А. Сабуровой о природе русского европоцентризма; о наборе «географических» приоритетов русских интеллектуалов в Западной Европе; о подвижности и символической насыщенности границы Европы и России на ментальных картах образованных русских; о мировоззренческих оттенках в создании мифологем Запада в российском общественном мнении. Остается сожалеть, что вне сферы данного исследования остались образы «внутренней» России, символическая маркировка составных частей «тела» империи. Было бы уместно упомянуть о месте столиц, провинциальных «дворянских гнезд», «мятежной» Польши, «дикого» Кавказа, «инородческих» окраин в модели мира русских интеллигентов. Среди вопросов, оставшихся «открытыми» после неоднократного, вдумчивого прочтения текста и порожденных им сомнений, упомяну следующие, представляющиеся мне наиболее существенными.

1. Основными «героями» монографии стали люди и тексты, знаковые для русской культуры XIX века — разножанровые источники, оставленные Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским, декабристами, А. И. Герценом, А. В. Никитенко и иными представителям русской культурной элиты (общий список источников включает 136 опубликованных текстов, подавляющее большинство которых относится к первой половине века). Сомнения порождает не количество привлеченных источников, а их выбор. Насколько названные в упомянутом списке люди идентифицировали себя как представителей русской интеллигенции, насколько их идеи и поведенческие мотивы были типичны для всей изучаемой социальной группы? Не привлекая, например, тексты, оставленные провинциальными интеллигентами, вряд ли можно судить об общих компонентах модели мира всей русской интеллигенции.

2. Объяснимое стремление автора уйти от рабочего определения «интеллигенции» (в тексте в качестве синонимов употребляются понятия «интеллектуальная элита», «общество») в итоге провоцирует на вопрос о том, каков состав той социальной группы, модель мира кото-

рой деконструируется в монографии. Входили ли в ее состав, например, “интеллигентные” крестьяне (в Сибири это Т. М. Бондарев, Ф. Ф. Девятов и др.), или состоявшие на службе империи чиновники — просветители российских окраин? И вновь возникает сомнение в том, насколько идеи интеллектуальной элиты, людей, названных В. Г. Рыженко «штучными интеллигентами», можно экстраполировать на других представителей этого социокультурного сообщества?

3. Хронологические границы исследования охватывают XIX столетие, они убедительно аргументированы автором и представляются вполне разумными. Только промежуток большой длительности дает возможность проследить эволюцию темпоральных и пространственных представлений русских интеллектуалов, выявить изменения содержания основных концептов в их тезаурусе и предположить факторы, повлиявшие на мир идей русской интеллигенции. Однако в тексте монографии основное внимание уделено первой половине столетия. Между тем, реформаторские потрясения середины — второй половины века, активизировавшие модернизационные изменения в общественном сознании, увеличившие численность образованных русских, не могли не повлиять на динамику и содержание их социокультурных представлений, запечатлев, например, в историческом сознании современников образ эпохи «нигилизма». Изменение геополитических ориентиров, расширение империи за счет увеличения «азиатских территорий» актуализировали образ Востока в русском интеллигентском дискурсе, породив в нем «ориенталистские» мотивы.

В работе есть описательные фрагменты, порой уязвимые с точки зрения конкретно-исторического анализа и имеющие иллюстративное, вспомогательное значение. Однако не они определяют общее впечатление от работы. Основным достоинством и смыслом монографии является ее методологическая «сердцевина», заключающаяся в детальной разработке модели мира русских интеллектуалов; в определении предметных и проблемных полей, источников, методов, при помощи которых возможно реконструировать содержание коллективных и индивидуальных социокультурных представлений; в способах деконструкции и вариантах прочтения «интеллигентских» мифов, порожденных интеллектуальной элитой в процессе самоидентификационных исканий.

РЕЦ.: КАНЕРВА, ЛИИСА. МЕЖДУ НАУКОЙ И РИСУНКОМ. ПРЕЛОМЛЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ ВИТРУВИЯ У РЕНЕССАНСНЫХ ТЕОРЕТИКОВ АРХИТЕКТУРЫ. ХЕЛЬСИНКИ: ФИНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И СЛОВЕЧНОСТИ, 2006. 203 P. (KANERVA, LIISA. BETWEEN SCIENCE AND DRAWINGS. RENAISSANCE ARCHITECTS ON VITRUVIUS'S EDUCATIONAL IDEAS. HELSINKI. FINNISH ACADEMY OF SCIENCE AND LETTERS. 2006. 203 P.).

Недавно вышедшая из печати работа Лиисы Канерва заслуживает внимания новым подходом к изучению восприятия в эпоху Возрождения идей крупнейшего римского теоретика архитектуры Витрувия, автора «Десяти книг об архитектуре». Тема возникла в историографии давно, как только был поднят вопрос о воздействии античного искусства на ренессансную художественную теорию и практику. Новаторской работу Л. Канерва делает необычный аспект проблемы: исследовательница ставит задачу посмотреть, как требования римской теоретической мысли, предъявляемые к тем, кто профессионально занимается архитектурой, были усвоены и переосмыслены писателями, выступившими в эпоху Возрождения наследниками и продолжателями Витрувия.

Основными источниками работы стали труды ренессансных архитекторов XV–XVI вв., посвященные их ремеслу, — Леона Баттиста Альберти, Филарете, Франческо ди Джорджо Мартини, Джанбаттиста Капорали, Себастиано Серлио, Чезаре Чезариани, Пьетро Катанео, Андреа Палладио, Джорджо Вазари, Джан Доменико Скамоцци, Федерико Цуккаро; использовался также перевод на итальянский язык труда Витрувия, выполненный в конце XV в. гуманистом Даниеле Барбаро. Очень важно и то, что исследовательница не ограничилась только текстами архитекторов, дополнив их произведениями мастеров изобразительных искусств и гуманистов — Ченнино Ченнини, Лоренцо Гиберти, Марсилиа Фичино, Леонардо да Винчи, Джованни Пико делла Мирандола, Антонио Манетти, Бальдассаре Кастильоне, — дающими дополнительный материал для разработки избранной темы и изучения ее в более широком контексте духовной жизни эпохи.

Возобновление интереса к Витрувию началось, пишет Л. Канерва, в первые десятилетия XV в. Хотя и в средние века в некоторых книжных собраниях имелись копии сочинения римского автора, обобщившего опыт античной архитектуры, тем не менее, к этому труду не обращались как к практическому пособию, не интересовались, что в нем сказано о зодчестве, какие требования предъ-

являлись к строительному мастеру. Первое его печатное издание состоялось после 1486 г., а в 1511 г. стараниями фра Джокондо, близкого к Рафаэлю исследователя римских древностей, вышла его иллюстрированная публикация; самые ранние печатные переводы на итальянский язык работы Витрувия были осуществлены стараниями Чезариано и Капорали в 1521 и 1536 гг. Все эти и последовавшие за ними издания сделали архитектурный труд Витрувия доступным широким кругам занятых строительным делом ренессансных мастеров. Но — и на этом справедливо заостряет внимание исследовательница — ренессансное прочтение текста Витрувия имело свои особенности, ибо между античным мыслителем и его последователями XV–XVI вв. сохранялось «фундаментальное несходство в мировосприятии, обусловленное значительными различиями в религиозных верованиях» (Р. 34-35). Возрождаемая культура античности, пишет Л. Канерва, передавалась в христианских понятиях; и в целом любая идея, почерпнутая у древних или формулируемая впервые, могла быть принята в ренессансную эпоху, только если она примирена и соответствует «принятому в христианстве порядку вещей». Этим и было обусловлено новое прочтение текста Витрувия: в некоторых случаях христианский взгляд приводил к «бессознательному искажению смысла», в других — к «вполне сознательному приспособлению» рекомендаций античной архитектуры. Пример последнего можно найти в рассуждениях Серлио: дорический ордер, использованный древними для возведения храмов, посвященных Юпитеру, Марсу, Гераклу и другим сильным и мужественным богам и героям, годится и для сооружений в честь Иисуса Христа, святых Петра, Павла, Георгия и некоторых других, проявивших твердость и стойкость в вере; наоборот, коринфский ордер женственен и подходит для храмов в честь Девы Марии и всех святых девственниц (Р. 36-37).

В средние века в иерархии видов деятельности наука (*scientia*) ставилась куда выше искусства (*ars*) постольку, поскольку первая относилась к сфере умственных занятий (считавшихся сродни ангельским), вторая же — к ремесленной, ручной, механической работе. Возвышение архитектуры в эпоху Возрождения и, соответственно, труда зодчего обосновывалось тем, что наука, или теория, признавались его характерной особенностью (Р. 50). Таким образом, архитектура, по-видимому, раньше других видов художественной деятельности — прежде живописи и скульптуры — пере-

стала относиться к механическим искусствам (т. е. ремеслам); во всяком случае архитектура претендовала на первенствующее по сравнению с живописью и скульптурой положение (Р. 70). Отсюда и особые требования к образовательной программе зодчего. Он, в частности, теперь обязан был иметь хорошую литературную подготовку, знать античную словесность, историографию. Об этом писал уже Витрувий, и ренессансные авторы, похоже, только повторяли его тезисы. Однако, следуя ему, они невольно трактовали его мысли по-своему. Витрувий, например, настаивая на знании архитектором истории, имел в виду осведомленность о происхождении и первоначальном значении тех или иных конструктивных или орнаментальных приемов зодчества, тогда как у его ренессансных последователей, начиная с Альберти, история — повествовательный сюжет назидательного или познавательного характера, взятый из древней литературы и воплощаемый в стенной росписи и скульптурном обрамлении сооружений (Р. 68-69). Благодаря такой незаметной ревизии текста Витрувия его требование делалось понятнее для мастеров Возрождения, выросших в окружении произведений церковного искусства, которые призваны были воплотить определенное нарративное и дидактическое содержание.

Сходным образом новые по сравнению с Витрувием подходы обнаруживаются у ренессансных писателей и к нравственным качествам зодчего. Витрувий полагал, что зодчий ничего не в состоянии сделать как следует без веры (*fide*) и целомудрия (*castitate*), подразумевая верность и неподкупность; в эпоху Возрождения в этих словах увидели требование, столь понятное для христианского сознания, верить в трансцендентную реальность и воздерживаться от телесных удовольствий. Такие же различия обнаруживаются и в ренессансной трактовке иных свойств, желательных для архитектора, согласно Витрувию; а Филарете выдвинул вместо них семь традиционных добродетелей христианской морали (Р. 76-77). Сходным образом пороки, которых должен чуждаться архитектор, понимались по-разному: Витрувий предупреждал против высокомерия и сребролюбия, для Альберти же главными недостатками являлись легкомыслие, упрямство, невоздержанность и все, что может спровоцировать враждебность сограждан (Р. 76-79).

Особенностью архитектурной теории Возрождения, сходной с предшествующими эпохами, была, как показано в работе Л. Канерва, органическая концепция не только мира, но и государства,

города, отдельного сооружения. Любое целое рассматривалось как иерархия взаимосвязанных явлений, из коих одни образуют более высокие порядки, другие — более низкие, подобно разным членам человеческого тела. Соответственно этому Альберти и иные писатели-архитекторы разрабатывали иерархию зданий в городе, формы коих должны представлять ранг учреждений, в них размещающихся, или общественное положение их владельцев (Р. 85-88).

Надлежащая подготовка архитектора обязательно предполагает знание математики, о чем писали Витрувий и архитекторы XV–XVI вв. Однако для них математика — это не только искусство счета и вычисления, «нынче используемое в особенности купцами», как о нем пренебрежительно отзывался гуманист Джованни Пико делла Мирандола. Ибо математика — это также и наука о числах, имеющих свое внутреннее содержание и различающихся как по величине, так и по присущим им качествам, с которыми должен уметь соотносить свои постройки сведущий архитектор. Например, нечетные числа считались носителями духовного начала, четные — материального, как это было принято в пифагорейско-платоновской традиции, видевшей в числах метафизические принципы, дающие ключи к постижению универсума. Христианство в дополнение к этой создало свою систему числовых символов, в которой три обозначало Божественную Троицу, четыре — число евангелистов, пять — ран Христовых, восемь — его Воскресение, двенадцать — число апостолов и т. п. И архитектор Возрождения, создавая математический расчет имел в виду не только число как некое количество, но и его так сказать «качественную» сторону, или мистическое значение, которое должно быть согласовано с такими же значениями всех других чисел, используемых в сооружении (Р. 127-129). Бывало и так, что то или иное число с определенным символическим содержанием бралось за основу постройки — например, в трактате Филарете описан храм семи добродетелей и пороков, в котором семь основных покоев и все части его заключают число семь, непосредственно или в комбинациях с другими числами (Р. 131). Словом, как показано в работе Л. Канерва, математические выкладки ренессансных зодчих имели определенную идеологическую составляющую, которую можно понять, беря в расчет числовую символику античной традиции, усложненную средневековым христианским отношением к числу как к некоему сакральному началу.

Точно так же, показывает исследовательница, нужно проявлять осторожность в оценке “достижений” ренессансной оптики. Хотя именно мастерами Возрождения была открыта и использована в их произведениях линейная перспектива, однако идея однородного пустого пространства им не была известна. Весь мир, по представлениям того времени, впрочем, не отличающимся от античных, заполнен четырьмя первоэлементами — стихиями земли, воды, воздуха и огня, и являет собой их различные комбинации. В своих творениях ренессансные мастера искусства стремились в перспективном построении конструировать не пространство, но конкретное место, соответствующим образом располагая в нем архитектурный, как и любой другой художественный объект (Р. 153-154, 188).

Наконец, важные смысловые особенности приобрело понятие рисунка (*disegno*), который, особенно в XVI в., приравнивался к науке, а порой даже ставился выше ее. Искусство рисунка — это уже не ремесло в традиционном понимании, а более высокий вид деятельности. Ибо, по Вазари, рисунок — это зримое выражение идеи, сформированной в душе; а Цуккарро идет еще дальше, понимая *disegno*, рисунок, как некую «духовную форму, созданную умом», выражающую сущностную природу объекта, которая лежит в основе всех частных его проявлений (Р. 169-170).

Суммируя все наблюдения о ренессансной интерпретации образовательной программы архитектора, содержащейся в трактате Витрувия, исследовательница справедливо подчеркивает глубокое воздействие христианства на то, как усваивались идеи античного мыслителя. Картину мира, господствующую в архитектурных трудах Возрождения, она называет «христианизированным аристотелизмом»: аристотелевский взгляд, полагающий гармонию и равновесие стихий силой, которая сохраняет мир в единстве, дополнен признанием, характерным для христианской мысли, вселенского порядка как иерархии взаимосвязанных друг с другом явлений (Р. 188). Что касается образа идеального архитектора, выработанного теоретиками Возрождения, то он предстает как своего рода “гибрид”, сочетающий черты высокой образованности и культуру художественных мастерских, впрочем, имеющую мало общего с выучкой строителей традиционного типа, членов гильдий каменщиков; в его подготовке возрастает, как показано в книге, роль искусства рисунка, которое самым непосредственным образом находит применение в его практической деятельности (Р. 190).

Признавая основные наблюдения и выводы автора убедительными и хорошо аргументированными, в важнейших моментах уточняющими наши представления о культуре ренессансной эпохи, особенно в части ее художественной идеологии, вместе с тем, по поводу некоторых тезисов, сформулированных в книге, нужно высказать замечания и возражения. Прежде всего следовало бы обратить более пристальное, чем это сделано в работе, внимание на “эмансипацию” в эпоху Возрождения искусств (разумеется, главным образом архитектуры) от цеховых, ремесленных ограничений и признание за ними особого статуса занятий, причастность которым требует особых дарований, некоего “божественного вдохновения”. Кстати, разработка этой темы, активно исследуемой в историографии, обнаружила бы немалое влияние платонизма на художественную мысль Возрождения и поставила бы под сомнение утверждение Л. Канерва о незначительных следах этой философской системы в сочинениях ренессансных писателей-архитекторов (Р. 188). Уместно заметить также, что осязаемые следы платоновского учения об идеях можно обнаружить и в концепциях рисунка, которым в монографии финской исследовательницы уделено должное внимание.

Обсуждения требуют некоторые конкретные утверждения, сделанные в работе. Так, в ней говорится, что итальянское слово *artista* в XV в. обозначало университетского студента (Р. 15); здесь следовало бы добавить, что оно было применимо главным образом к студентам факультетов искусств (*atrium*), считавшихся начальной ступенью университетского образования. Автор справедливо замечает, что отношение к астрологии в эпоху Возрождения было неоднозначным, среди людей науки и церкви находились и ее приверженцы, и ее противники, к которым отнесен известный философ-неоплатоник Марсилиус Фичино (Р. 94); подобное утверждение ошибочно, потому что Фичино как раз в большей степени известен как сторонник и популяризатор астрологической науки, за что подвергался критике, в частности, со стороны своего друга Джованни Пико делла Мирандола, перед которым вынужден был оправдываться за это свое увлечение.

Высказанные выше претензии к рецензируемой работе не заслоняют ее несомненных достоинств в качестве оригинального и интересного исследования, которое заслуживает того, чтобы на него обратили самое пристальное внимание специалисты.

О. Ф. Кудрявцев

SUMMARIES

I. E. Rudkovskaya

**The political world of Ancient Rus'
in the main work by N. M. Karamzin**

The article is dedicated to research the political universe of ancient Russia in the "History of Russian State" by N. M. Karamzin. The author pays attention to some problems: a) Karamzin becoming a historian due to the acceleration of political dynamics in the early XIXth-century Russia, and to the beginning of a dialogue with homo politicus influenced by native and Anglo Scottish historiographical traditions, of a philosophic ideas of the Enlightenment, especially that of I. Kant; b) the role of monarchic, aristocratic and democratic foundations in the political system of Kiev Russia; c) origins of Russian rulers, their influence; d) the relationship between the state and the church in the medieval Russia; e) war and peace in the historiographical legacy of N. M. Karamzin.

M. V. BiBikov

Christian Aion: Aspects of sacralization

The texts of New Testament Have reflected wide spectrum of meanings of the name Aion (century, age, eternity etc.), accumulating the verbal images of Hellenistic-Roman tradition including Gnostic as well as Judeo-Christian, pagan and apocryphal eschatological traditions. In the general meaning of time as a substation of "longue durée", the New Testament Aion was characterized as a temporal extent without beginning and end. Early Christian tradition step by step began to associate the category of Aion with theological concepts. Finally it became a name of God.

E. Yu. Vanina

Time as viewed by medieval Indians

The article analyses temporal perceptions of medieval Indians as reflected in various written sources. It begins with depicting the traditional methods of time reckoning and proceeds to the concepts of cyclical and linear time that were, contrary to the established notions, not mutually exclusive but overlapping. Special emphasis is given to the problem of historical time as viewed by medieval Indians. Recent research has made it possible to refute the Orientalistic concepts of the "a-historicity" of pre-modern Indian civilization. The author discusses historical perceptions as reflected in various literary genres. The article also throws light on the way medieval Indians viewed temporal aspects of human life and the impact of time on the society. Comparison of medieval Indian and European perceptions of time makes it possible to delineate both the

peculiarities of pre-modern India and its congruence with the general paradigms medieval temporality.

O. V. Vorobieva

**A. J. Toynbee in search for understanding of history:
an intellectual biography**

The article shows the life and work of the British Historian A. Toynbee, starting from his childhood as a formative stage. The author tells one about Toynbee's professional career and his writings in connection to the developments in his personal life — his religious conversion etc.

A. H. Gorfunkel

399 monographs by Bruno Nardi

The article is dedicated to the writings by a well-known Italian historian of Philosophy, Bruno Nardi. His main object of research was Dante and his influence on medieval philosophy and literature. The article also deals with Nardi's views on religion, and his relations with the Catholic Church, his colleagues.

B. G. Mogil'nitskij

**Life and works by A. N. Danilov: the problem of continuity
in the development of Russian historical theory in the XXth c**

The article views the problem of continuity and breaks in transformation of Russian historical and theoretical thought of the XXth century through the focus of life and creative work of an outstanding Soviet historian A. I. Danilov. The author reveals particular features of continuity that characterize a national style of Russian history writing, he examines their use by the historians of Tomsk historiography school, created by A. I. Danilov. Special attention is paid to the clarification of their dialectical connection to innovations. A considerable part of the article is devoted to basing of the significance of moral component in historical knowledge.

M. I. Batser

Tawny or Cerridge?

Two interpretations of the XVIth-century agrarian problem

The article analyses the opposing views of two British historians — R. Tawny and E. Cerridge on the enclosures in the XVIth-century England. The author accepts the Tawny's position and criticises the Cerridge's ideas from the orthodox Marxist point of view, for ignoring social conflict in English villages of the epoch.

M. S. Petroff
Macrobius' Treatment of Greek Sources
in the Commentary on the 'Dream of Scipio'

The article attempts to define Macrobius' Greek sources for the teaching on the constitution of the world and the descend of the individual soul into bodies. Among such sources are Plato, Plotinus, Porphyry, Numenius, Plutarch, Nicomachus, ps.-Iamblichus. Particular instances of Macrobius' borrowings are indicated such as Plut. *De primo frigido* 19 [953E – 954] — in *Macr. Comm.* I, 22, 6; Plut. *De facie* 940CD, 943E, 945C, 940F — in *Macr. Comm.* I, 11, 4-11. The possibility to reconstruct a fragment from the lost work of Macrobius is suggested on the basis of *Comm.* I, 3, 18-20. The conclusion is drawn that not only *Comm.* I, 3, 18 but also I, 3, 20 is a quotation from Porphyry. This accords with the method of quotation Macrobius uses elsewhere. Hierocles' *In aureum Pythagoreorum carmen commentarius* is treated as the background for the work of Macrobius.

M. P. Belousov
The importance of marginalia in the lists of boyars
for the studies of the Russian court

The article presents a first study of notes and marginalia on the boyar lists of 1645–1667. The Boyar lists were annually made in Moscow department of the Razryadny prikaz. They gave date suitability to service, placement and the details of service. The analysis is based on the study of the 31-st boyar list stored in fund of the Razryadny prikaz of the Russian state archive of ancient acts. Studying of marks has allowed to reveal biographic data of the Court members and to characterize their various service activity. As a whole, results of research show, that studying of the Sovereign's court of Russia of the middle of XVII century is impossible without using the boyar lists — a unique and versatile source, that containing wealth of information .

Yu. Ya. Vin
New Electronic resources
and the principles of studying authentic notions

The main aim of this research is to reveal the general principles of functions of authentic notions and terms in the text in order to interpret adequately their semantics and modality. They ought to be brought into comparison with the idiomatic phraseology. The information on lexis and word-combinations are to be used use for construction of the lexical frames and matrix of authentic Notions and Terms. The data on their frequency valences and collocations will be accumulated in such matrix. The lexical matrix, integrating these data, will

allow to compare the lexicons of different historical documents under consideration of the distribution of lexes and their meanings. The data of this matrix will be expedient for the grammatical and semantic systematization of Notions and Terms of Byzantine law. The lexical parallels and correlations may be the most perspective issue of matrix analysis of Notions and Terms also to estimate their similarity and differences in the dependence on language systems (Latin, Greek and Old Slavonic).

Yu. G. Murin

Why hasn't the tiger jumped? Comments to the letters and meetings of M. A. Sholokhov and I. V. Stalin in the 1930s

The article sheds light on some episodes of Sholokhov's life, connected with his 'intercession' for the Peasants from Don region who suffered during the years of collectivization. It is shown that the punishment of whose responsible for repressions was relatively mild, as the policy itself was originated from the Kremlin. At the same time Sholokhov's talent was viewed by Stalin as a mean to glorify him; thus he obviously liked the writer.

Nicholas Ganson

Child Death-rate and State policy in the USSR during the post-war famine

The article deals with revealing the facts of child mortality rate in the USSR in 1946–1947. The author demonstrates the actions of the Ministry of Health intended to save children from malnutrition, as well as the role of orphan houses, hospitals, children's-gardens etc. The article also shows the role of the Soviet Red Cross, as well as the reactions of the Soviet authorities to the phenomenon of child mortality.

Дорогие читатели!

Вы можете подписаться на наше издание
«Диалог со временем», на первое полугодие 2007 года,
в любом отделении связи России.

Подписной индекс 36030
в дополнительном каталоге Агентства «Роспечати».

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

<i>Л. П. Ретина</i> Всеобщая история в Российской интеллектуальной традиции.....	5
<i>К 240-летию со дня рождения Н. М. Карамзина</i>	
<i>И. Е. Рудковская</i> (Томск) Политический мир Древней Руси в главном труде Н. М. Карамзина.....	12
<i>Время — История — Память</i>	
<i>М. В. Бибииков</i> Эон христианский: аспекты сакрализации.....	55
<i>Е. Ю. Ванина</i> Время в восприятии средневековых индийцев.....	71
<i>Интеллектуальная история: персональный аспект</i>	
<i>О. В. Воробьева</i> (Липецк) А. Дж. Тойнби: на пути к постижению истории: очерк интеллектуальной биографии.....	115
<i>А. Х. Горфункель</i> (США) 399 монографий Бруно Нарди.....	170
<i>Историография в XX веке: теория и практика</i>	
<i>Б. Г. Могильницкий</i> (Томск) Творческий путь А. И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века.....	200
<i>С. Б. Крих</i> (Омск) «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века.....	224
<i>М. И. Бацер</i> (Петрозаводск) Тоуни или Керридж? Две интерпретации аграрной проблемы XVI века.....	237
<i>Ad fontes</i>	
<i>М. С. Петрова</i> Греческие источники Макробия.....	247
<i>М. Р. Белоусов</i> (Казань) Значение помет боярских списков для изучения Государева двора России.....	277
<i>Ю. Я. Вин</i> Новые информационные ресурсы и принципы исследования аутентичных понятий и терминов византийских источников.....	337
<i>История в архивах</i>	
<i>Ю. Г. Мурин</i> Почему тигр не прыгнул? Комментарии к переписке и встречам М. А. Шолохова и И. В. Сталина в 1930-х годах.....	357
<i>Николай Гансон</i> (США) Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода.....	377
<i>Читая книги</i>	
<i>Н. Н. Родигина</i> (Новосибирск) Социокультурные представления русской интеллигенции XIX века: новая интерпретация знакомых сюжетов.....	397
<i>О. Ф. Кудрявцев</i> Рец. на: Канерва, Лииса. Между наукой и рисунком. Преломление воспитатель- ных идеалов Витрувия у ренессансных теоретиков архитектуры (2006 г.).....	403
Summary.....	409
Contents.....	414

CONTENTS

Preface

<i>L. P. Repina</i>	
General history in Russian intellectual tradition.....	5
240th anniversary of N. M. Karamzin	
<i>I. E. Rudkovskaya</i>	
The political world of Ancient Rus' in the main work by N. M. Karamzin.....	12
Time — History — Memory	
<i>M. V. BiBikov</i>	
Christian Aion: aspects of sacralization.....	55
<i>E. Yu. Vanina</i>	
Time as viewed by medieval Indians.....	71
Intellectual History: Personal Aspect	
<i>O. V. Vorobieva</i>	
A. J. Toynbee in search for understanding of history: an intellectual biography.....	115
<i>A. H. Gorfunkel (USA)</i>	
399 monographs by Bruno Nardi.....	170
XXth-century Historiography: Theory and Practice	
<i>B. G. Mogil' nitskij</i>	
Life and works by A. N. Danilov: the problem of continuity in the development of Russian historical theory in the XX th c.....	200
<i>S. B. Krikh</i>	
"The Slaves' Revolution" in the Soviet Historiography of the 1930s.....	224
<i>M. I. Batsler</i>	
Tawny or Cerridge? Two interpretations of the XVI th -century agrarian problem.....	237
Ad fontes	
<i>M. S. Petroff</i>	
Macrobius' Greek sources	247
<i>M. P. Belousov</i>	
The importance of marginalia in the lists of boyars for the studies of the Russian court.....	277
<i>Yu. Ya. Vin</i>	
New Electronic resources and the principles of studying authentic notions and terms in Byzantine.....	337
History in archives	
<i>Yu. G. Murin</i>	
Why hasn't the tiger jumped? Comments to the letters and meetings of M. A. Sholokhov and I. V. Stalin in the 1930s.....	357
<i>Nicholas Ganson (USA)</i>	
Child Death-rate and State policy in the USSR during the post-war.....	377
Reading books	
<i>N. N. Rodigina</i>	
Social and cultural views of the XIX th -century Russian intelligentsia: a new interpretation of familiar themes.....	397
<i>O. F. Kudryavtsev</i>	
Review: Liisa Kanerva, Between science and drawing: Renaissance architects on Vitruvius' educational ideals (2006).....	403
Summary.....	409